

religion_rel
sci_history
nonfiction

ФЕЛИКС
КАНДЕЛЬ

Очерки времён и событий из истории российских евреев [том 2](1881 – 1917)

ru
ru

Book Designer 5.0, FictionBook Editor Release 2.6
25.05.2010
BD-D471F5-6AC7-104B-0893-2766-B869-4C4043
1.2

Очерки времён и событий из истории российских евреев [том 2](1881 – 1917)
«Гешарим – Мосты культуры»
Иерусалим-Москва
2002
5-93273-097-8

ФЕЛИКС КАНДЕЛЬ
ОЧЕРКИ ВРЕМЕН И СОБЫТИЙ ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКИХ ЕВРЕЕВ(Часть вторая: 1772-
1882 годы)
Том 2

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР МАРК КИПНИС

Ассоциация "Тарбут"
Иерусалим
1990

"Очерки времен и событий", часть вторая - естественное продолжение предыдущей книги с тем же названием, повествование в которой было доведено до второй половины восемнадцатого века.

В этой книге мы продолжаем рассказ об истории евреев Российской империи - с 1772 по 1882 год. От первого раздела Польши, когда десятки тысяч евреев стали российскими подданными, и до погромов 1881-82 годов, которые обозначили веху на их историческом пути.

Автор прочитал много работ на эту тему, разбросанных по книгам и журналам, перелистал старые газеты, воспользовался и воспоминаниями очевидцев, чтобы пересказать затем в хронологической последовательности - год за годом, событие за событием. Порой автора

увлекал стиль записей прошлого, которому невольно хотелось подражать, порой это была удачная фраза, которую стоило сохранить, - можно сказать, что эти очерки вместе с автором писали и те, кого не оставила равнодушной история российских евреев. Эти люди были ближе, чем мы, к событиям нашей книги; они острее ощущали атмосферу, нерв той эпохи, - еще и поэтому хотелось использовать их свидетельства и оценки, их боль, отчаяние и радость. Всем им, неназванным, сохранившим по крупицам нашу прежнюю жизнь, глубокий поклон и признательность. Мы сможем отблагодарить их по-настоящему, если, в свою очередь, оставим и наши свидетельства, чтобы идущие за нами составили в будущем хронику еврейской жизни нашего времени.

"Пойдем и будем работать"...

Иерусалим, 1990 год.

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ

В середине восемнадцатого века жило в Европе более полутора миллиона евреев - в тесноте, нищете, унижении и несправедливости. Условия их существования диктовали правительства, землевладельцы и магистраты городов, и это были отношения между хозяевами и пришельцами, даже если эти пришельцы и жили в данной стране уже много веков. Им отводили места для жилья и разрешали заниматься определенными промыслами на определенных условиях, чтобы их конкуренция не вредила коренному населению. Юридически евреи были временными жильцами повсюду, на любой земле, можно сказать - вечными иностранцами, но если прочих иностранцев защищали договоры между странами, то у евреев не было своего государства на земном шаре, и ни один международный договор на них не распространялся. За право жительства евреи платили особый подушный налог, как его называли - налог "за покровительство", налог "за терпимость", а также другие специальные налоги: это была как бы повышенная квартирная плата с бездомных и безответных жильцов, у которых не было своего места на земле. В некоторых странах закон даже ограничивал прирост еврейского населения и определял максимальное число браков в каждой семье. В Моравии, к примеру, по особому "семейному закону" только старший сын в еврейской семье мог вступать в брак, "чтобы число семейств не увеличилось", - и этот закон существовал там до середины девятнадцатого века. Во всех германских государствах было тогда около двухсот тысяч евреев, и каждое из государств устанавливало преграды на своих границах. Переезжая из страны в страну и даже из города в город в пределах одной страны, еврей должен был платить особую пошлину. И у ворот каждого города, и на границе каждого германского государства повторялась одна и та же унижительная процедура с неизменными издевательствами: со всякого еврея брали точно такую же поголовную пошлину, какая была установлена для ввоза скота. "Есть государства (в составе Германии), - писал в 1781 году прусский экономист, историк и дипломат Христиан Вильгельм Дом, - где жительство евреям совершенно запрещено, где только путешественникам разрешается за определенную плату пользоваться покровительством местной власти, иногда на одну ночь... Если еврейский отец имеет нескольких сыновей, то только одному из них имеет он право оставить льготу на проживание в стране, а прочих он вынужден отправлять в другие страны, где им приходится преодолевать такие же затруднения... Земледелие еврею запрещено, и почти нигде ему не разрешается непосредственно владеть недвижимым имуществом. Всякий ремесленный цех считал бы бесчестьем для себя, если бы обрезанный был принят в число его членов..., а народная масса не может - даже ради выдающихся качеств ума и сердца - простить таким людям вину их принадлежности к еврею... Каждый рождающийся ребенок увеличивает налог, которым еврей отягощен, каждый шаг его обложен данью". А другой свидетель того времени писал: "Отношение к еврею и христианину можно сравнить с отношением к двум вьючным животным: оба тянут воз, а

когда доходит до кормления, одно получает овес, а другому предоставляется право подбирать сорную траву на обочине".

Во Франкфурте-на-Майне была одна из самых крупных еврейских общин Германии.

"Представьте себе, - писал современник, - длинную улицу, застроенную домами в пять и шесть этажей, к которым сзади примыкают еще дома и пристройки, так что узенький двор едва пропускает дневной свет. Все уголки в этих домах до крыши, все комнаты и каморки битком набиты тысячами человек, которые считают себя счастливыми, когда они выходят из этих нор, чтобы подышать свежим воздухом своей грязной и сырой улицы". Из еврейского квартала жителей выпускали только по делам и в определенные часы; в городе им запрещали ходить по тротуарам, приближаться к зданию ратуши или гулять по бульварам; а к вечеру стража запирала ворота и никого уже не выпускала наружу до утра. "Евреи... были предметом нежнейших забот со стороны своих правителей, - с иронией писал один из жителей этого квартала. - По воскресным дням им не позволяли выходить со своей улицы, чтобы их не избил пьяные. До двадцатипятилетнего возраста им не разрешали жениться, - конечно же, для того, чтобы обеспечить им крепкое и здоровое потомство. В праздничные дни им можно было выходить за ворота лишь около шести вечера, чтобы предохранить их от палящих лучей солнца... По некоторым улицам города евреям вообще запрещали ходить: вероятно, потому, что там была плохая мостовая". Даже в коронационные дни евреи сидели взаперти в своем квартале, и только некоторые счастливики милостиво получали особые пропуска, на которых было написано: "Предъявитель сего может быть отпущен из еврейского квартала в город в предстоящий день коронации, но при условии, чтобы он смотрел на торжество из окон какого-нибудь дома или с подмостков, но отнюдь не на улице".

В бывших германских областях Эльзасе и Лотарингии, перешедших к Франции, было около тридцати тысяч евреев. Их заставляли покупать право на передвижение, право на работу и право на жительство, которое не распространялось на их детей. Когда евреи пожаловались на это в Высший Совет Эльзаса, они получили такой ответ: "Еврей не имеет определенного местожительства; он осужден на вечное скитание. Этот рок за ним следует повсюду и говорит ему, что он не может себе позволить постоянную оседлость. Поэтому возмутительно, что представитель этой осужденной нации хочет заставить землевладельца дать ему покровительство на том лишь основании, что... этот еврей там родился". Страсбург, столица Эльзаса, был закрыт для евреев; их пускали туда только по делам, на несколько дней и под надзором полиции. В Париже позволяли жить лишь небольшой группе южнофранцузских евреев. Всякий иной еврей, оказавшись в столице Франции, попадал под надзор особой "инспекции для бродяг и евреев". Полицейские комиссары устраивали вечерние и ночные облавы и тащили в тюрьму тех, у кого не оказывалось документа на жительство.

Покоя не было нигде. В Пруссии, к примеру, власти неожиданно решили изгнать неимущих евреев из страны, и многие из них стали скитаться на границе с Польшей, потому что польские власти тоже не желали их принимать. В немецкой части Швейцарии - с ее республиканским правлением - евреям разрешили жить только в двух городках, но запретили покупать землю, заниматься цеховыми ремеслами, жить в одном доме с христианами и чересчур размножаться. В Швецию их не впускали ни под каким видом - "для предохранения чистой евангельской веры", а когда сам король разрешил одному ювелиру поселиться в Стокгольме, это вызвало всеобщее возмущение против монарха, который посмел "осквернить страну". В Англии в 1753 году наконец-то приняли билль о натурализации евреев, но этот закон, касавшийся всего лишь нескольких тысяч человек, вызвал в стране такую бурю протестов, что парламент тут же отменил его.

Христиан Вильгельм Дом призывал всякое государство в Европе - для собственного блага - уравнивать евреев в гражданских правах, чтобы получить "верных и благодарных подданных".

"Евреи нравственны, прилежны, преданы делу, - писал он. - Домашняя жизнь их отличается большой простотой. Они, по большей части, хорошие мужья и добрые отцы семейств. Брачная жизнь их чиста и преступления против целомудрия встречаются среди них гораздо реже, чем у других народов. Их бедные не являются тягостью для государства, так как община поддерживает их своими средствами. Они повсюду преданы государству и в минуты опасности обнаруживают такое рвение, какого даже невозможно ожидать от столь мало благоприятствуемых членов общества".

Казалось бы, что может быть лучше? Но примерно в то же самое время папа Пий VI обнародовал специальный "Эдикт о евреях", в который вошли самые жестокие ограничительные законы всех времен. Евреям в Риме запрещали жить вне гетто, даже оставаться в городе на одну ночь - под страхом телесного наказания и штрафа. Их обязали носить постоянно и повсюду - "для отличия от других" - кусок желтой материи, пришитый к шляпе. Еврей не мог продавать христианам мясо и молоко, нанимать их в слуги и кормилицы, приглашать акушерку из христиан, есть, пить и даже беседовать с христианами в домах, трактирах и на улицах. Любую еврейскую книгу, купленную или полученную в подарок, следовало отдавать в особую цензуру, а за непослушание полагалось наказание - семь лет тюрьмы. Не разрешали хоронить евреев с церемониями - чтением псалмов и зажженными свечами и ставить на могилах памятники с надписями. Запрещали строить новые синагоги и ремонтировать старые, а в дни христианских праздников жители гетто должны были работать в своих домах непременно при закрытых дверях.

Этот эдикт расклеили на улицах и площадях Рима, толпы собирались возле плакатов, и вскоре уличные нападения на евреев стали обычным явлением, порой с грабежами и убийствами. Один французский писатель отметил тогда, что в Риме евреям живется хуже, чем где бы то ни было в Европе. "Спрашивают, - писал он, - когда же евреи обратятся в христианство? Я же спрашиваю: когда христиане обратятся к терпимости?"

В Российской империи, в первой половине восемнадцатого века, евреи жили постоянно только в Малороссии, на Смоленщине и в присоединенной незадолго до этого Лифляндии. Их было там считаное количество, и перепись еврейского населения Малороссии в 1739 году дала такие результаты: двести девяносто два мужчины и двести семьдесят одна женщина. Эти люди пришли из Польши и поселились без разрешения на Левобережной Украине, где со времен погромов Хмельницкого не оставалось практически ни одного еврея: одних убили, других угнали в плен или насильно крестили, а остальные бежали.

Еще Екатерина I особым указом постановила выселить всех евреев за пределы государства, и чтобы остаться в России, надо было непременно принять христианство. Исключение сделали лишь для Зунделя Гирша, который поставлял серебро на Монетный двор. Чтобы казна не понесла убытков, власти разрешили ему временно оставаться в Петербурге, "а как по контракту то серебро поставит сполна", то и его "выслать из России за рубеж немедленно". Евреев изгоняли при Екатерине I, изгоняли их и при императрице Анне Иоанновне, но некоторые опять возвращались на прежние места и жили незаконно под защитой местных помещиков, которые нуждались в купцах, арендаторах, винокурах и корчмарях. Их снова изгоняли, и снова они возвращались в Малороссию, потому что из Польши евреев гнала нужда и идти было практически некуда.

Затем подошла очередь Елизаветы Петровны, которая нетерпимо относилась к любым иноверцам, и в 1742 году она издала строжайший указ: "Из всей нашей империи, как из Великороссийских, так и Малороссийских городов, сел и деревень всех жидов немедленно выслать за границу и впредь оных ни под каким видом не впускать". Изгнание вызвало переполох в Риге, куда евреи привозили товары по реке и брали задаток у местных купцов. Рижский магистрат умолял петербургские власти впустить евреев в Ригу, иначе пропадут задаточные деньги и захиреет торговля; Сенат тоже рекомендовал впускать евреев в Малороссию и в Ригу хотя бы временно, но Елизавета Петровна была непоколебима и на докладе Сената начертала свою знаменитую резолюцию: "От врагов Христовых не желаю интересной прибыли".

Екатерина II столкнулась с еврейским вопросом в первые же дни своего царствования. Это случилось в 1762 году, и вот как она описывала то событие, упоминая себя в третьем лице: "На пятый или шестой день по восшествии своем на престол Екатерина II прибыла в Сенат... Случилось так, что на этом заседании подошла очередь обсуждать вопрос о допущении евреев в Россию. Все единогласно признали полезным это допущение. Но Екатерина, по тогдашним обстоятельствам, затруднялась изъявить свое согласие... Не прошло еще недели, как Екатерина вступила на престол; она возведена была на него, чтобы защитить православную веру...; умы были сильно возбуждены, как это всегда бывает после столь важного события; начинать царствование таким проектом не могло быть средством для успокоения; признать проект вредным - было невозможно. Екатерина поступила просто: когда генерал-губернатор собрал

голоса и подошел к ней за ее решением, она сказала ему: "Я желаю, чтобы дело это было отложено до другого раза..."

Вскоре вышел манифест Екатерины II, который разрешал любому иностранцу беспрепятственно селиться на территории Российской империи. В нем было одно только ограничение - "кроме жидов". Но в те времена Екатерина стремилась заселить пустующие степи Новороссии, и для развития края она решила привлечь также и евреев. Императрица не могла действовать открыто и потому изыскивала пути в обход собственного закона. Она обязала генерал-губернатора Риги выдать паспорта нескольким евреям из Митавы, "не упоминая их вероисповедания", чтобы они могли на время приехать в Петербург. Письмо генерал-губернатору было написано так завуалированно, что Екатерина сделала к нему особую приписку: "Если вы меня не поймете, то я не буду виновата... Держите все в тайне". Через самое малое время в столицу приехали семеро евреев из Митавы: раввин Исраэль Хаим с помощником, трое купцов, резник и слуга. Из Петербурга они стали рассылать письма в еврейские общины других стран, приглашая евреев селиться в Ново-россии, и вскоре приехали в Ригу "двадцать человек из польского города Полоцка". В сопроводительных документах не указано их вероисповедание, но так как их не пустили поначалу в Ригу и заставили за городом дожидаться решения самого генерал-губернатора, можно предположить, что это были - как писали тогда для конспирации в официальных документах - лица "известной нации".

Даже у духовника императрицы жили в Петербурге трое или четверо евреев, которых - как она отметила в частном письме - терпели в столице, "делая вид, что не знают об их пребывании". "Впрочем, - писала Екатерина, - впуск евреев в Россию мог бы принести большой убыток нашим мелким торговцам, так как эти люди все притягивают к себе, и может статься, что при их возвращении было бы больше жалоб, чем пользы". В то время евреи с одного из островов Средиземного моря, изгнанные испанцами, попросили права поселиться в Херсоне и его окрестностях. Они обязывались за свой счет привезти в Россию торговцев, ремесленников, земледельцев, художников, мастеров шелкового дела и мастеров для устройства завода цветных стекол. Русский морской консул в Италии поддержал их просьбу и добавил от себя, что многие итальянские города обязаны евреям "цветущим своим состоянием". В ответ ему сообщили, что императрица решила ограничиться лишь переселением в Россию греков, корсиканцев "и примыкающих к ним", - но не евреев.

Екатерина II увлеклась в молодости идеями французских просветителей, и ее знаменитый "Наказ" российским депутатам по составлению проекта нового законодательства включал в себя гуманные принципы, опередившие ту эпоху: веротерпимость, равноправие подданных, смягчение суровых наказаний, отмену пыток, право каждого человека на жизнь и на труд, право свободного высказывания мнений. Этот "Наказ" содержал такие идеи, которые и сегодня сделали бы честь любой просвещенной власти: "Равенство граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам"; "Гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые жестоковольные сердца и отводит их от заматерелого упорства..."; "Хотите ли предупредить преступления? Сделайте, чтобы... люди боялись законов и никого бы, кроме них, не боялись"; и наконец - "Законоположение должно применять к народному умствованию, ибо мы ничего лучше не делаем, как то, что делаем вольно, следуя природной нашей склонности".

Но, очевидно, благие пожелания императрицы не соответствовали "умствованию" тогдашнего российского общества: несмотря на провозглашенные гуманные принципы, евреев выделили со временем в отдельную группу населения с особым ограничительным законодательством. Да и могли ли они рассчитывать на исключительное к ним благоволение, когда в стране жили миллионы закабаленных крестьян, которых покупали и продавали поодиночке и целыми деревнями, наказывали плетьюми и батогами по прихоти их владельцев, и на которых никакие гуманные принципы вообще не распространялись?

Пока Екатерина II старалась вопреки собственному закону поселить евреев на территории Новороссийского края, исторические обстоятельства решительным образом изменили положение. В 1772 году между Россией, Австрией и Пруссией состоялось соглашение о разделе окраинных земель Польши. По этому первому разделу к России отошла восточная часть Белоруссии, и около ста тысяч евреев, разбросанных по белорусским городам и местечкам, неожиданно стали российскими подданными. "Вся Белоруссия кишит ими", - отметила Екатерина в частном письме, и не было уже никакой возможности изгнать их из России на основании прежних законов. Слишком уж велика была роль евреев в хозяйственной жизни, и их выселение подорвало бы экономику только что присоединенного края.

Специальный манифест о присоединении Белоруссии к России торжественно зачитывали в церквях и заносили в городские книги. Он был составлен в духе "Наказа" и провозглашал, что все жители, "какого бы рода и звания ни были", переходят в русское подданство и наравне с прежними подданными пользуются "всеми правами, вольностями и преимуществами... по всему пространству Империи Российской". Тот же самый манифест особо упомянул и евреев и сохранил за ними прежние права, которыми они пользовались в Польше: свободу вероисповедания и право на собственность, - "ибо человеколюбие Ея Императорского Величества не позволяет их одних исключить из общей всем милости и будущего благосостояния под благословенною Ея Державою".

В первую очередь власти позаботились о взимании налогов с новых своих подданных. Три группы населения подлежали подушному сбору податей: крестьяне, купцы и евреи. С крестьян брали по семь гривен, с купцов - рубль двадцать копеек, а с "жидов, - гласило распоряжение, - сбор положить также поголовный, по одному рублю с каждой души, и приписать их к кагалам". По примеру поляков русское правительство воспользовалось уже существовавшей формой еврейского общинного самоуправления - кагалом, чтобы обеспечить бесперебойное поступление налогов. Кагал собирал деньги со всех членов общины и вносил их в "провинциальную канцелярию". Никто не мог уклониться от уплаты своей доли: кагал выдавал членам общины особые паспорта, и переменить место жительства или даже отлучиться по делу нельзя было без разрешения кагала.

Для поощрения торговли и промышленности Екатерина II ввела разделение купцов, ремесленников и лиц прочих профессий на два разряда: владевшие капиталом до пятисот рублей назывались теперь мещанами, а владевшие капиталом сверх пятисот рублей назывались, соответственно, купцами первой, второй или третьей гильдии. Почти все евреи, естественно, стали мещанами, и только малая их часть вошла в купеческое сословие. Купцы платили в магистраты и ратуши по одному проценту с "объявленного ими по совести капитала", а еврей-мещане по-прежнему выплачивали подати кагалам - "с каждой души".

Попад в купеческое или мещанское сословие, евреи получили право избирать и быть избранными - совместно с прочими купцами и мещанами - в органы городского самоуправления. Россия оказалась первым государством в Европе, которое предоставило евреям избирательные права, но это нововведение, очевидно, не соответствовало "умствованию" тогдашнего общества. В некоторых городах евреев вообще не допустили к выборам в магистраты, а в других - при помощи всевозможных ухищрений - их избрали не в пропорциональных количествах. Кончилось тем, что им разрешили составлять в выборных органах не более одной трети от христиан, независимо от их действительного количества и независимо от результатов голосования. В некоторых городах с преобладающим еврейским населением совсем не было купцов-христиан, и членами магистратов становились случайные люди, которые решали за евреев их коммерческие дела, не имея об этом никакого понятия. Эти же самые люди - большинством голосов - проводили несправедливую раскладку городского налога, и евреи были бессильны что-либо изменить, потому что "не имели почти голоса в магистратах". Позднее литовские христиане убедили власти, что евреев нельзя допускать в общественные помещения, где развешаны иконы и стоят распятия, над которыми они "будут только посмеиваться"; что их участие в выборных органах подорвет доверие народа к городскому самоуправлению и "послуша-

жюк

черни обратится в поругание", - и евреев Литвы и Белоруссии полностью лишили избирательных прав. В последние годы царствования Екатерины II еврейские купцы из Белоруссии появились в Смоленске и в Москве и стали даже записываться там в купечество. Они торговали на своих квартирах или на постоянных дворах качественными товарами германских фабрик, разносили их по домам и продавали по более низким ценам, чем местные торговцы. И тогда московские купцы пожаловались властям - в "интересах торговли", а "отнюдь не из какого-либо к ним (евреям), в рассуждении религии, отвращения или ненависти". Купцы напомнили про старые порядки, когда евреев вообще не впускали в Российское государство; дешевизну товаров объясняли тем, что это, скорее всего, контрабанда, и предупреждали, что от конкуренции с ними торговле будет причинен "весьма существенный вред", а все московские купцы разорятся.

Эту жалобу рассматривал Государственный Совет и определил, что "не усматривается никакой пользы от допущения" еврейских купцов во внутренние губернии России. Решение Совета утвердила Екатерина II указом от 23 декабря 1791 года: "Евреи не имеют права записываться в купечество во внутренних российских городах и портах, а только дозволено им пользоваться правам гражданства и мещанства в Белоруссии", а также в Новороссийском крае. Этот указ впервые узаконил для евреев - в отличие от других народностей - право постоянного жительства и право на промыслы лишь в определенных губерниях Российской империи, и именно с этого момента ведет свое начало печально известная "черта постоянной еврейской оседлости", хотя это выражение тогда еще не употреблялось.

После второго раздела Польши в 1793 году к России отошли новые земли, из которых были образованы Волынская, Подольская и Минская губернии. Новый указ включил и эти земли с обширным еврейским населением в черту оседлости и добавил к ней еще и Малороссию с городом Киевом. Ограничивая евреев в свободе передвижения, этот же указ установил для них и повышенное налоговое обложение - "вдвое против положенных с мещан и купцов христианского вероисповедания". Еврейский купец платил теперь два процента со своего капитала, а еврей-мещанин - двойную подать. Если же кто-либо не желал платить так много и хотел покинуть Россию, то обязан был прежде внести штраф в размере трехлетней двойной подати.

В 1795 году, после третьего раздела Польши, в черту оседлости попала также Литва, на территории которой были образованы Виленская и Гродненская губернии. По очень приблизительным подсчетам в Российской империи - к концу восемнадцатого века - оказалось семьсот-восемьсот тысяч евреев: около одной трети еврейского населения в мире в то время и больше, чем в любой другой стране.

Правление Екатерины II внесло много неясного в законодательство о евреях. Императрица высказывала благие пожелания, но одновременно вводила и строгие ограничения. И тем не менее, в первый период ее царствования у евреев появились надежды на улучшение бедственного их состояния. Самое главное, власти почти не вмешивались в их внутреннюю жизнь, и еврейские общины располагали полной автономией: у них были собственные суды, синагоги со школами, и они по необходимости собирали средства на нужды общины. Когда императрица проезжала через Могилев, вспоминал очевидец, "евреи воздвигли посреди площади возвышение с надписью: "Торжествуем, как во времена Соломона", где и играли на разных инструментах попеременно, и днем и ночью".

В 1768 году совместные русско-польские войска воевали против поляков-конфедератов, и в журнале военных действий одного из русских отрядов записаны сведения о еврее-лазутчике по имени Буня:

18 февраля: "Еврея Буню послали в Хотин, добыли через него сведения и уплатили за это пятьдесят рублей". 14 апреля: "Возвратился из Хотина жид Буня и объявил, что все спокойно".

15 апреля: "Отправлен Буня обратно в Хотин" 28 июня: "Послан в Яссы еврей разыскивать Буню". 7 августа: "Возвратился жид из Ясс и привез известие". 20 августа: "Конфедерат Потоцкий арестовал Буню".

Пойманных лазутчиков обыкновенно вешали, да и обычному населению приходилось несладко. В дневнике офицера-поляка записано: "Солдат привел в главную квартиру жидка без пейсов и переодетого кучером. Его поймали, когда он переходил за черту лагеря, куда жидам строго

воспрещалось входить. Его обыскали и нашли письмо, вложенное между подошвами сапога. Собрали военный совет, жид сейчас же признался, кому он нес письмо, и затем его немедленно повесили". И там же: "В Райгородке казаки почти до смерти засекали нагайками "кагальных" евреев. Наказаны были жида за то, что не доставили овса и сена".

* * *

В 1770 году, во время войны с Турцией, запорожские казаки захватили в плен более ста евреев с женами и детьми. Выбрали среди пленников шесть человек, у которых оставались "жены и дети, родственники или отцы", и отпустили их в польскую Украину, чтобы они собрали среди евреев выкуп - восемь тысяч рублей. Деньги надо было заплатить в течение пяти месяцев, иначе "оставшиеся жида и все их родство" будут насильно окрещены "или самой смерти преданы без всякого пощадения, непременно". Целый год посланцы ходили из местечка в местечко, но сумели собрать лишь шестьсот рублей. Тогда них заступился командующий русской армией генерал-фельдмаршал П.Румянцев и попросил казаков пожалеть обнищавших от войн и болезней польских евреев. Кончилось тем, что пленников отпустили на свободу в обмен на шестьсот рублей и сорок аршин тонкого сукна, и из Умани они прислали казакам благодарственное письмо и восемь голов сахара.

* * *

При Екатерине II приезжали в Россию евреи-врачи, которые получали образование в Европе, проходили затем экзамен в Петербурге, при медико-хирургической академии, и назначались врачами в городах и в армии или же занимались частной практикой. Мендель Лев стал доктором морского кадетского корпуса. Гавриил Бер получил право на практику в белорусских губерниях, "где живет народ еврейский". Элиас Аккорд служил на Украине в разных полках, а Авраам Бернгард был главным врачом всех литовских госпиталей.

В 1784 году некая Фейгель Байнитович с мужем Мошкой приехала в Курск и представила рекомендательные письма о том, что она успешно лечит глазные болезни. Фейгель сообщила, что она не знакома с анатомией глаза, врачевать научилась у своего отца и попросила, чтобы ей устроили экзамен. В присутствии генерал-губернатора Курска и местного доктора она провела удачную операцию по снятию катаракта у инвалида, который потерял зрение за семнадцать лет до этого. В отчете было записано, что она сделала это "безо всякого приготовления и без кровопускания... не долее, как в две минуты". Затем ее экзаменовали в Москве, и там она тоже "удалила из глаз катаракту имеющимися у нее инструментами". Медицинская коллегия разрешила Фейгели Байнитович делать глазные операции, но непременно в присутствии врача.

* * *

Карл Таблиц, крещеный еврей из Германии, составил первое географическое и историческое описание Крыма после его присоединения к России и был назначен в 1788 году вице-губернатором Таврической области. Сенатор Таблиц был затем главным директором лесного департамента, основателем первых лесных школ в России, почетным членом Российской Академии наук, и в его честь ботаники назвали одно из растений - HABLITZIA (внук Карла Таблица Александр Серов стал известным русским композитором, а его правнук Валентин Серов - не менее известным художником).

* * *

До конца восемнадцатого века название "жид" означало в России лишь принадлежность к определенной национальности и употреблялось в том же самом смысле, что и "поляк", "турок" или "татарин". Сохранились документы и письма, в которых уважаемых евреев называли "жидами и добавляли при этом весьма лестные и почетные титулы. Но в последние годы царствования Екатерины II из официальных российских документов, выпускавшихся от имени императрицы, исчезло прежнее наименование - "жиды", а взамен него появилось новое - "евреи". Именно с этого момента название "жид" стало приобретать в русском языке

презрительное и оскорбительное звучание. И тем не менее в литературе, в частных письмах и во многих документах девятнадцатого века широко употреблялось это название - "жиды". Любопытно, что во всех четырех дореволюционных изданиях знаменитого толкового словаря В. Даля объяснение слова "еврей" отсутствует, но зато есть там толкование понятия "жид, жидовин, жидюк, жидюга, жидовье". И вот оно: "Старинное народное название еврея. Презрительное название еврея".

ОЧЕРК ВТОРОЙ

1

Екатерина II правила страной до 1796 года, и после ее смерти российский престол занял ее сын Павел I. В 1799 году евреи из белорусского местечка Шклов пожаловались новому императору на владельца местечка отставного генерала С. Зорича, в прошлом - одного из фаворитов Екатерины II. Когда императрица охладела к Зоричу, она пожаловала ему шкловское поместье, где он построил себе роскошный замок и жил "в пышной надменности": содержал за свой счет оперный театр, военную школу на триста дворянских детей и "всякий день" устраивал балы, маскарады, фейерверки и грандиозные охоты. "Шкловский деспот" считал всех евреев "подвластными ему, покуда на земле его проживают", и расправлялся с ними по ежеминутной прихоти, как с крепостными крестьянами: выгонял из местечка, отбирал дома и имущество, бил собственноручно и облагал такими налогами, что "оставил без платежа один только воздух". Павел I без особой симпатии относился к фаворитам своей покойной матери. Получив жалобу из Шклова, он послал туда известного русского поэта, сенатора Гавриила Романовича Державина, чтобы тот разобрался на месте в "самовольных поступках против евреев отставного генерал-лейтенанта Зорича". Державин приехал в Шклов, опросил свидетелей, но отнесся к "забавам" Зорича снисходительно и сообщил в Петербург, что "сколько ни старался", не нашел чрезмерных "притеснений жидов Зоричем, по коим можно было бы подвергнуть его... суду". Однако свидетельские показания нельзя было перечеркнуть, и Державин воспользовался тогда судебным процессом по обвинению евреев в употреблении христианской крови. Это случилось в том же году в Белоруссии, в Сенненском уезде, незадолго до праздника Песах. Возле корчмы нашли труп женщины и на основании одного только "народного слуха" обвинили в ритуальном убийстве четырех евреев, которые случайно находились в той корчме. Началось следствие, и специальному чиновнику поручили "секретным образом изведать, нет ли... в еврейских законах положения, что евреям христианская кровь нужна?" Некий крещеный еврей Станислав Костинский взял кодекс еврейских законов "Шулхан арух" и перевел с искажениями отрывки из него, чтобы поддержать обвинение. Этот искаженный перевод, возводивший клевету на весь народ, представили на рассмотрение суда, но дело, в конце концов, закончилось благополучно и обвиняемых полностью оправдали. Однако еще до окончания следствия Державин сообщил императору, что Сенненское дело "обвиняет всех евреев в злобном пролитии, по их талмудам, христианской крови", и потому они не могут давать беспристрастные свидетельские показания против Зорича, "доколе, - как он писал, - еврейский народ не оправдается перед Вашим Императорским Величеством в помянутом... против христиан злодействе". Павел I приказал Державину вести дело Зорича, не принимая во внимание Сенненский процесс, но Зорич тем временем умер, дело отослали в архив, а Сенат постановил, что евреи, принадлежа к купеческому и мещанскому сословиям, не могут считаться крепостными в помещичьих местечках и селениях. Таким образом, их формально признали свободными гражданами с ограниченным местом проживания в отличие от крестьян, которым - по манифесту Павла I - запрещалось даже "возмечтать, будто они имеют учиниться свободными".

Через год после этого Державина снова послали в Белоруссию с самыми широкими полномочиями. В крае несколько лет подряд был неурожай, свирепствовал голод, а помещики оставляли своих крепостных без помощи и отправляли весь хлеб на винокуренные заводы, что приносило им хорошие доходы и спаивало крестьян. "Ужасная бедность, - писал современник, - есть следствие пьянства, а пьянство - следствие свободного винокурения и продажи вина, которое до крайности дешево и поглощает благосостояние миллионов для выгод нескольких сотен человек". Посылая Державина в Белоруссию, Павел I повелел ему прекратить злоупотребления и строго наказать помещиков, которые "из безмерного корыстолюбия оставляют своих крестьян без помощи к прокормлению". В поручении императора ничего не говорилось о евреях, но в тот же день Державин получил разъяснение от генерал-прокурора Сената: "А как по сведениям немалою причиною истощения белорусских крестьян суть жидаы, то Высочайшая воля есть, чтобы ваше превосходительство обратили (на них) особое внимание". И инспекция Державина обрела иной смысл.

В те времена евреи занимались шинкарским промыслом в деревнях и в панских поместьях, и их часто обвиняли в спаивании крестьян западных губерний. Забывали при этом, что не одни только евреи пользовались доходами от производства и продажи водки. "Курят вино владельцы, - писал Державин в своем отчете, - курят бояре, шляхта, попы, разных орденов монахи и жидаы". Забывали и о том, что крестьяне пьянствовали и голодали и в тех губерниях, где евреев не было вообще. В Киеве, к примеру, евреи не могли поселиться в восемнадцатом веке, а винокурением и продажей вина вовсю занимались там мещане, казаки, магистрат города и даже монастыри, включая знаменитую Печерскую лавру. "Крещатик был обращен чуть не в сплошную винокуренную слободу, - отмечал исследователь. - Винокурни были разбросаны вокруг всего Киева. На одном Подоле в магистратских шинках выпивалось ежегодно двадцать пять - тридцать тысяч ведер водки, дававших доход магистрату до десяти тысяч рублей". Еще при императрице Елизавете Петровне изыскивали такой источник "умножения" государственных доходов, который "умаления себе вовсе иметь не может, но будет единое циркулярное и бесконечное обращение". Таким источником основного дохода землевладельцев и государства стала продажа водки, и агрономы даже рекомендовали помещикам "употреблять хлеб на курение вина для того, чтобы через сие получить двойную прибыль". Расчет был прост: за вино можно было выручить в два раза больше денег, чем за продажу хлеба, из которого курили это вино. Именно поэтому в Лифляндии, к примеру, весь свободный хлеб шел на винокуренные заводы, даже привозили его из других мест, тогда как в прежние времена из той же самой Лифляндии хлеб вывозили на экспорт. Лишь в 1773 году правительство закупило у помещиков России два миллиона ведер водки и получило от ее продажи более четырех миллионов рублей чистого барыша - крупнейшую по тем временам сумму.

Когда обвиняли евреев в спаивании крестьян, не принимали в расчет и тот факт, что евреи в деревнях не имели права владеть землей, были ограничены в городах в торговле и ремеслах, и основным способом заработать на хлеб было для них винокурение и шинкарство. Закон запрещал им самостоятельно заниматься этим промыслом, и потому они брали на откуп у помещиков производство и продажу водки. Волей-неволей они становились посредниками между землевладельцами и крестьянами, а помещики, используя свою власть, заставляли евреев-шинкарей распродавать огромные количества спиртных напитков. Иногда одной и той же деревней владели несколько помещиков, каждый из них строил там свой шинок, сажал своего шинкаря и продавал водку собственного изготовления. В сенатском докладе было отмечено, что С.Зорич "приневоливал еврейских шинкарей брать у него хлебное вино в каждый год 16000 ведер и взыскивать с них по 3 р. 15 коп. за ведро", хотя это вино стоило в три раза дешевле и продать его в таких количествах не было никакой возможности. По приказанию Зорича бочки насильно вкатывали в шинки и взыскивали с шинкарей деньги "через экзекуцию". Выходило так, что еврей-шинкарь выторговывал у крестьянина последнюю копейку и отдавал ее помещику, оставаясь таким же нищим, как и его закабаленный сосед. Многие современники отмечали поражающую их нищету шинкарей, а литовский губернатор писал в своем докладе, что в корчмах сидят одни женщины, а их мужья "выходят на другие промыслы, потому что доход с шинка часто бывает недостаточен на их содержание".

Приехав в Белоруссию, Державин обнаружил во время ревизии, что крепостные крестьяне едят хлеб пополам с мякиной, щавель, лебеду и коренья: по "привычке и нужде в довольном равнодушии", - да и еврейское население края пребывает "в крайнем изнурении и нищете и

таковых большая часть". Он даже отметил, что во многом виноваты некоторые помещики, которые курят вино в огромных количествах, строят шинки, насаждают пьянство и облагают крестьян непомерными поборами. Однако Державин - сам крупный помещик-причиной всех бед белорусского крестьянина выставил одних только евреев, хотя в частном письме генерал-прокурору Сената он сообщал иное: "Трудно без погрешения и по справедливости кого-либо строго обвинять. Крестьяне пропивают хлеб жидам, и оттого терпят недостаток в оном. Владельцы не могут воспретить пьянства для того, что они от продажи вина весь доход имеют. А и жидов в полной мере также обвинять не можно, что они для пропитания своего извлекают последний от крестьян корм. Словом, надобно бы всем сохранить умеренность..., но всяк себе желает больше выгод".

Державин наблюдал белорусских евреев каких-то три-четыре месяца, можно сказать - проездом, и тем не менее решился составить подробнейший план полного переустройства еврейского быта. Его записка, поданная в правительство, называлась так: "Мнение сенатора Державина об отвращении в Белоруссии недостатка хлебного обузданием корыстных промыслов евреев, о их преобразовании и о прочем". Он писал, основываясь на своих "исследованиях": евреи избегают трудных работ, потому что из их "талмудов" следует, будто они должны господствовать, а другие народы - им подчиняться; их школа - "гнездо суеверств", где детей учат лишь религии и фанатизму, и пока не переменятся их школы, не переменятся и их нравы; свои богатства они собирают "для создания нового храма Соломонова или для плотских удовольствий"; ходят всегда с покрытой головою, потому что "чтут себя пред всеми другими народами превосходнейшими"; имена берут одинаковые, "каких-нибудь Мошев, Абрамов, Лейбов, Хаймовичев, Лейзаровичев и тому подобных", и это надо также "отнести к их хитрости"; да к тому же они носят одинаковое черное платье, отчего "теряется память, смешивается понятие" и очень трудно определить истинное их количество при взимании налогов. После такого предисловия Державин изложил свой обширный проект - восемьдесят восемь пунктов! - насильственного "преобразования евреев". Прежде всего необходимо разместить их поровну по разным местам Белоруссии, чтобы они перешли к земледелию, а излишек переселить на "пустопорожние земли в Астраханской и Новороссийской губерниях". Державин предлагал размещать евреев на особых улицах, отдельно от христиан; не допускать евреев к выборам в городские магистраты, чтобы судьбу христиан "не предавать в руки ненавидящих их"; "даже в Сибирь на каторгу не отправлять жидов с женами, дабы не размножились и не развращали сердце Империи, то есть коренных жителей", - и так далее. Таким образом, писал Державин в заключение, "евреев род строптивый и лукавый, враги христиан, получит образ благоустройства", а Павел I, совершив эту реформу, удостоится великой славы за исполнение заповеди: "Любите врагов своих и творите добро ненавидящим вас".

Сенат должен был рассмотреть записку Державина, но в марте 1801 года произошел дворцовый переворот, заговорщики убили Павла I, и началось царствование его сына - Александра I, а с ним и новый, вроде бы, подход к еврейской проблеме.

2

В ноябре 1802 года Александр I учредил особый "Комитет по благоустройству евреев", чтобы пересмотреть и упорядочить законодательство о евреях Российской империи, которое находилось до этого в хаотическом состоянии. Одним из членов комитета стал тогдашний министр юстиции Г. Державин, а его "Мнение" легло в основу работы комитета. Узнав о созыве особого комитета, еврейские общины забеспокоились, опасаясь введения новых ограничительных законов. В Минске чрезвычайное собрание кагала даже приняло решение "отправиться в Петербург и просить государя, да возвысится его слава, чтобы никаких

нововведений у нас не делали". Стали собирать деньги для отправки ходатаев в столицу, объявили трехдневный пост с молитвами в синагогах "по случаю неблагоприятных вестей", а министр внутренних дел, узнав об этом, поспешил объявить кагалам, что правительство не намеревается вводить новые ограничения для евреев, но, наоборот, предполагает "доставить им лучшее устройство и спокойствие".

Это было время либеральных реформ и многих надежд на коренные преобразования российского общества. Намерения Александра I и членов комитета были поначалу самыми наилучшими. Они желали разрешить еврейский вопрос в духе гуманности, и в журнале заседаний комитета появились такие замечательные слова: "Сколь можно менее запрещений, сколь можно более свободы... Везде, где правительства мнили приказывать, являлись одни только призраки успехов, кои, подержась несколько времени на воздухе, исчезали вместе с началами, их родившими... И в образовании евреев (следует) предпочесть средства тихого одобрения, возбуждения их собственной деятельности и пресечения только тех препятствий, кои зависят непосредственно от правительства и сами собой пресечься не могут". Державинское "Мнение" с его насильственными мерами становилось теперь излишним; Державин с возмущением говорил, что прочие члены комитета "набиты конституционным французским и польским духом", и вскоре он вышел в отставку и никакого участия в деятельности комитета уже не принимал.

В самом начале работы комитет решил пригласить в Петербург еврейских депутатов от всех губернских кагалов, чтобы выслушать их мнение, и этот факт поразил многих. "Сей Самодержец, - восхищался современник, - имеющий самовластное право располагать участью своих подданных, соизволяет еще вызвать депутатов... униженных несчастливцев для объяснения своих нужд!" К лету 1803 года депутаты съехались в Петербург, где обнаружили небольшую еврейскую общину в несколько десятков человек. Не имея права на проживание в столице, эта маленькая группа, тем не менее, вела общинную жизнь, содержала резника и хоронила умерших на отдельном кладбище. Среди петербургских евреев выделялся купец и поставщик армии Нота Хаимович Ноткин, первым записанный в книге общины как "уважаемый и почтенный Натан Ноте из Шклова". Ноткин предложил комитету свой проект преобразования быта евреев в противовес "Мнению" Державина с его насильственными мерами. Державин был за принудительное привлечение евреев к земледелию и фабричному труду, вплоть до ссылки в Сибирь, "в вечную работу в горные заводы и без жены", - а Ноткин предлагая добровольное обращение к этим занятиям. Невозможно всех евреев обратить в земледельцев, считал он, "это нелепо... Нельзя всем вести одинаковый образ жизни. Евреи занимаются теми ремеслами, в которых другие не упражняются". Прежде всего надо позволить им "в спокойствии сыскивать себе пропитание полезными трудами", а для этого следует "преобразовать нечувствительным образом состояние сего народа, отвратить злоупотребления с его стороны, а, главнейшим образом, уничтожить источник сих злоупотреблений - именно бедность".

В комитет присылали свои "прожекты" еврейской реформы и христиане, разные должностные и частные лица, чтобы, как написал один из них, "повергнуть к подножию престола скудные замечания свои". Предложений было немало, а некий отставной премьер-майор даже составил обширное "Мнение об употреблении евреев и якутов для пользы государственной". Каждый присланный проект заключал в себе необходимые насильственные меры, от которых "государство почувствует ощутительную пользу". Следовало только поселить евреев на казенных землях "при строгом наблюдении" за ними, и тут же "через хлебопашество произойдет открытие в недрах земных неисчерпаемых богатств"; "фарфоровая глина, разные красильные травы и тому подобное будут евреями при разрывании земель обнаружены"; а вновь созданные еврейские поселения "тем уже выгоды принесут для государства, что проходящие чрез степи войска... не будут претерпевать нужды". Вряд ли "Комитет по благоустройству евреев" в то либеральное время всерьез рассматривал эти "прожекты", но мнения еврейских депутатов он выслушал, изучил условия жизни евреев и составил пояснительную записку - итог собранных данных.

Преследуемые более восемнадцати веков, говорились в той записке, устраненные от многих промыслов, обремененные податями, обреченные на ненависть народов, евреи не могли не заразиться пороками, которые признавались, быть может, прирожденными. Евреи лживы, плутоваты и хитры? Но когда хитрость служит единственным оружием против притеснителя, можно ли признавать ее за преступление? Евреи обманывают в торговле? Кому же обманывать,

как не мелкому торговцу, почти всюду стесненному, подверженному многим незаконным поборам? Евреи враждебны к христианам? Но кто же способен терпеливо сносить рабство и тиранию, доходящие до бесчеловечия? Евреи ленивы и предпочитают легкие занятия? Это неверно. Подобно другим, они стремятся нажать побольше и работать поменьше; но ведь у еврея ничего нет, ему никто ничего не дает, и все - от высшей власти и до последнего чиновника - требуют от него всего, что заблагорассудится. Евреи безмерно множатся? Но этот упрек лучше всего свидетельствует о чистоте их нравов и их экономии. Да и почему вообще нужно более опасаться одного или двух миллионов евреев, чем такого же количества калмыков или армян?

В том же либеральном духе комитет высказался и за преобразовательные меры, но когда подошел срок принимать решения, члены комитета - люди образованные и гуманные по тем временам - пожертвовали своими убеждениями ради собственных интересов. Все они были крупнейшими землевладельцами, на которых работали бесплатно десятки тысяч крепостных крестьян - по два, три, а то и по четыре дня барщины в неделю, и потому члены комитета не решились признать себя и прочих помещиков виновниками нищеты в Западном крае. Они не смогли назвать истинную тому причину - полную закабаленность крестьянина, а взамен этого всю вину взвалили на "вредное" влияние евреев. Как будто это были разные люди: те, что начинали работу в комитете, и те, что ее заканчивали. Как будто не они недавно записали: "Сколь можно менее запрещений, сколь можно более свободы..." Красивые слова и добрые пожелания остались на бумаге, а взамен этого были узаконены жестокие и поспешные принудительные меры, чтобы пресечь "разные злоупотребления и беспорядки во вред земледелию и промышленности в тех губерниях, где евреи обитают".

9 декабря 1804 года Александр I утвердил предложенное комитетом "Положение об устройстве евреев". Новый закон сохранил прежнюю черту оседлости в тринадцати западных губерниях, которую установила еще Екатерина II, и добавил к ней окраинные губернии - Астраханскую и Кавказскую - для евреев-земледельцев, которые в будущем захотят там поселиться. Для развития фабрик и ремесел закон отменил двойную подать с фабрикантов, ремесленников и земледельцев, но сохранил ее для остального еврейского населения, пообещав отменить в тот момент, "когда все вообще евреи в земледелии, мануфактурах и купечестве окажут постоянное направление и прилежание". Закон постановил, что выборные должности в городском самоуправлении могли занимать лишь те евреи, которые умели читать и писать на русском, польском или немецком языках, хотя на эти должности избирались часто неграмотные христиане. Закон разрешил фабрикантам, ремесленникам, художникам и купцам приезжать по делам и на ограниченное время во внутренние губернии России, но лишь по особым "паспортам губернаторов", как будто они выезжали за границу. Евреи просили отменить эти паспорта, которые непросто было получить, но им ответили, что без разрешения губернаторов "еврей-бродяги могли бы наводнить всю Империю".

Но самой жестокой оказалась тридцать четвертая статья "Положения". Она определяла крайний срок - 1 января 1808 года, после которого "никто из евреев ни в какой деревне или селе не может содержать никаких аренд, шинков, кабаков и постоянных дворов... и даже жить в них". А это означало, что через самое малое время десятки тысяч евреев должны будут подняться с насиженных мест, переселиться из деревень в города и потерять все средства к существованию. Так повелел новый закон в либеральный период правления Александра I.

В сельских районах западных губерний жили тогда примерно шестьдесят тысяч еврейских семейств - более четверти миллиона человек. Став российскими подданными после разделов Польши, они сохранили прежние свои занятия. В деревнях и в панских поместьях евреи брали у

помещиков в аренду винокурение и продажу вина, молочные фермы, мельницы, рыбную ловлю, покупали у крестьян хлеб и другие продукты и продавали им взамен необходимые товары - соль, посуду, косы, серпы и прочее. По всем дорогам стояли еврейские корчмы или постоянные дворы, где останавливались проезжие, и по всем трактам евреи содержали почтовые станции. "Эта земля без жидов, - писал русский путешественник, - была бы как тело без души, была бы пустынею, странною бедствий и нищеты. Но чрезвычайное жидов множество (их скученность) портит все добро, какое могло бы от них произойти".

Закон запрещал иноверцам владеть крестьянами христианского вероисповедания, и потому евреи могли покупать только незаселенные земли. Кое-где они обрабатывали своими руками купленные участки и изредка, под видом аренды, заключая сделки с помещиками, владели землями и пользовались крепостным трудом. Известно, что Ноте Ноткину фактически принадлежали деревни с крепостными душами, а некий велижский купец Копель Шмеерович владел имением, в котором работало полторы тысяч крестьян. В черте оседлости существовали мелкие еврейские фабрики по производству стекла, кожи, мыла, бумаги, сукна, ртути, калия и поташа. В купечество записывались лишь самые крупные торговцы: они вывозили за границу лен, пеньку, хлеб, а ввозили шелк, сукно, кофе, сахар и вина. В Гродно, сообщал путешественник, "иностранными товарами торгуют большею частию жида"; в Шклове они занимались продажей "шелковых материй, кружев, полотен и разных галантерейных вещей"; в Могилеве на Днепре еврейские купцы торговали товарами "из Риги, Франкфурта, Бреславля, Кенигсберга, Лейпцига и российских столиц". Но крупных торговцев в городах было немного, а огромное количество евреев-мещан жестоко конкурировало между собой, торгуя по мелочам в крохотных лавочках городов и на ярмарках. Многие торговцы ходили по окрестным деревням и продавали товары вразнос: это был еврейский вариант русского коробейника внутренних губерний России. Чаще всего они торговали в кредит, получая товар у оптовиков, разорялись время от времени и все начинали сначала.

Города были переполнены евреями-ремесленниками, среди которых преобладали портные, сапожники, скорняки, цирюльники, золотых дел мастера, но встречались также и столяры, плотники, токари, медники, белильщики тканей и кузнецы. В Минске, к примеру, было мало евреев-сапожников из-за весьма искусных конкурентов-поляков, но зато в Киевской губернии евреев-сапожников было очень много. Киевский губернатор даже отметил, что в Киеве "из мещан христианского закона нет хороших, искусных мастеров и ремесленников, а находятся из таковых большей частью евреи". Многие ремесленники не находили заказчиков в городах и потому уходили работать в деревни, на всю неделю, и только в пятницу возвращались домой, чтобы провести субботу вместе со своей семьей. "Учась какому-нибудь ремеслу, - писал литовский губернатор, - они никогда своей науки не оканчивают; едва только начинают сами как-нибудь работать, тотчас делаются мастерами и заводятся своим хозяйством". Причиной тому были ранние браки, многодетные семьи и тяжелая нужда, которая заставляла как можно скорее приступить к самостоятельной работе и зарабатывать на жизнь.

Нищета еврейского населения была повсеместной. Киевский губернатор докладывал в Петербург: две трети евреев в его губернии оказались в таком положении, что "с величайшим усилием находят они теперь дневное пропитание". "Справедливым кажется, - писал он, - помыслить об участи и сего презираемого и угнетенного народа, который, не получив от государства никакой в его собственность принадлежности, платить обязан казне за позволение здесь жить - двойную подать, а помещикам... столько же или еще более. Оттого пришел он, кроме малого количества, в такое состояние, что не только платить податей, но и сам себя содержать не может".

По новому "Положению" к этой массе городской бедноты должны были присоединиться еще четверть миллиона евреев, которых выселяли из деревень. "Можно ли назвать меру сию для них стеснительною, - провозглашали члены Еврейского комитета, - когда вместе с тем открывается евреям множество других способов не только содержать себя в безбедном состоянии, но делать приобретения - в земледелии, фабриках, ремеслах, когда вместе с сим открывается им способ даже владеть землею в собственность!" Но это опять были всего лишь красивые слова.

"Положение" 1804 года, действительно, разрешило евреям заводить фабрики и заводы и покупать незаселенные земли, но одного лишь разрешения было недостаточно, чтобы целый народ - практически без посторонней помощи и без накопленных средств - тут же бы изменил свои промыслы, которыми он занимался веками. Такого не случилось нигде и никогда в

истории, такого не могло произойти и здесь. Но закон уже диктовал свои условия, и за оставшийся короткий срок четверть миллиона человек, обремененных двойной податью, обязаны были за свой счет перебраться в города, где и без них было полно бедноты, разместиться на новых местах, привыкнуть к иным условиям и овладеть каким-либо ремеслом. Конечно же, их всех ждало неминуемое разорение, и они должны были неизбежно превратиться в бездомных скитальцев и нищих.

Поначалу евреи надеялись, что этот закон будет отменен, и из деревень в города переселились единицы. Но постепенно местное начальство стало проявлять настойчивость, чтобы очистить от евреев сельские местности, и тысячи несчастных побрели по дорогам в поисках хлеба и пристанища. Они посылали жалобы в Петербург; жаловались и местные помещики, которые не могли обойтись без еврея-арендатора или корчмаря и потому терпели убытки; забеспокоилось и начальство, потому что от такого переселения "города и местечки могут наполниться нищими, и люди сии от бедности могут пуститься на разные беспорядки и, между прочим, на грабежи и разбой". Но правительство не желало отменять утвержденный закон и требовало прибегать "к решительным мерам понуждения".

Однако внешние обстоятельства неожиданно приостановили выселение. Осенью 1806 года по приказанию императора Наполеона стали рассылать из Парижа во все страны Европы специальный манифест о созыве "великого Синедриона". Этот Синедрион, по замыслу Наполеона, должен был полностью повторить еврейский Синедрион прошлого, Синедрион Великий - собрание мудрецов, учителей Закона в Иерусалиме. Эта затея Наполеона обеспокоила правителей Пруссии, Австрии и России на пороге предстоящей войны с Францией: предполагали, что таким образом он привлечет на свою сторону угнетенных евреев в районе будущих военных действий. "Наполеон, - писали тогда в одном из русских журналов, - кончил тем, что провозгласил себя спасителем жидов, дабы везде иметь шпионов". "Наполеон, - писали в другом журнале, - приказал объявить себя мессиею жидов, дабы повсюду иметь своих лазутчиков". И чтобы избежать этой опасности, решили успокоить российских евреев и предпринять немедленные меры.

В феврале 1807 года в Париже начались заседания Синедриона, и Александр I тут же приостановил выселение из деревень и даже повелел выяснить мнение еврейских общин на этот счет, "желая дать (евреям)... новое доказательство попечения Нашего об их благосостоянии". Представители еврейских общин, естественно, попросили отменить выселение из деревень или хотя бы отсрочить его на многие годы, но вскоре был заключен Тильзитский мир, между Наполеоном и Александром установилось "сердечное соглашение" и "происков Бонапарта" можно было уже не бояться. И в октябре 1807 года последовало новое распоряжение: "взамен промедления, от военных обстоятельств происшедшего..., без малейшего отлагательства или послабления" выселить евреев из деревень в ближайшие три года, чтобы на каждый год приходилось не менее одной трети от общего их числа. При этом не забыли позаботиться о благе землевладельцев: если какая-либо деревня принадлежала нескольким помещикам, и в ней было несколько евреев-корчмарей, то следовало их выселять одновременно, "дабы помещикам не было подрыва одному перед другим".

Правительство провозглашало "перемещение" евреев, но это было уже изгнание. Тех, кто не уходил добровольно, выпроваживали силой под конвоем крестьян и солдат, загоняли в города и в еврейские местечки и оставляли там на произвол судьбы. Тысячи бездомных бродили по дорогам с места на место, болели, умирали, и местные власти сообщали в столицу, что "евреев безвременно прогнали из деревень, разорили, ввергли в нищету, и большая их часть лишена дневного пропитания и крова". Сотни семейств просили выделить им обещанные земли для занятия земледелием, но оказалось, что в западных губерниях почти не было казенных земель для их расселения, а на немногих частных фабриках не нашлось свободных рабочих мест. "Невозможно обращать евреев в фабричных рабочих, - докладывали ревизоры. - В западном крае нет фабрик ни казенных, ни частных, а сами евреи не имеют капиталов..."

Более того: многие малочисленные и нищие города числились городами лишь на бумаге, и переселенцы не находили там для себя ни крова, ни каких-либо промыслов. Было понятно уже, что переселение приведет к катастрофе, и в декабре 1808 года правительство выпустило новый указ: оставить евреев на прежних местах, вплоть "до дальнейшего повеления", и учредить очередной комитет, который вновь рассмотрит этот злополучный вопрос.

В 1806 году тридцать шесть еврейских семей из Могилевской губернии попросили переселить их в Новороссийский край для занятия земледелием. Следом за ними с той же просьбой обратились к правительству евреи Витебской, Черниговской и Подольской губерний - около семи тысяч человек. И в 1807 году две тысячи переселенцев образовали первые колонии еврейских земледельцев в Херсонской губернии: Бобровый Кут, Сейдеменуха, Доброе и Израилевка. (Название Сейдеменуха произошло от двух слов на языке иврит - "седе менуха", что означает "тихое поле", или "поле отдыха". А в будущем там появились селения Ефенгар и Нагартов - в переводе с иврита "красивая река" и "хорошая река".)

Во время насильственного выселения из деревень среди перепуганных евреев распространились слухи о "благодатной Новороссии" и о больших ссудах и льготах, которые получают там колонисты. Теперь уже многие видели в этом спасение от беды, связывали с Новороссией свои надежды и подавали начальству слезные прошения о немедленном переводе в земледельцы. В книге записей Мстиславской общины в июле 1808 года появилось такое характерное сообщение: "Глаза наши померкли, глядя на нужду и бедствия, на то, как дети наши просят хлеба и нечем утолить их голод. И вот теперь сжалился Господь над своим народом, создав лекарство еще до болезни... Царь приказал... и из нашего общества и из окрестностей выехало... душ мужского пола - 155, женского пола - 116, а вместе - 271 душа, да размножатся они и да благословит их Бог... И выдано было им... для столь дальнего пути из общественной кружки сто пятьдесят рублей, из сумм погребального братства сто рублей, а также еды на дорогу... Когда соблаговолит к нам Господь, то приведет нас в очень хорошую землю!" Желаящих переселиться в Новороссию становилось все больше и больше. Чем беспощаднее изгоняли из деревень, тем настойчивее рвались они на новые земли, а оттуда с беспокойством сообщали в столицу, что евреи "в немалом числе непрерывно идут и идут в Новороссию". Многие продавали все свое имущество и отправлялись в путь тайно, малыми группами, за собственный счет, без разрешения и даже без паспортов, надеясь получить на месте возмещение за расходы. Они прибывали в колонии измученные долгой и тяжелой дорогой, "редкий из них имел самое нужное одеяние, - сообщали местные власти, - у большей же части оно состояло из одних лоскутьев". "Дорога наша продолжалась до четырех месяцев, - писал один из новых колонистов. - Прибыв на пустопорожний участок, получили деньги в весьма малом количестве, и, изнураясь в дороге от холода, ненастья и разных беспокойств, должны были приниматься за постройку домов... Среди обширной степи и свирепости зимы, весьма для нас тягостной, взялись мы пахать никогда непаханную землю".

К началу 1810 года в семи колониях Херсонской губернии поселилось более шестисот еврейских семейств, а многие еще ожидали своего, устройства, скитаясь по Новороссии и бедствуя. Местное начальство просило приостановить поток переселенцев, потому что и без них "бездомных евреев бродит с места на место великое множество", и все они "настойчиво просят землю, жилья и пищи". Да и в колониях дела обстояли не лучшим образом. Выделяемых денег было недостаточно, чтобы построить дом, купить волов, плуги, бороны и возы. Ко времени посевов им выдавали часто не семена, а деньги, "и то не вовремя, - как жаловались колонисты. - Например, на озимый посев вместо августа - в декабре и даже позже". Порой местные правители, не доверяя неопытным колонистам, сами закупали для них волов, плуги и прочее оборудование, "очень дешево и все самое отличное". Но купленные волю, по свидетельству ревизора, "оказывались старыми, исхудалыми, к полевым работам непригодными, а повозки, плуги и прочее - непрочными, требующими исправления, починок и переделок".

Новые земледельцы, не имевшие никакого опыта, в короткий срок должны были научиться пахать целинную землю, которую могла поднять лишь упряжка из четырех волов. В соседних с

ними селениях даже русские крестьяне-поселенцы не могли приспособиться к этим землям и разорялись, - так чего же можно было ожидать от торговцев и шинкарей, которые в немолодом уже возрасте впервые взялись за плуг? Многие дома в колониях стояли "без крыш, дворов и загоронок". В поселениях не хватало воды. Рыли колодцы, но вода в них оказывалась горько-соленой и вредной для людей и скота. В окрестностях не было лесов, рос один только бурьян. Заготавливать кизяк поселенцы не умели, а, научившись, не могли запасти его на долгую зиму, и потому многие семейства жили совместно в нескольких отапливаемых избах, а прочие заброшенные дома отсыревали за зиму и разрушались. Смотрители колоний докладывали, что поселенцы "не знают, как что начать и как кончить", а самые ретивые из смотрителей прецтагали приучать их к сельскому труду испытанным способом: "приложных - поощрять, ленивых - заставляя, а нерадивых - драть".

Среди переселенцев была повышенная смертность из-за тяжелых условий жизни и непривычного климата. Некоторые "отлучались без разрешений" в города и там торговали или содержали шинки у помещиков. Другие исчезали "неизвестно куда" или же возвращались на прежние места в западные губернии. Один из инспекторов сообщал начальству: "Жестокие морозы, каких здешние старожилы не запомнят, сильнейшие ветры и вьюги, глубокие снега, которые завалили в колониях избы по крыши... Все колонисты жалуются на бескормицу, скот окоревает, а люди холодают и голодают... Жиды в ужасном положении и единогласно с пролиетом слез умоляют отвратить их от гибели: в худых, развалившихся избах без крыш, без всякого пропитания и топлива, коего и достать негде за безмерными снегами, - они изнемогают среди холода и голода, среди степи!" Вторил ему и другой инспектор: "В лохмотьях, босые и без рубашек, по пятнадцать-двадцать человек в избе, в духоте и неописанной неопрятности пребывали и жестокою цинготную болезнь расплодили. Больные валялись вместе со здоровыми, заражали их; и те, и другие умирали". А колонисты поселения Сейдеменуха жаловались начальству: "От перемены вод, климата, от недостатков, отчаяния и болезней в течение трех лет умерло у нас двести душ..., да и все мы бедны, несчастны!"

С самого начала власти выделили на переселение евреев триста тысяч рублей. Провели ревизию и обнаружили, что за три года на эти цели потратили сто сорок пять тысяч, а в кассе осталось почему-то всего лишь... 2519 рублей. Местное начальство не сумело отчитаться за растроченные суммы, других денег у казны не было, и все кончилось тем, что в апреле 1810 года правительство распорядилось приостановить поселение евреев в Новороссийском крае. То же самое случилось и с привлечением к фабричному труду. В Кременчуге открыли фабрику сукноделия для обучения "праздношатающихся евреев". Оттуда нельзя было уйти без разрешения; там работали бесплатно, но получали казенную квартиру, одежду и еду. Сначала в Кременчуге учились около ста человек, через три года - тринадцать, а затем эту фабрику пришлось закрыть, потому что и последние евреи вместе со своими семьями "в ночное время в окна из казарм бежали". Даже в правительственном отчете отметили, что принудительными мерами невозможно приучить людей к новой профессии: "фабрики учреждаются сами собою, постепенно и по мере надобности, и капиталы, употребляемые на насильственное устройство этого рода заведений, суть капиталы, брошенные в воду".

А вновь созданный Еврейский комитет тем временем продолжал работать и в 1812 году представил императору свой доклад. В докладе - в первый, быть может, раз - была сказана правда о положении евреев России и об их роли в экономике западных губерний. Недостаток хлеба в Белоруссии, сказано там, происходит не оттого, что евреи продают вино крестьянам, а от плохого удобрения земель и неправильного хозяйствования. В юго-западных губерниях евреев тоже немало, а тамошние крестьяне зажиточнее белорусских. "Доколе у белорусских и польских помещиков будет существовать теперешняя система экономии, основанная на продаже вина, доколе помещики не перестанут, так сказать, покровительствовать пьянству, доколе зло сие, возрастая год от году, никакими усилиями не истребится, и последствия будут все те же, кто бы ни был приставлен к продаже вина, еврей или христианин". Примером тому те губернии, где евреев совсем нет, а пьянство все равно существует. Если выселить из деревень тысячи шинкарей-евреев, то на их место встанут тысячи шинкарей-крестьян; в результате этого земледелие лишится многих умелых работников, а казна должна будет потратить огромные средства, чтобы превратить евреев-шинкарей в пахарей. Но какая выгода в том: превращать земледельцев в целовальников, а целовальников - в земледельцы? Еврей скупает у крестьянина его урожай в деревне и продает ему косы, посуду, соль и прочие товары, и потому крестьянин

не должен тратить время, особенно в рабочую пору, на поездки в город, где он все равно продаст свои товары тому же самому еврею и сможет пропить то, что он пропивал у себя в деревне. От переселений в города еврейский народ "подвергся разорению", и потому комитет предложил - в преддверии войны с Францией - не ожесточать до последней крайности и без того угнетенный народ. Следует оставить их на прежних местах и вновь разрешить им сельскую аренду, винокурение и продажу вина, от чего они "никогда не обогащались, а извлекали одно только пропитание и удовлетворение лежащих на них повинностей".

Но предложения комитета были уже не ко времени. Наступил 1812 год, на Россию двигался Наполеон, и разрешение еврейского вопроса отложили до лучших времен.

Нота Ноткин был поставщиком армии князя Г.Потемкина и "служил отечеству со всевозможным усердием": "неоднократно рисковал потерять жизнь и поставлял для войск провиант и фураж в такое время, когда никто другой кроме него приступить к сему не хотел". Казна не вернула ему затраченные им собственные деньги - около двухсот тысяч рублей, и по этой причине Нота Ноткин дважды разорился. Он пользовался в Петербурге всеобщим уважением, и даже владелец Шклова С.Зорич отзывался о нем с "похвалой": "хотя и еврей, но преблагодарный человек". Есть сведения, что Павел I подарил Ноткину за его заслуги имение в Могилевской губернии, а Александр I особым указом объявил ему благодарность и пожаловал золотую, усыпанную брильянтами табакерку за четкую поставку продовольствия армии и флоту. Многие годы Нота Ноткин был бескорыстным ходатаем за своих единоверцев, защищал евреев, выселяемых из Смоленска, и помогал петербургской общине. Он умер в 1804 году и был похоронен на еврейском кладбище Петербурга, которое основали с его помощью. На могильном памятнике написали: "Высокопоставленный и знатный господин Натан Ноте сын Хаима из Шклова".

Жил в Петербурге и коммерции советник Абрам Перетц, сын раввина из Галиции, богатый откупщик, крупный подрядчик по строительству кораблей. Перетц принимал у себя в доме весь город, "славился своим умом" и "долго был памятен столице по своим достоинствам, по своим огромным делам и потом по своим несчастьям". "Откупщик Перетц - жид, но человек добрый и истинно благородный", - аттестовал его современник. Финансовая реформа 1810 года в России во многом обязана своим успехом "наставлениям банкира Перетца", а в 1812 году, во время Отечественной войны, Перетц вложил свои деньги и свой опыт в организацию снабжения русской армии провиантом. После войны он никак не мог получить с казны собственные деньги - около четырех миллионов рублей, разорился и потерял свое огромное состояние. В конце девятнадцатого века о нем снова вспомнили и написали: "Перетцу в 1812 и 1813 гг. наша армия обязана главным образом своим продовольствием".

Жил в то время в Петербурге и Лейба Невахович из Подолии, друг и учитель Перетца. Он занимался литературным творчеством - "тайная некая сила призывает меня к перу", знал несколько языков, но писал, в основном, по-русски, как он сам говорил, "на языке более известном и употребительном в моем отечестве". В 1803 году, во время работы Еврейского комитета, Невахович издал книгу "Вопль дочери Иудейской", которую посвятил одному из членов комитета графу В.Кочубею. Затем он издал эту книгу и на иврите и посвятил ее "защитнику народа" Ноте Ноткину и "коммерции советнику" Абраму Перетцу. "Я не для того вещаю, - писал он, - чтобы вывести себя в пышности на сцену. Может ли тщеславие иметь место в сердце унылом и сокрушенном? Нет, я изливаю токмо ту горечь, которою чрез меру наполнена душа моя!" Эта книга - первое еврейское литературное произведение на русском языке - должна была по замыслу автора пробудить в русском обществе гуманные чувства к евреям, их "соотчичам" - соотечественникам. "В то самое время, - писал Невахович, - когда сердца всех европейских народов меж собой сблизились, когда уже слились воедино, народ еврейский еще видит себя презираемым... Одно имя иудей производит уже в произносителе и слушателе онаго некое странное и необычайное движение. Имя сие учинилось поносным, презренным, поруганным и неким страшилищем для детей и скудоумных... О христиане, славящиеся кротостью и милосердием, имейте к нам жалость, обратите к нам нежные сердца ваши!... Ах, христиане!... Вы ищите в человеке иудея, нет, ищите в иудее человека, и вы без сомнения его найдете!... Клянусь, что иудей, сохраняющий чистым образом свою религию, не может быть злым человеком, ниже - худым гражданином!!!" Книга заканчивалась такими словами: "Тако вопияла печальная дочь Иудейская, отирала слезы, воздыхала и была еще неутешима". Но сам Лейба Невахович впоследствии нашел способ "утешиться": перешел в

лютеранство и стал именоваться Львом Александровичем. Он успешно сотрудничал в русских журналах и написал драму, как отмечали тогда, "одно из превосходнейших сочинений в своем роде", которая с большим успехом шла на сцене Императорского театра в Петербурге. Льва Александровича Неваховича похоронили на лютеранском кладбище, а его дети, как уверяли современники, не любили вспоминать о покойном отце - Лейбе Неваховиче. Один из его сыновей, карикатурист, издавал первый в России юмористический журнал "Ералаш", а внук Лейба Неваховича, Нобелевский лауреат Илья Мечников, стал всемирно известным ученым. У маленькой еврейской общины Петербурга не было сначала своего кладбища, и первых трех умерших похоронили на христианском кладбище. В 1802 году община приобрела земельный участок на лютеранском кладбище, и в книге записей лютеранской общины Петербурга отметили: "Не возбраняется евреям носить своих покойников к своему кладбищу через наше кладбище", - но при этом лютеране брали по десять рублей за каждые похороны. На вновь созданное еврейское кладбище сразу же перенесли останки первых трех умерших. В книгу записей общины вписывали имена погребенных - "для сохранения памяти". Вот некоторые из них: "Ицхак сын Авраама из Житомира"; "Йосеф сын Элизера из Могилева, прозванный Йосефом Косым"; "Возле рва похоронен выкидыш от Моисея сына Яакова Кишнера из Шклова"; "Скончался и похоронен знаменитый раввин и славный врач Моше Элькан из Тульчина". И еще одна запись: "Заносим для памяти, что в госпитале умер большой, и нам приказано было его похоронить, так как перед смертью он открыл начальству госпиталя, что он еврей и желает быть погребенным на еврейском кладбище. Мы также знаем, что он религии своей не переменил, но поведение его не подобало истинному еврею, поэтому положили его в отдельном месте, на южной стороне у вала. Имя его: Авигдор сын Давида Чахечовер из Варшавы".

На первом еврейском кладбище хоронили до 1862 года. Затем лютеране отвели на своем кладбище еще один участок земли, где хоронили евреев до 1874 года. А потом уже городская управа выделила семь десятин земли на Преображенском кладбище, и одними из первых там похоронены Берка Бурак и Мошка Фрисно - "лаборатористы" Охтинского порохового завода, которые погибли при взрыве в лаборатории. Было им тогда по двадцать три года от роду.

* * *

*

"Положение" 1804 года разрешило евреям получать "университетские степени наравне с прочими российскими подданными". Некий Симон Левин Вульф из Курляндии прослушал курс лекций в Дерптском университете и попросил устроить ему экзамен для получения степени доктора юридических наук. Но юридический факультет университета не соглашался на это, потому что "наука о правах заключает в себе учения, которые не согласуются с религией еврея". Симон Вульф настаивал на своем и даже послал прошение императору: "Не отвергните, Ваше Императорское Величество, верной службы одной из притесненных наций", - но его просьбу не приняли во внимание и не позволили российским евреям получать университетские степени "по части юриспруденции". Однако в Прибалтийском крае местные законы не запрещали евреям быть адвокатами, и Симон Вульф после предварительного испытания получил право "хождения по делам", занимался в Митаве юридической практикой и был, очевидно, первым евреем-юристом в Российской империи.

* * *

К началу девятнадцатого века у евреев России не было фамилий, и пользовались они лишь именами и прозвищами. Еще Г.Державин в своем "Мнении" рекомендовал прибавлять к их именам русские фамилии типа Замысловатый, Дикий или Промышленный - для более удобной их переписи и для ведения судебных дел. Еврейский комитет решил не навязывать силой русские фамилии, но саму идею принял и узаконил ее в "Положении" 1804 года. С этого момента и стали появляться фамилии у евреев России, хотя многие еще годы попадались в местечках люди, которые по каким-либо причинам оставались бесфамильными.

Две особые группы фамилий ведут свое происхождение от слов "коэн" и "леви". В древности коэны - потомки первосвященника Аарона по мужской линии - служили в Иерусалимском Храме, а левиты помогали им во время этих служб. После разрушения Храма и по сей день коэны и левиты выполняют особую роль в синагогах во время молитвы, и у многих из них веками сохранялись добавления к именам - "коэн" и "леви". Эти добавления превратились, естественно, в их фамилии. От "коэна" пошли фамилии - Коган, Каган, Каганович, Каганский, Кагановский, Кон, Кун, Коганер, Коганзон. От "леви" - Левин, Левитан, Левитанский, Левит, Левитас, Левитин, Левинзон, Левич, Левицкий, Левитман.

Очень много еврейских фамилий образовались от женских имен на языке иврит. От имени Браха - в переводе с иврита "благословение" - пошли фамилии Брухис, Брочес, Брошкин. Двбра - "пчела" - вызвала к жизни Дворина, Дворкина, Двойреса, Деборина. От имени Малка - "царица" - пошли Малкины, Малкесы и Малковы. Нехама - "утешение" - дала нам Нехамкина, Нехамкеса, Нехумеса, а Рахель - "овца" - Рахлина, Рахленко, Рохлина. От имени Ривка - "телка", "мягкая" - пошли по свету Ривкины, Ривлины, Ривичи, Ривинсоны и Ривманы. От имени Тамар - "пальма" - Тамарины, Тамаркины, Тумаркины, Темины и Темкины, а от имени Ципбра - "птица" - Ципины, Ципкины, Циперсоны и Циперовичи.

Многие фамилии образовались и от женских имен на языке идиш. Блюма дала Блюминых, Блюмкиных, Блюмовичей. Гинда - Гиндиных, Гиндисов, Генделевых, Гендиных. От Гиты пошли Гитины, Гитовичи, Гутины, Гительсоны. Гольдин - от Голды. Зельдин - от Зельды. Фейгин - от Фейги. Фрейда дала Фрадкина, Фрума - Фрумкина, а Шейна - Шейнина. Еврейские фамилии образовывались и от женских имен, чьи корни следует искать в немецком, романских и славянских языках. От Беллы пошли Бейлин, Бейлис и Белкин. От Розы - Розин, Рейзен и Розенсон. От Златы - Златин, Златкин, Златкес. От Славы - Славин, Словин и Славкин.

Многие фамилии образовались от профессий первых их владельцев. Если жил в местечке какой-нибудь Янкель по прозвищу "шнайдер" - портной, то его так и записывали в метрических книгах - Янкель Шнайдер, и все его потомки тоже становились Шнайдерами, даже если они и не были портными. Корни этих фамилий следует искать в языке иврит, а также в языках народов, среди которых жили евреи. Магид, Магидович, Магидсон - проповедник. Меламед, Меламуд, Маламуд - учитель в хедере. Меникер и Менакер - специалист по очищению мяса от жира и жил, запрещенных еврейским Законом для употребления в пищу. Рабин, Рабинович, Рабинер - раввин. Хазан, Хазанов, Хазанович - хазан, кантор в синагоге. Сойхер - торговец. Шойхет - резник. Сойфер - переписчик религиозных текстов. Хаит, Хайт, Хайтович - портной. Ботвинник - продавец зелени. Крамер, Кремер, Крамаров - лавочник. Бутман - тоже лавочник. Векслер - меняла. Гуральник - винокур. Шенкер и Вайншенкер - шинкари. Бухбиндер и Айнбиндер - переплетчики. Бляхер и Бляхерович - жестянщики. Вассерман - водовоз. Вебер - ткач. Гиссер - литейщик. Глезер - стекольщик. Гольдшмидт - золотых дел мастер. Малер - маляр. Мирошник - мельник. Мулерман - печник. Тышлер - столяр. Фарбер - красильщик. Цигельман - кирпичник. Стругацкий - строгальщик. Шмуклер - галантерейщик. Шмидт - кузнец. Шумахер - сапожник. Шустер - тоже сапожник. Фурман - извозчик. Фишер - рыбак. А фамилии Купчик, Табачник, Музыкант, Дудник, Цимбалист, Аптекарь, Токарь, Портной, Столяр, Пивоваров и Винокур пояснения не требуют.

Появились тогда же и фамилии, образованные особым способом, в которых было зашифровано какое-либо выражение. Фамилия Шац образовалась от первых букв выражения на иврите "шлиах цибу", что в переводе означает "посланец общества" - то есть тот, кто ведет службу в синагоге. Фамилия Мазо или Мазе скрывает в себе три слова на иврите, которые в переводе означают - "потомок Аарона первосвященника". В фамилии Кац зашифровано выражение "Коэн Цедек" - "праведный коэн". Фамилия Магарик - это первые буквы выражения на иврите "учитель наш рабби Йосеф Каро", в память о предке-раввине, который жил в шестнадцатом

веке и составил свод религиозных законов "Шулхан арух". В фамилии Рошаль сохранилась память о рабби Шломо Лурье из Польши, раввине шестнадцатого века. А в фамилии Маршак зашифровано имя раввина Шломо Клюгера, который жил в Галиции: "учитель наш рабби Шломо Клюгер". Но есть и такие Маршаки, что ведут свою родословную от другого раввина, и их фамилия расшифровывается иначе: "учитель наш рабби Аарон Шмуэль Койдановер". Поэт Самуил Яковлевич Маршак - потомок раввина семнадцатого века рабби Аарона Шмуэля Койдановера.

* * *

В одном маленьком местечке черты оседлости жил бедный учитель - меламед Рувим. Этот человек знал все, что происходило на свете, в любом его уголке, а если где-то начиналась война, Рувим заранее угадывал, кто победит. И потому по субботам, в сумерки, между молитвами "Минха" и "Маарив", вокруг Рувима собирались в синагоге евреи местечка, чтобы узнать, что творится на белом свете. Газет у них не было, - да и газеты печатали тогда на таких языках, которых евреи не знали, - и потому все слушали Рувима с жадным вниманием и не понимали только одного: откуда он узнавал все эти новости. Однажды Рувима спросили, скоро ли явится избавитель - Мессия. И он тут же ответил: "Придет время, когда Эйдем будет воевать с Ишмоэлем (то есть христиане с мусульманами), и Эйдем победит и скажет тогда евреям: "А ну-ка, евреи, собирайтесь со всех стран и возьмите принадлежащее вам силой! Теперь самое время, евреи: Ишмоэль ослабел, и вы можете отбить вашу Святую Землю одним приступом". "Ах! - воскликнул Рувим. - Если бы я дожил до этого времени, я первым бы кинулся на приступ - храбро, как казак!" Все посмотрели на его хилую, тщедушную фигурку, расхохотались, и с тех пор бедного учителя только так и называли в местечке - "Рувим дер Кбзак". Так что же удивляться тому, что ходят теперь по свету евреи с такой, казалось бы, нетипичной фамилией - Козак, Казак, Казакевич или Казаков?! Быть может, у кого-то из них и был предком тот самый "Рувим дер Кбзак", который знал все на свете и рвался в бой за освобождение Святой Земли - "храбро, как казак"?...

ОЧЕРК ТРЕТИЙ

1

Еврейское общество того времени могло показаться стороннему наблюдателю однородным и застывшим, в котором, казалось бы, ничего существенного не происходило. Но на самом деле в общинах бурлила жизнь, накалялись страсти, кипели споры и яростные обличения, свергались старые авторитеты и создавались авторитеты новые. Во второй половине восемнадцатого века в еврейских общинах Литвы, Белоруссии, Украины и Польши происходили сложные процессы и серьезнейшие изменения - распространение хасидизма, борьба между хасидами и их противниками, раскол еврейского общества.

Еще в середине восемнадцатого века ездил по синагогам Волыни и Подолии рабби Дов Бер из Межирича, читал нравоучения и призывал к покаянию. Он вел аскетический образ жизни, часто постился "от субботы и до субботы", а во время молитвы плакал и сокрушался о грехах. Жил он со своей семьей в крайней бедности, много болел и уже в немолодом возрасте поехал за исцелением к знаменитому чудотворцу - рабби Исраэлю Баал Шем Тову. Хасидская легенда рассказывает, что основатель хасидизма исцелил не столько его тело, сколько душу. Попав в первый раз к Баал Шем Тову, рабби Дов Бер предположил, что тот будет говорить с ним о тайнах кабалистического учения, но вместо этого Баал Шем Тов рассказал нехитрую историю о том, как однажды в дороге у него кончилась провизия, и ему нечем было накормить своего возницу. Рабби Дов Бер разочаровался при первой их встрече, решил было уехать домой, но

ночью его внезапно позвали к Баал Шем Тову. Без всяких предисловий тот открыл перед ним кабалистическую книгу и попросил разъяснить одно сложное место. Рабби Дов Бер объяснил, но Баал Шем Тов сказал на это: "Ты ничего не понимаешь!" - и стал объяснять сам. В этот момент, как рассказывает легенда, комната наполнилась светом, в ней появились ангелы и стали жадно прислушиваться к словам Баал Шем Това. Закончив объяснение, тот сказал рабби Дову Беру: "Ты правильно объяснил это место. Но беда в том, что объяснению твоему недоставало души". После этого рабби Дов Бер остался у Баал Шем Това и стал лучшим его учеником.

Баал Шем Тов умер в 1760 году и перед смертью объявил своим преемником рабби Дова Бера из Межирича, "Великого магида" - проповедника. Рабби Дов Бер был духовным вождем хасидов двенадцать лет, до дня своей смерти, и местечко Межирич на Волыни стало центром хасидского учения и местом паломничества для многих. Туда приходили, чтобы поучиться у рабби Дова Бера, выслушать его совет, излечиться от болезни, просто для того, чтобы увидеть "учителя всего рассеяния". Всю неделю он не выходил из комнаты, куда могли войти к нему только его ближайшие ученики, а по субботам появлялся на общей молитве в одеждах белого цвета, даже в ботинках из белой кожи, потому что по кабале белый цвет является символом милости. После молитвы устраивали общую трапезу для всех желающих, а затем рабби Дов Бер прислал каждого из присутствующих сказать какой-либо отрывок из Торы. Эти отрывки, взятые из различных мест, он связывал в своей проповеди в одно целое, и всякий гость находил в том месте проповеди, которое касалось выбранного им отрывка, ответы на те проблемы, что беспокоили его и требовали умного совета. Все относились к учителю с огромным уважением и говорили, что "источники мудрости, которые до этого шли к Баал Шем Тову, потекли теперь к великому проповеднику рабби Дову Беру". А один из хасидских раввинов даже уверял, что он "ездил к рабби Дову Беру не столько для того, чтобы слушать его учение, сколько для того, чтобы смотреть, как он завязывает и развязывает ремень своего сапога, ибо и в таких мелочах проявляется его святость".

Рабби Дов Бер рассылал по городам и местечкам особых посланников, которые проповедовали хасидское учение и привлекали многих. "Молодые люди, - писал современник, - оставляли своих родителей, жен и детей и целыми толпами отправлялись отыскивать великих учителей хасидизма, чтобы из их уст услышать новое учение". Среди посланцев рабби Дова Бера выделялись рабби Исраэль Полоцкий и его друг рабби Азриэль, который, как говорили, был "тайным праведником" с великой душой. Они переезжали с места на место, проповедовали и убеждали, и Азриэль с такой страстностью молился в синагогах, что своей "молитвой внушал людям презрение к мирской суете и стремление прилепиться к Творцу миров".

Рабби Дов Бер учил, что весь мир пребывает в Боге, Который присутствует во всяком Его творении. Человек есть вершина Творения, и ради человека Бог ограничил Свою бесконечную силу и сосредоточился в конечных вещах. Но если Бог снизошел до человека, то и человек обязан возвыситься до Бога. "Всевышний совершил столь великое самоограничение для того, чтобы через бесконечное число миров приблизиться к человеку, который иначе не мог бы вынести Его яркого света. Потому и человек должен отделиться от всего телесного для того, чтобы через все миры вознестись к Богу и достигнуть такого общения с Ним, которое граничит с самозабвением". Когда же учителя спрашивали, как добиться в молитве этого состояния самозабвения и восторженности, рабби Дов Бер отвечал: "Сказано: кто ищет огня, пусть пореется в пепле. А я говорю: стбит человеку вспомнить, что он только пепел и прах, абсолютное ничто без той искры Божественной, которая его одушевляет, чтобы тотчас же эта искра, скрытая под пеплом, разгорелась в сильное пламя".

Еще учил рабби Дов Бер, что только цадик - совершенный праведник способен во время молитвы мысленно отвлечься от всего земного, сосредоточиться на мысли о Всевышнем и достичь состояния полного самозабвения. В такой момент цадик достигает единения с Богом и становится связующим звеном между Богом и миром; через цадика Всевышний изливает Свою милость на грешную землю, и "молитва праведника побуждает Бога сменить гнев на милость". Цадик нисходит со своей высоты и принимает заурядное обличье только для того, чтобы приблизиться к людям и поднять их на более высокую ступень духовного развития, "чтобы из низменных предметов извлечь Божественные искры и вознести их к небу". И потому каждый должен прилепиться к цадик, любить его и выполнять его указания. "Я слышал из святых уст моего покойного учителя, - вспоминал один из учеников рабби Дова Бера, - что само

Священное Писание обязало цади́ков молиться за всех своих братьев-евреев и испрашивать у Бога исцеление больным, детей - бесплодным женщинам и каждому человеку все то, в чем он нуждается".

Рабби Дов Бер умер в 1772 году, и после смерти учителя его ближайшие ученики разъехались по городам и местечкам и основали там хасидские общины. Это были рабби Элимелех из Лежайска и его брат, рабби Зуся из Аннополя, рабби Менахем Нахум из Чернобыля, рабби Израэль из Козениц, рабби Леви Ицхак из Бердичева, рабби Аарон из Карлина, рабби Менахем Мендель из Витебска, рабби Шнеур Залман из Ляд и другие. Их никто не назначал сверху и не обладали они никакой формальной властью, и тем не менее это были поистине народные вожди, духовные руководители, вокруг которых группировались их последователи. "Цади́к - это сердце мира, - учил рабби Яков Йосеф из Полонного, - а остальное человечество - прочие части тела, жизненность которых зависит от деятельности сердца... Следует верить в цади́ка верой безотчетной, не вдаваясь в оценку его поведения, и если ты заметишь за ним некоторые дурные черты - обман, лживость и тому подобное, ты все же не теряй к нему уважения, потому что им руководят мотивы высшего порядка". "Цади́к все может совершить", - учил рабби Элимелех из Лежайска. Он может даже уговорить Бога отменить распоряжения, идущие во вред людям, и в этом отношении цади́к выше ангелов, которые беспрекословно выполняют любое поручение Всевышнего. Святость цади́ка передается по наследству, и рабби Элимелех объяснял это таким образом: "Сын цади́ка свят еще от утробы матери, ибо он освящен Божественными мыслями своего родителя в момент зачатия".

Один из учеников Баал Шем Това писал: "Кто хочет обратить простой народ на путь истины и привлечь его к служению Богу, тот должен предварительно соединиться с этим народом". И так оно и было. Цади́к стал не только духовным вождем, но и руководителем общины. Он давал практические советы, входил во все мелочи жизни, и к нему шли люди. На субботу и на праздники многие хасиды из окрестностей и даже из далеких мест съезжались к своему наставнику. Там можно было получить благословение и необходимый совет, и там, перед цади́ком, все были равны - богатый и бедный, ученый и неуч. Во время общей трапезы цади́к излагал собравшимся свое учение, а со временем особый смысл стали придавать третьей субботней трапезе, на исходе дня, когда хасиды рассказывали друг другу о цади́ке и о его наставлениях и распевали "нигуним" - ха-сидские напевы. "Когда вы собираетесь вместе, - завещал своим хасидам рабби Шалом, внук рабби Дова Бера, - то беседуйте обо мне, а когда у вас уже нечего будет говорить обо мне, то говорите о моих стульях и скамейках, ибо все, что относится к цади́ку, свято, и беседа об этих предметах душеспасительна".

"Поверьте мне на совесть, - писал один из учеников рабби Элимелеха, - ибо я не лгу - сохрани Господь! - и заслуживаю доверия. И вот я свидетельствую, что между цади́ками есть такие праведники, которые своей молитвой могут оживлять почти мертвецов... Тело цади́ков на земле, но душа - в небесах... Они знают наперед, какое страдание постигнет человека, и обыкновенно предупреждают несчастье... Жить рядом с этими праведниками - наслаждение".

2

Еще со времен Баал Шем Това появились противники хасидизма, которые первым делом подметили внешние его отличия и поднялись против нового течения в иудаизме. Раввин из Германии писал тогда: "С прискорбием узнал я о том, что недавно на Вольни и в По-долии возникла новая секта - хасиды, а некоторые из них забрели и в нашу страну. Эти хасиды... проводят полдня в молитве, совершая при этом странные телодвижения, хлопая ладонями и качаясь во все стороны, с закинутыми назад головами и поднятыми кверху глазами, что противно всем заветам и обычаям наших предков. Истинно говорю вам, что если бы я увидел

людей, совершающих такие вещи... , я рвал бы их мясо железными клещами". Но дальше угроза дело тогда не пошло, и хасидизм свободно распространялся на юге и западе Восточной Европы. Это был не случайный успех. В первую очередь хасидами становились простые люди - мелкие торговцы, шинкари, ремесленники, которым некогда было учиться, потому что все свое время они тратили на то, чтобы прокормить семью. Ученые евреи свысока относились к этим людям и называли их презрительно "ам гаарец" - "неучи", "невежды" (буквально - "народ земли"). Но вот пришел Баал Шем Тов и сказал, что каждый еврей может возвыситься силой своей любви к Богу, что важнее всего не внешнее соблюдение обряда, а наполнение его внутренним духовным содержанием, и что Всевышнему надо служить радостью, веселием и восторгом.

Неискушенные в учении, но искренне верящие евреи ощутили вдруг, что и их молитва не менее важна Небесам, чем углубленные занятия ученого раввина, почувствовали радость и восторг в служении Богу, ощутили ценность человеческой жизни, что было прежде достоянием немногих. Оказалось вдруг, что от каждого из них многое зависит: от их поступков, от их слов и даже от их мыслей. Каждое доброе дело способствует гармонии на Небесах и ведет к избавлению, каждое злое дело - разрушает и ведет к хаосу. Запуганные и преследуемые враждебным окружением, эти бедняки искали заступников в своей тяжелой и беспросветной жизни, и нашли возле себя могучих покровителей - цадиков, которые могли духовно возноситься до Небес и защищать их от обид и притеснений. И масса пошла за своими цадиками, объединилась в радости и веселии, наполнилась сознанием собственной важности и значимости, - а с этим уже можно было прожить в окружавшем их мире жестокого бесправия.

Во всех принципиальных вопросах хасидизм не выходил за рамки ортодоксального иудаизма, но был естественным продолжением еврейской традиции. Во все времена жили немногие, особо благочестивые евреи с чрезвычайно высокой требовательностью к себе в служении Богу. Баал Шем Тов призвал всех евреев стать хасидами - "благочестивыми" в их повседневной жизни, чтобы укрепить их веру и прояснить намерения во всяком религиозном обряде. Он призывал также своих последователей изучать кабалу - мистическое учение, "тайное тайных", с помощью которой с давних времен пытались постигнуть скрытый, истинный смысл Торы и понять тем самым сущность Бога и Божественных процессов. Прежде кабала предназначалась лишь для искушенных в учении, но Баал Шем Тов и его "священное братство" сделали ее доступной для многих. И неожиданно мир простого, мало ученого еврея наполнился Божественной мудростью, окутался влекущей к себе дымкой таинственности, удовлетворяя тем самым его потребность к возвышенному и сверхъестественному и расцветившая серую и скудную повседневную жизнь.

Противников хасидизма стало пугать новое течение в иудаизме, его методы, его бурное распространение, а также излишняя восторженность его сторонников. Боялись, что хасидские застолья, их веселье и пение "нигуним" - хасидских мелодий станут более желанными, чем углубленное изучение Закона и исполнение религиозных предписаний. Настораживало и изучение кабалы многими хасидами, что могло поколебать основы еврейской жизни. Еще мудрецы прошлого призывали к осторожности в изучении кабалы, которая распространялась только среди посвященных - от учителя к ученику, из уст в уста. Во избежание неверных выводов ее запрещали изучать людям до сорока лет, которые не наполнились еще боязнь Небес, недоучкам и неискушенным в знании Торы и Талмуда. Еще свежи были в памяти лжемессианские движения Саббатая Цви и Яакова Франка, которые основывали свои учения на неверном понимании кабалы и увели многих в ислам и в христианство. Мудрецы того поколения считали, что именно изучение кабалы неподготовленными к этому людьми вызвало к жизни саббатрианство и франкизм, и предполагали поначалу, что хасидизм - это такая же крамольная секта, распространение которой может стать опасным для иудаизма. Противники хасидизма особенно нападали на цадиков, боялись поклонения им на грани с идолопоклонством, и для обличения цадиков годился любой повод. "Невежественные главари секты, - писал один из раввинов, - получают от верующей в них толпы богатые подарки, едят сытно, одеваются в шелк, между тем как истинные ученые находятся в жалком положении. Глупый хасид жиреет, как откормленный бык или кабан, и занимает почетное место, а праведник прокармливаются с трудом и бедствует". А хасиды на это отвечали: "Они завидуют нашим праведникам, потому что наши пользуются доброй славой и народ льнет к ним, а к их раввинам никто не обращается, хотя они и воображают себя более праведными и учеными. Потому они и стараются обесславить наших цадиков и распускают про них разные небылицы".

Конечно же, в споре применялись разные доводы, порой преувеличенные и несправедливые, и борьба доходила временами до ожесточения, до взаимных угроз и проклятий, до драк и доносов. Надо только помнить при этом, что спор хасидов с их противниками - это был спор "во имя Небес", каждая сторона наставляла народ Израиля на путь истины, - но были у них разные подходы и разные методы в изучении Закона и служении Богу.

Вскоре хасидизм стал преобладать на Воыни, в Подолии, Галиции и в Польше, и его распространение не встретило там практически никаких препятствий. Но в Литве и в Белоруссии дело обстояло иначе. Нравы в общинах были строгими, и всякое вольнодумство немедленно пресекалось. Допустившего прегрешение могли подвергнуть позорному наказанию - поставить в "куну". Это были вделанные в стену железные кольца, в которые замыкали шею и руки провинившегося, и сохранились жалобы с тех времен, где пострадавшие описывали, как их "посадили на цепь, избili и истрепали..." После страшных времен хмельниччины, когда на Украине убили многих ученых и разрушили иешивы, Литва стала центром раввинской учености. Тамашние еврейские общины были сплочены вокруг своих раввинов, иешивы переполнены, а их лучших учеников приглашали на раввинские должности во многие города Европы. Авторитет ученых в Литве был чрезвычайно высок и высоки требования: если в комнате у ученого после полуночи не горела свеча, это означало, что он недостаточно занимался учением. "Богатство, физические преимущества и таланты всякого рода в Литве. - писал современник, - хотя и ценятся народом, не могут, однако, сравниться в его глазах с достоинством хорошего талмудиста. Талмудист первым может претендовать на всякие должности и почетные места в общине. Когда он приходит в какое-либо собрание, то все встают перед ним и ему отводится первое место... Богатый купец, арендатор или промышленник, у которого есть дочь, употребляет всевозможные усилия, чтобы приобрести зятя - хорошего талмудиста. Тот может быть безобразен, болен и невежествен во всех других делах, - все-таки ему дадут преимущество перед всеми другими женихами..."

Город Вильно был столицей тогдашнего раввинизма. Там находились знаменитые иешивы, там жили выдающиеся законоучители того времени, и самый прославленный среди них - раввин Элиягу бен Шломо Залман, или Элиягу Габн - Илья Гаон из Вильно. Ему не было еще и семи лет, когда он произнес в Большой синагоге проповедь на талмудическую тему, поразив ученых своими знаниями. Его сверстники только начинали учить Тору, а он уже не нуждался в учителе, с десяти лет самостоятельно изучал раввинскую литературу и участвовал в талмудических диспутах наравне со взрослыми. Перед мальчиком преклонялись старые, умудренные знаниями ученые, а когда ему исполнилось тринадцать лет, он уже изведal не только "глубины моря талмудического", но и изучил математику, астрономию и физику.

С юношеских лет Элиягу вел аскетический образ жизни, и еще в молодом возрасте, оставив на время жену и детей, отправился в "изгнание" и пять лет подряд скитался по городам Польши и Германии в знак скорби о разрушенном Храме и рассеянном по свету еврейском народе. Уже тогда говорили, что слава его "велика в Польше, Берлине и во всех местах, где он странствовал". Затем он вернулся в Вильно, превратил свой дом в дом учения и молитвы и почти никуда не выходил оттуда до конца своей долгой жизни. Элиягу Гаон жил в крайней бедности и, тем не менее, не захотел стать виленским раввином, чтобы не отвлекаться на житейские проблемы и всецело заниматься изучением Торы. Питался самой скудной пищей, спал не более двух часов в сутки и видел только своих учеников, которые с благоговением ловили каждое его слово. Чтобы дневной свет и уличные шумы не отвлекали от занятий, он закрывал днем ставни и работал при свете лампы: "лицо обращено к стене, глаза к книге, а сердце - к Небесам". "Только муками, - говорил Элиягу Гаон, - можно добиться истинного знания". Даже со своими детьми он мало разговаривал и советовал им такую же затворническую жизнь, чтобы не тратить время на внешнюю суету. Его работоспособность была поразительной. "Если бы даже ангел с неба, - говорил он, - открыл мне все научные истины, я бы не дорожил ими, раз они достались мне без собственных усилий". Его авторитет был непререкаем, и самые ученые раввины считали за честь стать его учениками. За праведный образ жизни его называли "благочестивым", или "святым", а за мудрость и огромные познания в талмудической науке он получил самый почетный титул, какой присваивали только наиболее выдающимся ученым в еврейской истории - гаон. Гаон - означает "величие", "гордость", "достоинство" (в современном иврите это слово означает "гений"). По сей день его называют

просто - "Виленский гаон", и все уже знают, о ком идет речь. Он был гаоном Вильно - "литовского Иерусалима", его славой и его гордостью.

Виленский гаон считал главным смыслом жизни изучение и исполнение законов Торы.

"Религиозные заповеди и обряды, - учил он, - составляют проявление Божьей воли...

Праведники не стремятся ни к приятному, ни к полезному, а к тому, что по самой сущности своей есть добро, то есть к исполнению заповедей Торы". Даже в день своей смерти он искренне сожалел, что, покидая этот мир, не сможет уже их исполнять. Это было для него наиболее возвышенным способом служения Богу, и за это он не требовал для себя никаких наград. "Элиягу может служить Богу, - говорил он о себе, - и помимо надежды на загробную жизнь".

Суровый к самому себе, он был не менее суров и к другим. В письме к сыну он рекомендовал ему следить за поведением дочерей и наказывать их "самым нещадным образом" заслушивание, ложь и другие проступки. Однажды в его присутствии некий еврей непочтительно отозвался о раввинах прошлого. В тот же день вольнодумца схватили, наказали ударами ремня, выставили в "куну" на публичный позор, а затем вывели за черту города и велели убираться подальше.

Естественно поэтому, что Виленский гаон стал основным борцом с хасидами - нарушителями того образа жизни, который он так строго соблюдал. Отшельник и аскет, он был убежден, что "веселье и избыток пищи родят все дурное", и потому, конечно же, не мог согласиться с принципом Баал Шем Това, чтобы "человек старался всегда быть веселым и не печалью, а радостью служил Творцу". Особенно возмущали Виленского гаона цадики - "посредники" между Богом и человеком. А предпочтение молитвы изучению Закона у хасидов казалось ему посягательством на самую сущность иудаизма.

Столкнулись друг с другом два противоположных мироощущения, борьба между ними была неизбежной, - и эта борьба началась.

3

У хасидизма было уже много последователей на Волыни, в Подолии, Галиции и Польше, но в Литве и Белоруссии поначалу о хасидах почти ничего не знали. Во второй половине восемнадцатого века рабби Аарон Великий стал проповедовать хасидское учение в Карлине, неподалеку от Пинска, и оттуда уже хасидизм начал медленно распространяться по всей Белоруссии. Влияние рабби Аарона из Карлина было огромным, и потому хасидов долгое еще время называли в том краю "карлинерами", и даже в русских документах их поначалу именовали "каролинами". Рабби Аарон Великий умер молодым, как говорили тогда - "сгорел от внутреннего Божественного огня", но маленькие хасидские группы уже существовали в Пинске, Минске и Шклове. Хасиды молились на частных квартирах и прятались от кагальных властей, но в Шклове их быстро обнаружили, взяли под особый надзор, и Виленский гаон сказал по этому поводу так: "Правы шкловцы, ибо это - шайка еретиков, которых следует всячески теснить". Нужен был только повод, чтобы началась непримиримая борьба, - и повод этот нашелся.

В 1771 году в Вильно свирепствовала эпидемия, грудные дети умирали один за другим по неизвестной причине, и врачи не могли с этим справиться. Стали говорить, что эпидемия послана с Неба за прегрешения евреев против веры. Провели расследование, обнаружили тайную хасидскую молельню в самом Вильно, в столице талмудической учености! - и охваченные страхом евреи потребовали строго наказать "шайку богоотступников", чтобы прекратить эпидемию и отомстить "за оскорбленную честь Торы". В то время был еще жив Яков Франк, основатель секты франкистов, который со своими приверженцами принял христианство и призывал всех евреев обратиться к "религии Эдома". Виленские раввины предполагали поначалу, что объявившиеся у них хасиды являются сторонниками Франка или,

быть может, самого Саббата Цви - лжемессии. А тут еще стали поговаривать, что проповедник Хаим, глава виленских хасидов, будто бы оскорбительно отозвался о Виленском гаоне, - и этого было достаточно, чтобы начать преследование.

Весной 1772 года наиболее почтенные граждане виленской общины рассмотрели собранные улики, опросили свидетелей и постановили разогнать молитвенное собрание "карлинских хасидов". Их главу Хаима заставили публично повиниться в грехах в четырех синагогах города, а затем повели его к Виленскому гаону, и Хаим попросил у того прощения. Но Элиягу Гаон сурово ответил на это: "Мою личную обиду я тебе прощаю. Но обида, нанесенная тобой и твоими приверженцами Богу и святому учению Его, вряд ли будет вам прощена до самой вашей смерти. Еретикам нет возврата". И проповедника Хаима заставили покинуть город.

Но Виленский гаон этим не ограничился. Он потребовал, чтобы против хасидов предприняли самые решительные меры, потому что "преследовать, гнать и сживать со свету таких людей - богоугодное дело". Тогда привели в гаальную избу некоего Исера, "самого уважаемого и прославленного человека" среди виленских хасидов, наказали его ударами ремня и сожгли тут же все найденные хасидские рукописи. На другое утро, в субботу, в переполненной Большой синагоге Вильно провозгласили великий "херем" - отлучение от еврейского общества всех виленских хасидов и разослали послание в еврейские общины за подписью Элиягу Гаона: "Пусть везде преследуют и угнетают хасидов... Пусть рассеивают их сборища..., чтобы истребить идолов с лица земли. Тот же, кто поспешит в этом добром деле, удостоится жизни вечной".

В Бресте, Гродно, Пинске, Слуцке и других городах тоже провозглашали отлучение хасидов от общин и устраивали на них гонения. Выпустили специальный сборник посланий против "еретиков", который рассылали повсюду, а хасиды скупали его, где только можно, и уничтожали. Некоторые из хасидов уходили от гонений на юг, другие таились и скрывали свою принадлежность к этому учению, но особые раввинские послания учили распознавать их "тайную сущность": по усиленным телодвижениям и выкрикам во время молитвы, по их мокрым пейсам - от обычая хасидов совершать омовение до утренней молитвы, и даже по чрезмерному курению табака. "В настоящее время, - писали из Вильно в 1772 году, - распространилась эта зараза за грехи наши многие и созрела эта язва повсюду, во всякой области и во всяком городе".

Хасиды приобретали все больше сторонников, и молодые люди покидали иешивы, где они прежде так старательно учились, и повторяли теперь слова Баал Шем Това, что "дух Божий не посещает того, кто живет в сокрушении и печали". Доходило до трагедий в семьях: отец порывал с сыном, брат с братом, дочерей заставляли разводиться с их мужьями, которые становились хасидами, а если дети упорствовали в своих "заблуждениях" и не желали каяться, то родители приравнивали их к покойникам и отмечали по ним обряд траура. Даже у виленского раввина Пинхаса Магида, который обучал детей самого Элиягу Гаона, сын стал хасидом. Это было нестерпимым позором для отца, и в присутствии Виленского гаона сына заставили подписать присягу-отречение: "Клянусь святой Торой и уделом своим в будущем мире, что не буду числиться среди хасидов..., не буду брать у них советов по богослужению, не буду молиться в их молельне..., не буду участвовать с ними ни в какой трапезе и ни на каком пиру, не пойду плясать с ними и никогда не буду у их "реббе"... Если же я сознательно преступлю эту присягу, пусть падут на меня все проклятия, написанные в Торе".

Но не всякий в то время соглашался на отречение, и число хасидов стремительно росло.

Некоторые из них уже перестали таиться и потому отличались от других своим поведением.

Хасиды предпочитали молиться дома, а не в синагогах, как было принято; по субботам и праздникам они надевали белые одежды, выделяясь на улицах, и устраивали шумные собрания с непременной бутылкой водки на столе. Они изменили даже способ заточки ножа для убоя скота, что по мнению литовских раввинов делало мясо некашерным: "мясо от подобной резки признается падалью", - и каждая из враждующих сторон не могла уже покупать его у своих противников. Более того, по указанию рабби Дова Бера хасиды стали применять молитвенник знаменитого кабалиста Ицхака Лурии, который отличался от традиционного молитвенника ашкеназов и был ближе к молитвеннику сефардов. Противники хасидизма опасались из-за этого раскола народа, потому что одни евреи не могли уже молиться в синагогах у других евреев.

"Они ведут себя, как сумасшедшие, - писал виленский раввин, - кричат во время молитвы, то и дело прерывают ее, прыгают, беснуются, так что земля разверзается от их криков". На самом же

деле хасиды создавали таким способом молитвенное настроение: пели, кричали, даже кувыркались на полу, чтобы заглушить посторонние мысли. Одно время кувыркание было так распространено, что появился особый термин - "перекувырнуться": это означало - стать хасидом.

В 1780 году один из любимейших учеников Баал Шем Това престарелый рабби Яков Йосеф из Полонного выпустил книгу "Толдот Яков Йосеф" - сборник собственных проповедей, основанных на изречениях Баал Шем Това. Эти изречения он записывал еще при жизни основателя хасидизма, и каждое из них предварял такими словами: "Слышал я от учителя моего". Впервые в книге были письменно изложены основы учения хасидизма, и хасиды восторженно заявляли, что "не было на свете книги, равной этой". Про автора говорили, что это был человек с суровым выражением лица и с таким пронизывающим взглядом, который заставлял трепетать окружающих. Очевидно, и характер его был суровым и непреклонным, потому что он первым из хасидов не побоялся открыто бросить вызов прославленным раввинам. И те тут же откликнулись на это своим посланием: "Глас книги услышали мы, и душа наша почуяла трубный звук войны. Грядет и разрастается великая ересь... Еще мгновение - и разрушены будут шатры Закона Устного (Талмуда) и в храме Закона Письменного (Торы), упаси Бог, померкнет свет".

Противники хасидизма называли эту книгу "сосудом нечестия, источником мрака, вместилищем всевозможных ядов, смертоносных для всякого, кто к этой книге прикоснется". Ее скупали по разным городам и беспощадно уничтожали, но в ответ на преследования появлялись новые хасидские типографии - в Корце, Жолкве, Львове, Шклове и Славуте, которые печатали новые тиражи книги взамен уничтоженных. Более того, рабби Яков Йосеф опубликовал письмо Баал Шем Това, в котором было написано, что Мессия-избавитель явится Израилю лишь после того, как все евреи усвоят истины хасидизма. И это, конечно же, подтолкнуло противников на новую борьбу и усилило всеобщее ожесточение. "В былые времена все евреи жили между собой в согласии, - писал современник, - а теперь они распались на партии, которые ненавидят друг друга больше, чем ненавидят нас чужие народы". Послания Виленского гаона разрешали вредить "сектантам" во всех их делах, и этим порой пользовались для того, чтобы избавиться от конкурента, отомстить врагу и прослыть заодно "ревнителем веры". Руководители кагалов тратили общественные деньги на борьбу с хасидами, отстраняли их от управления делами в общинах, и хасиды волей-неволей замыкались в особые братства. Это были как бы общины в общинах, и это позволило хасидам устоять в той борьбе, которую вели против них руководители кагалов. Нередко хасиды искали покровительства у помещиков или местных чиновников, и те за приличное вознаграждение брали их под свою защиту. Бывало порой и так, что беднота в еврейских общинах, недовольная кагалными старшинами, поддерживала хасидов, и они получали большинство в общинном самоуправлении. Религиозная борьба становилась борьбой за обладание властью в кагалах, и хасиды не только защищались, но и нападали, и часто очень успешно. "И пусть Господь, - жаловались их противники, - спасет нас от преследуемого, превратившегося в преследователя". Взаимные обвинения и насмешки стали обычным явлением. Противники хасидов неустанно высмеивали цадииков-"чудодеев" и их учение, "хитроумные ужимки хасидов, соблазнительные намеки, устрашающие телодвижения в молитве, козлиные прыгания и нечистые помыслы". Хасиды не оставались в долгу и высмеивали, в свою очередь, "ламданов"-книжников, у которых - как они уверяли - религия сосредоточена только в голове, а в сердце ее нет. Бывали случаи комичные: в городке Копыль хасиды так и не смогли утвердиться, потому что их противники вставали на улице возле хасидской молельни и неистово били в барабаны. Стоял такой непрерывный грохот, что невозможно было молиться и рассказывать о чудесах своего ребе, и хасиды, в конце концов, закрыли молельню. Но бывали и более серьезные столкновения, доходило порой до драк на улицах и избиении, а в волынском местечке Красноставе хасиды даже затащили ночью на базарную площадь своего противника и убили его. Трудно теперь поверить, что ожесточение могло дойти до такой степени, но местные власти провели следствие, был суд, и виновных в убийстве сурово наказали.

Противники хасидизма уже не пытались вернуть заблудших "на путь истины". Делали все, чтобы отторгнуть хасидов от общества, как это было прежде с франкистами, чтобы отлученные уже не могли распространять среди евреев свое учение. Запрещали родниться с хасидами, есть, пить, разговаривать, хоронить их покойников, сдавать в наем жилища и пускать на ночлег;

запрещали "даже стоять рядом с хасидами на расстоянии ближе четырех локтей". В разных местах толпы громили дома хасидов и издевались над ними. "Увы!... - писали брестские раввины в своем отлучении. - Скверное время настало, время бурное, время великого волнения и великого пожара!..."

4

Гонения на хасидов начались в 1772 году. В том же году произошел первый раздел Польши, и многие еврейские общины Белоруссии оказались на территории Российской империи. Но Литва оставалась пока что в составе Речи Посполитой, и влияние литовских раввинов не было уже таким ощутимым в восточной части Белоруссии, которая отошла к России. Хасидизм приобрел там многих сторонников, а их духовным вождем стал рабби Шнеур Залман, "Алтер ребе" - "Старый ребе" из белорусского местечка Лиозно, родоначальник династии хасидских цадиков и раввинов Шнеерсонов.

Еще ребенком он обнаружил поразительные способности, и учитель даже отказался с ним заниматься, потому что ученик превосходил его своими познаниями. Местный раввин называл мальчика "удивительным ученым, изощренным в талмудической науке"; о нем заговорили далеко за пределами местечка, и витебский богач пожелал выдать за него свою дочь. Пятнадцати лет он женился, переселился в Витебск, изучал там Талмуд и вел аскетический образ жизни. Но в городе не было учителей, которые могли бы ответить на сложные вопросы, и юношу тянуло к "очагам истины" - в Вильно, где жил тогда Элиягу Гаон, или в Межирич - к главе хасидов, рабби Дову Беру. Многие юноши решали в ту пору, какую им выбрать дорогу, - и на эту тему существует одно хасидское предание, которое связывают с именем рабби Исраэля Полоцкого, но которое можно отнести и ко многим другим. Рассказывали, что рабби Исраэль долго молил Всевышнего указать ему путь к истинному учению, пока, наконец, не услышал голос, который шепнул ему: "Поезжай!" Вместе со своим другом рабби Азриэлем он отправился в путь и доехал до развилки: направо дорога уводила в Вильно, налево - в Межирич. Путники не знали, куда им повернуть, но лошади вдруг тронулись сами и быстро повезли их налево. Два пути было в то время, всего два, - и рабби Шнеур Залман тоже повернул на Межирич.

Было ему тогда чуть больше двадцати лет, и он стал одним из самых молодых учеников рабби Дова Бера. Когда он впервые там появился, ученики "Великого магида" - "святое братство" - обсуждали вопрос о различных категориях ангелов. "Эти полные огня слова, - вспоминал рабби Шнеур Залман, - зажгли пламя страстного тяготения к Богу в сердцах всех учеников. Ими овладело состояние экстаза. Они беззвучно шевелили губами, трепеща и плача. У некоторых учеников лица горели, глаза сияли, руки были вытянуты вперед, будто их поразил гром. Другие ученики неслышно пели, их сердца разрывались от переполнявшего их чувства восторга, и их души готовы были оставить их тела в стремлении примкнуть к своему Творцу... Но как только ученики услышали шаги магида, сразу же все пришли в себя и встали, готовые встретить своего учителя... Две вещи я тогда увидел: святой экстаз святого братства, с одной стороны, и примечательное спокойствие магида, которое очаровало меня. И тогда я стал хасидом". И еще он говорил, "Когда мы были у нашего учителя в Межириче, мы черпали святой дух целыми ведрами, а чудеса валялись там просто на полу, и никто даже не думал их подбирать". Говорят, что рабби Дов Бер предсказал своему молодому ученику: "Этот маленький еврей будет раввином всей Белоруссии", - что и исполнилось со временем. После смерти учителя рабби Шнеур Залман возвратился в Белоруссию и поселился сначала в Могилеве. В 1777 году глава белорусских хасидов рабби Менахем Мендель из Витебска с группой последователей переселился на Святую Землю и основал в Твери хасидскую колонию. Рабби Шнеур Залман провожал его до границы с Турцией, говорят даже, что хотел ехать и дальше, но рабби Менахем

Мендель уговорил его вернуться в Белоруссию, где ждали рабби Шнеура Залмана великие дела. Он возвратился и поселился в Лиозно, а впоследствии переехал в местечко Ляды. Многие приезжали к нему за благословением, советом, с просьбами об исцелении, но советы он давал неохотно, роль цадика-чудотворца отклонял решительным образом и даже специально просил хасидов, чтобы поменьше к нему ездили, потому что каждый должен сам служить Богу и не очень-то полагаться на другого. Но его необычайная энергия, организаторские способности, репутация выдающегося ученого-талмудиста привлекали многих, и число его последователей быстро росло. Предполагают, что к концу восемнадцатого века их было уже десятки тысяч человек.

Рабби Шнеур Залман стал основателем нового направления в хасидизме под названием "Хабад". Понятие "Хабад" образовано от первых букв трех слов на иврите: "хохма" - мудрость, "бина" - понимание, "даат" - знание. Источником веры рабби Шнеур Залман считал не чувство, не экстаз, но разум. Разум должен господствовать над чувствами и руководить ими, и хорошо только то восторженное состояние, которое является результатом учения, размышления и созерцания, и к которому не примешиваются чувственные или телесные возбуждения. В человеке, учил рабби Шнеур Залман, находятся две души: животная - источник его физической жизни, чувств и ощущений, и Божественная душа - источник духа, "частица Бога в небесах", которая существовала до того, как была водворена в тело человека, и продолжает существовать после его смерти. Каждая из двух душ обладает собственным разумом и собственной волей, и если "человеческий разум" животной души проявляет себя в искусствах, науках и ремеслах, то "Божественный разум" Божественной души проявляет себя в поисках познания Всевышнего, в любви и страхе перед Ним, в чистоте, святости и прочих духовных проявлениях.

Животная душа, учил рабби Шнеур Залман, с ее естественными наклонностями и инстинктами, не является злом. Но она обладает "влечением ко злу", стремится подчинить себе тело и разум, подталкивает к неумеренным плотским влечениям и желаниям, и если их не сдерживать, человек может стать совершенно безнравственным. Чтобы противостоять этому, Божественная душа обладает "влечением к добру", она стремится преобразовать чувства и страсти человека в любовь к Создателю. В человеке происходит постоянная борьба между Божественной и животной душой, и лишь победа Божественной души - торжество сил добра над силами зла в человеке - создает в нем мир, единство и гармонию. Божественную душу можно временно покорить, приглушить ее голос, но нельзя подавить окончательно, потому что это противоречило бы замыслу Божьего Творения, в котором торжество добра предопределено заранее. Божественная душа - это подлинная сущность человека. Она относится к животной душе так же, как свет относится к тьме, а там, где свет встречается с тьмой, он обязательно должен восторжествовать. Именно поэтому человек есть создание нравственное, и силы зла, заключенные в нем, могут быть обращены во благо.

В праведниках одерживает верх Божественная, разумная душа, в грешниках - побеждает животная душа, а у большинства преобладает то одна из них, то другая. Совершенный праведник - это тот человек, кто сумел преодолеть все искушения и проникнуться полной и совершенной любовью к Богу и таким же отвращением ко злу. Этот праведник принадлежит к "небольшому числу лучших людей", которые "превращают зло в добро, тьму в свет и горечь в сладость". Благодаря этим праведникам распространяется в мире Божественное влияние и благо, утверждается Божественное единство, и потому эти праведники способны "оказать благо" Самому Всевышнему. Существует другой тип человека - промежуточный, который никогда не творит грех сознательно и не поддается искушению. Его животная душа достаточно сильна, но она удерживается в повиновении Божественной душой, и потому он полностью контролирует свои греховные мысли и слова, подавляет естественную наклонность к совершению дурных поступков и тем самым "доставляет наслаждение" Всевышнему. Такой человек находится в постоянном конфликте с самим собой, вечно испытывает внутреннее напряжение и достигает гармонии нечасто, например, во время молитвы, когда животная душа в нем полностью подавлена. Но он постоянно должен делать дополнительные усилия, чтобы превзойти свой привычный уровень и исполнить свое предназначение - "не быть безнравственным ни на одно мгновение". Более распространенным является тип не до конца порочного человека. Он постоянно поддается искушениям, повторяет свои ошибки, а в промежутках сожалеет об этом и раскаивается. А на самой нижней ступени находится совершенно порочный человек, который целиком подчиняется силам зла. Но и в нем не гаснет

"Божья искра", она просто находится за пределами его сознания; добро пребывает в нем в "замороженном" состоянии, и потому этот человек - хоть и в редких случаях - способен пробудиться к раскаянию и перерождению.

Всякий человек приближается к Богу, когда Божественная душа преобладает в нем над животной, и это приближение совершается мыслью, словом и делом. Доброе деяние всегда ведет к восстановлению единства со Всевышним, злое деяние - отдаляет от Него, увеличивает разобщенность с Ним. Главным источником веры является Божественная, разумная, душа, у которой три основных свойства: мудрость - разум "в потенции", понимание - разум в действии и знание - соединение познающего с познаваемым, преобразование мыслей в намерения, связующее звено между разумом и чувством, интеллектом и эмоциями. Путь истинной веры - мысленно проникать в бесконечную мудрость Творца, изучать завещанный Им Закон и исполнять Его заповеди с пониманием, потому что при таком исполнении заповедей все в человеке, включая и его разум, посвящено служению Богу. "Человек, - учил рабби Шнеур Залман, - постигающий своим умом какой-нибудь религиозный закон или постановление, тем самым постигает и обнимает своим умом волю и мудрость Бога... Поэтому... изучение Торы можно назвать хлебом и питанием души. И если настоящий хлеб питает тело, превращаясь внутри его в кровь и плоть, и составляет условие физического существования, то так же и Тора, если только человек изучает ее со всей сосредоточенностью мысли и сливает ее воедино со своим разумом, становится пищей и причиной жизни разумной души".

Рабби Шнеур Залман освободил хасидизм от многих суеверных представлений и не позволял развиваться чрезмерному культу цадииков. Праведник, или цадик, считал он, это мудрец, учитель, а не пророк и ни в коем случае не чудотворец, к которому обращаются с просьбами об исцелении и помощи бесплодным женщинам. В Литве и Белоруссии было больше ученых евреев, нежели в Польше или на Украине, и там не мог привиться хасидизм южного толка, более основанный на чувстве и экстазе, нежели на разуме. Именно поэтому к рабби Шнеуру Залману во множестве шли ученые люди, которые желали соединить в вере чувство с познанием, и в учении "Хабада" они нашли для себя желаемое. А их авторитет и их пример привлекали в хасидизм и прочее население.

В 1784 году в городе Могилеве противники хасидизма осудили заочно рабби Шнеура Залмана и его последователей, объявили их вне закона и потребовали в обидной форме, чтобы глава хасидов явился лично в Могилев и выслушал их приговор, иначе его доставят силой. Рабби Шнеур Залман в Могилев не поехал, а взамен этого отправил туда письмо, в котором звучали не только горечь и обида, но и желание неперменного примирения. Он писал: "Старейшины опираются на великое древо, на благочестивого гаона Элиягу из Вильно, многими прославляемого, как единственного в своем роде в нашем поколении; но если он и единственный, то все-таки он один, а мнение одного не может перевешивать мнения многих, стоящих на нашей стороне... Если вы действительно хотите добиться истины, то пусть... сядут и разберут нас именитые и прославленные мужи, знающие Закон и богатые мудростью... И выяснится тогда наша правота, как ясный полдень, и будет покой, мир и тишина в народе, и не будет разъединения между соединенными в Боге нашем!... Ваш друг Шнеур Залман сын Боруха из Лиозно".

В разные времена рабби Шнеур Залман искал пути к примирению с противниками, и однажды он даже специально приехал в Вильно, пришел в дом Виленского гаона, но тот отказался его принять. Через несколько дней рабби снова пришел туда же, чтобы выяснить истину и "водворить мир во Израиле", но Элиягу Гаон снова не пожелал разговаривать с "еретиком". Это не понравилось даже некоторым из приближенных Виленского гаона; они настаивали, чтобы тот встретился с "еретиком" лицом к лицу и в диспуте нанес бы окончательный удар хасидизму. Но Элиягу Гаон не пожелал этого сделать и даже уехал из города и прожил в предместье до тех пор, пока "еретик" не покинул Вильно.

Перед вторым разделом Польши началась междоусобная война польской и литовской шляхты с многочисленными жертвами местного населения, - и виленским раввинам было тогда не до хасидов. Те могли без помех распространять свое учение, а один из хасидов в одежде кающегося грешника даже бродил по польским городам и местечкам и сообщал всем, что он - родной сын Виленского гаона, который искренне раскаялся в действиях против хасидов, - и если бы его "отец" был помоложе, то непременно пошел бы сам проповедовать хасидское учение. Обман, в конце концов, раскрыли, самозванца разоблачили, и престарелый Элиягу Гаон

немедленно опубликовал особое послание: "Я и теперь, как и раньше, стою на своем посту, и кто только носит еврейское имя и чтит Бога в душе, обязан преследовать и угнетать хасидов всеми способами, где только возможно... Облекитесь рвением во имя Бога. Пусть искры летят из-под ваших ног, пусть пламя пышет из ваших уст, пусть сверкает меч, меч-мститель за Божественный Закон, за Священный завет!... Так говорит с горечью в душе, скорбящий о происходящем, ревнующий за Бога и к Нему возносящий душу свою, - Элиягу, сын рабби Залмана".

В 1795 году, после присоединения Литвы к России, борьба возобновилась. На этом ее этапе противников хасидизма стали называть - "миснагдим" (в сефардском произношении "митнагдим"), что в переводе означает "противники", "сопротивляющиеся". Все еврейское население Польши, Украины, Литвы, а также и других стран Восточной Европы, делилось на эти две группы - "хасидим" и "миснагдим". Послания Элиягу Гаона не имели силы на Украине, где хасиды были в большинстве и безраздельно властвовали, но в Литве и Белоруссии это был призыв к действию. Снова жгли хасидские книги, прерывали всякие отношения с хасидами и мешали им молиться в их синагогах. Страсти накалялись, и самое серьезное было еще впереди.

5

Элиягу Гаон умер в 1797 году, в праздник Суккот, и этот радостный день превратился для его последователей в день плача и траура. Улицы Вильно опустели, к вечеру на похоронах присутствовал весь город, а местные хасиды в то же самое время собрались вместе и веселились по поводу избавления от своего гонителя. Говорили, что они даже пригласили музыкантов и плясали допоздна под музыку, а люди на кладбище, горевавшие над могилой, уже знали о том, что "еретики" радуются общему горю. После похорон разъяренная толпа ворвалась в дом, где веселились хасиды, и стала их избивать. Дальнейшее неясно: по официальной версии погибли три хасида, которые, вроде бы, умерли с перепоею, по неофициальной - толпа убила троих, трупы выволокли на улицу, топтали ногами и в растерзанном виде бросили в овраг. Остальные хасиды разбежались кто куда, и "великий страх напал на них".

А через самое малое время в виленских синагогах - в полной темноте и после трубных звуков шофара - провозгласили, что хасиды не только "отлучаются и отвергаются от всех, но вовсе не признаются сынами Израиля". Создали специальную комиссию для искоренения "секты", назначили "тайного преследователя", и по его наущению толпа повсеместно оскорбляла и притесняла хасидов, портила их имущество и однажды ворвалась в дом богатого хасида, оптового виноторговца, открыла краны у всех бочек и вылила вино наружу. Такие погромы устраивали не один раз, хасиды пожаловались на это виленскому губернатору, и тот запретил кагалу "наказывать евреев, нарушающих обряды религии, и позволил каролинам отправлять богослужение" по их правилам.

Виленские раввины не могли уже справиться с хасидами своими силами и решили обратиться за помощью к русскому правительству. В то время в Петербурге опасались вредного влияния революционных событий во Франции, и потому ловили по всей стране собственных заговорщиков, явных и мнимых, и привозили их на допрос в столицу. Особенно преследовали тайные масонские общества и религиозные секты, а их руководителей ссылали в Сибирь - на поселение или даже на каторгу. Надо было доказать властям, что хасидизм - это одна из разновидностей тайных обществ, и в Петербург поступил из Вильно донос "о вредных для государства поступках руководителя каролинской секты Залмана Боруховича". Этого было достаточно, и осенью 1798 года пришло повеление: арестовать в местечке Лиозно главаря "секты" и двадцать два его "сообщника" и "под крепким караулом" отправить в Петербург.

На рабби Шнеура Залмана надели железные оковы, посадили его в телегу и под охраной отправили в Витебск, а оттуда уже, в почтовой карете, привезли в Петербург и поместили в одиночную камеру Петропавловской крепости. Известие об этом чрезвычайно обрадовало противников хасидизма, а "во всех городах, куда доходило повеление царя, был между хасидами великий плач и пост, и рыдания". Сразу же стали собирать деньги "на освобождение учителя" и среди прочего установили особый налог: каждый жених жертвовал на это благое дело часть полученного приданого. Собрали огромную сумму - около шестидесяти тысяч рублей, и с этими деньгами ходатаи отправились в Петербург.

С первого дня заключения рабби Шнеур Залман отказался есть тюремную некашерную пищу. Он заявил, что скорее умрет, нежели съест что-либо, приготовленное неевреями, и тюремные власти разрешили приносить еду из еврейского дома. Вскоре начались допросы узника в Тайной канцелярии, где обычно разбирались дела по особо важным государственным преступлениям. На допросах присутствовали сенаторы и высшие сановники, и глубокомысленные ответы обвиняемого только укрепляли поначалу следователей в их подозрениях. Рабби Шнеура Залмана обвинили в создании вредной религиозной секты, в распространении нежелательных религиозных идей и в нелегальной отправке денег в Палестину для каких-то политических целей - быть может, в заговоре с самим Наполеоном. Хасиды деятельно хлопотали в столице и, возможно, щедрыми подношениями склонили на свою сторону некоторых влиятельных сановников. Во всяком случае, узник мог тайком передавать на волю свои письма, да и следствие проходило без задержек, чтобы ему не надо было долго томиться в одиночке. К последнему допросу следователи подготовили перечень вопросов, и хасидская легенда рассказывает, что в камеру к рабби Шнеуру Залману чудесным образом явились Баал Шем Тов и рабби Дов Бер и сообщили ему содержание вопросов и нужные на них ответы, - но, скорее всего, хасиды сумели заранее передать узнику эти вопросы, чтобы он мог к ним подготовиться. Как бы там ни было, но на последнем допросе рабби Шнеур Залман отвечал так точно и убедительно, что привел в изумление следователей. На самый главный и опасный пункт обвинения - в политической неблагонадежности - он написал небольшое рассуждение о том, что царь является истинным представителем власти, исходящей от Бога, и это произвело в Петербурге благоприятное впечатление. Павел I повелел освободить узника и всех арестованных, но сохранить за ними "строгое наблюдение". После двух месяцев заключения "Старого ребе" отпустили домой и в сопроводительном письме написали, что "секта евреев, каролины именуемая, остается при прежнем ее существовании". Дату его освобождения - девятнадцатый день месяца кислев- хасиды-хабадники празднуют и сегодня с особым торжеством.

Хасиды ликовали по поводу "чудесного избавления" своего учителя, рассказывали всем, что он творил в Петербурге удивительные чудеса перед царем и его сановниками, и потому они, хасиды, будто бы, находятся теперь под особым покровительством властей. Виленским хасидам даже удалось сместить прежних руководителей кагала за растрату общественных денег, которые пошли, скорее всего, на борьбу с хасидами. На новых выборах - впервые в истории Вильно! - хасиды даже попали в правление кагала; община раскололась, и враждующие партии посылали властям жалобу за жалобой. В начале 1800 года включился в борьбу бывший раввин Пинского округа Авигдор Хаймович, который из-за хасидов потерял свою должность. Говорили, что в один прекрасный день пинские хасиды вынесли из синагоги его кресло, а взамен него положили на пол комок грязи, таким способом намекнув раввину на его нежелательность. Авигдор Хаймович сговорился с виленскими противниками хасидов, поехал в Петербург и подал на имя императора жалобу на "вредную и опасную" секту, которая может "подать повод к величайшим дерзостям и злодеяниям". Извращенными толкованиями хасидских цитат Авигдор пытался доказать, что цадики внушают своим последователям послушание одному только Богу, а не людям, и потому у сектантов не будет страха и перед самим царем.

В ноябре того же года рабби Шнеура Залмана снова привезли в Петербург, и следователи Тайной канцелярии устроили ему в тюрьме очную ставку с Авигдором. Тот обвинил его в отправке денег в Палестину, хотя прекрасно знал, что это была всего лишь помощь хасидам, поселившимся на Святой Земле. Авигдор утверждал, что хасиды не почитают родителей, особенно отцов; воруют деньги у жен и отдают их цадикам; "присяга для них ничего не стоит" и им разрешается делать все, что заблагорассудится, по собственной прихоти. На все эти

обвинения рабби Шнеур Залман снова ответил письменно: "Не могу сносить его (Авигдора) ругани и лжи, - писал он. - Он наводит на нас такие обвинения, каких никогда не слышали, разве во времена Польши и ее ксендзов, которые возводили лживые обвинения в употреблении человеческой крови... Он сам наверное ничего не слышал и не видел, но что ему мешает болтать языком?... Помощь может прийти только от государя... Он поймет, что я невиновен, и освободит меня из темницы".

Ответ рабби понравился Павлу I. Да и губернские власти докладывали с мест, что "секта хасидов... ведет себя покойно, все государственные подати платит равно с другими" и проявляет "истинное и безропотное повиновение власти". И снова рабби Шнеура Залмана освободили из-под ареста, без права выезда из Петербурга - до тех пор, пока его дело не рассмотрит Сенат. Однако в марте 1801 года произошел дворцовый переворот, Александр I стал императором и тут же упразднил Тайную канцелярию, повелев "не упоминать даже ее названия". Секретные дела стали пересматривать, и одним из первых поступило на пересмотр дело рабби Шнеура Залмана. Его отпустили домой, с тех пор больше уже не беспокоили, и рабби Шнеур Залман оставался главой белорусских хасидов до самой смерти. А Авигдора Хаймовича хасиды-хабадники долго еще упоминали с неизменным традиционным проклятием: "Да сотрется имя его и память о нем!" и детям своим перестали давать это имя - Авигдор.

Правительство официально признало существование в российском еврействе двух направлений, и "Положение" 1804 года это узаконило: "Ежели в каком-нибудь месте возникнет разделение сект, и раскол прострется до того, что один толк с другим не захочет быть в одной синагоге, в таком случае позволяется одному из них построить свою синагогу и выбрать своих раввинов". Хасидизм распространился на огромных пространствах и среди многих еврейских общин Восточной Европы. Он укрепил веру и возвысил дух народа, приучил со строгостью выполнять религиозные предписания, даже те, которые были позабыты, и заново наполнил смыслом многие старые обычаи. В конечном итоге борьба принесла пользу обеим сторонам. Хасиды стали основывать иешивы и более углубленно заниматься изучением Закона, а их противники - теперь в большей степени - приносили в свое служение Всевышнему теплоту чувств. Борьба между хасидами и их противниками постепенно затихала, но и сегодня еще слышны порой отголоски того спора, который раздирал некогда еврейские общины Восточной Европы. Однажды некий раввин Арье Лейб приехал в Литву, чтобы проверить ученость виленских знаменитостей. Он пришел к Виленскому гаону и задал ему очень сложный талмудический вопрос, на который тот немедленно дал простой и точный ответ. Арье Лейб восторженно воскликнул: "Вы воистину гаон - гений, рав Элиягу!" - и тут же пошел к виленскому раввину Шмуэлю. Он задал ему тот же самый вопрос, и раввин тоже ответил на него, но не мгновенно и в более запутанной форме. Арье Лейб сказал раввину: "Вы воистину великий!" - и отправился дальше. Но не успел он отойти от Вильно на три версты, как его нагнал специальный посланник виленского раввина и попросил немедленно вернуться.

Арье Лейб вернулся, и виленский раввин дал ему точно такой же точный и простой ответ, какой он услышал прежде от Элиягу Гаона. И тогда Арье Лейб сказал виленскому раввину: "Вы тоже гений, да-да, вы гений, рав Шмуэль, но только на три версты вы отстали от Элиягу Гаона".

* * *

Элиягу Гаон критически изучал и исправлял при необходимости тексты Талмуда и раввинских книг, полагая, что многие неясности и противоречия, вокруг которых были нагромождены хитроумные объяснения для их оправдания, являются всего лишь ошибкой переписчика в давние времена или наборщика с издателем. Это была огромная, нескончаемая работа: сомнительный текст он сличал с текстом того же содержания в других еврейских источниках, и иная поправка стоила ему месяцев изнурительных работ. Но убедившись в правильности своего вывода, Элиягу Гаон менял текст, переносил из одной главы в другую фразы или целые абзацы и тем самым делал ненужными груды схоластических толкований. Его авторитет был настолько непререкаем, что эти изменения беспрекословно принимались религиозными авторитетами того времени. При жизни Элиягу Гаон не издал ни одного из своих многочисленных сочинений, и это сделали уже после его смерти. Это были комментарии к Пятикнижию, книгам пророков и трактатам Талмуда, комментарии к книгам кабалы и раввинской литературы. Он написал также

руководство по геометрии, тригонометрии и алгебре; трактат по астрономии, исследование о еврейском календаре и грамматику еврейского языка; составил описание Иерусалимского Храма и карту разделения Святой Земли между двенадцатью коленами Израиля. Элиягу Гаон говорил ученикам, что необходимо знать астрономию, географию, математику, медицину и прочие науки для лучшего понимания Торы и Талмуда, потому что "каждый пробел в области светского знания влечет за собой в десять раз ббльший пробел в знании Торы". Только к "проклятой философии" он относился отрицательно, потому что она могла сбить с пути неискушенных.

* * *

Существует много хасидских преданий о пребывании рабби Шнеура Залмана в Петропавловской крепости. Рассказывают, что однажды к нему в камеру зашел комендант крепости и спросил: "Как следует понимать, что Бог говорит Адаму: "Где ты?" Ведь Бог вездесущ, - разве Он не знает, где в этот момент находится Адам?" Рабби ответил на это так: "В любой момент Всевышний взывает к человеку: "Где ты? Чего ты достиг за свою жизнь? Как далеко ты продвинулся в своем мире?" Бог спрашивает человека: "Ты прожил сорок шесть лет, - так где же ты находишься теперь?..." Услышав, что рабби назвал его возраст, комендант крепости положил ему руку на плечо и воскликнул: "Браво!" Но сердце его затрепетало. В действительности некоторые сановники могли познакомиться с элементами учения рабби Шнеура Залмана во время его допросов или при чтении его письменных ответов. Среди его потомков сохранился рассказ о некоем петербургском сановнике, который однажды остановился на постоялом дворе в Могилевской губернии. Войдя в помещение, сановник увидел старого еврея, который стоял лицом к стене и горячо молился. Когда он закончил молитву, сановник сказал ему: "Я вижу по твоей восторженной молитве, что ты из секты Залмана Боруховича". "Откуда же вы его знаете?" - спросил удивленный еврей. "Как же не знать его? - ответил тот. - Ведь это он дал нам понять, что такое "свет Бесконечного".

* * *

Один из любимейших учеников Баал Шем Това рабби Яков Йосеф из Полонного говорил: "Молитва - это военный приступ, чтобы разрушить стену, отделяющую нас от Бога из-за нашей греховности. Богатыри духа первыми должны пробить брешь в этой стене, а рядовые пойдут следом за ними". Рабби Дов Бер, прекрасный проповедник, учил своих учеников даже искусству публичных выступлений. "Всякий раз, - говорил он, - когда произносишь речь, остановись, не дойдя до конца". И еще: "Хороший проповедник сливается в одно целое не со своей аудиторией, а со своими словами. В тот момент, когда он услышит себя со стороны, пора заканчивать". Рабби Барух из Меджибожа, внук Баал Шем Това, говорил: "Вообразите себе двух детей, которые играют в прятки. Один из них прячется, но другой его не ищет. Прячется Бог, а человек не ищет Его. Представьте себе, как же Бог страдает!" Про рабби Аарона из Карлина рассказывали, что однажды ночью в его дверь постучался его друг, которого он не видел несколько лет. "Кто там?" - спросил рабби Аарон. "Я", - ответил друг, полагая, что его тут же узнают. "Один Бог имеет право говорить "Я", - сказал на это рабби Аарон. - Земля слишком мала, чтобы вместить два "я". Разве ты не научился этому в том месте, откуда идешь?" Рабби Исраэль из Козениц говорил: "Что есть человек? Горсть праха, обреченная на исчезновение. А между тем - вот он обращается к Богу, и притом, словно к старому знакомому. Разве уже одно это не заслуживает благодарности?"... "Что ты обычно ешь?" - спросил рабби Исраэль одного богача. "Почти ничего, - ответил тот. - Хлеб с солью и вода - вот и вся моя еда". "Что это взбрело тебе на ум? - упрекнул его рабби. - Ты должен есть мясо и пить мед, как и все богачи". И не отпустил его до тех пор, пока богач не пообещал поступать таким образом. Хасиды очень удивились этому и попросили объяснений. "Если он будет есть мясо, - ответил рабби, - то поймет, что бедняку нужен хлеб. Но пока он, богач, ест хлеб, он полагает, что бедняк может питаться одними камнями". Рабби Шмуэль Шмельке из Никольсбурга рассказывал: "Существует талмудическое изречение: "Если все люди раскаются, то явится избавитель - Мессия". И тогда я решил для этого что-то

сделать. В успехе я не сомневался, - но с чего начать? Мир так огромен! И я решил начать со своей страны, которую я знаю неплохо. Но страна моя чересчур велика, - не начать ли лучше с моего города? Но и город огромен, - начну-ка я лучше со своей улицы, нет, с моего дома, нет, с моей семьи. А пожалуй, начну-ка я лучше с самого себя!"

* * *

Когда рабби Элимелех из Лежайска молился, все его тело дрожало, будто в лихорадке, колени стучали друг о друга, а лицо принимало неземное выражение. Своими словами он доводил до раскаяния самых закоренелых грешников; порой они даже падали в обморок, каялись, и цадик прощал их. Его брат, рабби Зуся из Аннополя, жил очень бедно, скромно, отличался бескорыстием, и был у него один тайный покровитель, который время от времени незаметно подсовывал цадику несколько монет. Дела у этого человека стали процветать, и тогда он подумал: "Если этот бедняк Зуся может столько для меня сделать, почему бы не сходить к его учителю, - от того будет еще больше пользы". Он тут же отнес пожертвование рабби Дову Беру в Межирич, но на завтра его дела стали ухудшаться. Ничего не понимая, он снова пошел к рабби Зусе, и тот объяснил ему: "Пока человек одаривает других, не делая между ними различия, не делает различия и Бог. Но как только человек становится привередливым, Всевышний поступает точно так же".

Однажды рабби Зуся из Аннополя взялся за изучение одного из трактатов Талмуда. На следующий день его ученики заметили, что рабби Зуся все еще читает первую страницу. Они подумали, что он столкнулся с какой-то трудностью и пытается разрешить ее. Но прошло еще несколько дней, а рабби был по-прежнему погружен в чтение первой страницы. Ученики очень удивились, но не решались выяснить, в чем дело. Наконец один из них набрался храбрости и спросил учителя, почему тот не переходит ко второй странице. "Мне так здесь хорошо, - ответил на это рабби Зуся, - почему же я должен уйти отсюда куда бы то ни было?" Это рабби Зуся из Аннополя сказал перед смертью: "Когда я предстану перед Небесным судом, никто не спросит меня: "Зуся, почему ты не был Авраамом, Яковом или Моисеем?" На меня посмотрят и скажут: "Зуся, почему ты не был Зусей?..." А его брат рабби Элимелех сказал по этому поводу иначе: "Меня спросят, был ли я справедлив? Скажу: "Нет". Посвятил ли я жизнь учению? Нет. Может быть, молитвам? Тоже нет. И тогда Судья Праведный улыбнется и скажет: "Элимелех, Элимелех, по крайней мере ты говоришь правду. Только за это ступай в рай!" Однажды два брата, рабби Зуся и рабби Элимелех, заночевали в одной маленькой деревушке возле Кракова - много-много лет тому назад. Внезапно они почувствовали беспокойство, ими овладело неудержимое желание как можно скорее покинуть это место. И хотя было уже темно, они немедленно ушли из деревни и провели ночь в дороге. Название этой маленькой деревушки - Освенцим.

ОЧЕРК ЧЕТВЕРТЫЙ

1

Рассказывая о жизни евреев России конца восемнадцатого - начала девятнадцатого века, невозможно обойти стороной Великую Французскую революцию и последовавшие за ней события. Они оказали огромное влияние на все страны Европы и произвели серьезные перемены в положении европейских евреев. Даже евреи России, запертые в черте оседлости, волей-неволей оказались втянутыми в орбиту тех событий, особенно во времена Наполеоновских походов.

Евреи Восточной Европы с недоверием восприняли Французскую революцию. Они знали о том, что евреи Франции получили равные с французами гражданские права, но знали также и об

атмосфере безбожия, которая там воцарилась. Когда во Франции взамен христианского культа ввели "культ Разума", то не только у католиков, но и среди евреев бывали случаи отречения от религии. Золотую и серебряную утварь из синагог жертвовали на общественные нужды, а один из раввинов даже заявил, что он "не имеет теперь другого бога, кроме бога свободы, и другой веры, кроме веры в равенство". Сторонники "культа Разума" врывались порой в синагоги и сжигали священные книги, или, как они говорили, "предавали их лживые книги огню патриотических костров". "Кожа, на которой писаны законы этого ловкого обманщика (Моисея), - писали во французской газете, - будет служить материалом для барабанов, чтобы бить атаку и опрокидывать стены нового Иерихона".

В 1806 году Наполеон созвал в Париже собрание еврейских представителей - нотаблей, которые должны были разъяснить императору, можно ли исправить "дурные наклонности" еврейской нации и

подчинить ее государственным законам, - или же евреи непригодны для гражданской жизни. Этих нотаблей не выбирали, а назначали из среды раввинов, коммерсантов и образованных евреев, способных оценить "благие намерения правительства". Первый день заседаний приходился на субботу, и верующие депутаты не желали нарушать одну из основных религиозных заповедей. Хотели было попросить власти, чтобы перенесли открытие на другой день, но политические соображения взяли верх. Надо было на деле доказать императору, что евреи готовы жертвовать религиозными законами ради исполнения государственных обязанностей, и первое заседание состоялось в назначенный властями день. Даже в русской газете того времени отметили этот невероятный случай: "Более ста евреев... открыли заседание свое в субботу. Известно, что они в сей день не ездят, не пишут и вообще не занимаются никакими делами. Несмотря на то, многие из них приехали в каретах на собрание, а некоторые писали".

Нотабли побоялись признать еврейство отдельным народом, опасаясь потерять недавно приобретенные гражданские права. "Движимые чувством признательности, любви и благоговения к священной особе императора", депутаты решили отречься от своей национальности и признали себя лишь религиозной общиной. "В настоящее время, - заявили они, - евреи уже не образуют нации, так как им досталось преимущество войти в состав великой французской нации, и они в этом видят свое политическое искупление". Депутаты подчеркивали, что нет солидарности между евреями различных стран, что французские евреи чувствуют себя чужими среди евреев Англии и Германии и без колебаний сражаются со своими единоверцами, которые служат в армиях враждебных государств. Они заявили, что евреи - это те же самые французы, которые исповедуют иудейскую религию, и из этой религии они готовы исключить все, несогласное с требованиями правительства.

В России много писали о том, что Наполеон распорядился созвать в Париже Синедрион, по образцу еврейского Синедриона древности. Постановления этого нового Синедриона должны были утвердить решения нотаблей, "устранить все ложные толкования прежних веков" и "наряду с постановлениями Талмуда получить полное признание со стороны евреев всех стран и времен". Собрание нотаблей с восторгом приняло это известие и тут же выпустило манифест ко всем еврейским общинам Европы с призывом присылать своих представителей в Париж, ибо это событие откроет "для рассеянных потомков Авраама период свободы и счастья". "Готовится великое событие, - было написано в манифесте. - Перед глазами изумленного мира скоро появится то, чего ни наши предки в течение целого ряда веков, ни мы в наши дни не надеялись увидеть". Чтобы обеспечить послушный состав депутатов, Наполеон дал указание созвать такое "собрание людей, которые боялись бы потерять свое равноправие... и не пожелали бы, чтобы их считали виновниками несчастья еврейского народа". Другими словами, если бы Синедрион отклонил решения нотаблей, "последствием этого было бы изгнание еврейского народа". Первое заседание Синедриона состоялось 9 февраля 1807 года. На нем присутствовали представители еврейских общин Франции, итальянских государств и Рейнского Союза, но евреи других стран Европы не прислали ни одного депутата. На торжественной службе в главной парижской синагоге прочитали молитву за "нашего бессмертного императора" и за победу его оружия, а затем члены Синедриона, семьдесят один человек, - столько же, сколько было и в Синедрионе древности, - направились в зал заседаний парижской ратуши, где и расселись по старшинству, по обеим сторонам президиума. Две трети из них составляли раввины; все они были одинаково одеты в черные мантии и черные треуголки; заседания

проходили при открытых дверях, и публика с любопытством наблюдала невиданное и торжественно обставленное зрелище. Члены Синадриона выслушивали доклады нотаблей и принимали решения (часто в полном противоречии с законами Торы и Талмуда), которые, по замыслу Наполеона, должны были стать обязательными для евреев всего мира. Заседания Синадриона продолжались ровно месяц, а затем правительство сообщило, что считает их работу благополучно завершенной. Депутаты попросили аудиенцию у Наполеона, но им разъяснили, что император срочно отправился на войну, и потому они не смогут лично поблагодарить "нашего славного благодетеля". И больше Синадрион уже не собирался. Вскоре Наполеон потерял всякий интерес к этой затее, а, возможно, и разочаровался в ней, потому что ожидал от Синадриона дополнительных уступок: введения, например, обязательной нормы смешанных браков - один смешанный на два еврейских, "чтобы еврейская кровь утратила свою особенность". В письме к своему брату Наполеон писал откровенно: "Я взял на себя труд исправить евреев, но никогда не старался привлечь новых в мои государства. Более того, я избегал всего, что могло бы свидетельствовать об уважении к самым презренным из людей".

Российские евреи - хасиды и их противники - неприязненно относились к атмосфере вольнодумства и безбожия во Франции, а также к самому Наполеону. "Если победит Бонапарт, - писал рабби Шнеур Залман, - богатство евреев увеличится и положение их возрастет, но зато отдалятся сердце их от Отца нашего Небесного". Глава белорусских хасидов, проповедовавший милосердие и смирение перед Богом, не мог примириться с жестокостью Наполеона, с его "губительной жадностью к бесконечному кровопролитию", с его "самонадеянной гордостью" и равнодушием к человеческой жизни, а также с его вольномыслием и безбожием, которые угрожали в будущем устоям еврейской жизни. Слухи о созыве парижского Синадриона, который самовольно присвоил себе права Синадриона древности, только усилили недоверие, а принятые им решения, отменявшие законы Торы и грозившие разрушить традиционный образ жизни, еще более увеличили вражду к Наполеону и к его действиям.

В конце 1806 года Россия объявила войну Франции, и во всех церквях торжественно зачитывали послание Правительственного Синода, который провозгласил народную войну в защиту православия. В послании было сказано среди прочего, что Наполеон "установил новый великий сангедрин Еврейский, сей самый богопротивный собор, который некогда дерзнул осудить на распятие Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа... И теперь Наполеон помышляет соединить Иудеев, гневом Божиим рассыпанных по всему лицу земли, устремить их на испровержение Церкви Христовой и (о дерзость ужасная, превосходящая меру всех злодеяний) на провозглашение лжемессии в лице Наполеона". Русские газеты подхватили этот бранный эпитет Наполеона - "иудейский лжемессия" и употребляли его в статьях и даже в стихотворениях: "Белены он обожрался: против Бога поднял нос. И мессиею назвался: экой змей-горыныч - пес!"

По всей России собирали пожертвования на оснащение ополчения - земского войска, и среди жертвователей оказалось много евреев. Любопытная деталь: собранные средства шли на борьбу в защиту православной веры, которой грозил, будто бы, Наполеон в союзе с иудеями, и в то же время, по императорскому распоряжению, печатали в газетах - "в память потомству" - нескончаемые имена евреев, которые жертвовали на эту борьбу. В Витебской губернии они собрали 30000 рублей. В Подольской - 33152 рубля. Одесский купец Раппопорт пожертвовал сто пудов серы. Васильковский кагал - 497 рублей 50 копеек, четыре четверти хлеба, ружье, саблю и тулуп. Сквирский кагал - 655 рублей и английское седло. Пинские купцы и мещане - 294 рубля и пятьдесят четвертей овса. Мещанин Лейзарович - саблю. Мещанин Исроелевич - ружье. Купец Давид Герценштейн - двести четвертей пшеничной муки.

Летом 1807 года Россия заключила с "лжемессией" Тильзитский мир, и простой народ, воевавший до этого с "богоотступником и гонителем православия", был явно озадачен. Некоторые даже усматривали в этом вмешательство нечистой силы, а многие священники, плохо разбираясь в политических маневрах, все еще зачитывали в церквях старые послания против "антихриста" Бонапарта. Последовало высочайшее повеление, чтобы соблюдали уважение к императору Наполеону, и цензура стала строго следить за газетами и журналами. Сжигали даже книги, критиковавшие вчерашнего "антихриста", и больше уже не упоминали о том, что он совместно с евреями покушался на православную веру.

Перед войной 1812 года на западной границе Российской империи появилось новое государство со значительным еврейским населением. В 1807 году Наполеон разгромил Пруссию и отнял у нее польские земли, которые перешли к Пруссии после разделов Польши. На этих землях образовалось Варшавское герцогство со столицей в Варшаве, а его правителем Наполеон назначил саксонского короля Фридриха Августа. Через два года после этого Наполеон отнял и у Австрии польские земли и присоединил их к Варшавскому герцогству. Новое государство получило либеральную конституцию, парламент, законы о всеобщем равенстве и свободе вероисповедания.

Формально евреи Варшавского герцогства имели равные права с прочими гражданами, но в 1808 году Наполеон издал ограничительный декрет для эльзасских евреев, и в герцогстве тут же этим воспользовались. Правительство доложило Фридриху Августу, что евреи "сохраняют национальный дух с раннего детства", и "герцогству грозила бы печальная будущность, если бы израильский народ, находящийся здесь в значительном количестве, сразу бы стал пользоваться правом гражданства". И с одобрения Наполеона Фридрих Август немедленно издал свой декрет: "Жители нашего Варшавского герцогства, исповедующие религию Моисея, лишаются политических прав... на десять лет. Надеемся, что в течение этого времени они утратят те качества, которые столь отличают их от других жителей". Король не расшифровал те качества, которые следовало "утратить", но один из его министров высказался совсем уж определенно: "Не должно быть у евреев ни отдельных кагалов, судов и присяг, ни особой одежды, ни особых обычаев и предрассудков, ни отдельных школ и особого порядка воспитания детей, - вообще, они не должны составлять отдельный род с отдельными браками".

В то время жил в Варшавском герцогстве герой польского восстания 1794 года полковник Берек Иоселевич. Это он сформировал во время восстания особый еврейский полк и призывал евреев бороться за освобождение Польши и таким путем "добыть свободу, обещанную нам так же твердо, как и другим людям". Почти весь полк пал тогда на подступах к Варшаве, защищая ее от войск А.Суворова, а Берек Иоселевич бежал во Францию и участвовал затем во многих битвах. В составе наполеоновской армии он сражался в Италии, отличился в битве под Аустерлицем и был награжден орденом Почетного легиона.

После образования Варшавского герцогства Берек вернулся на родину, в чине полковника командовал эскадроном улан и получил за храбрость еще и высший польский орден - военный крест "Виртути милитари". Кроме него служили в польской армии майор уланов Каспер Юнгоф, капитан стрелкового полка Мордка Розенфельд, военный врач Филипп Любельский и другие евреи.

В 1809 году австрийский корпус вторгся в пределы герцогства, и Берек поспешил со своим эскадроном в Люблин. Возле города Коцка он напал на австрийский отряд, смял его и потеснил, но к неприятелю подошло подкрепление, и после отчаянной борьбы Берек был изрублен венгерскими гусарами. Австрийцы докладывали потом: "Под Коцком убит знаменитый польский полковник Берек, сильно оплакиваемый; по национальности он был еврей". Жители Коцка похоронили его возле своего города и насыпали над могилой курган, который так и назывался потом долгие годы: "курган Берека". В народе сохранилась поговорка: "Погиб, как Берек под Коцком". Солдаты польской армии распевали песни о популярном командире, и в одной из них были такие слова: "В этом собачьем деле погиб Берек под Коцком". Полковника Иоселевича провозгласили национальным героем Польши. О нем писали рассказы и пьесы, описания его подвигов вошли в польские хрестоматии для детей, а граф Потоцкий сказал о Береке такие слова: "Помнит отчизна и битвы твои за нее, и давние раны, полученные в борьбе; помнит вечно, что ты первым дал пример своему народу, пример возрожденной доблести, и воскресил облик тех воинов, которых некогда оплакивали дочери Сиона".

Но еврейские жертвы на благо Польши ни к чему не привели. Варшавское герцогство просуществовало недолгое время, однако его правители успели ввести многие ограничительные законы для польских евреев, хотя у властей были тогда и иные заботы - тяжелый экономический кризис и полная неуверенность в завтрашнем дне. Первым делом евреев выселили с главных улиц Варшавы, хотя незадолго до этого они дали большой кредит на нужды столицы, и отцы города этот кредит благосклонно приняли. Особый декрет перечислял запретные улицы, - среди них оказалась и улица под названием Еврейская, - потому что, как было сказано, "большое скопление евреев влечет за собой разные опасные последствия, пожары и потерю здоровья, а переполнение этим народом главных улиц и домов мешает удобству публики". Домохозяева с запретных улиц просили отменить это ограничение, чтобы не потерять квартирантов; домохозяева с разрешенных улиц отстаивали ограничение, чтобы заполучить тех же самых квартирантов; но дополнительным указом правительство запретило держать на главных улицах даже еврейские магазины. Учитывали самые незначительные мелочи: если, к примеру, угловой дом одной стороной выходил на разрешенную улицу, а другой - на неразрешенную, то в одной половине этого дома могли селиться евреи, а в другой половине это им запрещалось.

"На каждой из запретных улиц позволили жить двум еврейским семьям, которые удовлетворяли бы определенным условиям: глава семьи должен уметь читать и писать по-польски или по-французски, посылать детей в общие школы, внешне не отличаться от местного населения и иметь капитал не менее шестидесяти тысяч злотых. Жил на запретной улице уважаемый в городе человек, поставщик польской армии Берек Шмуль, которому правительство задолжало огромную сумму - более семисот тысяч злотых. По новому декрету он подлежал выселению, потому что не сбрил бороду и носил еврейскую одежду. Нарушитель закона напомнил королю о своих заслугах перед государством и сообщил, что "из привязанности к своей религии и обычаям предков я желаю оставаться до конца дней своей жизни в традиционном платье, которое у меня и у моей семьи всегда опрятное и приличное, и только борода отличает меня от прочих граждан". Понадобился особый королевский декрет, чтобы Шмуль со своей семьей мог остаться на запретной улице, но право носить традиционное платье и не брить бороду сохранялось лишь за главой семьи и не распространялось на его потомство.

На запретной улице разрешили жить "при своем платье" и вдове героя Польши Берека Иоселевича и "торговать там водкой", потому что скромной пенсии за погибшего мужа было недостаточно, чтобы растить детей. "Мы обременены податями больше, чем другие жители, - жаловались в Сенат представители варшавской общины. - Отнята у нас радостная возможность приобрести кусок земли, построить дом, основать хозяйство, фабрику, свободно вести торговлю, - вообще делать все то, что Бог и природа позволяют человеку... Со всех сторон мы отягощены ббльшими притеснениями, чем прочие граждане; куда ни обратимся - везде встречаем препятствия и обиды... Неужели та земля, на которой родились отцы и предки наши, и за которую не раз дорого платили, навсегда останется чужою для нас?..."

Некий банкир Соломон Гирш просил власти разъяснить ему, что нужно предпринять, в конце концов, чтобы добиться равных гражданских прав. Вот он, к примеру, получил образование в христианской школе, "далек от вредных родине предрассудков", сменил одежду, проявил любовь к отечеству в трудные его периоды, жертвует деньги на общественные нужды, - чего же еще? Разве этого недостаточно, чтобы получить равные права с поляками? Очевидно, правительство само еще не знало, каким образом это сможет произойти, и произойдет ли это вообще когда-нибудь, - во всяком случае Соломон Гирш получил такой обтекаемый ответ: "Еще не установлены условия, при соблюдении которых лица Моисеева исповедания могут пользоваться правами граждан".

А власти пока что вводили одно ограничение за другим. Евреям из провинции запретили селиться в Варшаве. Они могли приезжать туда только на время, и за каждые сутки должны были платить в пользу города особый "билетный сбор". Еврейские девушки из Варшавы не могли выйти замуж за евреев из других мест Польши, потому что у тех не было права жительства в столице. По примеру Варшавы и другие города вводили особые кварталы для евреев и ограничивали их в торговле и ремеслах, а правительство поощряло эти меры. Даже во время войны с Россией, когда у польских властей появились иные первоочередные заботы, не позабыли издать закон, который запрещал евреям винокурение и содержание шинков.

Правители Варшавского герцогства предполагали, что в скором времени Наполеон победит Россию, польские земли со значительным еврейским населением, отторгнутые во время разделов, снова войдут в состав герцогства, и нужно поэтому заранее подготовить новые ограничения для евреев - будущих подданных. Министр полиции писал: "Вскоре ожидаются большие перемены и на очереди тогда окажется много спешных дел и вопросов. Теперь же удобно воспользоваться свободным временем, которое нам еще остается, для введения таких мер, провести которые впоследствии будет затруднительно..."

Перемены действительно произошли, и в очень скором времени, - но совсем не те, которых ожидали в Варшавском герцогстве.

3

Перед войной 1812 года снова возникли старые подозрения: сохраняют ли евреи верность российскому престолу или же, озлобленные притеснениями и изгнаниями последних лет, перейдут на сторону неприятеля. Этот вопрос волновал тогда многих: власти, помещиков и даже польскую шляхту западных российских губерний, которая с победой Наполеона связывала свои мечты о национальной независимости. Не случайно в начале 1812 года российский император повелел установить особое наблюдение за всеми жителями западных губерний, и минский губернатор сообщил в ответ, что 'подозрительными являются "все жида"'. Опасались тогда не только евреев. Опасались многих в преддверии новой войны с Францией. "Сословие слуг, - докладывал московский генерал-губернатор, - ждет Бонапарта, чтобы быть вольными". "Французы проповедуют всюду о вольности крестьян, - с беспокойством писал современник, - так и ожидай всеобщего восстания". На всякий случай арестовывали и высылали из столиц иностранцев и подозрительных лиц, и из Москвы в Рязань - среди прочих "колодников и арестантов" - отправили по этапу группу евреев: "двадцать двух мужчин, шесть женщин и десять детей".

В июне 1812 году огромная наполеоновская армия переправилась через Неман, без боя заняла Вильно и пошла на Москву. Польское население завоеванных губерний почти целиком перешло на сторону Наполеона. Его встречали с энтузиазмом и называли "избавителем Польши", "нашим мстителем" и даже "земным богом". Дворянство присягнуло Наполеону, образовывало самоуправление на занятых территориях, формировало польские полки, а молодежь "горела нетерпением вооружиться и вступить в ряды своих единоплеменников". "Граждане! - взывал к польскому населению городской голова в Вильно. - Цепей больше нет! Вы можете свободно дышать родным воздухом, свободно мыслить, чувствовать и действовать. Сибирь уже не ожидает вас, и москали сами принуждены искать спасения в ее дебрях!"

Путь наполеоновской армии лежал через заселенные евреями города и местечки западных губерний, и теперь уже на деле русское правительство могло проверить прежние свои опасения. Но война показала, что русское еврейство осталось преданным своему государству. Евреи, писал современник, "опасались возвращения польского правительства, при котором подвергались всевозможным несправедливостям и насилиям, и горячо желали успеха нашему оружию и помогали нам". Были, очевидно, и надежды, что после войны все изменится к лучшему, и тогда уж не забудут и про евреев. "Когда Всевышний поможет государю и враги его будут повержены, - говорил рабби Шнеур Залман, - он, наверное, вспомнит о евреях, улучшит положение их среди народов и дарует им навсегда всякие свободы". И еще одно, немаловажное: евреи Восточной Европы не доверяли Наполеону и той атмосфере безбожия, которая грозила отменить законы Торы и Талмуда и нарушить традиционный образ жизни, и потому встали на сторону русских войск.

В то время евреи России не служили еще в армии, и только единицы из них участвовали добровольцами в военных действиях. Герой войны 1812 года Денис Давыдов вспоминал про

одну из стычек с французами: "Один улан с саблей в руке гнался за французским егерем. Каждый раз как егерь прицеливался, улан отъезжал в сторону и вновь начинал преследовать, когда егерь обращался в бегство. Заметив это, я закричал улану: "Улан, стыдно!" Не ответив ни слова, он поворотил лошадь, выдержал выстрел французского егеря, бросился на него и рассек ему голову. После сего, подъехав ко мне, он спросил меня: "Теперь довольны ли, ваше высокоблагородие?" - и в эту минуту охнул: какая-то бешеная пуля перебила ему правую ногу. Весьма странно то, что сей улан, получив за этот подвиг георгиевский знак, не мог носить его. Он был бердичевский еврей, завербованный в уланы".

Не участвуя в военных действиях, евреи поставляли русской армии важные разведывательные сведения. Еще до войны, когда французы стояли в Варшавском герцогстве, на границе с Россией, евреи - жители пограничной полосы - добывали сведения о передвижении их войск. Особо отличился тогда Гирш Альперн из Белостока, поставлявший чрезвычайно важную информацию. Он даже ездил в Петербург к военному министру, и тот отметил его "похвальное усердие к общей пользе" и вручил ему от имени Александра I перстень и пятьдесят червонцев. Во время войны ценность разведывательных сведений еще больше возросла, и евреи-лазутчики - Зелик Персиц, Захарий Фриденталь, Меер Марковский, Лейба Медведев, Гирш Гордон, Ицхак Адельсон, Янкель Иоселевич и многие другие, отмеченные в рапортах русских отрядов, добывали эти сведения с риском для жизни. Полковник А. Бенкендорф вспоминал после войны: "Мы не могли достаточно нахвалиться усердием и привязанностью, которые выказывали нам евреи". Вторил ему генерал русской армии А. Ланжерон: "Привязанность евреев была нам очень полезна". То же самое отмечали и французы: "Все евреи оказывали тогда русским эту разведывательную службу... повсюду проявляли преданность России и сердцем не отпали от нее". Историк Отечественной войны 1812 года писал: "Наиболее важные сведения доставляли нам евреи... Мы своевременно знали не только о передвижениях и местах квартирования французских войск, но даже и о тех пунктах, у которых Наполеон намечал переправы своих войск через реку Неман". Даже будущий император Николай I, путешествуя после войны по западным губерниям и записывая в дневник неодобрительные характеристики о евреях, отметил тем не менее: "Удивительно, что они в 1812 году отменно верны нам были и даже помогали, где только могли, с опасностью для жизни".

"В Борисове, - вспоминал генерал А. Ланжерон, - мне доложили, что какой-то еврей имеет мне что-то передать под большим секретом... Подняв край своей загрязненной одежды, он вытащил из-под подкладки бумагу и передал ее мне... Этот еврей прошел через корпуса двух французских маршалов и дал мне о них самый точный отчет". Еврей из Ошмян сообщил партизану Сеслаину о появлении в городе самого Наполеона, и тот чуть было не взял в плен французского императора. "Еврей провел отряд по тропинке, покрытой глубоким снегом, а в городе все было спокойно и в совершенной безопасности..." Некоторые разведчики получали вознаграждение за свои услуги, но другие отказывались от денег и делали бескорыстно свое опасное дело. "Один из евреев, - писали в русской газете, - явившись к командовавшему авангардом генералу от инфантерии Милорадовичу, предложил ему свои услуги. Добрая воля его не была отринута, и он тотчас был употреблен к собранию некоторых сведений... Генерал приказал выдать ему несколько денег, но еврей, уклоняясь от сей милости, сказал: "Теперь такое время, ваше высокопревосходительство, что все должны служить без денег".

Важную роль в той войне играли евреи-подрядчики и поставщики продовольствия для русской армии. Им выдавали особые удостоверения, и они без помех и задержек разъезжали по делам с места на место. Особые услуги русской армии оказывала и "еврейская почта". Еще в мирное время эта почта помогала еврейским торговцам и банкирам регулярно и очень быстро пересылать необходимые сведения из города в город - через Польшу и западные губернии России. Почтовыми станциями служили для них еврейские корчмы, и специальные посланцы немедленно перевозили письма от одной корчмы до другой. Они ездили известными только им дорогами, часто по глухим, практически непроходимым местам, и значительно опережали тогдашних курьеров. О переправе Наполеона через Неман и начале войны Александр I узнал сначала с помощью "еврейской почты", и только позднее прискакал к нему курьер из армии. Во время войны "еврейская почта" доставляла многие сведения русской армии, и даже французы отметили, что "еврейская почта, этот таинственный способ сообщений, обнаруживала чрезвычайную активность".

Помогая русской армии, разведчики, курьеры и проводники хорошо понимали, чем это им грозит. В деревне возле Бобруйска казаки разбили французский отряд, потому что им вовремя сообщил о неприятеле некий Нисан Каценельсон. Отступая, французы захватили его с собой и замучили до смерти. В мемуарах одного француза записано: "Мы поймали русского разведчика, еврея, который спустя несколько часов и был расстрелян". В городе Шклове французы повесили некоего Этингона: он отказался показать им путь к Могилеву, заявив, что это противоречит заповедям Бога. "Как можем мы знать что-нибудь, - говорил пленный офицер французского главного штаба, - когда в качестве шпионов мы можем употребить только евреев, а они все за вас!" Не случайно, заняв Гродно, Денис Давыдов передал всю власть в городе не полякам, а местному еврейскому кагалу. "Зная преданность евреев к русским, - написал он в специальном обращении к жителям, - я избираю кагального в начальники высшей полиции и возлагаю на него ответственность за всякого рода беспорядки, могущие возникнуть в городе... Дело кагального - выбрать из евреев помощников для надзора как за полицией, так и за всеми польскими обывателями города..." "Все это, - вспоминал Давыдов в своих записках, - разрывало от досады поляков, принужденных... исполнять предписания жидовского кагала..." Еврейские общины многих городов жертвовали деньги на нужды войны. Захватив город Лепель, французы выбросили раненых русских солдат из больницы, а евреи взяли раненых под свое попечение и спасли им жизни. В этом же городе французы при отступлении зажгли один из шлюзов Березинского канала, но евреи его потушили, и русские войска без помех перешли на другой берег. Там же евреи построили новый мост взамен уничтоженного и "таким образом, - писали в русской газете, - армия наша не встретила препятствия в преследовании неприятеля". Возле Витебска, на занятой французами территории, евреи даже захватили в плен и привели в русский штаб французского курьера с депешами, которые он вез из Парижа самому Наполеону. А возле Мозыря некий Рувин Гуммер спас от погони русского фельдъегеря с важным донесением. Он укрыл его в своем доме, передел в еврейское платье, обрезал пряди волос у своих дочерей и приделал офицеру пейсы, так что французы приняли переодетого поручика за местного еврея. Через несколько дней, когда все утихло, Рувин Гуммер отвез курьера в русский штаб, а французы прослышали об этом, сожгли дом, избили детей, а его жену повесили. Верность евреев России французы даже использовали однажды в критический для них момент. В ноябре 1812 года в сражении под Красным армия Наполеона была разгромлена и оказалась в ловушке возле Борисова. Со всех сторон ее окружали русские войска; надо было переправиться через Березину, но и на той стороне реки их ожидал адмирал П.Чичагов со своей армией. Чичагов был абсолютно уверен, что Наполеон попадет к нему в плен, и издал даже приказ по армии с его приметам: "Он росту малого, плотен, бледен, шея короткая и толстая, голова большая, волосы черные. Для вящей же надежности ловить и приводить ко мне всех малорослых". Чичагов считал, что переправа через Березину произойдет южнее Борисова, и французы поддерживали это его заблуждение. В этом месте они начали рубку леса, разбирали крестьянские дома, свозили на берег бревна и измеряли глубину реки. Они даже специально спрашивали местных евреев о южных бродах через реку, хорошо зная, что те все передадут русским.

Так оно и случилось. Ночью три борисовских еврея переправились через реку и сообщили адмиралу Чичагову, что французы начинают переправу южнее Борисова. Это подтверждало его догадку, и адмирал послал почти всю свою армию к южной переправе, чтобы поймать Наполеона. Узнав об этом, Наполеон воскликнул: "Я обманул адмирала!" И пока тот ждал французов на юге, они переправились через Березину на севере и вышли из ловушки. Чичагов обвинил трех евреев в измене и предательстве, потому что они повредили делу ложными сообщениями, и приказал их повесить. Это были Мовша Энгельгард, Лейб Бененсон и Борух Гумнер.

Через много лет после этого в Борисове случайно оказался некий русский генерал Энгельгардт. Там он узнал, что в городе живет его однофамилец, Мордух Энгельгард, сын казненного "изменника". Генерал очень оскорбился и по возвращении в Петербург стал хлопотать о том, чтобы потомству "изменника" запретили носить эту фамилию. И высочайшим указом императора Николая I жителю города Борисова Мордуху Энгельгарду велено было впредь именоваться Мордух Энгельсон.

В наполеоновской армии служили французы, немцы, голландцы, швейцарцы, итальянцы, поляки, испанцы и представители других народов. "Безостановочно проходили через Вильно, - вспоминал очевидец, - разнородные, разнovidные и разноязычные войска": кирасиры на исполинских конях и в латах; мамелюки в чалмах и с кривой саблей на боку; испанцы в коричневых мундирах; гвардейцы в огромных медвежьих шапках; какие-то невероятные бородачи с широкими бердышами, как у палачей. И среди этого "разнovidного" войска попадались, конечно же, и евреи - солдаты и офицеры, поставщики и маркитанты, волею случая познакомившиеся со своими российскими единоверцами во время похода на Москву. Какой-нибудь еврей-кавалерист с саблей или офицер в мундире производили огромное впечатление на российских евреев, которые никогда прежде не видели еврея-солдата или офицера. Из поколения в поколение пересказывали евреи России истории о тех временах, переполненные еврейскими "полковниками" и "генералами", количество которых принимало порой невероятные размеры.

В Дубровне, в первый день еврейского Нового года, старик-еврей увидел французского солдата, который стоял на карауле и что-то тихо шептал. Прислушавшись, старик расслышал слова новогодней молитвы на еврейском языке, и когда солдат сменился с караула, старик пригласил его домой на праздничную трапезу. В Креславке двое французских солдат поймали на улице гусей, а потом остановили перепуганного еврейского мальчика и попросили проводить их к резнику, чтобы тот зарезал им птиц по еврейским правилам. В Лядах старый еврей встретил на улице неприятельского полковника верхом на лошади, "увешанного медалями, с толстыми золотыми эполетами". Иностранец подъехал к старику и заговорил с ним на талмудическую тему, подкрепляя свою речь многочисленными цитатами. Старик стал возражать ему, и тут же между ними разгорелся спор. Предание добавляет для красочности: оба еврея так увлеклись темой разговора, что не заметили подсакавшего русского казака, который и застрелил полковника.

В субботний день, в Креславке, несколько французских солдат вошли в синагогу и вынули из хранилища свиток Торы. Синагогальный служака решил, что они собираются надругаться над святыней, и невероятно перепугался. И вдруг он увидел: один из солдат развернул свиток, прочитал вслух положенный на эту субботу отрывок, а затем поставил свиток на место и ушел вместе с товарищами из синагоги. Когда Наполеон жил в Витебске, у одного еврея-лавочника брали овощи для императорского стола. Однажды этот еврей отправился во дворец, чтобы получить причитающиеся ему деньги. Но во дворце, среди блестящей императорской свиты, лавочник, естественно, растерялся. Вдруг подошел к нему один из придворных, заговорил с ним по-еврейски и помог получить деньги. Более того, он проводил лавочника в сад и показал ему издалека самого Наполеона, который сидел на балконе и слушал музыку. "Такой дивной музыки, - вспоминал потом лавочник, - я никогда прежде не слышал".

Во времена долгих стоянок французских войск случались порой более близкие знакомства. В одном из местечек Ковенской губернии еврей-солдат французского гренадерского полка женился на четырнадцатилетней Тайбель, дочери уважаемого еврея. Когда полк отправился дальше, еврей-гренадер ушел вместе со своей частью и выдал молодой жене условный развод. Неизвестно, был ли он убит или вернулся на родину, а Тайбель вторично выдали замуж за сына одного раввина. Но бывали контакты и при более трагической обстановке. Возле Борисова французы за какую-то провинность казнили своего провиантского чиновника. "Как обычно в таких случаях, - вспоминал очевидец-француз, - он был расстрелян двенадцатью гренадерами. Явилось несколько русских евреев, которые и похоронили своего единоверца".

Французская армия дважды прошла через Литву и Белоруссию: сначала победоносным походом на Москву, а затем - при поспешном, беспорядочном бегстве из России. Это перемещение огромного количества вооруженных людей через территории с беззащитным населением

неминуемо вело к грабежам и насилиям. "Наполеон, - отмечал французский историк, - имел обыкновение в походах кормиться за счет занимаемой им страны, безразлично, была ли она союзной или неприятельской". Солдаты в походах очень редко получали довольствие от армии, и потому каждый устраивался, как мог. Грабили помещиков и монастыри, села, корчмы и усадьбы, забирали продовольствие, одежду и обувь, а заодно и драгоценности из домов и церквей. Многие солдаты уходили из своих отрядов, собирались группами, выбирали себе предводителей, и эти банды наводили ужас на окрестное население. "Усадьба, село, корчма, дом ксендза - без окон, без дверей, - писал очевидец. - Костел настужь и тоже весь дочиста обобран. Могильные склепы не пощажены, а гробы раскрыты и опрокинуты..." Не помогли и жестокие меры против мародеров, которых беспощадно расстреливали сами же французы, и от поборов и грабежей страдало все местное население, в том числе и евреи.

Участники похода разграбили и сожгли на своем пути Гродно, Новогрудок, Оршу, Полоцк и другие города западных губерний. В Троках, вспоминал французский офицер, "всеобщий вопль слился с бушеванием ветра и тревожным гулом набата. В окна летели пули, двери домов трещали под ударами ружейных прикладов и под напором бушующих и пьяных солдат, которые переполнили улицы. Ограбленные, молящие, обнаженные жители в ужасе прятались за поломанной мебелью или обречены были грубому насилию этих бешеных людей... И чтобы довести варварство до высшего предела, чтобы дать печальнейшие примеры человеческого безумия, некоторые изверги сбрасывали евреев, которые в отчаянии пытались сопротивляться, из верхних этажей их жилищ".

Еще страшнее были бесчинства во время беспорядочного бегства "великой армии". Толпы солдат в грязной и оборванной одежде уже не подчинялись приказам и грабили всех на своем пути, чтобы утолить голод и спастись от жестоких морозов, которые доходили в ту зиму до тридцати градусов. Все дороги были усеяны окоченевшими, скрюченными трупами, брошенными обозами, пушками и прочим снаряжением. Каждый заботился только о себе, не было пощады никому и ничему, и позади отступавших толп оставалась разоренная и выжженная территория. "Все деревни разрушены и сожжены, - писал очевидец. - Сохранились лишь развалины печей, возле которых видны сотни погибших, которые нашли смерть на пепелищах своих домов". Многие синагоги были обращены в конюшни, а в Вильно французы устроили на еврейском кладбище пастбище для скота, и тысячи памятников и могил были уничтожены и затоптаны.

Русские войска тоже кормились за счет населения, и Александру I докладывали о "грабительстве наших войск, которые все себе присваивают всевозможными способами". И если солдаты не очень церемонились с православными жителями, то о евреях и говорить нечего, особенно когда через их поселения проходили казацкие отряды. В одном только Витебске потери жителей в той войне - от грабежей и реквизиций составили более полутора миллионов рублей, и на долю еврейского населения пришлось около миллиона. После войны 1812 года возросла нищета в еврейских общинах Литвы и Белоруссии. Многие синагоги сгорели в огне, а вместе с ними и свитки Торы, книги записей общин, собрания рукописей и редкие типографские издания. Потребовались многие годы, чтобы общины смогли оправиться от разорения того времени.

На исходе войны вспыхнули эпидемии среди местного населения, потому что трупы погибших солдат "непобедимой" армии горами лежали на улицах городов и деревень и заражали все вокруг. Эпидемии косили многих, и надо было поскорее освободить улицы и дороги от мертвых тел и от трупов павших лошадей: их сжигали, закапывали, тысячами спускали под лед рек. В одном только Минске погребли семнадцать тысяч тел, в Борисове и его окрестностях - сорок тысяч, в Вильно - и того больше, не считая огромного количества издохших лошадей. "На площади в Вильно, - писал очевидец, - стоит огромный костел, который нашли заваленным трупами французов до такой степени, что двери не открывались, и надо было тела выбрасывать из окон купола". Неудивительно поэтому, что именно в Вильно эпидемия была наиболее жестокой и продолжительной, и от нее пострадало вместе со всеми и еврейское население. То же самое случилось и в других городах и местечках: в Витебске, к примеру, от эпидемий и убийств погибла треть еврейского населения города.

Когда французская армия бежала из России, остались десятки тысяч пленных, с которыми обращались далеко не ласково. У них отбирали одежду и обувь, кормили впроголодь, содержали в крайней тесноте и грязи. Многие пленные умерли от голода и мороза, а выжившие

влачили жалкое существование. Евреи разыскивали своих единоверцев среди прочих пленных, давали им еду, деньги, одежду, некоторых лечили в больницах и помогали переправиться через границу. Даже христиане порой выдавали себя за евреев, чтобы получить помощь от сердобольных "собратьев по религии". Некий гренадер Пикар поселился в Вильно в еврейском доме, где его кормили и обращались с ним, как с родным сыном. "Я спросил у Пикара, - рассказывал его приятель, - как это случилось... Он мне ответил, что выдал себя перед ними за сына еврейки; что в течение двух недель он всегда ходил с ними в синагогу, так как после этого ему постоянно перепало несколько глотков водки и орехов на закуску. Я уже давно не смеялся, но на этот раз хохотал до того, что у меня потрескались губы".

Пленные французы видели порой отношение местного населения к евреям и отмечали это в своих воспоминаниях. Один из них писал про начальника конвоя, русского полковника: "(Он) был злейшим ненавистником евреев и часто с ними обращался жестоко. Я много раз видел, как он, схватив двух евреев за бороды, заставлял их биться головами и угощал при этом пинками". Такие примеры подталкивали и пленных на подобные действия, особенно если они и до этого не питали к евреям добрых чувств. "Я постоянно ссорился с моими вечными врагами", - вспоминал солдат из Саксонии. "Мы разрисовали ему стены и прочее всевозможными карикатурами на евреев", - писал геманский офицер. А пленный баварский фельдфебель на глазах у еврея утащил всех его кур, зная, что тот не пойдет на него жаловаться. "Всякий раз, как мы встречали этого еврея, - с удовольствием вспоминал фельдфебель, - мы дразнили его курами и французами".

Евреи не могли пользоваться посудой, в которой побывала до этого некашерная пища, и потому не разрешали пленным варить еду в своих кастрюлях. "В Бобруйске, - писал солдат из Вюртемберга, - мы получили порядочную квартиру у одного еврея... Он не позволял нам развести огонь и не давал нам посуды для варки пищи, пока мы не призвали нашего конвойного офицера, который несколькими ударами кнута научил его порядку". "Мы заметили, - вспоминал солдат из Баварии, - что у всех евреев на дверном косяке имеется записочка с надписью на древнееврейском языке, прикрытая стеклышком. Входя в дом, каждый еврей прикасался кончиками пальцев к записке и целовал их. Отсюда мы заключили, что эта записочка имеет для них большую ценность. Французы вынули эту записку и согласились возвратить ее при условии, что евреи дадут им водки. Этот маневр многократно повторялся, и евреи каждый раз платили за свою святыню выкуп водкой. Наконец, это им надоело..., и они сами вынули все записки и спрятали их". Если евреи-лавочки не соглашались продавать товар по низкой цене, сообщал пленный, "их за это колотили. А они обыкновенно говорили в ответ: "Господин не должен драться. Вы же находитесь в плену!"

На всей освобождаемой территории евреи радостно приветствовали русскую армию. Газеты того времени и воспоминания очевидцев полны свидетельств: "При вступлении армии нашей в Белоруссию примечена была в евреях чрезвычайная всеобщая радость"; "Поляки встречают нас, как победителей, жида - как спасителей"; "Жида обрадованы были прибытием русских войск, били в барабаны и играли на трубах и литаврах, выносили солдатам пиво и вино". По случаю победы во многих городах праздновали изгнание французов, но с особой торжественностью это прошло в Бердичеве. Газета писала, что церемония "началась в четвертом часу пополудни торжественным собранием евреев в их школе (синагоге)... По принесении молитв, собрание шествовало в дом раввина, при игрании музыки и радостных восклицаниях, причем по обеим сторонам дороги бросаемы были деньги для бедных... Дом раввина освещен был великолепным образом, и... угощение соответствовало в полной мере общей радости посетителей".

А в городе Гродно, во время праздника Пурим, евреи любопытным образом устроили традиционное представление в память избавления народа от происков Амана. Газета писала: "Известно, что евреи в сей день наряжаются самым смешным образом и представляют разные зрелища... Они нашли множество мундиров бывшей здесь разнородной французской великой армии, и, нарядясь в оные, представляли действительно самые смешные карикатуры". А этого, наверно, великий Наполеон не смог бы себе представить даже в самом кошмарном сне: российские евреи в мундирах его непобедимой армии!

В воспоминаниях участников наполеоновского похода сохранились сведения о еврейском населении завоеванных территорий. "В то время, как все жители края, спасаясь от насилий врага, искали убежища в лесах, евреи единственные не покидали своих жилищ". Они продавали французам разные товары, но с наступлением субботы торг прекращался, потому что "евреи

очень строго придерживаются своих религиозных предписаний и не отступят от них, хотя бы это стоило им жизни". "Я видел здесь, - писал участник похода, - прекрасные изделия; среди евреев-ремесленников были настоящие художники". "В начале похода я с некоторым отвращением селился в корчмах, так как в деревнях они почти всегда принадлежат евреям. А теперь я ими очень доволен, потому что все евреи говорят по-немецки, и потому что у них мы всегда имеем чистую комнату и хороший хлеб".

Участники похода оставили описание евреев Литвы: они высоки ростом, худощавы и гибки, у них поспешная походка, правильные черты лица, орлиный нос и пронизывающий взгляд, волосы черные, коротко остриженные, кроме двух прядей у висков, и длинная борода, которую они очень берегли. Все евреи хорошо ездили верхом, были физически сильнее немецких евреев и не так боязливы. "Часто они лезли прямо в драку с нашими солдатами; они не боятся никакой опасности, умны и изворотливы". Среди евреек попадались настоящие красавицы. У них узкий разрез глаз, как у китайок, они полные, кожа белая и прозрачная. Одежда у мужчин: черный халат до пола, перетянутый в талии черным поясом, на голове кожаная ермолка, а на ней шляпа с широкими полями или же черная бархатная шапка, отделанная мехом. У женщин одежды ярких цветов, чаще всего желтые или красные, на шее - стеклянные бусы или жемчуг, на ногах туфли красного или желтого цвета. Замужние прятали волосы под чепчиком, украшенным жемчугом, девушки же заплетали косы. Один из французов побывал в синагоге во время молитвы. Там набилось много народу, в тесноте и духоте: "молящиеся только и делали, что кричали, жаловались, плакали, рвали на себе волосы, повергались на пол и целовали землю".

* * *

Глава белорусских хасидов рабби Шнеур Залман предсказал гибель Наполеона еще в 1800 году, когда тот шел от победы к победе. Для этого он выбрал два стиха из Торы, которые содержали в себе девяносто шесть букв и начинались словами - "Когда заострю сверкающий меч Мой и возьмется за суд рука Моя..." Перемещая эти буквы, рабби Шнеур Залман составил такую фразу: "Главари французских мятежников вначале преуспеют, но потом будут посрамлены, ибо истинный Царь воздаст им, зарубит их мечом и покорит, и погибнет Бонапарт; тогда мир успокоится и возрадуется".

Многие раввины черты оседлости тоже предсказывали скорое поражение Наполеона. В войну 1812 года командир одного из французских отрядов спросил раввина Ха-има из Воложина: каков будет исход похода? И тот ответил ему притчей, намекая на разноплеменный состав наполеоновской армии. Ехал однажды богатый магнат в роскошной карете, которую везла шестерка породистых лошадей, купленных в разных странах. Карета завязла в трясине, и сколько кучер ни стегал лошадей, они не могли сдвинуться с места. Но тут появился крестьянин на телеге, которую везла пара лошадок, и с легкостью проехал через ту же самую трясину. Магнат изумился и спросил крестьянина: "В чем сила твоих лошадей?" И тот сказал ему: "Ваши лошади хоть и сильны в отдельности, но все они разной породы, и нет между ними никакой связи. Каждая считает себя породистее другой и клонит в свою сторону: стегнешь одну, а другая этому только радуется. А у меня лошадки простые, одной масти - кобыла со своим жеребеночком. Чуть пригроишь кнутом одной из них, так другая все силы прикладывает, чтобы помочь той, что рядом. Потому-то мы и проехали по трясине, а вы завязли".

* * *

В то время жил в Польше известный хасидский цадик рабби Исраэль из Козениц. В противоположность рабби Шнеуру Залману он надеялся на победу Наполеона, которая могла бы, как он полагал, улучшить положение польских евреев. Оба праведника - рабби Шнеур Залман и рабби Исраэль - могли надеяться на то, что их молитва будет услышана Небом, и таким образом получилось бы безнадежное положение. Чтобы этого не произошло, рассказывает хасидская легенда, праведники пришли к такому соглашению: услышана будет молитва того из них, кто первым протрубит в шофар на Новый год. Но едва рабби Исраэль собрался протрубить, как тут же ощутил, что рабби Шнеур Залман опередил его, и гибель Наполеона уже предreshена. Может быть поэтому, когда польские

князя Ю.Понятовский и А.Чарторыйский спросили рабби Исраэля о судьбе будущей войны, тот ответил им кратко, выражением из Книги Эстер: "Наф
о
ль тип
о
ль", что дословно означает - "неминуемо падешь" ("нафоль", или "наполь" - созвучно с именем Наполеона, и получается игра слов - "Наполеон падет").

* * *

Рабби Шнеур Залман рассылал разведчиков для сбора сведений и убеждал своих последователей помогать русской армии и жертвовать на нужды войны. У него был непререкаемый авторитет среди белорусских хасидов, и его призывы имели огромное влияние. Когда французы подошли к местечку Ляды, рабби Шнеур Залман, старый уже и больной, уехал со своей семьей вслед за отступающей русской армией. Он говорил: "Мне милее смерть, нежели жить под властью Наполеона и видеть бедствие моего народа". Его сын, рабби Дов Бер, вспоминал: "Новый год (еврейский) застал нас в Троице-Сергиеве. В ту пору было сражение при Можайске. Отец подозвал меня и сказал: "Сын мой, я опечален этой битвой... Враг берет верх, и я думаю, что он овладеет и Москвой"... В ближайшую субботу... он воскликнул: "О горе! Вся Белоруссия будет разорена при отступлении неприятеля! Это - искупление за хмельничину, при которой Белоруссия и Литва были пощажены, а жестоко пострадали только Волынь и Украина". Я ответил ему: "Отец, ведь он еще не вступил в Москву, а если и возьмет ее, то, может быть, отступит по другому направлению". На это отец возразил: "Москву он вскоре наверно возьмет, но тут же произойдет его гибель. Он не удержится в Москве и отступит именно по Белоруссии, а не по Малороссии..., и вскоре погибнет..." Так оно и сбылось".

Так оно и сбылось. Наполеон, действительно, собирался отступать через Украину, где было много продовольствия, но после битвы под Малоярославцем вынужден был возвращаться по разоренным уже районам, которыми он шел на Москву. А рабби Шнеур Залман, дожив до исполнения своего пророчества, не успел вернуться домой и умер в селе Пены Сумского уезда Курской губернии.

Тело его перевезли в город Гадяч Полтавской губернии, в ближайшее место черты оседлости, где было еврейское кладбище, и там похоронили. Его сын писал об этом: "Много мы претерпели от холода и недостатка провизии, питались грубым хлебом с водою, жили в курных крестьянских избах. В селах нас всюду встречали насмешками и бранью; хвала Всевышнему, заступничество начальствующих лиц спасало нас от насилия... Испытания и горести изнурили отца; он заболел желчью, и к тому же еще простудился. Проболев пять дней, он скончался на исходе субботы, в двадцать четвертый день месяца тевет. Останки его мы отвезли в город Гадяч Полтавской губернии, и там предали их земле".

ОЧЕРК ПЯТЫЙ

1

Победоносно закончилась война 1812 года. Наполеон был изгнан из России. Закабаленные и бесправные крестьяне ожидали воли от государства, которое было обязано им своей победой. Облегчения ждали и российские евреи, доказавшие преданность отечеству. Но крестьяне не получили воли, и в императорском манифесте по случаю окончания войны им было сказано:

"Крестьяне, верный наш народ да получит мзду свою от Бога". Евреи тоже ничего не получили за свои заслуги, а затем их даже ограничили во многих и без того урезанных правах. Во время войны при императорской Главной квартире - штабе русских войск - неотлучно находились два еврея: Зундель Зонненберг и Лейзер Диллон. Они имели официальные звания - "депутаты от еврейского народа", выполняли разные поручения по связи с кагалами, передавали им правительственные распоряжения и ходатайствовали за своих единоверцев. В 1814 году, на аудиенции, Александр I обещал депутатам облегчить участь еврейского народа и "соизволил выразить еврейским кагалам свое милостивейшее расположение". Намерения императора были, очевидно, самыми наилучшими, но его политика не соответствовала его намерениям.

После войны евреям-купцам запретили приезжать на ярмарки во внутренние губернии, и даже российские купцы не могли торговать там еврейскими товарами. В Могилевской и Витебской губерниях евреям запретили "разъезжать в селениях для продажи товаров". "Во всех великороссийских губерниях" их перестали допускать к винокурению и продаже водки, но когда губернские власти сообщили в Петербург, что без евреев-винокуров останавливаются заводы, действие этого указа отложили "впредь до усовершенствования русских мастеров". Затем запретили евреям селиться в Лифляндии и в Курляндии, в Астраханской губернии и в Кавказской области, и не позволили даже иностранным евреям водворяться в России, чтобы положить предел "чрезвычайному размножению еврейского племени".

Еврейские черты оседлости были обложены податями, городскими и местными налогами, а поселившиеся на частных землях несли еще разные повинности в пользу землевладельцев. Многие не могли выплачивать свою долю, и кагалу приходилось прибегать к раскладке, то есть заставлять более состоятельных платить за неимущих, потому что вся община отвечала за бесперебойное поступление налогов в государственную казну или в карман землевладельца. В Витебске, к примеру, "богатые" члены общины платили за пятерых неимущих, "средние" - за троих, а все остальные считались "бедными". Чтобы собрать необходимые суммы, кагалы вводили косвенный налог - так называемый коробочный сбор, которым облагались, в основном, убой скота, резка птицы и продажа кашерного мяса. Но денег на покрытие расходов постоянно не хватало, и нередко коробочный сбор взымали с заработка ремесленника, извозчика, мелкого лавочника и шинкаря; с доходов от сдачи в наем домов и амбаров; с приданого невесты; при венчании и расторжении браков, за вынос тела и погребение; брали даже с выигрыша бильярдистов - "авантажа с бильярда".

Нищета еврейского населения была невообразимой. В Могилевской губернии одна треть его не имела никаких средств к существованию. В Витебской губернии, сообщал губернатор, всех евреев "можно считать совершенно неимущими". Белорусский генерал-губернатор докладывал, что они "большей частью бедные, едва снискивающие себе пропитание", а министр финансов России заявил, что промыслы евреев "вообще совершенно недостаточны к прокормлению сего народа". В одной только Подольской губернии недоимки евреев составили полтора миллиона рублей, да и в других местах дела обстояли не лучшим образом. При каждом кагале кормилось огромное количество нищих, которых не записывали в ревизские списки, чтобы не платить за них подати. Этим людей - стариков, больных и детей - обнаруживали при очередных ревизских проверках, и лишь в 1818 году их насчитали около ста тридцати тысяч душ. Даже в богатых семьях сбережения редко держались несколько поколений: наследство дробилось между детьми, внуками и правнуками, и недаром говорили тогда - "еврейское богатство с ветром приходит и с дымом уходит". И еще говорили: "На пути к заработку и кони не двигаются, и колеса не вертятся".

В 1821-22 годах после засухи и неурожая был сильный голод в Белоруссии. "Брестские евреи умирали, как мухи, - писал исследователь, - а крестьяне из Белоруссии забегали даже в Ярославскую губернию, ища насущного хлеба". Местное дворянство тут же обвинило во всех бедах евреев-арендаторов и шинкарей и предложило выселить их из сельских местностей, потому что евреи, будто бы, "доводят крестьян до разорения". И тогда новый царский указ повелел до первого января 1825 года переселить их из деревень в города и местечки.

Началось очередное выселение. Теперь уже не боялись, как это было перед войной, "ожесточить сей уже до крайности стесненный народ", и за короткий срок выдворили из деревень десятки тысяч человек. Их безжалостно изгоняли из тех мест, где они прожили уже не одно поколение, но идти было практически некуда. Городские жители, разоренные войной и неурожаями послевоенных лет, не могли существенно им помочь. "Евреи, - отмечал

исследователь, - стекались зимою в города и местечки почти в рубищах, помещались по пятнадцати человек в одной комнате, задыхались от недостатка воздуха, иные жили на улице, на холоде, ютились в синагогах; между ними стали развиваться болезни и смертность". "Государь, - слезно молили в своем прощении велижские евреи, - от самого тебя ожидаем разрешения судьбы нашей", - а в это время очередной комитет, созданный для решения все того же вопроса, получил негласное указание - изыскивать "меры к уменьшению евреев в государстве".

Чтобы разместить выселяемых из деревень в нищих городских общинах, нужны были большие средства. Но в Петербурге считали, что это должно произойти "без всякого участия со стороны казны": раз еврейская религия требует, чтобы богатый помогал бедному своему единоверцу, то пусть о выселяемых заботятся сами евреи. Правительство выделило всего лишь пятьдесят тысяч рублей, а в это время - как сообщал виленский кагал - "более сорока тысяч... евреев принуждены были расположиться с малолетними детьми на дорогах, не зная, куда направиться, и в том печальном положении немалое их количество погибло от голода". Эти мучения огромного количества людей не принесли, в конце концов, пользы ни им, ни крестьянам, ради которых правительство и пыталось "обезвредить" евреев. Через двенадцать лет после этого власти официально заявили, что изгнание из белорусских деревень "разорило евреев, и отнюдь не видно, чтобы улучшилось от того состояние поселян". А витебский губернатор писал еще более откровенно: "Я убедился совершенно, что вывоз евреев из селений... привел города к упадку, а крестьянина же, отвлекая от местожительства через частые из селения отлучки, повлек к сугубому разврату и бродяжничеству".

Во время неурожаев и голода в Белоруссии положение евреев стало совсем отчаянным. "Несчастные, голодные люди, - писал о них еврейский писатель Менделе Мойхер Сфорим, - исхудавшие и высохшие, - кожа да кости, пена на губах, впавшие щеки и жутко вытаращенные стеклянные глаза... Они рыскали повсюду, как затравленные мыши, в поисках съедобного, ничем не гнушались: трава - это тоже добро!..." Среди этих несчастных распространились слухи, что где-то там, на юге, возле Херсона ждет их "райская земля, плодородная и хорошая" и сытая, спокойная жизнь. Появилась даже песня об этом: "Знаете ли вы Херсон, что на берегу моря? Кто хочет изведать хорошую жизнь, пусть возьмет палку, суму и семью и отправится туда..." Спасаясь от голода и переселений в города, многие стали проситься в Новороссию, - но опять возник вопрос, за чей счет будет проведено это переселение. У кагалов не было денег, у правительства - тоже, а князь А.Голицын, ближайший друг и советник царя, заявил следующее: "Христиане не обязаны помогать евреям, а потому эту заботу должны нести сами евреи, по учению которых состоятельные люди из самых отдаленных стран делают складки для нужд своих единоверцев". С желавших переселиться брали подписку о том, "что они не будут требовать пособий от казны" ни в дороге, ни на месте поселения, но голод и нужда все равно гнали в путь, и около семи тысяч человек отправились в Новороссию на свой страх и риск: лишь бы поскорее добраться до "райских земель".

К тому времени еврейские колонии в Новороссии существовали уже второе десятилетие. "От эпидемий, голода, климата и прочих невзгод" там умерло с начала поселения около пяти тысяч колонистов. И тем не менее, "в каждой из еврейских колоний, - отмечал ревизор, - находится уже по несколько трудолюбивых и довольно устроенных хозяев". Эти поселенцы с успехом занимались земледелием, расширяли посевы и получали неплохие урожаи, но большинство в колониях кормилось случайными работами или разбрелось по окрестным городам и пряталось там от властей, чтобы их не вернули насильно. Трудности испытывали тогда не только еврейские колонисты, но и их соседи - немцы, болгары и сербы. Немцы просили у правительства помощи, болгары уходили из своих колоний, разоренные неурожаями и эпидемиями тех лет, а сербы-колонисты в отчаянии посылали властям угрожающие письма со многими грамматическими ошибками: "Мы будем сами семейства невинно порезать, а потом и сами себя убить, ибо семейства наши и так будут от голода помирать". Если до такого состояния дошли потомственные земледельцы, земледельцы от рождения, то чего же было ожидать от евреев-лавочников или от евреев-ремесленников, которые впервые встали за плуг? В этих глухих степных местах часто спасались от властей беглые крепостные и солдаты. Их принимали радушно в еврейских колониях, а они помогали пахать, сеять и жать. Подолгу скрываясь в колониях, некоторые из бродяг забывали про свою религию и порой даже перенимали еврейские обычаи. К концу 1822 года туда докатилась и новая волна поселенцев -

более двух тысяч человек. Эта первая группа успела добраться в Новороссию до холодов, а по дороге зазимовали в пути еще очень и очень многие. В еврейских колониях не было лишнего жилья, и - как отмечал ревизор - "от чрезмерной тесноты, нечистоты в жилищах и крайней неопрятности тел вновь прибывших, от изнурения в пути, от недостатка пищи, одежды и перемены климата" умерло около двухсот человек. Все кончилось тем, что правительство опять приостановило еврейское переселение в Новороссию, и путь на юг оказался закрытым. В последний период своего правления Александр I подпал под влияние религиозно-мистических идей и решил приобщить евреев России к христианству. В 1817 году было создано "Общество израильских христиан" под покровительством самого царя, чтобы "доставить принявшим христианство евреям спокойное пристанище в недрах Российской империи". "Израильские христиане" получали такие права, которых не имели даже российские православные. Им выделили в Екатеринославской губернии специальные "земли безденежно, в вечнопотомственное владение", и на этих землях они могли "заводить всякого рода селения, местечки и города..., варить пиво, курить хлебное вино, делать разные водки и другие напитки". Они получали выборное самоуправление и могли иметь собственную полицию; первые двадцать лет не платили подати и навсегда освобождались со своим потомством от любой гражданской или военной службы. Такие соблазнительные льготы - по замыслу властей - должны были способствовать крещению многих евреев, но этот грандиозный план не осуществился. В 1833 году общество упразднили, потому что за все время своего существования оно не сумело поселить на отведенных землях ни одного "израильского христианина". Выкрестов в то время было немного, да и крестившиеся использовали доставшиеся им гражданские права иным способом. Известно, правда, что несколько десятков еврейских семей из Одессы пожелали поселиться на отведенных землях и воспользоваться обширными льготами. Но, как выяснилось при проверке, у многих из них "не оказалось не только видов на жительство, но даже свидетельств о крещении... В конце концов, просьба их была отклонена в виду недоказанности непосредственного перехода их из еврейства в христианство".

Оценивая правление Александра I, один из его почитателей признал этот период нелегким для евреев России. "Нельзя отрицать, - писал он, - что за это время евреям суждено было выносить страдания, и что текли еврейские слезы". Но Александр I, тем не менее, остался в памяти евреев добрым и милосердным правителем, и многие легендарные рассказы описывали его приветливость и заботу об угнетенном народе. Возможно, это случилось еще и потому, что покойного императора сравнивали с его преемником Николаем I, который оставил по себе у евреев недобрую память, - а все, как известно, познается в сравнении.

2

После поражения Наполеона страны-победительницы образовали в 1815 году, на Венском конгрессе, Царство Польское и включили его в состав Российской империи. Оно занимало большую часть территории бывшего Варшавского герцогства со столицей в Варшаве, получило автономное конституционное правление и имело свое правительство, которое могло проводить собственную внутреннюю политику, в том числе и в еврейском вопросе. В Царстве Польском жило тогда более двухсот тысяч евреев, у которых были напряженные отношения с местным населением. Только что закончилась война, во время которой многие поляки надеялись на победу Наполеона и поражались обилию евреев, "неблагодарных по отношению к стране, их питающей (то есть к Польше), и занимающихся шпионством в пользу неприятеля (то есть России)". После поражения Наполеона рухнули надежды на восстановление независимой Польши и возросла неприязнь к чужакам, которые во время войны помогали русской армии. Ходили даже слухи, что, будто бы, поляки запасались оружием и готовились

расправиться с евреями, и военные губернаторы предпринимали решительные меры к предупреждению погромов.

В польских газетах и журналах печатали в изобилии антисемитские статьи и взваливали на евреев всю вину за гибель Речи Посполитой, из-за которых она, якобы, стала "посмешищем Европы". "Должны ли мы жертвовать благосостоянием трех миллионов поляков, - спрашивал один из авторов, - ради блага трехсот тысяч евреев, или наоборот?" И предлагал свой план: триста тысяч евреев разделить на триста групп и выселить из Польши за один год - за счет самих же изгнанников. Оставалось только упросить Александра I, "благодетеля Польши", чтобы тот выделил для них земли в одной из малонаселенных губерний Южной России или "на границе великой Татарии". А глава правительства генерал Зайончек писал российскому императору: "Размножение евреев в Вашем Царстве Польском становится устрашающим... Их своеобразные учреждения обособляют их в государстве, как иноземную народность, и поэтому не могут они в нынешнем своем состоянии давать государству ни добрых граждан, ни порядочных солдат..." К этому стоит добавить, что генерал Зайончек участвовал в польском восстании 1794 года и видел, как мужественно боролся за свободу Польши еврейский полк Берека Йоселевича. В то время генерал Зайончек, очевидно, не считал (а может, просто не произносил вслух ради пользы общего дела), что евреи "не могут давать государству ни добрых граждан, ни порядочных солдат". Они и воевали не хуже поляков, и умирали не хуже - за свободу той страны, которая постоянно отказывала им в равных правах.

Временами евреи пытались защищаться от нападков, и некий раввин Моисей бен Авраам опубликовал брошюру под названием "Голос народа израильского". Он предлагал полякам не вмешиваться в еврейские внутренние дела и не навязывать им свою культуру: скорее евреи уйдут из Польши, чем откажутся от своей веры и своих обычаев. "Вы не хотите признать нас братьями, - писал он, - так уважайте же нас, как отцов! Всмотритесь в ваше родословное дерево с ветвями Нового Завета, и вы найдете в нас свои корни". В защиту евреев написал брошюру и польский офицер Валериан Лукасинский, который за патриотическую агитацию умер в заключении в Шлиссельбургской крепости. "Евреи, - писал он, - могут приносить пользу стране, хотя многие это совершенно отрицают". Не евреи-арендаторы виноваты в разорении крестьян, а шляхта. "Вы, - обращался Лукасинский к шляхте, - были надменны, самовольны, алчны. Вы рады были угнетать земледельца, пользуясь для этой цели евреями..., и вас мало интересует общая польза и благосостояние крестьян". Нельзя упрекать евреев и в недостаточном патриотизме, когда они живут под гнетом бесправия и унижения. Во времена королей, которые покровительствовали евреям, они были полезны стране и жертвовали жизнями ради отечества. "Кто меньшим пользуется в гражданском отношении, а платит больше налогов, - писал Лукасинский, - тот, надо полагать, принесет меньше жертв, требуемых гражданским чувством".

В 1818 году заканчивался срок действия закона, который был принят еще в Варшавском герцогстве и на десять лет приостанавливал введение еврейского равноправия. Государственный Совет автоматически продлил этот срок и подтвердил прежние привилегии городов, позволяя им не впускать евреев в свои пределы и даже выселять тех из них, которые сумели там обосноваться. Около половины польских городов не принимали евреев на жительство или же отводили для них особые кварталы. В Варшаве увеличили количество запретных улиц и даже не разрешили евреям селиться возле городского сада, потому что "своим видом они портили удовольствие гуляющим". "Город Люблин, - писал очевидец, - разделен на две части. Христиане отделены от евреев, которые живут как бы в гетто, за пределы которого им нельзя выходить по ночам. Напрасно пытался бы кто-нибудь из них, хотя бы наиболее богатый, устроиться в главной части города, - ему не разрешат выйти за пределы ограды, предназначенной для его единоверцев".

Для развития экономики страны варшавское правительство усиленно приглашало иностранцев поселяться в Царстве Польском, но это приглашение не распространялось на евреев. Любой иностранный еврей, и даже тот, кто приезжал туда из России, мог рассчитывать лишь на временное пребывание и должен был заплатить при въезде особый таможенный налог - по девятнадцать злотых с человека. Даже евреи Царства Польского, приезжая в Варшаву, платили по двадцать грошей в сутки, и каждый день они должны были заново покупать право на пребывание. С евреев Царства Польского взимали и особый налог - кашерный сбор, который сохранился еще со времен Варшавского герцогства и давал государству хорошие доходы. С

каждого купленного фунта мяса евреи платили в казну три копейки, с гуся - девять, с курицы - пять, с утки - четыре, с цыпленка - две с половиной копейки. Практически за все надо было платить, и многие вымогатели этим пользовались. В Люблине чиновники пригрозили перенести еврейское кладбище на новое место, и община - чтобы не осквернили останки предков - откупила огромными деньгами, лишь бы кладбище осталось на старом месте. В условиях вражды и многих ограничений нужны были ловкость и изворотливость, чтобы заработать на хлеб и прокормить семью, и эти качества волей-неволей развивались среди еврейского населения. А это вызывало новую неприязнь и новые ограничения, потому что в польском обществе существовало твердое убеждение: любая копейка, заработанная евреем, считалась как бы украденной у христианина.

29 ноября 1830 года восставшие поляки захватили в Варшаве арсенал с оружием и начали борьбу за независимость Польши. Энтузиазм восставших распространился и на еврейскую молодежь, которая пожелала немедленно принять участие в освобождении родины и кровью своей заслужить равные со всеми права. Но в ответ им сообщили, что евреи не имеют гражданских прав и потому не могут служить в революционной армии. А военный министр нового правительства выразился совсем уж откровенно: "Мы не позволим, чтобы еврейская кровь смешалась с благородной кровью поляков. Что скажет Европа, узнав, что в деле завоевания нашей свободы мы не могли обойтись без еврейских рук?"

Варшавская община, тем не менее, пожертвовала сорок тысяч злотых на снаряжение добровольцев. Евреи насыпали оборонительные валы вокруг города, перевозили пушки и военные грузы, и им разрешили, в конце концов, вступать в отряды польской армии, где они храбро воевали и заслужили ордена за боевые отличия. Некоторые из них стали офицерами национальной гвардии, и в обход воинских правил был даже образован особый отряд верующих евреев - восемьсот пятьдесят "бородачей", которым в виде исключения разрешили не брить бороды. Особенно отличилась еврейская беднота в обороне Варшавы от русских войск.

Начальник национальной гвардии, пораженный видом этих изнуренных, но самоотверженных людей, писал о них впоследствии: "Когда взгляд падал на эту группу людей, истощенных, полунагих, волнующихся, словно вечно преследуемых какой-то нечеловеческой злой волей, столь печальное зрелище не могло не вызвать боли сердечной; совесть повелевала как можно скорее заняться устройством этой, наиболее униженной части населения нашей страны".

У Берека Иоселевича, героя предыдущего польского восстания, был единственный сын Иосиф. Он участвовал вместе с отцом в походах Наполеона, участвовал в русском походе, сражался под Можайском, получил в разных битвах шестнадцать ран и был награжден орденом Почетного легиона с золотым крестом. После поражения Наполеона он долго бедствовал, но с началом восстания немедленно обратился с воззванием к польским евреям: "Пусть вас вдохновит пример моего отца, полковника Берека, сражавшегося за целостность отечества!... Если победоносный белый орел раскинет свои крылья над Польшей, тогда... благородный польский народ, ценя ваше самопожертвование, предоставит вам все права и свободы..." Иосиф хотел сформировать еврейский полк легкой кавалерии, и на его призыв первыми откликнулись ученики варшавской раввинской школы. Палата народных депутатов даже пообещала им, что добровольцы и все их потомство вскоре получат гражданские права наравне с поляками, и оптимисты снова поверили, что это только начало пути ко всеобщему освобождению народа. Но вскоре та же самая палата депутатов отстранила евреев от военной службы и взамен этого обложила их рекрутским побором, который в четыре раза превышал прежний налог. Это вызвало всеобщее разочарование, однако Иосиф вместе со своим сыном Леоном сражался в рядах повстанцев, был командиром эскадрона, а после подавления восстания бежал из страны и умер в Англии.

Евреи Польши в массе своей не принимали участия в этом восстании. Польские крестьяне тоже оставались пассивными, но евреев - в отличие от них - тут же стали обвинять в нелояльности, а порой и в шпионаже в пользу России. "Евреев можно обвинять в равнодушии, а не в предательстве, - защищал их один из руководителей восстания. - Но разве могли мы рассчитывать на что-нибудь иное со стороны тех, кого мы притесняли?" Однако в пылу революционных страстей было не до подобных тонкостей, и евреев казнили иногда без суда и следствия - за мнимое шпионство. Однажды даже повесили группу евреев, которая шла в соседнее местечко на свадьбу, и видом своим вызвала подозрение у повстанцев. Евреи оказались между двух огней и временами им доставалось с обеих сторон. "Каждый раз, -

вспоминал современник, - когда очередной отряд вступал в город, поляки подвергали телесному наказанию тех евреев, которых подозревали в оказании услуг России, а русские избивали евреев кнутом, полагая, что они помогают польскому восстанию". После разгрома восстания поляки-эмигранты, обосновавшиеся в Париже, сожалели о том, что сразу же не провозгласили равноправие евреев: это привлекло бы тех на сторону восставших. "В одном из заседаний, - вспоминал очевидец, - поднял голос в защиту евреев молодой офицер Бениовский, человек с фантастической судьбой, бывший казак, в пылу битвы покинувший русские ряды и заявивший польским командирам, что он хочет вступить в их армию, чтобы сражаться за свободу. В эмигрантских кругах ходили слухи о его еврейском происхождении". Возможно, по инициативе Бениовского поляки-эмигранты выпустили особый "Манифест к народу израильскому". Там было сказано: "Близится царство народов!... Польша скоро поднимется! Пусть же евреи, живущие на ее земле, пойдут об руку с братьями-поляками и завоюют себе права! Если же они будут настаивать на возвращении в Палестину, поляки помогут им осуществить это желание".

3

Ритуальные наветы - обвинения евреев в употреблении христианской крови - пришли в Россию с запада, после разделов Польши. Население присоединяемых территорий было свидетелем, а то и участником прежних ритуальных процессов, которые случались почти непрерывно в восемнадцатом веке - в Познани, Дрогобыче, Житомире, Ямполье, Пшемьсле и в других местах. Кровавые наветы позволяли местным купцам и ремесленникам избавляться от нежелательных конкурентов-евреев, и даже король Сигизмунд II Август жаловался в свое время, что эти наветы "позволяли под вымышленными предлогами искоренять евреев в королевских городах". Любой слух и любое обвинение, даже самое нелепое, годились для немедленного ареста и скорого судебного процесса с его чудовищным приговором. Обвиняемый мог отрицать свою вину даже под пыткой - это не имело никакого значения. Времена были жестокими, к евреям - жестокими в особенности, и всякий раз судьи придумывали изощренные способы казни, которые невозможно читать без содрогания: " Мордух Янкевич пусть будет живым посажен на кол; Мошке Шмулевичу пусть отрежут руки до локтей и ноги и развешат на кольях; с Берка Аврусова пусть сдерут две полосы кожи, четвертуют живым, голову посадят на кол, а внутренности обмотают вокруг кольев..."

После разделов Польши оттуда перекочевала в Россию антиеврейская литература. Поначалу издали в переводе с польского на русский язык две книги - "Обряды жидовские" и "Басни Талмудовы, от самих жидов узанные". Они содержали фрагменты из сочинения монаха Г.Пикульского "Злость жидовская" - об употреблении крови христиан в ритуальных целях, с самыми нелепыми описаниями еврейских обрядов по месяцам и числам. В "Баснях Талмудовых" написано, к примеру, что в январе, "казня жидовское неверие", Господь насылет "иногда перед восхождением солнца в их яства капли кровавые", и еврей, попробовав этой пищи, "внезапно жития лишается и умирает", - но христианам эта еда несколько не вредит. Затем появилась книга на греческом языке - "Опровержение еврейской веры", на которую тоже стали ссылаться при ритуальных наветах. Ее авторство приписывали некоему монаху Неофиту, и первая глава книги озаглавлена так: "Тайна сокровенная, но ныне открытая. О евреях. О крови, которую они получают от христиан, и об употреблении ее - с доказательствами из Святого Писания". Еврейский народ - сказано в этой книге - подлежит проклятию за то, что не принял Иисуса Христа. По этой самой причине "все европейские евреи имеют коросту на седалище, все азиатские имеют на голове паршу, все африканские - червей на ногах, а американские -

болезнь глаз, то есть страдают трахомой, из-за чего безобразны и глупы". Все эти болезни излечиваются лишь христианской кровью, утверждал автор книги, - потому-то она евреям и нужна. Грамотные люди читали эти сочинения, написанные для "обличения христоненавистных людей", неграмотным - пересказывали содержание, и желавшие поверить - верили в печатное слово и применяли полученные "знания" на практике.

Поляки не забывали и про поведение евреев во время войны с Наполеоном, и не случайно в этой атмосфере явной неприязни или даже неприкрытой вражды друг за другом возникали в западных губерниях ритуальные обвинения. Весной 1816 года в городе Гродно нашли за городом мертвую девочку - "с шестью малыми знаками на поверхности тела". Врачи установили при проверке, что у девочки "кровь не источена", но вскоре разнесся слух, будто она "кончила жизнь от рук жидовских". Следственная комиссия занялась "секретным расследованием": не употребляют ли евреи христианскую кровь, и снова экспертом оказался бывший их единовец - "выкрещенный в благочестивую веру унтер-офицер" Павел Савицкий. Он сообщил, что "кровь христианская точно нужна по еврейскому завету", и что в каждом кагале прежде хранилась особая бочка для умерщвления христианского ребенка. Результаты "секретного расследования" послали в Петербург, но обвинение оказалось нелепым и совершенно недоказательным, и из столицы повели "секретное розыскание" прекратить, а взамен этого отыскивать настоящего "смертоубийцу". А вскоре Александр I распорядился, чтобы евреев перестали обвинять "в умерщвлении христианских детей без всяких улик, по единому предрассудку, что якобы они имеют нужду в христианской крови".

Жила в белорусском городе Велиже двенадцатилетняя юродивая, "больная девка" Анна Еремеева и занималась там предсказаниями и ворожбой. В марте 1823 года она рассказала окружающим, что ей явился во сне архангел Михаил и сообщил следующее: в первый день Пасхи "одна христианская душа будет загублена евреями", и этому ребенку назначено страдать "в иудейском, что на рынке, большом угловом каменном доме". И действительно, в первый день христианской Пасхи у рядового местной инвалидной команды Емельяна Иванова пропал трехлетний сын Федор. Вскоре к матери пропавшего ребенка пришла "девка-отгадчица" Марья Терентьева, распутная, вечно пьяная нищенка. Она погадала на воске и сообщила матери, что ее сын находится "в доме еврейки Мирки, в погребке", его еще можно взять оттуда живым, а если "он не будет освобожден, то его умертвят". А еще через несколько дней труп ребенка нашли в полуверсте от города, в лесу, "чем-то в нескольких местах пронзенным", и местный лекарь установил при осмотре, что "солдатский сын рассудительно замучен".

Полиция провела обыск в доме Мирки Аронсон, ничего там не нашла, но дело не прекратили и провели следствие. Велижский суд решил, что христианам не было никакого смысла убивать ребенка, а потому оставил его "умерщвление в сомнении на евреев". Однако судьи в Витебске этот приговор отменили и записали в протоколе: "Случай смерти солдатского сына предать воле Божьей; всех евреев, на которых гадательно возводилось подозрение в убийстве, оставить свободными от всякого подозрения; солдатку Терентьеву за блудное житие предать церковному покаянию". На всякий случай провели еще одно следствие, убийцу не обнаружили, и дело сдали в архив.

Но история на этом не закончилась. Осенью 1825 года Александр I проезжал из Петербурга на юг, и путь его лежал через Велиж. Там его встречало с хлебом-солью местное купечество, но не успел городской голова начать приветственную речь, как из толпы выбежала женщина. Это была нищенка Марья Терентьева. Она бросилась на колени перед императором и протянула ему прошение. В нем было сказано, что у нее, у вдовы-солдатки, евреи убили сына, но правду, тем не менее, не раскрыли, а ее незаслуженно наказали. И хотя само прошение было ложным, потому что убитый мальчик не был ее ребенком, делу дали ход. Через много лет, при благополучном завершении этого долгого и мучительного следствия, в Петербурге пришли к выводу, что "сей обдуманый вымысел не мог принадлежать Те-рентьевой, женщине праздношатающейся и преданной пьянству". Очевидно, был какой-то сговор, в деле незримо участвовали разные заинтересованные лица, и Терентьева оказалась лишь их исполнителем. Но пока что Александр I, видно, позабыл о своем прежнем повелении - не обвинять евреев без улик, "по единому предрассудку", и распорядился строжайше расследовать это дело.

Следствие возобновилось, и вскоре в Велиж приехала из Витебска особая комиссия во главе с чиновником Страховым. Первые шесть недель он скрывался от всех, передеваясь и гримируясь, ходил по базару и возле синагоги, сидел в кабаках, наблюдал, слушал, а по вечерам

усердно изучал книгу Пикульского "Злость жидовская", которую специально для него переводил с польского местный учитель. И только затем Страхов начал действовать и первым делом велел арестовать Марью Терентьеву. Очевидно, ей пригрозили суровым наказанием за клевету, и она сразу же стала давать сенсационные показания и оговорила еще несколько христианок. Тут же арестовали и их, на допросах они противоречили друг другу и самим себе, нагромождали всевозможные фантастические подробности, и Страхов с трудом согласовывал их "признания", подсказывая порой то, что он хотел бы от них услышать.

Общая картина по их уточненным показаниям выглядела, в конце концов, таким образом: некая Хана Цетлин, содержательница шинка, за неделю до Пасхи, будто бы, попросила Марью Терентьеву привести к ней "хорошенького христианского мальчика". Встретив на мосту солдатского сына Федора, Терентьева отвела его в дом этой еврейки, за что была напоена допьяна и получила два рубля серебром. Через несколько дней после этого она и еще две христианки совместно с евреями совершили над младенцем всякие истязания - резали его, кололи, катали в бочке, затем отнесли в синагогу и там убили. Кровь они собрали в особый бочонок, который отвезли в Витебск и разлили по бутылкам.

Со свидетельницами хорошо обращались в тюрьме, прекрасно кормили, даже давали водку и часто отпускали в церковь, где их увещевал священник, чтобы возбудить в женщинах "чувство раскаяния". По дороге в церковь они встречались с местным жителем Азадкевичем, у которого была книга Пикульского "Злость жидовская", и полученные от него сведения женщины пересказывали затем на следствии. Не случайно многие их показания, особенно о способах получения крови младенца, полностью совпадали с описаниями в книге. Велижские евреи жаловались начальству на "развратные речи вредного и распутного Азадкевича" и просили отобрать у него книгу, но их жалоба ни к чему не привела. А свидетельницы уже сообщали, что, будто бы, христианской кровью евреи "протирают глаза родившимся младенцам, потому что они рождаются слепыми, а немного христианской крови они кладут в муку, из которой пекут мацу".

Много лет подряд держал в страхе еврейское население Велижа следователь особой комиссии, у которого была подходящая к случаю фамилия - Страхов. В городе арестовали более сорока человек, в нарушение закона заковали в кандалы и заключили в одиночные камеры. Аронсоны, Берлины и Цетлины попали в тюрьму целыми семьями: отец с матерью, их сыновья с женами, их дочери с мужьями и их внуки - юноши и девушки. К больным и умирающим не допускали родных, покойников выставляли за тюремную ограду, и члены еврейского погребального братства под конвоем относили их на кладбище.

Вокруг этого дела сплелось многое - вековая вражда к евреям, подозрительность и предубежденность, всеобщая вера в кровавый навет. Быть может, Страхов сам был обманут и введен в заблуждение, но он ни разу даже не усомнился и у него не возникли естественные для следователя вопросы: если евреи задумали убить мальчика, то к чему им было привлекать к этому делу вечно пьяную нищенку? а если они хотели скрыть свое преступление, то зачем бросили труп на виду у всех, в открытом месте, а не закопали где-нибудь в лесу? Следователь выстроил для себя стройную систему обвинения и подгонял под нее все свидетельства. Даже когда заключенные опровергали нелепые обвинения, Страхов считал неопровержимой уликой тот факт, что некоторые из них бледнели при этом или падали в обморок, а "прерывавшийся от злобы голос явно обличал их в преступлении".

Белорусский генерал-губернатор поддержал обвинение и доложил в Петербург о преступлении всего велижского кагала - в пролитии "невинной крови". И 16 августа 1826 года последовало распоряжение Николая I: "Так как оное происшествие доказывает, что жида оказываемую им терпимость их веры употребляют во зло, то в страх и пример другим - жидовския школы (синагоги) в Велиже запечатать впредь до повеления, не дозволяя служить ни в самых сих школах, ни при них". Все синагоги города запечатали перед праздником Рош га-шана, и среди них - Большую синагогу Велижа. Свитки Торы увезли из синагог и отдали "под присмотр полиции" и даже в частных домах запретили собираться для молитв. Все замерло в городе и все затаилось. Частную переписку конфисковывали. Священные книги отбирали после обысков и относили в участок. Двор Большой синагоги зарос бурьяном, и солдат инвалидной команды постоянно шагал с ружьем вокруг нее. Чтобы помолиться, евреи собирались тайно в погребах и в специально вырытых подземельях, без света и воздуха. Старики с ужасом рассказывали, как однажды во время молитвы в дом нагрянула полиция, и в суматохе свиток Торы спрятали в

непотребном месте. Казалось, наступили времена инквизиции. Евреи сидели по домам, никуда не выезжали и никого не принимали у себя. Многие дома стояли заколоченными, а их обитатели год за годом томились в тюрьме.

В тот период вся центральная часть города была застроена еврейскими домами и складами. Самый большой дом принадлежал Мирке Аронсон, и в первом его этаже размещалось питейное заведение, которое содержали евреи, лучший в городе гастрономический магазин - тоже еврейский, а на самом углу этого дома - маленький кабачок шляхтича Козловского, который не мог конкурировать со своими соседями. Постоянными посетителями у Козловского были вечно пьяная нищенка Марья Терентьева и "девка-отгадчица" Анна Еремеева, которой архангел Михаил в видениях открывал "иудейские зверства". Это она первой предсказала гибель младенца в "иудейском, что на рынке, большом угловом каменном доме", а Марья Терентьева наворожила матери ребенка, что ее сын еще жив и находится в доме еврейки Мирки Аронсон, но только в той его части, куда имел доступ один лишь шляхтич Козловский, владелец кабачка. Марья Терентьева не лгала, наверно, когда рассказывала следователям, как она колола мальчика, обмывала, снова колола, и как она мочила в его крови кусочек холста. Лишь в одном ошиблась Марья Терентьева. Она не знала, что труп ребенка бросили в лесу за городом, и уверяла следователей, что сама привязала к нему камень и утопила его в реке. И только потом, когда ей все стало известно, Терентьева уже не ошибалась в своих показаниях. Не все женщины, которых Терентьева с подругами тянули в свидетельницы, соглашались на ложь. Некая Агафья Демидова сказала: "Лучше дать себя зарезать, лучше безвинно пропасть и принять кнут, нежели признаться в том, чего не знаю... Хотя два, хоть три года продержитесь дело, а правда кривду перетянет". А другая женщина после ложного показания не выдержала угрызений совести и повесилась в камере. Но зато Марья Терентьева старалась всю и оправдывала надежды следователей. Вечно голодная и бездомная, она отъелась в тюрьме на казенной пище, отогрелась и прибавила в весе и "после священнического увещевания над Евангелием" раскрывала одно "преступление" за другим. Вот, к примеру, образец ее показаний: "Я, Марья Терентьева, собственными своими руками колола и резала мальчика вместе с тобою, Ханка, и вместе с тобою, Евзик, а ты, Славка, подостлала под ним белую скатерть, ты, Поселенный, бритвой отрезал у него кусочек кожицы, ты, Орлик, подал мне иглу, которой я первой кольнула мальчика в бок, ты, Иосель, подвел меня к шкапчику, перед которым евреи молятся Богу, обратил меня в жидовскую веру и назвал Лейею, ты, Руман, заставил меня перейти через жидовский огонь и поставить на горячую сковороду ноги, ты, Янкель, положив передо мною тетрадку с изображением святых, приказал мне плюнуть в них девять раз..." и так далее. Все это протоколировалось, изучалось, а затем следователи составляли отчеты, которые и отправляли по назначению. Свидетельницы договорились даже до того, будто совместно с евреями они убили много других взрослых и детей - для получения христианской крови. В Петербурге усомнились такому обилию "разоблачений", а по поводу "убийств" детей Николай I написал: "Надо непременно узнать, кто были несчастные сии дети; это должно быть легко (выяснить), если все это не гнусная ложь".

Вскоре Марью Терентьеву повезли в Витебск для опознания тех лиц, кому она, по собственному признанию, передала бочонок с кровью. Но там она сбилась, запуталась, а затем прямо призналась, что уличать никого не может, "чтобы не оговорить кого, Боже сохрани, напрасно". Дело разваливалось на глазах, Страхов нервничал, кидался на обвиняемых с кулаками, наказывал плетью, и "чрезвычайные вопли и ужасные стоны" были слышны на улице. Одна из заключенных в минуту помрачения "призналась", что в ее доме спрятан специальный нож, которым делали обрезание мальчику, и кусочек его кожицы. Все это немедленно доставили Страхову, но нож - по заключению комиссии - оказался "самым простым тупым крестьянским ножом", а кусочек иссохшей кожицы - старым рыбьим пузырем. Год за годом заключенные томились в тюрьме, но на допросах не признавали свою вину. Меламед Хаим Хрипун писал на волю записочки - на щепках, на бумажных обрывках, на краях тарелок: "Бегите по всем местам, где рассеян Израиль, и громко кричите: горе, горе! Пусть жертвуют жизнью, пусть взывают к Всемогущему!... Знайте, что замыслы их простираются далеко. Они хотят, Боже сохрани, истребить весь Израиль!" Хаим Хрипун говорил следователям: "Разбойники! Обманщики! Бездельники! Вы уморили богатырей - Шмерку и

Янкеля! Они умерли в кандалах и были выкинуты из острога, как падаль! Но и вас может постигнуть то же самое!..."

Славка Берлин, дочь Мирки Аронсон, попала в заключение одной из первых. В тюрьме умерли ее муж, жена сына, муж дочери. В тюрьме сидел ее единственный сын и все братья. Но она оставалась гордой и несломленной и с презрением глядела на незнакомых ей женщин, которые называли ее соучастницей в убийстве. Даже когда Страхов наказывал ее собственной рукой перед всей комиссией, она говорила: "Ничего. Придет время - и я опять буду Славкой, и все евреи будут дома, а вас непременно накажут". В последние годы заключения она вообще отказывалась давать показания и не отвечала ни на какие вопросы.

Больше всего хлопот причинял комиссии Нота Прудков. Он говорил следователям: "Вы разбойники. Вы все тут разбойники. Вы подучили баб для того, чтобы разорить нас, евреев. Вас еще будут судить!" В тюрьме Нота Прудков сделал подкуп, бежал, на небольшой лодке спустился вниз по реке, чтобы попасть в Витебск и изблечить Страхова. Его поймали, вернули в тюрьму, но он снова пытался бежать, чтобы добраться до Петербурга. Это о нем написали в докладе: "Сей еврей есть самый дерзновенный из всех подсудимых по сему делу арестованных".

Наконец перед Страховым мелькнула последняя надежда. В городе объявился некий выкрест Антон Грудинский и сообщил комиссии, что существует одна еврейская книга, в которой написано об употреблении евреями христианской крови. Ему тут же передали все книги, изъятые в синагогах, из них он выбрал одну и стал ее переводить: одна страница страшнее другой! Грудинский даже нарисовал инструменты, которыми евреи, будто бы, пользуются при истечении крови, и в Петербург немедленно послали донесение о находке "таинственной рукописи, скрываемой многие столетия под непроницаемой завесой". Но обман быстро раскрыли: книгу передали для перевода другому человеку, и тут же выяснилось, что в ней содержались правила... об убое скота. Грудинский сознался, что своим враньем он просто хотел немного заработать, и вскоре последовало высочайшее повеление: наказать обманщика плетью и сдать в солдаты. А через несколько дней после этого Страхов неожиданно умер. Одни говорили, что этот человек на самом деле верил в "преступления" евреев, и сердце его не выдержало, когда открылась ему вся правда, - а другие уверяли, что он принял яд.

Помог евреям в этом деле велижский помещик, адмирал, граф Николай Семенович Мордвинов - честный, благородный человек с независимыми суждениями. Во время суда над декабристами он был единственным, кто подал свой голос против смертной казни, и А.Пушкин говорил, что "Мордвинов заключает в себе одном всю русскую оппозицию". Он занимал высокий пост председателя департамента гражданских и духовных дел, и потому все наиболее крупные судебные процессы - на последнем этапе их расследования - проходили через его руки. После изучения Велижского дела Мордвинов составил подробную записку и указал в ней, что "обвинение евреев в ужасных преступлениях имело источником злобу и предубеждение и было ведено под каким-то сильным влиянием". Эту записку рассматривал Государственный Совет и постановил: "евреев-подсудимых от суда и следствия освободить; доносчиц-христианок... сослать в Сибирь на поселение". И на решении Государственного Совета Николаи I написал резолюцию: "Быть по сему".

28 января 1835 года специальный фельдъегерь из Петербурга прискакал в Велиж и остановился в гостинице. Через час всем в городе стало известно, что он привез приказ распечатать синагоги и вернуть евреям свитки Торы. Толпы евреев собрались на улицах, зажгли факелы и пошли к Большой синагоге. Впереди всех шла бабушка Цирля, крохотная старушка в толстой ватной кофте, густо пропитанной дегтем, которым она торговала на рынке. Она хлопала в ладоши, притоптывала и кричала: "Наш Бог! Наша синагога! Наш Бог! Наша синагога!" Двор перед синагогой был завален снегом. В одну минуту путь к дверям расчистили руками и впервые за последние девять лет евреи вошли внутрь. Там было пусто и холодно. На полу валялись разбросанные полуистлевшие книги. В пустой ковчег завета поставили зажженную свечу, старый кантор снова встал на свое место и над застывшей толпой произнес все те же вечные слова: "Благословите Всевышнего, Он благословен!"

Арестованных выпустили из тюрьмы в праздник Пурим, когда евреи отмечают с радостью и весельем чудесное избавление народа от грозившего ему уничтожения во времена всемогущего персидского царя Ахашвероша. И каждый год в этот день велижские евреи вспоминали козни Амана древних времен и козни современных аманов, которые хотели их уничтожить и

потерпели поражение. В молитву этого дня они даже ввели дополнительный стих, который читали затем многие годы: "И да будет Мордвинов помянут к добру!"

4

После войны 1812 года стали появляться в России тайные общества, в которых разрабатывали планы радикального преобразования государства. Заговорщики не обошли стороной и неразрешенный еврейский вопрос, но ни один из них не признал права евреев на равноправие. Еще в 1815 году граф М.Дмитриев-Мамонов намеревался создать орден "Русских рыцарей" и записал в программе тайного общества: "Переселение половины жидов из Польши в ненаселенные губернии России и обращение их в веру". Предусматривалось, естественно, насильственное переселение на окраины России и поголовное обращение в христианство. Вслед за ним будущий декабрист Спиридов предложил, чтобы евреи, как и прочие нехристиане, не пользовались гражданскими правами в будущем преобразованном обществе, а Никита Муравьев в первой редакции своей "Конституции" писал: "Евреи могут пользоваться правами граждан в местах, ныне ими заселенных, но свобода им селиться в других местах будет зависеть от особых постановлений Верховного Народного Веча".

Павел Пестель был близко знаком с врачом-евреем Плесселем, членом тайного национального польского общества, который отравился после ареста по делу декабристов. Плессель мог просветить русского полковника в еврейском вопросе, да и сам Пестель, проходя службу на Украине, имел возможность рассмотреть вблизи нищие еврейские местечки черты оседлости. В свою "Русскую Правду", будущую конституцию России, Пестель внес особый раздел под названием "Народ еврейский", и содержание этого раздела дает представление о том, каким видел еврейский народ один из образованных людей того времени, сколько наносного и надуманного наслоилось за поколения непонимания и неприязни, и как не были готовы признать за евреями право на их национальные и религиозные отличия. В "Русской Правде" сказано: "Евреи собственную свою веру имеют, которая их уверяет, что они предопределены все прочие народы покорить и ими обладать... Ожидая Мессию, считают себя евреями временными обывателями края, где находятся, и поэтому не хотят земледелием заниматься, ремесленников даже отчасти презирают и большей частью одной торговлей занимаются... Нет таких обманов и фальшивых действий, коих бы они себе не позволяли, в чем им их равнины еще более способствуют, говоря, что обмануть христианина не есть преступление..."

Пестель предлагал в "Русской Правде" "совершенное обрусение" народов Российской империи, "чтобы обитатели всего пространства Российского государства все были русские". То же самое он рекомендовал и евреям: отказаться от "неимоверно тесной связи между собой", преодолеть национальную обособленность и слиться с русским народом. После победы восстания будущее правительство должно будет "ученейших раввинов и умнейших евреев созвать, выслушать их представления" и распорядиться таким образом, чтобы ликвидировалось еврейское "государство в государстве". Но Пестель предусмотрел и запасной вариант решения этой проблемы: помочь "евреям к учреждению особенного, отдельного государства в какой-либо части Малой Азии". "Для сего, - писал он в "Русской Правде", - нужно назначить сборный пункт для еврейского народа и дать несколько войск им в подкрепление. Ежели все русские и польские евреи соберутся на одно место, то их будет свыше двух миллионов. Таковому числу людей, ищущих отечества, не трудно будет преодолеть все препоны, какие турки могут им противопоставить, - и, пройдя всю Европейскую Турцию, перейти в Азиатскую, и там, заняв достаточно места и земли, устроить особенное Еврейское Государство". Но этот путь Пестель считал чересчур сложным; он требовал "особенного хода военных дел" и упомянут в "Русской Правде" лишь для примера - "что можно бы было сделать".

Среди участников тайных обществ в России оказался и один еврей - Гирш (Григорий) Перетц. Его отцом был известный петербургский откупщик Абрам Перетц, его матерью - дочка богатого и ученого раввина И.Цейтлина из Шклова. Оставив свою жену, Абрам Перетц переехал из Шклова в Петербург, вытребовал к себе Гирша, и в 1813 году отец с сыном крестились. Григорий Перетц начал служить в столице в звании титулярного советника и по рекомендации Федора Глинки был принят в тайный кружок, куда его привели "несправедливости и ошибки правительства". "Намерения мои клонились единственно к общему благу... - сообщал он на следствии после ареста. - Корысти и честолюбия не было. Именно говорил я однажды с Глинкой, что на случай успеха не искать ничего, а, напротив, оставаться в том же положении, в каком тогдашние обстоятельства кого застанут".

Григорий Перетц был поначалу активным членом тайного кружка и завербовал в него новых заговорщиков - генерала А.Искрицкого, офицеров Сенявина, Дробуша и Данченко, чиновника Устимовича. На своих тайных встречах они говорили "о тяготах налогов..., об излишке войск и военных поселений, об упадке флота, разорительных для России займах" и о всевозможных несправедливостях. Перетц был сторонником конституционного монархического правления в будущем русском обществе и на следствии заявил: "О республиканском правлении для России при мне речи никогда не было; я всегда считал сие величайшим сумасбродством".

Григорий Перетц интересовался будущим решением еврейского вопроса в России и выступал за создание еврейского государства на Ближнем Востоке. Как показал Глинка на допросе, Перетц "очень много напел о необходимости общества к высвобождению евреев, рассеянных по России и даже Европе, и к поселению их где-нибудь в Крыму или даже на Востоке в виде отдельного народа... Тут он распелся о том, как евреев собирать, с какими триумфами их вести и проч. и проч. Мне помнится, что на все сие говорение я сказал: "Да видно вы хотите придвинуть преставление света? Говорят, в Писании сказано, что когда жиды выйдут на свободу, то свет кончится..." По предложению Перетца условным знаком их тайной группы было принято слово "херут", что на иврите означает - свобода, "и в случае нужды для узнавания друг друга они должны были сообщать пароль... постепенно, по одной букве".

Григорий Перетц состоял в тайном кружке до 1822 года, а затем женился и отошел от заговорщиков. "У вас в голове любовь, а не дело", - выговаривал ему Глинка. 14 декабря 1825 года, в день восстания, он услышал на улице, как один из офицеров уговаривал солдат пойти на Сенатскую площадь и не присягать Николаю. Вместо Сенатской площади Перетц пошел домой и после подавления восстания был уверен, что его арестуют. Он даже хотел бежать за границу, просил Искрицкого не называть его имени в случае ареста, но тот, в конце концов, сообщил на допросе: "Я был принят в общество... титулярным советником Григорием Перетцом".

Перетца арестовали в феврале 1826 года с указанием - "содержать строго". Он сразу же во всем сознался и даже просил следователей применить к нему пытку - "для убеждения в истинности моих показаний". Власти проявили к еврею-заговорщику повышенный интерес, явно не соответствовавший его скромной роли в том деле. Многие члены тайного кружка, отошедшие вместе с Перетцом от заговорщиков, вообще не понесли наказания. Федору Глинке царь сказал: "Ты чист, ты чист", и его выслали в Петрозаводск для продолжения службы "по гражданской части". Генерала Искрицкого перевели офицером в армейский полк, и только Перетцу определили более строгое наказание, чем его бывшим товарищам-единомышленникам: пожизненную ссылку. Приговор гласил: "Продержав еще два месяца в крепости, отослать на жительство в Пермь, где местной полиции иметь за ним бдительный тайный надзор и ежемесячно доносить о поведении".

Трудно теперь сказать, по какой причине был вынесен столь суровый приговор. Быть может, мстили неблагодарному выкресту, который получил все права, был допущен в высшее общество и, тем не менее, стал заговорщиком и критиковал существовавшие порядки?...

Перетца сослали в Пермь, оттуда еще дальше, в маленький городок Устьсысольск, в самую глухомань, где он и прожил четырнадцать лет с женой и маленькими сыновьями. Там умерла его жена, там он познал бедность, голод и холод, одевался в обноски, - там же он и заболел эпилепсией. Лишь в 1840 году ему разрешили переехать в Вологду, приняли на службу чиновником, но вскоре уволили из-за болезни. Еще через пять лет ему позволили жить в любом городе России, кроме столиц, и он поселился в Одессе. Напоследок судьба смилостивилась над ним: Перетц занялся посредничеством, преуспел в делах и даже помогал сыновьям. В 1855 году Григорий Перетц скончался в Одессе, и было ему тогда шестьдесят семь лет.

После казни пятерых декабристов Николай I провозгласил в особом указе: "Дело... окончено, преступники восприяли достойную их казнь, Отечество очищено от следствий заразы, столько лет среди его таившейся". Наступали иные времена, а с ними и новая политика по отношению к евреям.

После войны 1812 года Александр I допустил английских миссионеров в Царство Польское. Местные власти оказывали им "законное покровительство и защиту", а те распространяли среди евреев Новый завет, специально изданный в Лондоне на языке идиш, и другие книги.

Миссионеры основали в Варшаве мастерские по обучению переплетному и типографскому делу и открыли бесплатное училище для еврейских девушек. Но евреи не посылали туда своих детей, и обучались там лишь дети выкрестов и христиан. Английских миссионеров выслали из России в 1854 году, во время Крымской войны, и за тридцать с лишним лет своей деятельности они успели окрестить в Царстве Польском триста шестьдесят одного еврея, часть из которых позднее вернулась в еврейство. В 1908 году в еврейской газете в России появилось такое сообщение: "Лондонское общество распространения христианства среди евреев израсходовало за столетие своего существования тридцать миллионов рублей. Каждый крещеный еврей обошелся обществу в среднем по десять тысяч. Лондонская газета спрашивает: неужели нельзя было потратить такие громадные суммы более производительным образом?"

* * *

Евреи были среди первых жителей Одессы, и на старом еврейском кладбище стоял памятник "мужу честному и праведному, рабби Меиру", который умер в 1793 году, то есть за год до того, как завоеванную турецкую крепость Хаджи-Бей переименовали в Одессу. Во вновь созданный город-порт переселялись русские, украинцы, поляки, греки, армяне, итальянцы, и в 1795 году среди тысячи трехсот пятидесяти жителей города насчитали 246 евреев. Они учредили погребальное братство и общество попечения о больных, а затем построили больницу и синагогу на Еврейской улице. Писатель Осип Рабинович писал про Одессу тех времен: "Много евреев стекалось в Одессу из Малороссии, Литвы, Подолии, Волыни, Царства Польского; бывали также евреи из Англии, Италии и других стран Европы... Увидев себя на просторе в этом новом Эльдорадо, (наши единоверцы) предавались большим эксцентричностям как в костюме, так и в образе жизни... Иными господами, скромными и бережливыми дома, по прибытии в Одессу овладевал угар от пикников и венгерского, карт и турецкого табака, лошадей и оперных героинь... Оттого, говорят, на чужбине Одесса тогда пользовалась дурной славой между евреями. На целую милю в окружности этого города, говорили они, уже начинала пылать геенна... Отцы расточали строгие наставления, жены - мольбы и рыдания, снаряжая своих сыновей и мужей в эту лежащую где-то у моря Одессу, в это, по тогдашним понятиям, гнездо разнузданности и чумы, в этот водоворот лихорадочной деятельности и буйного разгула".

По-иному описывал еврейскую жизнь в Одессе очевидец тех времен: "Разные ремесла и промыслы процветают также у евреев в Одессе. Всякий порядочный ремесленник ведет здесь счастливую, беззаботную жизнь... Умилительную картину представляют эти поденщики, обыкновенно люди пожилые, когда они тяжкий труд свой услаждают стихами из Святого Писания и изречениями из Талмуда... Другие, не менее первых честные и трудолюбивые, занимаются в каменоломнях вокруг города, и нет ни одного публичного здания, ни одной церкви, для которой евреи не доставляли бы камни..." Одесские евреи с успехом занимались тогда торговлей хлебом, со временем они стали соперничать с греками на международных рынках, и это не прошло им даром. Первый в России погром случился именно в Одессе, в 1821 году.

Поводом для погрома оказались, как это ни странно, события в Стамбуле. В апреле 1821 года, в день христианской Пасхи, толпа турок ворвалась в церковь в Стамбуле, выволокла оттуда греческого патриарха Григория и повесила его на входных дверях. Затем турки разрушили многие церкви и стали убивать греков. Беглецы из Стамбула, добравшись до Одессы, стали рассказывать, что, будто бы, и евреи участвовали в тех насилиях и даже издевались над трупом Григория. В Одессу привезли тело патриарха для погребения, и после его похорон, 19 июня 1821 года, толпа кинулась избивать евреев, грабить имущество и громить дома. Вскоре вмешалась полиция и солдаты, они стали избивать погромщиков кнутами - и все прекратилось.

У евреев Одессы сохранилось воспоминание об одной женщине по имени Бейля, или, как называли ее ласкательно, - Бейлечка. Рассказывали, что когда начался погром, она тут же побежала к городскому начальству и умолила его сжалиться над избиваемыми. Был отдан приказ - и порядок быстро восстановили.

* * *

С именем Бейлечки связана и другая история. Однажды некий Гирш Меер из местечка Островец приехал по де-

<

лам в Одессу и не смог затем вернуться назад: город [был на карантине из-за чумы, и из него никого не вы- {

пускали. Гирш Меер торопился домой, к семье, и потому спрятался в повозке с сеном и попытался тайком выбраться из города. Но на заставе его обнаружили, немедленно доложили об этом генерал-губернатору, а тот на донесении начертал краткую резолюцию: "Расстрелять". Об этом узнала Бейлечка, тут же поспешила к генерал-губернатору и умолила его отменить приказ, потому что этот человек ничего дурного не сделал: он просто хотел поскорее вернуться к жене и детям. Генерал-губернатор немедленно послал гонца, чтобы не приводили приговор в исполнение, но было уже поздно. Тело казненного выдали евреям, и они похоронили его на еврейском кладбище. На памятнике написали: "Здесь похоронен Гирш сын Меера из Островец, расстрелянный из двенадцати ружей по приказу властей первого дня месяца элул 5589 (август 1829 года)".

* * *

В 1824 году первый еврей-студент Виленского университета Самуил Кушелевский получил степень доктора медицины. Он практиковал в Несвиже, слыл прекрасным врачом, и вся польская шляхта приезжала к нему лечиться из самых отдаленных мест. Евреи рассказывали легенды о его умении исцелять практически неизлечимых и величали доктора с почтением - "ребе". Это был толстый человек с большим животом, который постоянно кричал на больных, когда они к нему обращались, но всегда всех принимал, выслушивал и прописывал лекарства. Писатель А.Паперна вспоминал о приездах Самуила Кушелевского в городок Копыль: "Собственно говоря, проку в этом было мало, так как решались обыкновенно на приглашение знаменитости слишком поздно, когда больной уже находился в агонии. Кушелевский поэтому обыкновенно приезжал в Копыль, когда пациент был уже надлежащим образом оплакан и похоронен. Но несмотря на явную бесполезность таких приглашений, от них не отказывались - "из уважения к усопшим". Порядочному копыльцу просто неприлично было умереть без Кушелевского. Впрочем, всякий приезд Кушелевского в Копыль был знаменательным событием если не для покойника, то для живых. При появлении его все спешили воспользоваться редким случаем приезда знаменитости, чтобы просить совета по поводу недугов своих и своих деток, тем более, что Кушелевский с евреев, по принципу, гонорара не брал. Увидев эти великие сонмы народа, Кушелевский, бывало, приходит в ужас, кричит, ругается, велит повернуть оглобли, но безуспешно: не дают, выпрягают лошадей. В конце концов он уступал, выслушивал всех, прописывал лекарства и уезжал. Лекарства по его рецептам редко заказывались (посылать в слущкую или несвижскую аптеку было слишком дорого), но ведь и сами рецепты такого врача что-нибудь да значат, - их хранили, как амулеты".

* * *

В 1822 году особый комитет в Варшаве, который занимался проверкой почтовых корреспонденции, перехватил два письма на имя варшавского еврея. Подозрение вызвало место отправления - Турция, Стамбул. Письма вскрыли, с грубыми ошибками перевели с еврейского на французский язык, и наместник Польши великий князь Константин немедленно отправил их в Петербург, императору Александру I. В сопроводительной записке великий князь сообщал:

"Письма написаны лицом, которое исполняет какую-то миссию в Святой Земле. Из писем следует, что этот человек как бы питает надежду на восстановление Иерусалима и на образование там еврейского государства. Как только автор этих писем появится в польском крае, я немедленно прикажу его арестовать".

Автором писем оказался старый еврей Соломон Плонский, который извещал своего зятя в Варшаве о благополучной поездке в Святую Землю. В одном из писем была приведена цитата из Библии: "Кто сеет со слезами, будет пожинать с радостью", - и в особом комитете эту цитату отметили как чрезвычайно подозрительную. Но самое большое подозрение вызвала такая фраза: "Новости, которые я привезу с собой из Святой Земли, воскресят надежду и радость в сердцах верующих; царство народа еврейского уже недалеко, а иерусалимская молодежь и жители Иерусалима помогут возродить Сион". Знающий человек сразу бы понял, что Соломон Плонский утешает себя и своих близких скорым пришествием избавителя - Мессии, но в Варшаве тут же решили, что польские евреи, очевидно, состоят в заговоре с турецким султаном, чтобы восстановить в Палестине еврейское государство, а Соломон Плонский - агент этого тайного общества. И лишь только он приехал в Варшаву, как его тут же арестовали и заключили в особую тюрьму, где содержали самых опасных преступников. У него нашли много писем от евреев-паломников их семьям в Польшу, и эти письма тоже перевели на французский язык и отправили в Петербург. В сопроводительной записке особо отметили: "В Одессе две тысячи евреев поддерживают письменные сношения с палестинскими евреями, а также с евреями Стамбула. Не следует ли предвидеть, что эти две тысячи евреев составят опасную армию шпионов при обстоятельствах, когда они будут иметь случай продавать свои услуги туркам?"

Тем временем начали допрашивать Соломона Плонского и задали ему сто пятьдесят пять хитрых вопросов, каждый из которых содержал в себе какую-нибудь ловушку.

Однако его ответы обманули ожидания следователей. На вопрос: "С какой целью вы поехали в Иерусалим?" - он ответил: "Чтобы молиться". На вопрос: "Что видели вы достойного внимания в пути и в Иерусалиме?" - он сказал: "Я был поглощен молитвой к Богу и мало обращал внимания на другие дела". На вопрос, зачем он снова собирается в Иерусалим, Плонский коротко ответил: "Чтобы там умереть". На вопрос: "Близко ли время объединения евреев в Иерусалиме?" - он сказал: "Это должно наступить скоро". На каверзный вопрос: "Какими средствами евреи намерены ускорить наступление этого момента?" - он сказал: "Молитвами".

При таких результатах следствия невозможно было вынести обвинительный приговор старому еврею, и великий князь Константин доложил императору, что "ничто, кажется, не говорит против него". Однако Плонского решили не выпускать из тюрьмы, пока на это не последует специальное распоряжение государя. Так и осталось невыясненным, как же распорядился на этот счет император Александр I. Известно только одно: Соломон Плонский, старый еврей из Варшавы, не дождался освобождения и умер не в Иерусалиме, куда он так стремился, а в камере варшавской тюрьмы.

ОЧЕРК ШЕСТОЙ

1

В первой половине девятнадцатого века многие государственные умы России работали над проектами реформы еврейской жизни, и эти проекты - в зависимости от духа времени - внедрялись порой насильственными мерами, а порой и мерами поощрения. Но замкнутое еврейское общество очень слабо поддавалось внешнему воздействию, что приводило в отчаяние одних государственных деятелей и подталкивало других на новые решительные меры. Одновременно с этим в недрах российского еврейства неприметно происходило движение к светскому образованию, которое вело к постепенному отходу от традиционной жизни, а часто -

к ассимиляции и к уходу из народа. Это движение получило название "гаскала", что в переводе с иврита означает - "просвещение".

Первый период "гаскалы" начался в Пруссии, во второй половине восемнадцатого века, и потому его называют "берлинским", а его последователей - "берлинерами". Этот же период называют еще и "мендельсоновским" - по имени знаменитого писателя и философа Моисея Мендельсона. Мендельсон овладел европейской культурой уже в зрелом возрасте и стал образцом для тех евреев, которые стремились примкнуть к культуре окружающего их народа. Ему подражали многие в разных странах Европы и называли "Моисеем, который выведет еврейский народ из духовного плена". Мендельсон был верующим евреем, строго придерживался традиционного образа жизни, но при этом призывал евреев к овладению европейской культурой. Он участвовал в переводе Библии на немецкий язык, и эта работа помогла распространению немецкого языка среди еврейской молодежи Центральной и Восточной Европы.

Уже тогда раввины опасались, что чужая культура отдалит молодежь от традиционного образа жизни, - так оно и случилось впоследствии. Многие сторонники "гаскалы" в Европе видели в вере отцов одни лишь религиозные предрассудки, ради которых не стоило терпеть ограничения и от которых следовало освободиться как можно скорее. Их девизом было: от национальной культуры - к общечеловеческой. Старались поскорее позабыть еврейские обычаи и одежды, которые делали их смешными в глазах коренного населения, торопились подладиться и раствориться, чтобы стать похожими "на всех", с легкостью отбрасывали национальную культуру и национальные традиции и считали уже неприличным и вульгарным говорить между собой на языке идиш. Не случайно после смерти Мендельсона часть его последователей приняла христианство: это была эпидемия крещения, которая захватила детей и внуков самого Мендельсона и оторвала от народа тысячи людей. Одни это делали ради карьеры, другие - для брака с христианином или христианкой, третьи желали тем самым окончательно приобщиться к культуре окружающего их народа.

Постепенно идеи "берлинского" просвещения стали проникать в еврейское общество России - через Пруссию и Галицию. Поначалу это было лишь внешнее подражание, и в начале девятнадцатого века в Варшаве уже появились "берлинеры" (в насмешливом и презрительном наименовании - "берлинчики"), которые перемены одежды и внешнего облика старались "искоренить в себе отличительные признаки". Они разговаривали по-немецки или по-польски, брили бороды, стригли пейсы, носили короткие немецкие сюртуки и, конечно же, выделялись на еврейских улицах среди варшавских хасидов в их длинных, до пят, одеждах. Правверные евреи единодушно ненавидели этих явных еретиков - "апикойресов" (от слова "эпикурец") за грубое нарушение вековых традиций и подозрительно относились к тем, кто проявлял самые малые признаки вольнодумства. Тайные сторонники "гаскалы" в городах и местечках скрывали от всех свои взгляды, украдкой читали книги светского содержания и не выделялись среди прочих евреев образом жизни, чтобы не навлечь на себя гонений, публичных оскорблений и даже расторжения браков.

Первые сторонники светского образования в России - "маскилим"- "просветители" - получили традиционное образование, знали Талмуд и раввинскую литературу и мечтали соединить иудаизм с просвещением. "Их лозунгом было "Тора и мудрость", - писал один из сторонников "гаскалы". - Тора и мудрость - или вера и разум - должны быть всегда согласны между собою, так как обе они проистекают из одного и того же Источника - из Божества. Тора и мудрость не противоречат одна другой, а дополняют друг друга. Тора без светских познаний непонятна, и вера без разума часто переходит в суеверие; разум же один без веры, без богобоязни недостаточен: он не всегда и не везде может служить защитой от волнующих нас страстей..." Первые российские "маскилим" не помышляли о переходе в христианство и с болью наблюдали за эпидемией крещения в Центральной Европе среди тамошних "просвещенных" евреев. "Они из кожи лезут вон, - писал один из сторонников просвещения в России, - лишь бы доказать, что они уже достаточно прозрели и, озаренные светом разума, вполне уразумели, что наследие отцов есть ложь, а традиция - тяжелейшая обуза, с которой необходимо порвать окончательно". "Я не могу спокойно видеть, - писал другой, - как отворачиваются от религии и преклоняются перед одним только разумом. Не к еретикам я обращаюсь, - их уже не вернешь на путь истины, они засохшие листья и нечего взывать к мертвецам... Я взываю к тем из сынов Израиля, которые еще не ступили на ложный путь и не следуют пока по стопам грешников".

Российские "маскилим" были, в основном, самоучками, которые уже в зрелом возрасте занялись самообразованием. Первым учебным пособием стал для них немецкий перевод Библии Моисея Мендельсона; от Библии они переходили к чтению Канта, Шиллера и Гете и ничего не слышали о Пушкине, Лермонтове или Гоголе. Эти "маскилим" были идеалистами, далекими от реальных условий жизни, и считали, что одно лишь нежелание мешает еврейскому обществу стать просвещенным и образованным. Стоит только захотеть, как завтра же все изменится к лучшему, еврейская жизнь преобразится, и тогда уж власти непременно предоставят евреям равные со всеми права. А потому "маскилим" поддерживали правительственные меры по устранению еврейской обособленности, даже если они вводились принуждением, и сетовали на упрямых "гасителей света" и врагов просвещения, которые противятся собственному счастью. "Маскилим" издавали научные книги для немногих "любителей нового просвещения", а остальных надо было еще убедить, что изучение наук не противоречит законам еврейской религии и традиции. Это и попытался сделать Ицхак Бер Левинзон, прозванный "Мендельсоном российских евреев". У этого человека были удивительные способности и поразительная память. Еще в детские годы он знал многие трактаты из Талмуда, а затем выучил и русский язык, что было большой редкостью в те времена. В Галиции он познакомился с последователями Мендельсона и их идеями, а затем вернулся в Россию, был учителем, потом тяжело заболел и навсегда поселился в Кременце, в маленьком домике на краю города. "Вы знаете, дорогой друг, - писал он в письме, - что вот уже двадцать пять лет, как я не переступаю за порог своего жилища и большую часть времени провожу в постели". Левинзон был беден и одинок и не мог даже выехать из города, потому что не имел приличной одежды и денег на дорогу. Но он продолжал работать, и его выручала великолепная память и знания, полученные еще в молодые годы.

В 1828 году Ицхак Левинзон опубликовал книгу под названием "Теуда бе-Израэль" - "Предназначение Израиля". От имени "ищущих правды и света" он доказывал пользу образования цитатами из Талмуда и раввинской литературы и ссылался на величайших еврейских авторитетов прошлого, которые владели многими языками и изучали светские науки. Эта книга имела огромный успех, особенно среди молодежи, учеников иешив, которые читали ее тайком от своих учителей. Метод изложения был им привычен, ссылки на авторитеты убедительны, и они проникались ощущением, что светские знания не повредят их вере и уважению к вековым традициям. "Только ваша книга, - писал Левинзону один из читателей, - которую я перечитывал несколько раз, дала мне должную зрелость". "В вашем труде я нашел такую книгу, - писал другой читатель, - появления которой я давно ожидал от одного из мудрецов во Израиле... Изложение ваше дышит умом, доказательства ваши убедительны". Даже некоторые раввины отзывались с похвалой о книге Левинзона, а один из них считал ее единственным недостатком лишь то обстоятельство, что книга "написана не Виленским гаоном".

Во время одного из кровавых наветов литовские и волынские раввины попросили у Левинзона помощи, и вскоре он написал книгу под названием "Эфес дамим" - "Нет крови" - "против ложного обвинения евреев в употреблении христианской крови". Эта книга имела большой успех, выдержала несколько изданий, была переведена на английский, русский и немецкий языки. Другая его книга - "Зрубавель" - защищала от нападок Талмуд и еврейскую религию. Ицхак Бер Левинзон умер в 1860 году, и на похоронах друзья и ученики покойного несли за гробом его книги. На его памятнике написали эпитафию, сочиненную им самим, которая заканчивалась такими словами: "Не острием меча сражался я с врагами Господа, но словом. Им отстаивал я пред народами правду и справедливость, - свидетелями тому "Зрубавель" и "Эфес дамим".

Влияние российских "маскилим" на еврейское общество было ничтожным. Евреи черты оседлости жили тогда обособленно; их образ жизни до последней мелочи подчинялся законам Торы, и слабые веяния "гаскалы" до них практически не доносились. И хотя "Положение" 1804 года позволило еврейским детям поступать во все российские училища и гимназии "без всякого различия от других детей", их родители не спешили воспользоваться этим правом. Народные школы в те времена существовали почти исключительно при монастырях и церквях, обучение в них было проникнуто христианским духом, да и в гимназиях учителя-христиане старались совместить учебу с религиозной пропагандой, чтобы "уловлять жидков-гимназистов". Именно поэтому евреи бойкотировали общие школы: в Могилевской губернии в 1808 году учились в них всего лишь девять евреев; в Витебской губернии - один, а минские власти с удивлением обнаружили при проверке, что в местных народных школах не было ни одного еврейского ученика.

Система образования российских евреев сохранялась неизменной с давних еще времен. По традиции все без исключения еврейские мальчики шли в хедеры, которые существовали в любом, даже самом крохотном и нищем местечке. За обучение ребенка родители давали меламеду установленную сумму, за неимущих платил кагал, и потому в еврейских общинах практически не было неграмотных людей. В хедерах учеников приучали самостоятельно "плавать по морю Талмуда", а с тринадцати лет самые способные из них переходили в иешивы, обучение в которых было бесплатным и оплачивалось из общественных средств. Во многих общинах существовали небольшие иешивы, которые располагались в синагогах и заполнялись юношами из окрестных местечек. Ученики жили в молитвенных домах и спали там же на скамейках; обедали поочередно у местных жителей, каждый день у другого - это называлось "есть дни", и были готовы на любые лишения ради изучения Торы. Община заботилась об этих учениках, платила жалованье руководителю иешивы и поставляла все необходимое - книги, свечи, дрова для отопления - из тех скудных средств, которые собирали с каждого жителя. "Молодые люди, не имеющие ни гроша за душой, - вспоминал писатель Менделе Мойхер Сфорим, - приходят сюда пешком и почти налегке, с мешком, хранящим две старые залатанные рубахи и пару изношенных штопаных носков. И вот жалкий городок, удрученный собственной бедностью, берет на себя заботу о приезжих, снабжая их чем только может. Ради Торы самый большой бедняк готов поделиться с другим последним куском хлеба, если он им располагает". Но были в черте оседлости и крупные, знаменитые на весь мир иешивы - на сотни учеников, которыми руководили выдающиеся ученые того времени. Такие иешивы обычно располагались в маленьких местечках, подальше от городского шума и суеты, и съезжались туда наиболее способные юноши со всех еврейских общин России и даже из европейских стран. Самые лучшие ученики иешив разъезжались затем по российским и европейским общинам и становились там раввинами: не случайно говорили тогда, что "свет Торы исходит с Востока". Большинство училось не ради каких-либо экономических привилегий, потому что в общинах было для них очень мало оплачиваемых должностей. Но зато ученость давала почет в еврейском обществе, и каждый родитель из бедной и неродовитой семьи мечтал, чтобы его сын достиг высокого уровня учености и тем самым возвысил бы себя и всю свою семью. В восемнадцатом веке в иешивах применяли, в основном, метод "пилпула" при изучении Талмуда: умение при помощи головоломных построений сблизать самые отдаленные понятия и таким способом улавливать скрытый смысл Закона. Больше всего ценились ученики, которые поражали всех хитроумными и изощренными умозаключениями, помогавшими им толковать и постигать слово Божье. Но порой "пилпул" вырождался в бесплодные и схоластические упражнения ума, и в период бурного распространения хасидизма многие юноши уходили из литовских иешив и присоединялись к хасидам, потому что прежние методы обучения не давали выхода их чувствам. Поэтому Виленский гаон предложил создавать иешивы с новым методом преподавания, чтобы противостоять распространению хасидизма. Самой знаменитой среди них стала иешива в белорусском местечке Воложин. Ее основал ученик Элиягу Гаона рав Хаим - для преподавания Талмуда по методу своего учителя. Прежде всего, в этой иешиве изучали Тору - основу для последующего изучения Талмуда и ограничивали метод "пилпула". Сначала

там учились не более десяти учеников на средства главы иешивы, но со временем их количество возросло до двухсот, и на собранные пожертвования построили специальное здание. Рав Хаим из Воложина тоже выступал против хасидов, но он не обвинял их огульно во всевозможных грехах. Хасидизм основывает все на религиозном чувстве, говорил он, и потому это учение годится лишь для немногих, а не для всего народа. "В настоящее время, - писал он, - когда мы висим на волоске, у каждого есть забота о своем существовании, и никто не в состоянии сосредоточиться во время молитвы и подготовиться к особому вдохновению". Да и чувство человеческое - непостоянно, и при перемене настроения человек может совершить нечто, противоречащее еврейскому Закону. Рав Хаим учил, что основой религиозной жизни должно быть неукоснительное исполнение законов и обычаев, даже если человеку и не всегда удается при этом сосредоточить мысли на Всевышнем. "Мы не должны мудрствовать, - учил он, - но строго соблюдать все предписания Торы и Талмуда, во всех деталях... И если бы собрались все мудрецы Израиля и напрягли бы весь свой светлый разум, чтобы изменить одну из незначительных деталей при исполнении какого-нибудь предписания, мы не станем слушать их, ибо самым важным в предписании является его тщательное выполнение..."

В личной жизни рав Хаим Воложинский терпимо относился к хасидам, и они даже учились в его иешиве. Религиозная борьба в начале девятнадцатого века постепенно затихала. Во многих общинах хасиды и их противники мирно жили рядом, бок о бок, молились в разных синагогах, содержали отдельно раввинов, канторов, резников и учителей. Со временем хасидский способ убоя скота был принят повсеместно, и кое-где уже справляли свадьбы, на которых женили своих детей на детях бывших противников.

Все хасиды группировались вокруг цадиков, которых они называли с великим почтением "ребе" - учитель. У каждого цадика были свои последователи: они защищали друг друга, помогали в беде и были преданы своему "ребе". "Хасиды образуют между собой самое образцовое братство, - писал современник, - перед которым бледнеют всякое родство и дружба. Хасид не задумается отдать свой последний грош, если благо группы или даже одного из ее членов этого потребует... Это братство у них доходит до того, что понятия о превосходстве богатого над бедным, высшего над низшим у них вовсе не существуют... Все они равны перед трибуналом цадика, и он один только возвышается над общим уровнем: ему одному воздается почет, слава и величие". Вера во всемогущество цадика порождала у хасидов спокойствие и веселие. Излишнее беспокойство о завтрашнем дне считалось как бы выражением недоверия к самому Богу, который непременно обеспечит человека всем необходимым, если только этот человек будет всеми силами и разумом служить Всевышнему. Это вечное упование на Бога и постоянная жизнерадостность помогали хасидам в тяжелой, нищей и беспросветной жизни черты оседлости, спасали от отчаяния и добавляли бодрости и оптимизма.

Цадик жил обычно в маленьком местечке, и к нему съезжались отовсюду его хасиды, чтобы увидеть своего учителя. Эти поездки к "ребе" считались обязательными, по меньшей мере - раз в году, и одно только лицезрение цадика возвышало душу хасида. Некоторые приходили к цадика пешком, иногда за сотни верст, и ждали по несколько дней, пока их допустят к "ребе", потому что верили безоговорочно, что цадик может исцелять больных, избавлять от надвигающейся опасности, помогать в беде, быть заступником перед Богом и просителем за свой народ. Стоило ему сказать бесплодной женщине: "В будущем году ты обнимешь сына", - и так непременно происходило. Многие хасиды подолгу жили возле своего цадика, слушали его проповеди, совместно молились и во время долгих, шумных и задушевных застолий "прогоняли уныние священным веселием". В субботние дни самые почетные гости садились за стол вместе с цадиком, а все остальные посетители стояли вокруг и дожидались конца трапезы, чтобы разобрать и съесть остатки со стола, освященного присутствием "ребе". Некоторые даже отвозили эти остатки домой, для своих близких, потому что верили в их целебную силу. После трапезы на исходе субботы "ребе" читал проповедь, потрясая сердца слушателей. Временами он начинал восторженно петь какой-нибудь религиозный гимн, хасиды вторили ему, танцевали, заражались общим восторгом, ощущали общение с Богом через своего цадика.

Невозможно распределить всех цадиков того времени по степени влияния: у каждого из них были свои верные последователи, которые превозносили святость своего цадика, даже если его влияние и распространялось на малое число хасидов. Временами цадики соперничали между собой, и тогда среди их хасидов дело доходило до скандалов и даже до драк, они не разговаривали друг с другом и не заключали между собой брачных союзов. О некоторых

цадиках мы сегодня почти ничего не знаем, другие же сохранились в учебниках истории и в памяти народа - своими удивительными деяниями.

Еще в восемнадцатом веке прославился странствующий цадик -

рабби Лейб Сорес из Ровно. О нем говорили, что он владел тайной сокращения пространства и мог мгновенно появиться в любом месте. Рабби Лейб Сорес неожиданно объявлялся в разных городах и местечках Польши, Галиции, Волыни и Подолии, совершал удивительные подвиги, исцелял больных, собирал деньги у богатых и раздавал их бедным и несчастным, а заодно и боролся с теми, кто замышлял гонения на еврейский народ. Потом он так же внезапно исчезал, надолго уединялся в лесу для молитвы, и его считали чудотворцем, одним из тридцати шести тайных праведников, на которых держится мир. "Истинный праведник, - говорил он, - должен быть живым, олицетворенным Священным Писанием, чтобы люди учились законам веры не по его словам, а по его поведению, по всем его движениям, по его восторженному настроению..." Предание рассказывает, что семь лет подряд рабби Лейб Сорес боролся с австрийским императором Иосифом II, который насаждал в Галиции "безбожные школы" и брал евреев в солдаты. Не случайно рабби Дов Бер в рекомендательном письме сообщал, что рабби Лейб "занимается таким богоугодным делом, выше которого не может быть...", но в письме это нельзя изложить... В его словах нет обмана, нечестия нет в устах его, и он богобоязен, как немногие..." Рабби Лейб Сорес владел кабалистической "тайной невидимки", незамеченным проникал во дворец Иосифа II, пугал императора казнями египетскими, если тот не отменит законы против евреев, бил его и даже колот ножом. Когда он появлялся, один только император видел его и всякий раз кричал в страхе: "Вот идет Лейбель пытать меня!..." - а придворные думали, что Иосиф II сошел с ума, и в страхе разбежались. Цадик и император умерли одновременно, в один год, и народная молва говорит, что рабби Лейб Сорес и Иосиф II погибли вместе, в последней яростной схватке. Но рабби победил и спас евреев Галиции, потому что со смертью императора его реформы были отменены.

В местечке Ружин Киевской губернии была резиденция цадика рабби Исраэля. Его дом, по воспоминаниям очевидца, "имел вид княжеского жилища и выделялся роскошью обстановки". Цадика окружали многие слуги, у него был собственный оркестр, он выезжал в карете с серебряными ручками, запряженной четверкой рысаков, и его последователи утверждали, что он это делает не для собственного удовольствия, но для прославления имени Бога. Рабби говорил: "Цадик - светоч мира. Через него изливаются свыше все блага на землю... Он должен жить богато, ибо если сам цадик стеснен в пользовании земными благами, то и влияние его ограничено". Рабби Исраэль спал всего лишь несколько часов в сутки, а все остальное время проводил в молитвах, учении и приеме посетителей, которые приносили ему богатые подарки и спрашивали его совета во всех своих делах. К нему приезжали за советом не только его хасиды, но и помещики из окрестных имений и поражались роскошью его жилища. Современник писал о рабби: "Он поистине достоин всего этого почета... Какое бы трудное, запутанное и темное дело ему ни представляли, он тотчас своим острым взглядом и пронизательным умом схватывает его во всей глубине и уясняет. Приятное впечатление производит и его наружность: он изящен и благороден".

Рабби Исраэль Ружинский говорил очень мало, и эту молчаливость его последователи объясняли особым образом: "Он не от мира сего. Он явился на землю, чтобы дожидаться момента своего проявления в качестве Мессии, но так как поколение оказалось недостойным этого, то он замолчал и ждет часа своего ухода из этого мира, чтобы передать душу Мессии одному из своих сыновей". Рабби Исраэль говорил своим хасидам: "Как ртуть чувствительна к холоду и жаре, так и я чувствителен к скорби всего еврейского народа... Я не думаю хватать этим, но поверьте мне, что я - часть души народа израильского, и если что-нибудь болит у еврея хоть на краю света, я это сразу же ощущаю".

Цадики пользовались исключительным влиянием среди своих хасидов. Они стали героями народных сказаний, и в каждом из них чудодей-цадик выходил победителем в борьбе с несправедливым и сильным гонителем и приносил в ту мрачную и беспросветную жизнь проблеск радости и надежды. Цадики любили беззаветно - дети и взрослые, неучи и умудренные знанием, и любое слово "ребенку" запоминалось, подхватывалось и переносилось с места на место и из поколения в поколение. Именно поэтому до наших дней дошли изречения многих цадиков - сокровища еврейской мудрости.

Рабби Моше Лейб из Сасова, защитник слабых, больных, бедных и грешных людей, сказал однажды: "Любить народ Израиля я научился у одного мужика, который сидел в кабаке с другими крестьянами. Долго он пил молча, а затем спросил у своего соседа: "Скажи, ты любишь меня или не любишь?" "Я тебя очень люблю", - ответил тот. А мужик сказал на это: "Ты говоришь, что любишь меня, а не знаешь моих забот и нужд. Если бы ты и правда меня любил, то знал бы". Тогда-то я и понял, - заключил рабби Моше Лейб, - что любить Израиль - это значит чувствовать его нужды, делить с ним его горести, скорбеть его печалью". И он же сказал так: "Если кто-либо не решится высосать своим ртом кровь и гной из" ран прокаженного еврейского ребенка, значит он не достиг и половины той любви к ближнему, которая должна быть присуща истинному еврею".

Рабби Хаим из Цанса говорил в свое время: "Когда человек ищет счастье, он готов и подниматься на гору, и опускаться в пропасть, и кружить по равнине. Но к чему столько беготни?! Быть может, стой он на месте - счастье нашло бы его само". Рабби Хаим встретил однажды своего ученика, который куда-то спешил. "Почему ты так торопишься?" - спросил он его. "Мне нужно добыть средства к существованию", - ответил ученик. "Но уверен ли ты, что идешь в правильном направлении?" - спросил рабби. - Ведь может быть то, что ты ищешь, находится позади тебя, и с каждым шагом ты только удаляешься от цели".

Рабби из Ропшица любил говорить своим ученикам: "Есть два способа подняться над своим соседом: возвыситься самому или унижить его. Никогда не следуйте вторым путем. Вместо того, чтобы копать яму другому, употребите эти силы на то, чтобы насыпать холм для самого себя".

Рабби Шломо из Карлина советовал: "Если ты хочешь поднять человека, увязшего в грязи, не думай, что достаточно протянуть ему руку и оставаться самому наверху. Ты должен сойти к нему вниз, в самую грязь, обхватить крепко руками и тянуть затем его и самого себя к свету".

"Ребе, - сказал хасид своему цадику, - я видел мир и был потрясен его испорченностью". Ребе ответил на это: "Кто тебе сказал, что ты видел мир? Быть может, ты видел лишь самого себя".

Спросили рабби Авраама Якова: "Наши мудрецы учат: "Нет вещи, которой бы не было места". Но если это так, то и всякому человеку есть свое место на свете. Отчего же иногда людям так тесно?" Ответил на это цадик: "А это оттого, что каждый хочет занять место другого".

Говорил рабби Пинхас из Кореца: "Только одного я боюсь: сделаться более умным, чем набожным". И он же сказал однажды: "Того, за чем гонятся, не достигают. Но то, что оставляешь в покое, бежит к тебе само. Распори брюхо большой рыбе, и ты найдешь в ней мелких рыбешек, что лежат головой к ее хвосту". Рабби Мендель из Коцка любил повторять своим ученикам: "Если вы хотите познать мир, поднимитесь над ним. Тот, кто смотрит сверху, видит лучше других". А рабби Нахман из Брацлава сказал так: "Нет ничего более цельного в мире, чем разбитое еврейское сердце".

3

Одним из крупнейших украинских цадииков того времени был рабби Леви Ицхак из Бердичева. Хасидская легенда рассказывает, что основатель хасидизма Баал Шем Тов очень обрадовался в момент его рождения и сказал окружающим: "В этот час появилась на земле душа, которая будет защитницей Израиля перед Богом". И еще сказал Баал Шем Тов: "Когда эта душа опускалась на землю, предстал сатана перед Богом и стал ему жаловаться: "Если эта душа сойдет на грешную землю, то наступит конец моему делу, ибо она наставит всех на праведный путь". И сказал на это Всевышний: "Это будет раввин, и он будет обременен делами своей общины".

С малого возраста рабби Леви Ицхак изучал Талмуд и выделялся удивительными способностями. Он рано женился и продолжал учиться и заниматься благотворительными делами: принимал нищих и странников, прислуживал им, подавал еду, стелил постели. В

молодом возрасте рабби Леви Ицхак стал учеником рабби Дова Бера из Межирича. Учитель внушал ему благоговение и мистический страх, на его лице он видел "огонь сжигающий, пламя Божественное". Однажды он даже лишился чувств, когда рабби Дов Бер читал молитву, и позднее предание рассказывает со слов рабби Леви Ицхака: "В праздник Рош га-шана, во время предвечерней молитвы, я увидел на его лице лучезарный свет, переливавшийся всеми цветами радуги; и напал на меня страх и трепет, и поддержали меня люди, чтобы я не упал, но никто не знал причины. И когда учитель заметил мой трепет, он обернулся к стене и стоял так, опершись головой о стену, несколько минут; затем снова повернулся к нам, но тогда я уже ничего не увидел на его лице. Еще раз я увидел этот свет и это сияние на лице учителя перед его кончиной, и поэтому мне было дано постичь его учение".

Рабби Леви Ицхак был раввином в городе Пинске, но во время борьбы с хасидами толпа пришла к дому раввина и чуть была не разгромила его. Из Пинска он перебрался в Желехов, но и там противники хасидизма вынудили его покинуть город. И тогда рабби Леви Ицхак переехал в Бердичев, стал там раввином и до последних дней своей жизни был главой волынских хасидов.

Рабби Леви Ицхак часто объезжал местечки вокруг Бердичева, и после торжественной молитвы всякий раз начиналось пиршество, на котором хасиды во главе со своим цади́ком долго веселились. Он беседовал с ними о житейских мелочах и любил повторять изречение Баал Шем Това, что Богу можно служить не только молитвой, но и обычными делами. Смысл веры, учил он, это постоянное общение с Богом: как Бог всегда думает о нас, так и мы должны думать о Нем. Это общение возможно лишь в состоянии радости, когда душа открыта к восприятию высших эмоций. Цади́к - это тот, учил он, кто достигает самой высокой ступени общения с Богом и "мысленно исчезает в Нем". По просьбе цади́ка может быть отменен приговор Неба, и цади́к не властен только над теми предначертаниями Бога, которые направлены к благу людей. Есть два вида цади́ков: "праведник для себя", стремящийся к личному совершенству, и "праведник для народа", его "заступник", который защищает Израиль перед Богом и требует милости к согрешившему, потому что находит смягчающие вину обстоятельства. Когда цади́ков на земле мало, мир управляется только законами, а не милосердием, и людям становится плохо. Но цади́к не должен гордиться своим могуществом, потому что он - лишь канал, через который изливается на мир благодать Всевышнего.

Рабби Леви Ицхак был искренний, общительный, веселый и восторженный человек, и его религиозный экстаз проявлялся в молитвах и в повседневной жизни. Он обращался к Богу с мольбою, с претензиями и требованиями, даже с негодующими возгласами: ведь он молился не за себя, а за "весь Израиль", горестная жизнь которого заставляла страдать его душу. "Он молился с трепетом, - вспоминал современник, - дрожа всем телом, от волнения он не мог стоять на месте. Вот его видят молящимся в одном конце синагоги, а через минуту он уже в другом конце. Волосы становились дыбом у тех, кто слушал его молитвы, сердце таяло, смывалась вся скверна души". Его обычным возгласом - обращением к Богу было "Дербаремдигер", что в переводе с идиш означает - милосердный. В Бердичеве рассказывали, что однажды к рабби Леви Ицхаку зашел местный чиновник и предложил ему выбрать для себя фамилию. Но рабби молился в тот момент с обычным для него экстазом и даже не заметил вошедшего. Чиновник услышал посреди молитвы несколько раз повторенное слово "Дербаремдигер", решил, что это ответ на его вопрос, и записал семью рабби под этой фамилией. До сих пор встречаются евреи с этой странной на первый взгляд фамилией - Дербаремдигер, а его потомки в Израиле перевели эту фамилию на иврит и называют себя Рахмани.

Когда наступал месяц элул и приближались дни покаяния, рабби Леви Ицхак удалялся от житейских дел. В этот месяц он призывал всех к покаянию и часто посылал своего служку напомнить народу о том, что надвигаются "страшные дни". На Рош га-шана он сам становился кантором и тогда, как говорит предание, он был вне плоти и разговаривал с самим Богом. Однажды он даже прервал молитву и стал распевать свою знаменитую импровизацию, которая сохранилась в памяти и по сей день: "Доброе утро Тебе, Властелин вселенной! Я, Леви Ицхак, сын Сарры, из Бердичева пришел к Тебе спорить за Твой народ Израиль. Что Ты имеешь к своему народу Израиля? Что Ты насел на свой народ Израиль? Как только что-нибудь, так сразу: "Говори к сыновьям Израиля". И как только что случится, так сразу: "Укажи сыновьям Израиля". И как только малейшее шевеление, так сразу: "Прикажи сыновьям Израиля". Боже

милостивый на небесах, сколько народов на земле! Мидяне, персияне, вавилоняне... Вот русские что говорят? Что их царь - это царь! А германцы что говорят? Что их император - это император! А англичане что говорят? Что их король - это король! А я, Леви Ицхак, сын Сарры, из Бердичева говорю: "Бог восседает на троне высоком и возвышенном". А я, Леви Ицхак, сын Сарры, из Бердичева скажу еще вот что: "Не сойду с этого места, пока не придет избавление, пока не прекратятся бедствия народа Израиля! Ведь Бог восседает на троне высоком и возвышенном..."

Очевидец рассказывал, что рабби Леви Ицхак сам трубил в шофар на Новый год: "За поясом у него висело несколько шофаров; он был вне плоти; замирали сердца у всех, видевших его, все дрожали перед ним, как перед ангелом Божьим". Его вера в скорое избавление была велика, и он постоянно ожидал избавителя-Мессию. Однажды рабби Леви Ицхаку показали "тнаим" - предварительное соглашение, составленное при помолвке его внучки. Там было написано, что свадьба состоится в такой-то день в городе Бердичеве. Рабби тут же разорвал этот документ и написал новый, который отличался от предыдущего одним только пунктом: "Свадьба состоится, с Божьей помощью, в такой-то день в святом городе Иерусалиме. Но если к тому времени, упаси Бог, Мессия еще не придет, то свадьба состоится в Бердичеве".

Рабби Леви Ицхак не пропускал ни единого случая, чтобы использовать его для общения со Всевышним. Во время блестящих побед Наполеона он как-то сказал в синагоге: "Французский император Наполеон воображает, что он повелитель мира, а я, Леви Ицхак из Бердичева, говорю: "Да возвеличится и да освятится великое имя Бога!" Однажды на заре, во время утренней молитвы, рабби увидел, как простой еврей-извозчик, облаченный в таллес, снимал колесо у телеги, мазал его дегтем и молился при этом. Рабби Леви Ицхак пришел в неопишуемый восторг и воскликнул: "Владыка мира! Смотри, как народ Твой израильский любит Тебя! Даже когда еврей мажет колеса, он не забывает Тебя и служит Тебе! А Ты еще недоволен Израилем и предъявляешь ему разные претензии!" В другой раз он остановил на улице еврея, который курил трубку, и спросил его: "Сын мой, быть может, ты не знаешь, что сегодня суббота?" "Знаю", - ответил тот. "А может, ты не знаешь, что нельзя курить в субботу?" "Знаю", - ответил тот. И тогда рабби воздел руки к небу и сказал: "Господи, погляди каков у Тебя народ! Я принуждаю его сказать неправду, а он не идет на это. Говорит только правду, как Ты и заповедал!" Однажды ему стало известно, что еврейские девушки трудятся, как каторжные, с утра и до поздней ночи, чтобы успеть приготовить мацу к празднику Песах. И рабби тотчас же провозгласил в синагоге перед всей общиной: "Ненавистники Израиля клеветуют на нас, будто мы печем мацу на христианской крови. Нет, на еврейской крови мы печем ее!"

Его восторженная любовь к народу доходила до того, что он позволял себе дерзости против Неба, когда надо было заступиться за Израиль. Это он сказал однажды Богу: "Если Ты будешь судить нас немилостиво, то мы, праведники нашего поколения, постановим отменить Твой приговор". В своей книге "Кдушат Леви" - "Святость Леви" он писал: "Если евреи не всегда исполняют волю Всевышнего подобно ангелам, то ведь их можно оправдать тем, что они постоянно озабочены своим пропитанием". Не случайно рабби Леви Ицхака называли в те времена "заступником Израиля". Каждое поколение имеет своих заступников перед Всевышним, и рабби Леви Ицхак был одним из них. Многие еврейские женщины в канун субботы произносили и произносят особую молитву, которую сочинил рабби Леви Ицхак, и верят свято в ее осуществление: "Дай, Господи, силы всем уставшим, дай силы Твоим детям служить Тебе, дай нам успешную, счастливую неделю - благословенную, милосердную, сытую и благополучную, - нам и всему народу Израиля. Амен!"

Рабби Леви Ицхак скончался в Бердичеве в 1810 году, и на его могиле воздвигли каменный шатер безо всякой надписи. Но все и так знали, ктб там похоронен. По сей день идут к этой могиле евреи, когда у них беда или горе, и молят его о заступничестве перед Всевышним. Недаром говорили в прошлом: "Когда вспоминают бердичевского раввина, смягчается строгость Небесного суда". После его смерти не стало раввина в городе Бердичеве. Все те, кто потом занимал это место, именовались более скромно - учитель, руководитель в Законе. Один раввин, достойный этого звания, был в Бердичеве - рабби Леви Ицхак бен Меир. Или, как он называл себя: "Леви Ицхак, сын Сарры, из Бердичева".

Особняком от других цадииков стоял рабби Нахман из Брацлава, правнук основателя хасидизма Баал Шем Това. С детства это был мечтательный ребенок, который решил однажды встретить субботный день в чистоте и святости, чтобы удостоиться Божественных видений. Он окунулся в микву, надел праздничные одежды, пришел в синагогу раньше других и стал ходить взад-вперед по пустому помещению, чтобы изгнать из головы посторонние мысли. Но у него ничего не получалось, и он никак не мог подготовить себя к восприятию "субботней души". Тем временем в синагогу пришли евреи и стали молиться, не обращая внимания на маленького мальчика. Тогда он спрятался в укромном месте, тихо заплакал, и плакал там долго, пока не заснул. Проснулся он уже во время вечерней молитвы, когда в синагоге горели свечи, и, успокоенный, пошел домой.

Ему было четырнадцать лет, когда его женили, и он стал жить в местечке у тестя. Изучал Талмуд, много постился, в уединении бродил по лесу или плавал по реке на лодке. "Хорошо молиться в лесу или в поле, - говорил он, - когда деревья и трава тоже молятся вместе с нами и подкрепляют нашу молитву". После смерти тестя он жил на полученные им в приданое триста червонцев, а когда их не стало, начал получать по рублю в неделю за хасидские проповеди в синагоге. Уже тогда он считал, что самое главное - это оставить после себя учеников, которые станут учителями, оставят после себя еще больше учеников, и таким образом хасидское учение распространится среди всего народа Израиля.

Однажды, накануне праздника Песах, рабби Нахман объявил в синагоге, что собирается поехать в Святую Землю. Он продал все, что у него было, хасиды добавили недостающее, и через полгода утомительного путешествия он, наконец, приехал в Эрец Исраэль. На Святой Земле рабби Нахман прожил зиму: изучал кабалу, посещал могилы великих еврейских ученых, молился возле них. Это произвело на него такое огромное впечатление, что впоследствии он запретил своим последователям сохранять что-либо из прежнего своего учения. "Все, что я проповедовал до поездки в Эрец Исраэль, - говорил он, - не имеет теперь никакого значения". И еще он повторял на протяжении всей своей жизни: "Я живу только в Эрец Исраэль, и куда я ни еду, я еду, в сущности, только в Эрец Исраэль".

Вернувшись из Святой Земли, рабби Нахман поселился сначала в Златополе, а затем переехал в Брацлав. Этот город стал центром хасидов брацлавского ребе, которые съезжались к нему шесть раз в году и слушали его поучения. Один из его учеников, рабби Натан, записывал многое из того, что слышал от своего учителя, даже простые его разговоры, а потом приносил ему для просмотра. Благодаря рабби Натану сохранились до наших дней поучения, беседы, аллегорические повествования и даже сны цадика из Брацлава. Рабби Нахман говорил: "Порой цадик вынужден придавать Торе форму общедоступных рассказов", - и потому в его историях фигурируют цари, мудрецы, принцессы и разбойники. "Поведаю я вам о своем путешествии, только не ожидайте, что я расскажу вам всё и вы всё поймете..." Удивительная и самобытная форма его повествования нелегка к восприятию и требует для своего понимания глубокое знание Торы и кабалы. Рабби Нахман сказал про одну из своих сказок: "В ней нет ни одного слова, которое было бы лишено смысла. Лишь тот, кто постиг мудрость святых книг, способен понять содержащиеся в ней намеки". А его ученик рабби Натан добавил: "Избави тебя Бог отнестись к этим историям, как к обычным сказкам... Истории эти обладают чудесным свойством: они способны пробудить каждого от духовной спячки, чтобы человек - не дай Бог - не проспал попусту всю свою жизнь".

Рабби Нахман не считал себя чудотворцем и не любил поэтому, когда его просили помолиться за успех какой-нибудь торговой сделки. Выше всего он ставил простоту жизни, не гонялся за богатством и предписывал хасидам только то, что и сам исполнял. "Об одном лишь прошу я вас, - говорил он своим последователям, - будьте честными, открытыми людьми. Этого я только добиваюсь и для этой цели я жертвую всем, ей я отдаю все свои силы". Чем проще и

непосредственный человек, тем ближе он к Богу, но наиболее близок к Нему только бедный человек. "Тот, кто зарабатывает хлеб своей трудами рук своих, - говорил он, - знает о величии Всевышнего больше, чем знают ангелы".

Основа иудаизма, учил рабби Нахман, это чистосердечие и простота, вера и молитва, проникнутые искренним чувством, и потому он советовал евреям молиться также на идиш, который им более понятен и доступен. Рабби Нахман относился к науке без особого почтения и считал, что лучше быть "всему верующим глупцом", чем всеотрицающим "мудрецом".

"Удивительные мудрецы! - говорил он. - Весь свой ум они отдают на то, чтобы придумать орудие, которым можно убить побольше людей. Не величайшая ли это глупость?" Но в то же время он был против духовной неподвижности и требовал постоянно обновлять свои мысли, так как обновление мысли - это и обновление души. "Не хорошо быть стариком, - говорил он. - Не хорошо быть старым хасидом или старым цади́ком; нужно ежедневно обновляться".

Рабби Нахман критически относился к некоторым цади́кам того времени и открыто высказывал о них свое мнение. "Искусителю, - говорил он, - очень трудно справиться одному со своей работой; поэтому он назначил такого-то цади́ка в одном месте, а такого-то - в другом". Трудно отличить действительного цади́ка от мнимого, "так как и лжецади́ки... сидят целый день в молитвенном облачении, а на деле они лицемеры". Но особенно раздражали других цади́ков его заявления о том, что только он "постигает Божье величие". Начались гонения на рабби Нахмана и на его хасидов, но это его не смущало. "Как могут они не враждовать со мной? - говорил он. - Ведь я иду новым путем, по которому не ходил еще ни один человек с тех пор, как существует мир. И хотя путь этот стар, очень стар, а все же это путь новый, совершенно новый". "Я не от мира сего, - еще говорил он, - и потому мир не может меня терпеть".

В 1802 году рабби Нахман побывал проездом в Умани и посетил еврейское кладбище, где похоронены тысячи жертв массовой резни гайдамацких погромов 1768 года. Там он пожелал, чтобы его похоронили среди этих мучеников, - и это случилось довольно скоро. Рабби Нахман прожил короткую жизнь, и последние ее годы были печальными. В 1806 году умер от чахотки его двухлетний сын. В том же году умер и второй его сын. Через год от чахотки скончалась его жена. Сам рабби тоже заразился этой болезнью и предсказал, что от нее он и умрет. Он уже нигде не выезжал из Брацлава, но продолжал обучать своих последователей. В 1810 году дотла сгорел его дом, и ночь больной рабби провел на улице. После этого он переехал в Умань, потому что, как говорил рабби Нахман, "души умерших там за веру ждут его". Перед праздником Рош га-шана его состояние стало ухудшаться и началось горловое кровотечение. Но в ночь Рош га-шана он, как обычно, произнес поучение, говорил долго, и это было его последнее обращение к своим хасидам.

Рабби Натан описал последние часы жизни своего учителя: "Мы уложили его на кровать, облаченного в прекрасное шелковое одеяние... Он взял небольшой восковой шарик и перекачивал его между пальцами. Так часто делал он в свои последние дни, погружаясь в глубокое размышление. И в этот последний час его мысли пронеслись сквозь потрясенные миры, и этот шарик из воска, оплывшего на светильнике, он вращал между своими пальцами, ощущая великую ясность мысли. Дом был полон людьми, пришедшими почтить его. Увидев, что близится кончина, они начали произносить молитву о праведнике... Нам показалось, что он скончался, и, сотрясаемые рыданиями, мы начали взывать: Тебе! Ребе! На кого ты покинул нас?!" Он услышал наши голоса и поднял голову, обратив к нам свое лицо, выражение которого повергло нас в трепет. Он как бы говорил: "Я не покидаю вас, упаси Бог!" Это было незадолго до того, как он ушел, чтобы приобщиться к своим отцам в великой святости и чистоте. Сверкающий и чистый, он ушел отсюда без малейшей тени смятения, без единого жеста непокорности, ушел, объятый безмятежностью, внушающей благоговейный страх... Что мне сказать? И как я могу говорить? Чем я могу воздать Всевышнему за то, что удостоился стоять там, когда отлетела его душа? И если бы я пришел в этот мир только для этого, этого было бы достаточно".

В восемнадцатый день месяца тишрей, 16 октября 1810 года, рабби Нахман скончался, прожив тридцать восемь с половиной лет. "Я хочу остаться среди вас, - говорил он, - и вы будете посещать мою могилу". И действительно, его могила на старом кладбище Умани и по сей день является местом поклонения его последователей, которые приезжают туда со всех концов света. Со дня смерти рабби Нахмана нет у них другого цади́ка, и они так и называют себя - хасиды брацлавского ребе.

Остается только добавить, что по сей день поют евреи песню, в которой повторяются по много раз слова цадика из Брацлава: "Главное, не отчаиваться. Только не отчаиваться! Ни в коем случае - не отчаиваться!" Ведь это он, рабби Нахман, сказал однажды такие слова: "Воистину нет никакого зла в мире, всё - благо, всё - едино!"

Богатый и ученый раввин Йегошуа Цейтлин, дед декабриста Г.Перетца, в своем имении возле Шклова построил дворец, собрал там большую библиотеку и привлекал многих ученых талмудистов, которые жили у него на полном обеспечении и без помех занимались науками. Один из них, раввин Биньямин Ривелес, составлял там гербарии для занятий ботаникой. Другой, раввин Барух Шкловер, устроил химическую лабораторию и по совету Виленского гаона перевел на иврит одну из работ Евклида, написал учебник по тригонометрии, руководства по гигиене, анатомии и астрономии. Барух Шкловер писал: "В горьком изгнании мы совершенно отстали от наук, которые в былые времена являлись лучшим украшением наших мудрецов... Так пусть замолкнут наши недруги и не посмеют они больше насмехаться над нами и упрекать сынов наших в невежестве".

В 1812 году Авраам Яков Штерн из Варшавы изобрел особую числительную машину, которая могла производить четыре действия арифметики, действия с десятичными дробями и извлекала квадратные корни. За это изобретение Штерна приняли в "Королевское общество друзей науки" в Варшаве, после чего он изобрел еще механическую молотилку и особую повозку, которая во время передвижения по участку земли снимала план этого участка и определяла его площадь. Хаим Хайкель Гурвич из Умани перевел на иврит и на идиш книгу "Открытие Америки", которая пользовалась среди евреев огромным успехом. "Книга Гурвича, - писал современник, - была настолько популярна, что не было почти еврея, который бы не зачитывался ею. О женщинах и говорить нечего... До появления этой книги весьма немногие из евреев знали о том, что существует в мире какая-то Америка".

Еврейские женщины черты оседлости зачитывались и книгой "Бове-майсе" - "Рассказы Бове", наполненной самыми невероятными приключениями. Это был перевод с французского на идиш романа времен крестовых походов про рыцаря Бюэве из города Анстон (русский перевод того же романа называется "Бова Королевич"). Слово Бове по звучанию похоже на "бобе" - на идиш "бабушка". Отсюда и появилось популярное выражение "бобе-маисе" - невероятные, фантастические истории, небылицы.

* * *

Однажды рабби Михель из Злочова сидел в корчме, куда зашел польский пан со своей женой. Красавица решила подшутить над евреем и стала вертеться перед ним, демонстрируя свое платье с глубоким декольте. Рабби Михель избегал смотреть на любую женщину, кроме своей жены, и поэтому он опускал глаза, закрывал их руками, отворачивался и пытался уйти, - но красавица встала на пути к двери и не давала ему выйти из корчмы. И тогда рабби Михель, опасаясь соблазна, стал размышлять об источнике красоты у людей. Источник красоты, думал он, находится в мужском семени; семя вырабатывается в организме из пищи; евреи употребляют чистую, кашерную пищу и освящают ее религиозными обрядами: следовательно, семя у них святое, и их красота имеет чистый источник. А неевреи едят нечистую пищу - свинину, раков, улиток и прочее; семя их тоже нечистое, а значит и красота женщины происходит из непривлекательного источника. Когда рабби Михель пришел к этому выводу, ему стало так противно, что его тут же вырвало... Его немедленно выгнали из корчмы, и таким образом он избежал соблазна.

* * *

Рабби Барух, внук Баал Шем Това, более тридцати лет стоял во главе хасидов Подолии, и его двор в Меджибоже соперничал с роскошными дворами польских магнатов. У него даже был свой придворный шут Гершеле Острополер - нищий, остроумный и неунывающий Гирш из Острополя. Со временем он стал народным героем, а его истории записали, собрали в книгу и неоднократно переиздавали.

Рассказывали:

Однажды ночью к Гершеле Острополеру залезли воры. Порывшись в пустом доме и ничего не найдя, они собрались уже уходить. Но тут жена толчком разбудила Гершеле и стала взволнованно шептать, что у них в доме - воры! Гершеле приподнялся и ладонью закрыл жене рот: "Тише, - зашептал он, - тише, не спугни их. Быть может, уходя, они что-нибудь забудут!" Рассказывали:

Однажды Гершеле Острополер написал письмо Богу: "Знай же, Боже, что я, и моя жена, и мои дети - мы все умираем от голода". Вложил письмо в конверт, написал на конверте "Богу" и бросил письмо на улицу. Случилось так, что один богач поднял это письмо, прочитал его и пришел к Гершеле. "Вот, - сказал он, - возьми. Бог послал тебе через меня три рубля". "Представляю себе, - ответил на это Гершеле, - сколько дал для меня Бог, если мне осталось целых три рубля".

И еще рассказывали:

Однажды вечером Гершеле Острополер попал в корчму. Хозяина не было, а хозяйка решительно отказалась накормить бедняка, у которого не было ни гроша. "Ну что ж, - сказал Гершеле многозначительно, - тогда мне придется поступить так, как в подобных случаях поступал мой отец". И он стал с решительным видом расхаживать взад-вперед по комнате. Хозяйка испугалась и спрашивает: "А как ваш отец поступал в подобных случаях?" "Это не ваше дело", - сурово ответил Гершеле. Хозяйка испугалась еще больше, тут же собрала на стол все, что было у нее в доме, и не забыла даже про бутылку водки. "Кушайте, пожалуйста!" После сытного ужина любопытная женщина снова обратилась к Гершеле: "Скажите, наконец, что вы имели в виду, когда говорили, что поступите так же, как поступал ваш отец? Как же он поступал в подобных случаях?" "Очень просто, - ответил на это сытый Гершеле. - Мой отец, когда у него не было ужина, ложился спать голодным".

ОЧЕРК СЕДЬМОЙ

I

Николай I правил страной тридцать лет - с 1825 по 1855 год. На смену Александру I пришел император, который желал подогнуть всех под общий ранжир, с одними и теми же мыслями и взглядами, угодными правительству. "Крепостное право стоит, как скала, - писал И.Тургенев о том периоде, - казарма на первом плане, суда нет, темная туча висит над всем ученым и литературным ведомством, шипят и расползаются доносы, страх и приниженность во всех". Вторил ему и другой свидетель николаевской эпохи: "Начальство сделалось все в стране... В начальстве совмещались закон, правда, милость и кара... Купец торговал потому, что была на то милость начальства; обыватель ходил по улице и спал после обеда в силу начальнического позволения; приказный пил водку, женился, плодил детей, брал взятки по милости начальнического снисхождения. Воздухом дышали потому, что начальство, снисходя к слабости нашей, отпускало в атмосферу известное количество кислорода. Рыба плавала в воде, птицы пели в лесу, потому что так разрешено было начальством..."

По воспоминаниям современников, Николай I весь день был затянут в такой тесный мундир, что к вечеру ему становилось плохо. В такой же тесный мундир была затянута и вся страна. Его методы были полицейскими, его реформы навязывались принуждением, и не случайно после смерти Николая I один из его сановников сказал: "Везде преобладает у нас стремление сеять добро силою. Везде пренебрежение и нелюбовь к мысли, движущейся без особого на то приказания. Везде опека над малолетними". Эта опека доходила до того, что император не разрешал дворянам и чиновникам отпускать бороды "по образу жидов" или в подражание "французским людям", и даже запретил им носить усы, "ибо сии последние принадлежат одному военному мундиру".

Российские евреи жили обособленно в черте оседлости - со своей верой, со своими обычаями, отличавшими их от прочих народностей, со своим автономным управлением, и это вызывало желание правителей подогнать и их под общий ранжир для скорейшего достижения единообразия. Побывав однажды в Западном крае и увидев на улицах толпы евреев, Николай I спросил местного губернатора: "Чем они живут? Надо непременно придумать, что с ними делать, и дать этим тунеядцам работу". Все его законы о евреях, в основном, и были направлены против "этих тунеядцев" и целью своей ставили "уменьшение евреев в государстве и, в особенности, в тех местах, где они еще не слишком умножились". В "Уложении о наказаниях" еврейское вероисповедание - наравне с исламом и язычеством - официально признавалось лжеучением, и основной путь к "уменьшению евреев" видели в их массовом обращении в христианство. Опасались и "религиозного фанатизма" этой замкнутой, малопонятной, живущей обособленно народности, которая, как полагали тогда, всячески склоняла христиан к своей вере. Однажды из Петербурга даже запросили генерал-губернатора Новороссийского края о проявлениях этого "фанатизма", но неожиданно им ответили, что ни в чем предосудительном евреи не замечены, - разве что они зажигают по субботам свечи, а это "может привести к пожарам".

Для быстрейшего "уменьшения евреев" в государстве и обращения их в православие правительство решило ввести рекрутскую повинность, от которой евреи до сих пор освобождались. Эта идея была не новой. Еще прежде один из петербургских сенаторов предлагал "учредить для евреев рекрутский набор... для вернейшего и успешнейшего истоку сего беспрестанно размножающегося народа", потому что евреи, как он отметил, "не имеют другой убыли, кроме обыкновенной смерти". Вторил ему и автор особой записки, поданной в правительство, предлагая брать с еврейского населения в пять раз больше солдат, чем брали у христиан, чтобы в армии они служили "расторопнейшими" денщиками, "проворными и дело свое знающими погонщиками при артиллерийских подводах, лошадях и обозах", "курьерами для посылок" и "искусными в полку ремесленниками". "Когда все нации в России дают рекрут, - писал он, - то почему с одних жидов взимают деньгами за рекрута? И за что они таковыми выгодами пользуются против россиян? Россиянин вчетверо заплатит против жида, освободи только его от рекрутства..."

Летом 1827 года в черте оседлости распространился слух о подготовке нового указа о рекрутской повинности. Эта весть вызвала ужас в еврейском обществе. Все прекрасно понимали, что если еврейский юноша попадет в чуждую и враждебную ему среду, он уже не сможет строжайшим образом исполнять предписания религии и сохранять еврейский образ жизни. "Трепет и смятение охватили всех, - писал очевидец про город Вильно. - Главы еврейской общины установили всеобщий пост и призывали к молитве; народ стекался в синагоги, чтобы излить свою душу в слезах... Толпами отправлялись на кладбище, чтобы поведать покоящимся в могилах праведникам о надвигающемся несчастье и просить их о заступничестве... Так прошло в плаче, стенаниях и молитвах семь-восемь недель, пока не получили подписанный указ о рекрутчине. Синагоги и молитвенные дома по целым дням и ночам оглашались плачем мужчин, женщин и детей; кладбище также превратилось в место для молитв; всюду царили печаль и ужас..."

26 августа 1827 года Николай I подписал указ: "повелеваем обратить евреев к отправлению рекрутской повинности в натуре". Военной службе придавали характер "воспитательной меры" для подавления "фанатизма" не поддающейся влиянию народности. Предполагали заранее, что еврейский солдат в казарме, оторванный от родной среды и принуждаемый командирами, волей-неволей откажется от прежнего образа жизни и, в конце концов, перейдет в христианство. Указ сразу же установил повышенную норму призыва для евреев. Если у христиан брали в армию по семь рекрутов с тысячи человек, и то раз в два года, в один из двух объявляемых наборов, то у евреев стали брать по десять рекрутов с тысячи человек ежегодно, при каждом наборе. В отличие от других, их призывали в армию не с восемнадцати, а с двенадцати лет, и многие причины, по которым на призывном пункте отбраковывались рекруты-христиане, оставались для евреев "без рассмотрения". Совершеннолетних определяли сразу же на действительную службу, а малолетних - с двенадцати и до восемнадцати лет - направляли в батальоны и в школы кантонистов "для приготовления к военной службе". Годы пребывания в кантонистах не засчитывали в армейский срок, а срок этот был в николаевской армии - двадцать пять бесконечных лет. "Нам бреют бороды, - сказано в еврейской песне тех

времен, - нам стригут пейсы; нас заставляют нарушать святость субботы и праздников...

Прощайте, сестры и братья! Бог знает, встретимся ли когда-нибудь!..."

Петербургские власти официально заявляли: "Рекрутский набор есть благодеяние для еврейского народа. Сколько праздных и бедных жидов, поступивших на службу, теперь сыты, одеты и укрыты от холода и сырости!" А официальный орган министерства внутренних дел отметил начало этого события не без некоторого злорадства: "Первый набор, как событие небывалое, неожиданное и совершенно противное еврейской трусости, лени и бездельничеству, распространил отчаяние по всему иудейскому племени. Матери бегали на могилы своих родителей, валялись на земле и просили их заступничества; некоторые даже умирали от горести и отчаяния, умирали и жиденята от одной мысли, что они... будут обриту, острижены, далеко от родных, в строгости и повиновении".

Перед очередным набором правительство назначало требуемое количество рекрутов от каждой общины, но не интересовалось, кто именно пойдет в армию. Это решали органы еврейского самоуправления - кагалы, и они же отвечали перед властями за своевременную поставку нужного количества призывников. От призыва освобождались семьи раввинов, купцов трех гильдий и старшин кагалов; освобождались также цеховые мастера, механики на фабриках, земледельцы-колониисты и учащиеся казенных училищ на время их учебы: все они уплачивали в казну "рекрутские деньги" - по тысяче рублей. Власти сразу же разрешили кагалам "отдавать в рекруты всякого еврея во всякое время за неисправность в податях, за бродяжество и другие беспорядки", - и это вело порой к злоупотреблениям. Богач в общине мог пожертвовать большие деньги на нужды кагала и взамен его сына забирали вне очереди рекрута из бедной семьи. Старшина кагала мог отомстить своему обидчику, вольнодумцу или нарушителю порядка и сдать его в солдаты. И потому в рекруты попадали в первую очередь сироты, дети вдов и бедняков, и даже мальчики семи-восьми лет, которых по присяге лжесвидетелей признавали двенадцатилетними. Старались сохранить также способных учеников иешив, чтобы не перевелись в народе ученые - знатоки Закона, и взамен них уходили в армию неспособные к учению. Многие рекруты в восемнадцать лет были уже женаты и имели детей, которых должна была затем содержать и без того нищая община, и потому еще охотнее отдавали в солдаты малолетних взамен тех, кто мог самостоятельно содержать семью. В нарушение закона сдавали порой единственного в семье ребенка, который вообще не подлежал призыву, а иногда подкупали военное начальство и отправляли в армию больных и калек, чтобы выполнить призывную норму.

"Часто в субботу во время молитвы, - вспоминал очевидец, - врывались в синагогу женщины, сыновья которых содержались под стражей в кагальной кутузке, не давали вынимать свитки Торы для чтения, поднимали вопль, проклинали кагал, указывали пальцем на детей и юношей, вместо которых их детей отдавали в солдаты, с яростью требовали ответа у старосты кагала реб Хаимке. Все общество молчало, не смея мешать бедным матерям выплакаться, высказать горькую правду. Молчал и реб Хаимке, углубляясь в какую-нибудь книгу, как будто все эти жалобы к нему не относились. Спустя час или два, когда женщины, бывало, охрипнут и обессилеют от плача, реб Хаимке просил их успокоиться, обещая собрать в тот же день сход для обсуждения дела. Несчастные женщины уходили, сход собирался, - но дела оставались в прежнем положении..." Да и что могло измениться в то время, когда кагал был связан круговой порукой: богатые выплачивали подати, причитавшиеся со всей общины, а бедным приходилось расплачиваться своими сыновьями.

Некоторые состоятельные люди выставляли взамен своих детей охотников-евреев: это разрешалось законом. "В охотники шли только бродяги, - писал современник, - негодяи, отчаянные пьяницы, воришки, вообще отбросы общества. Им за это платили от трехсот до четырехсот рублей, кроме того в течение определенного времени их кормили, поили, удовлетворяли всем их прихотям; но часто случалось, что покутивши в течение нескольких месяцев за счет своих нанимателей, охотники перед самой сдачей отказывались от заключенного условия, и все расходы на них пропадали даром".

Руководители кагалов и ответственные за призыв должны были непременно набрать требуемое количество рекрутов, не то их самих - в наказание - брали в армию. И потому каждый кагал содержал сыщиков и стражников, которые устраивали ночные облавы или ловили в окрестностях города уклонявшихся от призыва. В 1834 году прошел слух, будто вскоре запретят евреям ранние браки, увеличат набор среди холостых, но зато освободят от призыва

тех, кто успел уже жениться. В еврейских общинах стали срочно женить десяти-двенадцатилетних мальчиков на девочках того же возраста, чтобы уберечь детей от солдатчины; вскоре появились тысячи молодых пар, - но и это не помогло. Детей продолжали брать в армию, и можно предположить, что за все годы царствования Николая I их оказалось не менее пятидесяти тысяч. "Льются по улицам потоки слез, - сказано в народной песне, - льются потоки детской крови. Младенцев отрывают от хедера и одевают в солдатские шинели... Горе, о горе!"

2

Год за годом власти вводили новые ужесточения при наборе евреев в армию. Если община не могла поставить требуемого количества рекрутов, то взамен каждого недостающего - в виде наказания - брали еще троих сверх нормы. Если кто-либо убегал от призыва, вместо него забирали двух других, а пойманного секли розгами и сдавали затем без зачета общине. Если за кагалом оставалась денежная недоимка по уплате налогов, то за каждые две тысячи рублей долга сдавали в армию по одному взрослому рекруту. При этом долг не погашался, и если на следующий год община его не выплачивала, то снова брали за те же самые две тысячи рублей нового рекрута.

Политика властей необратимо вела к тому, что нищие общины не могли поставить нужного количества призывников, и из года в год рекрутские недоимки все увеличивались и увеличивались. Доходило уже до того, что хватали без разбора маленьких детей и вместо недостающих очередных рекрутов - в виде наказания - брали отцов семейств и ответственных за призыв. Когда в Бердичеве накопилось сорок пять недоимочных рекрутов, которых община не в состоянии была представить, власти потребовали взамен сто тридцать пять штрафных призывников. Окружили город отрядами солдат, проводили облавы и обыски и хватали всех без разбора. Число задержанных было так велико, что пришлось разместить их не только в тюрьме и в полицейских участках, но даже в католическом монастыре и в частных домах. Шесть недель Бердичев был на осадном положении, повсюду шныряли солдаты и полицейские, над городом стоял стон и плач, и, в конце концов, власти захватили свою добычу - восемьдесят детей и одиннадцать взрослых. Не забудем, что забирали их не на год и не на два, а минимум на двадцать пять лет, то есть практически - навсегда. "До конца пятидесятых годов, - писал современник, - из всех сданных солдат никто назад не вернулся. Неудивительно, что евреи считали каждого рекрута погибшим существом и оплакивали его, как умершего".

Писатель Осип Рабинович вспоминал в "Очерках прошлого": "Как овец, гнали в синагогу; гнали и стариков, и молодых, и женщин, и детей, гнали прикладами: велено было собраться всем жителям... Вопли наполняли воздух. Страшно было видеть, как целое народонаселение плакало навзрыд... Люди бегали по всем направлениям, как испуганное стадо; солдаты гнались за ними; ужас был на всех улицах. Все разбежались, кто куда мог, прятались в подвалах и на чердаках; все лавки были заперты, всякая деятельность остановилась, смятение было невыразимое. Но число нахватавшихся на улицах рекрутов еще далеко не достигло желанной цифры... Ночью ворвались в дома, и из домов, из постелей вытаскивали людей; кричи себе сколько хочешь: "я стар или я одиночка и совсем на очереди не могу стоять" и тому подобное - на все это не обращали никакого внимания: кандалы и лоб! (брили) лоб! в одно мгновение ока..."

С 1853 года началось самое ужасное. В том году специальными временными правилами разрешили "обществам и евреям представлять за себя в рекруты беспаспортных своих единоверцев" даже из других общин. Так появилась новая возможность сдать в армию чужих - "пойманников", и руководители кагалов стали нанимать специальных "ловцов" - "ловчиков", "хапунов", чтобы самим не попасть в армию за невыполнение нормы. Началась настоящая охота за людьми. "Хапуны" похищали паспорт у зазевавшегося или отнимали его силой и

"беспаспортного" отводили в воинское присутствие. Задерживали человека с паспортом, срок которого заканчивался, держали его взаперти до истечения этого срока, а затем, как бродягу, сдавали в солдаты. Ловили учащих казенных еврейских училищ, у которых была отсрочка на время учебы; ловили и евреев из сельскохозяйственных колоний, которых вообще не брали в армию. "Ужас охватил всех", - вспоминал очевидец, - и бедных, и богатых, и купцов, и ремесленников, ученых и простолюдинов. Пощады не было никому". Несчастных держали взаперти по несколько человек и постепенно продавали тем, кто хотел поставить рекрута взамен себя или своего сына. Бывало и так, что родственники выкупали пойманного, "хапуны" отпускали его на время, а затем снова ловили и отводили в рекрутское присутствие. А там спрашивали только одно: есть ли паспорт? А если паспорта не было, то несчастному тут же забривали лоб.

Ненависть к "хапунам" была всеобщей. Их боялись, и ими пугали детей. Все жили в страхе за себя и за своих сыновей, опасались выезжать из города или местечка, остерегались выпускать детей на улицу, чтобы уберечь сеоет о ребенка от николаевской казармы с ее жестокой дисциплиной и суровыми наказаниями. Общество раскололось. Людей поставили в невыносимые условия, и потому каждый был за себя и каждый против всех. Страх за собственных детей вытеснял чувство справедливости и сострадания к другим. Да и кто бы согласился отдать навсегда своего малолетнего ребенка и не попытался бы разными способами сохранить его? Некоторые продавали все, что у них было, чтобы заплатить необходимую подать и вступить в купеческое сословие, освобождавшее их детей от призыва. Другие разорялись на всю жизнь и нанимали за деньги "охотников" из евреев взамен своих сыновей. Подделывали документы, убегали с детьми за границу, прятали их в бочках, под стогами сена, в пещерах, зашивали в перины. "Пришел указ о еврейских солдатах, - сказано в песне, - и мы разбежались по глухим местам. Бежали мы по лесам, забирались в глубокие ямы, - о горе, о горе!" Бывало и так, что детей ослепляли на один глаз и калечили разными способами. "В местечке появился какой-то еврей, - вспоминал очевидец, которому было тогда шесть лет, - и за сравнительно небольшое вознаграждение брался отрубать большой палец правой руки... Была лютая зима, и мою руку положили в корыто с ледяной водой. Через некоторое время рука была настолько заморожена, что я перестал ее чувствовать. Ловким ударом ножа мой палец почти безболезненно отделили от руки, и подобную операцию провели над ста с лишком мальчиками..."

В то время появились "мбсеры" - доносчики среди евреев, которые за деньги или из мести сообщали властям о тех, кто не был записан в книгах кагала и как бы не существовал для призыва. Эгих "мосеров" часто избивали, а порой и убивали, и тогда начиналось следствие, допросы и военный суд с его суровыми приговорами. Так это случилось в 1838 году, в местечке Дунаевцы Подольской губернии, где укрывали от призыва способных учеников иешив. Два "мосера" - Оксман и Шварцман - шантажировали кагальные власти и требовали денег, угрожая выдать учеников губернским властям. И тогда еврейский суд в Новой Ушице, неподалеку от Дунаевец, во главе с раввином рабби Михелем принял решение - казнить доносчиков. На это, вроде бы, получили согласие цадика рабби Исраэля из Ружина. Одного из доносчиков убили и труп сожгли в бане, а другой пытался убежать в город и сообщить обо всем властям, но его нагнали и тоже убили. Ружинский цадик просидел в тюрьме почти два года и был выпущен из-за недостатка улик, а арестованного рабби Михеля евреи отбили у конвоя по дороге в тюрьму, и он бежал за границу. На скамью подсудимых попали восемьдесят человек; военный суд приговорил главных виновников к каторжным работам в Сибири и очень многих "к наказанию шпицрутенами сквозь строй, через пятьсот человек" - по два, три и даже по четыре раза. На приговоре суда Николай I начертал резолюцию: "Быть по сему". Около тридцати человек не выдержали наказания и умерли на месте, и память об этих мучениках сохранялась в Подолии многие годы.

При наборе в рекруты страшнее всех была участь детей, порой восьми и даже семи лет. Их родители расставались с ними навсегда и бежали вслед за этапом многие километры, чтобы в последний раз взглянуть на своего ребенка. Разыгрывались ужасающие сцены, которые сохранились в памяти многих. "В городе Чигирине, - вспоминал местный чиновник, - привезен был мальчик лет девяти или десяти, полненький, розовый, очень красивый. Когда мать узнала, что он принят, то опроретью побежала к реке и бросилась в прорубь". Эгих детей, только вчера еще оторванных навсегда от родительского дома, отправляли обыкновенно в отдаленные

губернии - Пермскую, Вятскую, Казанскую, где не было вообще еврейского населения. От Украины и до Сибири путешествие длилось не менее года, и это мученичество детей на долгих этапных переходах, а затем и в солдатских казармах, даже в нашей богатой трагедиями истории занимает особое место.

Дети страдали в дороге от лихорадки. Их заедали вши. Тела покрывались коростой и кожа зудела от чесотки. Многих рвало от плохой пищи, все они были изнурены и испуганы, а сопровождавшие их солдаты отнимали у них последние гроши и пропивали их. Когда детей вели через еврейские местечки, солдаты начинали бить их безо всякой причины, чтобы евреи пожалели своих маленьких единоверцев и умилоствовали конвойных денежными подношениями. По ночам дети плакали, звали маму, а солдаты даже при желании не могли им помочь, потому что не понимали их языка. "Мы промокли до костей, - вспоминал один из кантонистов, - а сушиться было негде; на нас все прело, нас одолевали насекомые; белье мыть было нам не под силу, да и мыла не давали; от усталости мы засыпали под лавками, на мокром полу, так крепко, что на утро нельзя было нас добудиться; среди нас развились лихорадки, простуды, и в каждом городе мы оставляли по несколько товарищей в госпиталях..." Больных и обессилевших везли на телегах, и очевидец вспоминал, как возле Нижнего Новгорода он встретил "целый обоз еврейских ребятишек, сваленных в кучи на телегах, вроде того, как возят в Петербург телят... Грустные лица их и теперь еще живы у меня в памяти". В пути многие дети умирали, не в силах перенести утомительные пешие переходы на холоде или на жаре, и их закапывали тут же, при дороге. Некоторым удавалось порой убежать, и за это секли каждого десятого в партии.

В книге "Былое и думы" Александр Герцен описал свою встречу с этими детьми - осенью, под холодным дождем, на этапе возле города Пермь: "Привели малюток и построили в правильный фронт; это было одно из самых ужасных зрелищ, которые я видал - бедные, бедные дети! Мальчики двенадцати, тринадцати лет еще кой-как держались, но малютки восьми, десяти лет... Бледные, изнуренные, с испуганным видом, стояли они в неловких, толстых солдатских шинелях со стоячим воротником, обращая какой-то беспомощный, жалостный взгляд на гарнизонных солдат, грубо ровнявших их; белые губы, синие круги под глазами - показывали лихорадку и озноб. И эти больные дети без ухода, без ласки, обдуваемые ветром, который беспрепятственно дует с Ледовитого моря, шли в могилу".

3

Батальоны и школы для кантонистов были основаны поначалу в России лишь для солдатских детей. Когда крепостного крестьянина брали в армию, он переставал принадлежать помещику и переходил в распоряжение военного ведомства. Дети, родившиеся в семье солдата, числились теперь за этим ведомством и с четырнадцати лет поступали в батальоны и школы кантонистов: в сущности, это была измененная форма все того же крепостного права. Впоследствии туда стали посылать не только детей солдат, но и подкидышей, малолетних бродяг, детей цыган, старообрядцев и сосланных польских повстанцев. В этих военных заведениях для несовершеннолетних скапливались сотни тысяч детей со всей России. Там царил грубая атмосфера, жестокие нравы, суровые наказания и издевательства сильных над беззащитными. Батальоны и школы кантонистов называли в народе "живодерней", и все там были "живодерами" - от ефрейтора и до командира батальона. Детей муштровали, истязали, плохо одевали и кормили впроголодь - щи из гнилой капусты с вареными гнилыми раками да ложка каши, а за украденный кусок хлеба давали двадцать пять розог. Еврейские мальчики, попадая в кантонисты, тоже становились собственностью военного ведомства - "сиротами при живых родителях", и командиры распоряжались ими практически как крепостными.

Формально рекрутский устав разрешал еврею исповедовать и в армии свою веру. Матери умоляли своих детей на прощание: "Сын мой, не променяй родную рубашку", - но на деле это было очень трудно выполнить. Для того и брали в рекруты малолетних, чтобы легче было их сломить. Детей отправляли к месту службы под конвоем, и с самого начала сопровождавшие их солдаты, унтеры и офицеры старались насильно обратить их в православие. За это даже полагалась награда: чем больше обращенных, тем больше и вознаграждение. "Лишь только перевалили в русские губернии, - вспоминал один из кантонистов, - как начальник партии начал готовить нас к переходу в православие: запрещал молиться, надевать тфилин... , рвал их и сжигал, издеваясь над нашими верованиями". При каждом смотре рекрутской партии начальство вызывало желающих креститься, и тех, кто соглашался, лучше одевали, хорошо кормили и реже наказывали.

В батальонах и школах кантонистов еврейские мальчики сразу же попадали в чуждую им и враждебную среду. Там истязали всех без исключения, но им доставалось еще и за незнание русского языка, за отличие в вере и обычаях, которые из них выбивали без пощады. Запрещали переписываться с родителями. Отнимали молитвенники и не разрешали молиться и говорить на родном языке. Не подпускали к ним солдат-евреев, чтобы те не укрепили их в вере. Заставляли учить христианские молитвы и ходить в церковь на службу, даже если они не желали креститься. Многих вообще отправляли в отдаленные деревни, на постой в крестьянские дворы, где они до восемнадцати лет были бесплатными работниками - крепостными у крепостных. Их заставляли там тяжело работать, жестоко наказывали и принуждали к крещению, а упорствовавших считали "погаными" и не пускали в избы. Поэтому, как вспоминал один из кантонистов, они жили "в сенях и предбанниках, ели из собачьих и кошачьих плошек остатки скудной хозяйской пищи, пили из корыт и помойных ведер". В восемнадцатилетнем возрасте кантонистов рассылали по воинским частям на двадцать пять лет непрерывной службы, и каждый из них давал присягу служить "с полным повиновением начальству так же верно, как был бы обязан служить для защиты законов земли Израильской". Попавшие в армию с восемнадцати лет и старше еще могли отстоять себя и свою веру. Детям же было значительно труднее под непрерывными угрозами и жестокими наказаниями. Их постоянно принуждали к переходу в православие и упорствующим безжалостно истязали: секли без конца, пропускали сквозь строй, оставляли не одетыми на морозе, кормили соленой рыбой и не давали затем пить, ставили коленями на горох и на битый кирпич, окунали в воду до обмороков и глухоты. "Ефрейтор хватается за голову, - вспоминал один из кантонистов, - быстро окунает в воду раз десять-пятнадцать подряд: мальчик захлебывается, мечется, старается вырваться из рук, а ему кричат: "Крестись - освобожу!" Подавали щи на свином сале. "Жид, отчего шей не ешь?" - кричит ефрейтор. "Не могу, пахнет свининой". "А, так ты таков! Стань-ка на колени перед иконой". И держали полтора часа подряд на коленях, а потом давали пятнадцать-двадцать розог по голому телу..."

Многих детей калечили - случайно или преднамеренно, а когда приезжал инспектор, изувеченных кантонистов - по сто-двести человек - прятали на чердаках и в конюшнях. Пьяные дядьки выбирали себе порой красивых мальчиков, развращали их и заражали сифилисом." Жаловаться было некому, - вспоминал бывший кантонист. - Командир батальона... был Бог и царь. К битью сводилось у него все учение солдатское. И дядьки старались. Встаешь - бьют, учишься - бьют, обедаешь - бьют, спать ложишься - бьют. От такого житья у нас иногда умирало до пятидесяти кантонистов в месяц... Если умрут сразу несколько, солдаты-инвалиды выкопают одну яму и в нее бросают до пяти трупиков, а так как трупики при этом не кладутся в порядке, то инвалид спускается в яму и ногами притаптывает их, чтобы больше поместилось". Сохранилась масса воспоминаний бывших кантонистов о тех жестоких и бесчеловечных временах, когда из детей выбивали их веру. "Нас пригнали из Кронштадта целую партию, - вспоминал один из них, - загнали в тесную комнату, начали бить без всякой милости, потом на другой и на третий день повторяли то же самое... Потом нас загоняли в жарко натопленную баню, подавали пару и с розгами стояли над нами, принуждая креститься, так что после этого никто не мог выдержать". Очевидно, это был один из распространенных способов принуждения, и о нем рассказывал бывший кантонист: "Густой пар повалил из каменки, застилая все перед глазами. Пот лил ручьем, тело мое горело, я буквально задыхался и потому бросился вниз. Но этот случай был предусмотрен. У последней скамьи выстроились рядовые с пучками розог в руках и зорко следили за нами. Чуть кто попытается сбежать вниз или просто

скатывается кубарем, его начинают сечь до тех пор, пока он, окровавленный, с воплем бросится назад на верхний полук, избегая этих страшных розог, резавших распаренное тело как бритва... Кругом пар, крики, вопли, стоны, экзекуция, кровь льется, голые дети скатываются вниз головами..., а внизу секут без пощады. Это был ад кромешный. Только и слышишь охрипшие крики: "Поддавай, поддавай, жарь, жарь их больше! Что, согласны, собачьи дети?..." А вот и другие свидетельства, которым нет конца: "При первом осмотре нашей партии командир заявил перед всем батальоном, что пока он будет жив, ни один не выйдет из его батальона евреем, - и действительно сдержал свое слово..." - "Старшие кантонисты двенадцати-пятнадцати лет дольше мучились; тех больше били, пороли. То и дело передавали, что тот или другой из наших товарищей от тяжелых побоев умирает..." - "В архангельском батальоне трое кантонистов зарезались, двое повесились, несколько человек утопились..." - "К началу 1855 года весь батальон был окрещен, за исключением одного из первой роты, которому было семнадцать или восемнадцать лет. Он сильно упорствовал, и за это его ежедневно, перед обедом, клали на скамейку, давали по сто розог и более. Помню, один раз я видел, как струйка крови текла со скамейки на пол, а юноша только охал. После сечения его отправляют в лазарет, залечат раны и опять секут".

Устоять против такого давления мало кто мог, особенно, если кантонистам доставались командиры, которые называли себя "истребителями жидов" и изощрялись в самых невероятных истязаниях. Иногда удавалось выстоять детям старшего возраста, а малыши почти поголовно принимали христианство. Но и среди них были такие, что держались до конца. "Я и сам не знаю, - вспоминал один из кантонистов, - что так пламенно удерживало меня в еврействе. Национальный инстинкт, слезы матери, молившей меня, восьмилетнего мальчика, остаться евреем, или естественное упорство, противодействие тем, которых я не мог не считать своими врагами..." Известен случай, когда двое кантонистов утопились в реке при массовом крещении, и этот факт породил очень популярное еврейское предание. Однажды на Волге, возле города Казани, собрались в один печальный день окрестить несколько сот еврейских мальчиков-кантонистов. Духовенство в полном облачении расположилось на берегу реки, дети стояли стройными рядами, - наконец, подъехал Николай I и приказал детям войти в воду. "Слушаем, ваше императорское величество!" - воскликнули они в один голос и дружно прыгнули в реку. Царь был очень удивлен таким их усердием; вода накрыла детей с головой, пошли пузыри, но ни один из них не вынырнул на поверхность: все дети добровольно утопились! Очевидно, они заранее договорились вместо крещения покончить с жизнью, умереть ради своей веры, "освящая Имя Его" - "ал кидуш га-Шем".

Перешедшие в православие получали в подарок двадцать пять рублей и некоторые льготы, однако и их первые пять лет после крещения не продвигали по службе: возможно, это был испытательный срок. При крещении кантонистам обычно меняли имена, и иногда вся группа окрещенных получала одно имя. Если это случалось, к примеру, в день рождения великого князя Николая Александровича, то все получали имя Николай, а если это был день архангела Михаила, все становились Михаилами. Донесения о крещениях заполнены этими превращениями: был Йосель Левиков - стал Василий Федоров, был Самуил Новосельский - стал Александр Александров, Мовша Пейсахович - Григорий Павлов, Израиль Петровицкий - Николай Иванов, Ицка Корзиневич - Николай Николаев. Многих окрещенных легко выделяли потом по одинаковому отчеству и фамилии, которые они получали по имени крестных отцов: Григорий Петрович Петров, Сергей Иванович Иванов, Тимофей Степанович Степанов (таким же образом получали имена и подкидыши любых национальностей). Давали кантонистам и фамилии крестивших их священников или названия церковных приходов: Косминский, Воскресенский, Преображенский. Давали порой и обычные русские фамилии - Киселев, Орлов, Кузнецов, а также фамилии от еврейского корня - Руфкин, Иткин, Гершкин: быть может, потому, что их владельцы обладали ярко выраженными семитскими чертами. Николай I лично следил за выполнением этого плана - обратить в христианство как можно больше евреев. Он требовал делать это "со всевозможною осторожностью, кротостью и без малейшего притеснения", но все местное начальство знало об истинном желании царя и старалось ему угодить. Священникам даже указали, что "обращение евреев в православие" привлекает "особенное внимание высшего правительства", и по их успехам в этом деле будут судить "о способностях их и усердии". И священники, естественно, закрывали глаза на жестокие методы принуждения и торопились сообщить своему начальству: "Еврей-

кантонисты... при особенной Божьей помощи, просвещены все". Иногда крестили сразу большое количество детей, в церкви не хватало купелей для крещения, и тогда эту церемонию проводили в ближайшей реке. "Ко дню празднования сошествия Святого Духа, - сообщал епископ из Саратова, - Господу Богу угодно было обратить сто тридцать четыре человека евреев-кантонистов, и в тот самый день церковь Христова совершила крещение оных с особенным торжеством на реке Волге".

В июне 1845 года в Пермь пригнали очередную партию евреев-кантонистов - девяносто пять человек. На другой день "изъявили желание" креститься двадцать три мальчика, на третий - восемнадцать, на пятый - пятьдесят один, а еще через день к этим "желающим" присоединились и последние трое. Каким путем из них выбили это согласие - неизвестно, но уже через неделю, в церкви, "при многочисленном стечении народа" их всех окрестили. "Для христианского благочестия, - сообщалось в донесении, - было поразительное зрелище, когда в одно время девять священнослужителей вокруг купелей вели за собой девяносто пять человек крещеных с их восприемниками и восприемницами... при особенно радостном пении двух хоров - архиерейского и батальонного".

Николай I требовал присылать ему ежемесячные рапорты о количестве обращенных в православие, хвалил и награждал орденами за усердие в этом деле и порицал отстающих. На прочитанных рапортах он писал свои резолюции: "очень мало", "весьма неуспешно", "недоволен малым успехом обращения в православие". А на докладе о крещении многих кантонистов в Саратовских батальонах царь написал: "Слава Богу!" Однажды еврейские солдаты пожаловались императору на насильственное крещение, и за это всю группу арестовали и в наказание велели прогнать сквозь строй, через три тысячи человек. Их бы, конечно, забили насмерть, но неожиданно умер Николай I, и новый император отменил экзекуцию.

Крестившемуся кантонисту тоже было не сладко. Он долго еще не знал русского языка, не знал и христианских молитв. На ежедневной проверке выкликали, к примеру, Федора Петрова, а он не отзывался, потому что не помнил своего нового имени. Какой же он Федор Петров, когда от рождения его звали Ицкой? За это наказывали, как, впрочем, наказывали и за многое другое. Часто случалось так, что крещеному переставали выдавать письма от его родителей, чтобы не оказывали на него "вредного" влияния, - и связь с семьей обрывалась навсегда. Какой-нибудь Янкель Ривкин становился после крещения Николаем Васильевым, и теперь уже "на законном основании" родительское письмо отсылали назад с пометкой: "Янкеля Ривкина в батальоне не имеется". "Казалось, что приняв крещение, - вспоминал бывший кантонист, - мы должны были сравняться во всех правах с православными, но на самом деле этого не было. Бывший еврей в ссоре с солдатом-христианином продолжал выслушивать обычное ругательство: "жид пархатый!" А иногда прибавляли: "жид крещеный, что волк кормлёный!"

4

Служба в николаевской армии была невыносимой не только для евреев, но и для христиан, и потому многие призывники пытались от нее освободиться: калечили себя, убегали и прятались в лесах. Очевидец описывал призыв в русской деревне: "Собирали рекрут; на одного, подлежащего сдаче, брали троих на случай бракования. Взятых в рекруты вводили в одну избу, для них приготовленную, забивали в колодки, часто по два человека вместе, и в таком виде оставляли их для представления в рекрутское присутствие. Принимать такие меры было необходимо, ибо без того все бы рекруты бежали".

С каждым рекрутским набором непременно начинались "вопли, плач и унылость" всей деревни. "Как ни плохо жилось крепостному у барина, - вспоминал некий помещик, - однако двадцатипятилетняя солдатская служба с ее ужасами была еще тяжелее. Я помню одного парня

нашей конюшни, обрубившего себе пальцы, чтобы только не идти на службу". В рекрутском присутствии негодному к службе брили затылок, а годному - лоб и отправляли в армию на двадцать пять лет. Если солдат не погибал в бою, то терял здоровье за долгие годы походов, муштры, наказаний и становился инвалидом. Вернувшись домой безо всякой специальности, чаще всего он не находил в живых уже никого из своих близких и должен был промышлять мелкими заработками или просить милостыню. Не случайно, в документе об его отставке власти категорически требовали: "бороду брить, по миру не ходить".

Судьба еврейского солдата была еще тяжелее. Уходя в армию на такой огромный срок, он не был уверен, что вернется когда-либо домой, и потому женатые рекруты оставляли своим женам письма о разводе, чтобы те не остались вдовами на всю жизнь и могли вторично выйти замуж. "Двадцатипятилетняя служба! - писал один из современников той эпохи. - Трудно выкроить из человеческой жизни такую длинную полосу лет, не урвав доброго куска счастливой юности и не захватив части начинающейся старости. Это - целая человеческая жизнь. И какая жизнь! Вытяжка, выправка, палки, шпицрутены, тумачи, кулаки, оплеухи и зуботычины!" По окончании службы еврейскому солдату некуда было возвращаться, и злой иронией звучали слова высочайшего указа 1827 года о пользе рекрутской повинности для евреев: "Мы уверены, - сказано в том указе, - что образование и способности, кои приобретут они (евреи) в военной службе, по возвращении их из оной после выслуги узаконенных лет, сообщатся их семействам для большей пользы и лучшего успеха в их оседлости и домашнем хозяйстве".

После призыва в армию совершеннолетний рекрут-еврей немедленно давал присягу по установленной форме. Для этого выпустили особый устав, в котором проглядывала крайняя подозрительность: ведь рекрут присягал на непонятном начальству языке, и опасались, как бы он не наговорил неизвестно что. И потому на церемонии присяги в синагоге непременно присутствовали свидетели-христиане, а со стороны евреев - не менее десяти уважаемых граждан и члены еврейского суда. Приводил к присяге раввин над свитком Торы, и в наставлении было сказано: "Присягающий умывает руки, надевает таллес, накладывает тфилин, становится перед кивотом, на сей случай открытым, и читает присягу на древнем еврейском языке, за раввином, слово в слово". Все присутствовавшие следили за правильным прочтением текста, до последнего слова, и потому христианам-свидетелям выдавалась присяга на еврейском языке, написанная русскими буквами. А чтобы не оставалось совсем уж никаких сомнений, закон обязывал привлекать к присяге еще и "благонадежных крещеных евреев". По окончании церемонии присяжный лист подписывали все свидетели, после чего - как было указано в наставлении - "еврей, назначенный для сего особо, трубит в рог шофар четырьмя разными тонами". И только затем рекрута отдавали под расписку воинскому начальству.

Присяга для еврейских солдат в официальном переводе на русский язык гласила: "Именем Всемогущего и Вечного Бога Израильян клянусь, что желаю и буду служить Российскому императору и Российскому государству, куда и как назначено мне будет во все время службы, с полным повиновением Начальству, так же верно, как бы обязан был служить для защиты законов земли Израильской... Но если по слабости своей или по чьему внушению нарушу даваемую мною на верность военной службе присягу, то да падет проклятие вечное на мою душу и да постигнет вместе со мною все мое семейство. Аминь."

Еврейских солдат рассылали по полкам и гарнизонам во внутренние губернии России, в Москву и в Петербург. Они заводили там молитвенные дома; обязанности раввина часто исполнял один из "нижних чинов", и если не было в городе евреев, то мацу на Песах пекла для них русская женщина под присмотром еврея. Первую половину двадцатипятилетней службы солдаты проводили в казарме, а затем уже жили на частных квартирах, исполняли воинскую повинность и в свободное время подрабатывали ремеслом и мелкой торговлей. В еврейских общинах преобладали мужчины и невест для них привозили из черты оседлости. Солдатские сыновья могли жить с родителями лишь при условии, что с двенадцати лет* они пойдут в кантонисты, а солдатские дочери оставались с отцом и матерью до совершеннолетия, а затем должны были возвратиться в черту оседлости - или же выйти замуж за солдата. Но пока глава семьи служил в армии, его жена и дети получали из казармы особые порции каши. Через двадцать пять лет службы отставных еврейских солдат отправляли обратно, в черту оседлости, и только при Александре II им и их потомству разрешили жить в любом месте Российской империи.

Для сохранивших свою веру служба в армии была обставлена всевозможными ограничениями. Сразу же запретили, "впредь до особого повеления", назначать евреев в денщики. Затем вышло

высочайшее повеление, чтобы в карантинную стражу "не назначались... люди дурной нравственности и нижние чины из евреев". Евреев не назначали на службу и при войсках гвардейского корпуса, при домах генерального штаба, главного адмиралтейства и прочих военных ведомств. Николай I разрешил производить евреев в унтер-офицеры "лишь за отличия в сражениях против неприятеля" и только с высочайшего разрешения, а чтобы стать офицером, надо было непременно принять крещение.

Бывало порой и так, что перешедший в православие солдат после многих лет службы публично заявлял о возвращении к своей вере. За это наказывали, сажали на гауптвахту, упорствующих ссылали в монастырь "для исправления", - а в Выборге группу солдат даже пытали в тюрьме за возвращение в иудаизм. Отставной солдат Яков Терентьев - он же Лейба Либер - рассказал на суде в Петербурге, что исполнял обряды церкви, лишь покоряясь воле начальства, но никогда в душе не был православным. Выйдя в отставку, он возвратился к вере своих отцов и не желает больше принадлежать к христианской церкви. Его вызывали к священнику и увещевали, но он остался непреклонным. Другой обвиняемый, Алексей Антонов, после отставки решил жениться на еврейке и подделал для этого документ, потому что православный не мог жениться на женщине иудейского вероисповедания. В тот документ он вписал свое настоящее имя - Мовша Шлемов Айзенберг. На суде он сказал: "Крестили нас помимо воли, но я признавал одно: в каком звании я родился, в таком и должен оставаться всю жизнь". Это были уже либеральные времена Александра II, и суд оправдал Лейбу Либеру и Мовшу Айзенберга.

Во время Крымской войны 1853-56 годов с еврейского населения стали брать повышенную норму: по тридцать рекрутов с тысячи мужчин два раза в году. Еврейские солдаты храбро сражались при обороне Севастополя, и в первый раз - а затем это случалось и в других войнах - им пришлось воевать с неприятельской армией, в составе которой тоже сражались евреи, но под другим знаменем, в другой форме и за другую страну. Французский ефрейтор Каген был убит в тот момент, когда он прилаживал веревочную лестницу к одному из укреплений Малахова кургана, - кто выстрелил в него? Французский солдат-еврей Грейльсгамер был ранен под Севастополем пять раз и пять раз возвращался из лазарета на свой пост, - кого он убил из защитников города? Врач Гуф получил французский орден за то, что перевязывал солдат под огнем русской артиллерии, а врач Л.Пинскер по другую сторону фронта получил за те же заслуги русский орден. На похоронах французского солдата его товарищи-евреи читали тот же самый кадиш, что читали и на похоронах русского солдата-еврея: те же самые слова и на том же самом языке.

После Крымской войны евреи черты оседлости собрали пожертвования и установили обелиск из белого мрамора над могилами павших еврейских солдат - на отдельном еврейском кладбище

с северной стороны Севастопольской бухты. Пятьсот евреев погибли тогда на бастионах при обороне города, в котором не разрешали жить их единоверцам и запрещали иметь "заведения для отправления обрядов их веры". А в конце девятнадцатого века в одной из еврейских газет промелькнуло короткое сообщение: "Еврейское военное кладбище в Севастополе, где погребены еврей-герои севастопольской обороны, находится в полном запустении. Вся местность покрыта густой травой и кое-где выглядывают набросанные на могилы камни. Невольно напрашивается вопрос: неужели покоящиеся здесь останки воинов, павших в боях, не заслужили такой же участи, как и воины, погребенные на соседнем, постоянно цветущем Братском кладбище?..."

Указ о рекрутской повинности вызвал волнения во всех еврейских общинах, и кое-где даже попытались собственными средствами отвлечь надвигающееся бедствие. В городе Староконстантинове на Волыни собрались хасиды, долго думали и гадали и решили, наконец, отправить послание самому Всевышнему - с просьбой о помощи. Но каким способом доставить его по назначению? И вот что они придумали. Выбрали десять самых почтенных граждан местной общины, которые провели день в молитвах и посте. Очистившись таким образом, они "сняли грехи" с умершего мужчины и вручили покойнику послание, написанное на пергаменте, для передачи Всевышнему на "том свете". Евреи умоляли покойника, чтобы через самое малое время он явился во сне кому-нибудь из жителей города и передал точный ответ от Бога. В тот

день ремесленники побросали свои мастерские, торговцы закрыли лавки: с плачем и воплями весь город провожал на кладбище этого покойника с переданным ему посланием. Весть о волнениях в Староконстантинове вскоре дошла до начальства, и императору доложили о "возмущениях и беспорядках между евреями по случаю объявления указа". Николай I распорядился беспощадно пресекать волнения и судить виновных военным судом, однако в тот раз все обошлось благополучно, и никого в Староконстантинове не осудили. Многие десятилетия затем помнили в городе о том событии, и потомки десяти "святых мужей", которые передавали послание Всевышнему, очень гордились заслугами своих предков.

* * *

Во время охоты за "пойманниками" трагическое порой переплеталось с трагикомическим. Однажды "хапуны" пришли ночью в одиноко стоявшую еврейскую корчму, разобрали стену из глины и выкрали мальчика. Корчмарь кинулся в погоню, нашел похитителей и пообещал им пятьдесят рублей, если они согласятся обменять этого его сына на другого, менее им любимого. Те взяли деньги и, конечно же, согласились на обмен, - какая им разница? Но когда они привели другого мальчика в рекрутское присутствие, то оказалось, что это была переодетая девушка. Некий "пойманник" возвратился в свое местечко через тридцать два года военной службы и обнаружил там потомков тех людей, которые при помощи "хапунов" сдали его в рекруты взамен одного из своих сыновей. Он потребовал от них вознаграждение, и кагал признал его требование законным. В конце концов, этот человек получил денежную компенсацию и выдал взамен такую расписку: "Я, нижеподписавшийся Айзик Хаим Бондарский, которого жители Люцина взяли пойманником и сдали в солдаты, ныне, приехав в Люцин, помирился с ними за сумму в семьдесят пять рублей и простил их от всего сердца. И нет у меня больше к ним никаких претензий. Прощаю и покойников, давно умерших, и живых, здравствующих поныне..."

Известен и другой случай, когда офицер русской армии, крещеный, из кантонистов, приехал через много лет в свое местечко, пошел на еврейскре кладбище и в ярости стал рубить саблей могилу "хапуна", который некогда поймал его ребенком и сдал в рекруты.

* * *

Многих евреев-кантонистов посылали в специальные школы, и оттуда они выходили писарями, фельдшерами, топографами, оружейниками, ветеринарными помощниками, специалистами порохового дела, мастерами разных специальностей для казенных заводов военного ведомства. Крещеные евреи из бывших кантонистов выслуживались на этих заводах до звания надворного или коллежского советника, что по табелю о рангах приравнялось к званию подполковника и полковника.

На Брянском казенном заводе работал старый еврей-стекольщик по имени Абрамка, которого знал и уважал весь город. Он часто рассказывал желающим, как ребенком-кантонистом с голоду ел червей и пек в казарменной печи лягушек, но все перетерпел и остался при своей вере. Служил там и кавалер орденов, надворный советник Сидоров из крещеных кантонистов. Многие годы он был старостой в местной церкви, во время службы плакал от умиления, а за ним начинали плакать и голосить женщины-прихожанки. Когда Сидоров умирал, причащать его пришли самые уважаемые в городе священники. В конце службы Сидоров заметался вдруг и что-то забормотал, быстро-быстро, на непонятном языке. Священники переглянулись, окружили постель и возвысили голоса: оказалось, что надворный советник, кавалер орденов и уважаемый всеми церковный староста последние в своей жизни слова произнес по-еврейски. Быть может, это была молитва "Шма, Израэль", которую всякий еврей должен произнести с последним своим дыханием? Этого никогда не узнать.

* * *

Эпизодически российские евреи стали получать российские награды с начала девятнадцатого века. В 1805 году купец первой гильдии Янкель Хаймович за проявленное усердие "во время морового около Каменец-Подольска поветрия" получил золотую медаль на красной ленте. По

повелению Александра I эту медаль специально изготовили для него, и на одной ее стороне был выбит "Высочайший бюст", а на другой стороне надпись - "за бескорыстие и усердие в пользу казенную". Белостокский еврей Гирш Альперн получил золотую медаль за выполнение особых поручений в Царстве Польском, а некий Лазарь Жмудский - две медали, серебряную и золотую. Когда евреи стали служить в русской армии, Николай I распорядился, чтобы их - наравне с мусульманами - награждали орденом святого Георгия за военные заслуги, а за беспорочную двадцатилетнюю службу - орденом святой Анны. После Крымской войны представили к награде шесть одесских врачей, которые несли "самую трудную и губительную для здоровья службу". По этому поводу разгорелись в Петербурге жаркие споры: некоторые сановники считали, что нельзя награждать евреев орденом, который имеет форму креста, и потому следует ввести для них особые знаки отличия. Но это предложение не прошло, и евреев продолжали награждать на общих основаниях.

* * *

Герцель Янкелевич Цам был схвачен "хапунами" в восьмилетнем возрасте, прослужил в армии сорок один год и сохранил свою веру. Он дослужился до фельдфебеля, сдал экзамен по программе юнкерских училищ, и все офицеры полка ходатайствовали о присвоении ему офицерского звания. Специальным указом Александра II Цам был произведен в прапорщики, затем в чине штабс-капитана командовал ротой, которая при нем стала образцовой, но все ходатайства командира полка о присвоении ему чина капитана оставались безуспешными. Герцель Янкелевич Цам стал капитаном лишь при выходе в отставку, и это, пожалуй, единственный случай в русской армии, когда еврей, сохранивший свою веру, дослужился до столь высокого офицерского чина. Многие годы он занимался делами томской еврейской общины, и с его помощью в городе открыли солдатскую синагогу.

Абель Аарон Ашанский, фельдфебель кавалергардского петербургского полка, сохранил свою веру за полувековую службу в армии и был награжден всеми наградами, которые он мог получить в своем звании. В 1896 году в полку торжественно отметили юбилей его пятидесятилетней службы, и в газетах тогда писали: "В присутствии господ офицеров и всех нижних чинов полка прочитан был в манеже приказ, и командир полка поставил на вид всем нижним чинам честную пятидесятилетнюю службу Ашанского. Крики ура заглушили слова любимого командира, после чего юбиляру поднесены были подарки: от господ офицеров кавалергардского полка серебряный массивный жбан с чаркою и крупная денежная награда". Абея Ашанского похоронили на еврейском кладбище в Петербурге, в торжественной обстановке, и гроб с его телом несли офицеры, которые в разные времена были командирами его полка. Могила Ашанского цела и по сей день, и на памятнике написано по-русски и по-еврейски: "Здесь покоится прах фельдфебеля Кавалергардского Ея Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка Абея Ароновича Ашанского. Вступил на службу 11 января 1846 года".

* * *

В девятнадцатом веке среди украинских евреев существовала поговорка: "Откуда царь знает, что есть на свете город Острополь?" Употреблялась она в разговоре при таких примерно обстоятельствах. Один спрашивал другого: "Откуда ты это знаешь?" А другой отвечал ему, вопросом на вопрос: "А откуда царь знает, что есть город Острополь?"

И вот происхождение этой поговорки. Евреи маленького Острополя в былые времена, когда не было еще железных дорог, жили очень замкнуто и почти никуда не ездили, кроме ближайших селений. Один только житель местечка, реб Аврум, выезжал по делам окрестных помещиков в Житомир, Киев и другие города, - поговаривали, что он бывал даже в Петербурге! Неожиданно - как гром с ясного неба - жители Острополя узнали, что их скоро начнут брать в солдаты. И тогда они с яростью кинулись к дому Аврума, разбили все окна и кричали ему в отчаянии: "Если бы не ты, Аврум, то царь и не знал бы, что есть на свете Острополь!"

Так и появилась эта поговорка: "А откуда царь знает, что есть на свете город Острополь?"

ОЧЕРК ВОСЬМОЙ

1

За тридцать лет правления Николая I увидело свет огромное количество правительственных указов о евреях - около шестисот! Это составило почти половину всех законов о евреях, которые выпустили в Российской империи за все время ее существования. Вряд ли был другой народ в государстве, на который в таком огромном количестве сыпались правительственные постановления и разъяснения, поправки к законам и поправки к поправкам. Трудно теперь понять, почему император уделял несоразмерно большое внимание столь малому народу, который вполне бы мог затеряться среди других народов Российской империи и избежать - подобно другим - этой бурной административной активности. Не было тогда опасений, что евреи взбунтуются в один прекрасный день подобно полякам или станут резать "неверных" подобно "немирным" кавказцам, - и тем не менее Николай I и его правительство с маниакальной настойчивостью вводили один закон за другим, чтобы "обезвредить" евреев и непременно обратить их в православие.

Надо отдать ему должное: когда факты доказывали невиновность евреев, Николай I немедленно снимал с них всякие обвинения. Но он же был инициатором многих ограничительных законов и вникал практически во все мелочи еврейской жизни, хотя огромная Российская империя предоставляла ему массу иных забот. Это он повелел - несмотря на возражения кабинета министров - выслать из центральных губерний всех евреев-винокуров, хотя там не хватало еще русских мастеров, и выселение пошло во вред делу. Это в его царствование выселяли евреев из Киева и из Курляндии, из Севастополя и Николаева, а евреям Царства Польского запретили переселяться в российские пределы, "дабы преградить чрезмерное размножение в России сих людей, более вредных, нежели полезных для государства". Это Николай I распорядился выселить евреев из пятидесятиверстной пограничной полосы на западе России - с такой категорической резолюцией: "исполнить без всяких отговорок", и он же, в нарушение собственного закона, ограничил прием евреев с высшим образованием на государственную службу - "не иначе, как в одних западных губерниях". А когда Государственный Совет порекомендовал ему хотя бы частично уравнивать евреев в рекрутской повинности с остальным населением, он отказал категорически: "Оставить по-прежнему".

Своими постановлениями правительство вторгалось во все области внутренней жизни евреев и даже попыталось изменить их внешний облик. В какой-то момент в Петербурге решили, что традиционная одежда "отталкивает евреев от всякого сообщения с христианами", и решили эту одежду искоренить. Власти ввели особый налог на "шитье еврейской одежды со всякого мужского и женского верхнего платья", и в городах этот указ оглашали публично, "с барабанным боем, чтобы никто из евреев не смел противиться..." (Не надо только полагать, что подобное ограничение было неким новшеством и касалось одних лишь евреев. Еще при Павле I дворянам и жителям столиц запретили носить фраки, но разрешили зато немецкое платье с точным указанием его цвета и размера воротника. Запретили надевать жилеты, но разрешили взамен них камзолы. Башмаки можно было носить с пряжками, но ни в коем случае не с лентами, а короткие сапоги с отворотами или со шнурками безусловно изымались из употребления. Не позволяли даже "безмерно увертывать шею платками", но разрешали "повязывать ее без излишней толстоты").

Еврейские законоучители прошлого установили, что ношение традиционной одежды предохраняет евреев от слияния с другими народами, и даже требовали подвергнуть жизнь опасности во времена преследований, но не делать перемен в одежде. Российские евреи усматривали в политике властей покушение на их веру и - как сообщали тогда - "простирали свое упрямство до неистовства". Члены особой раввинской комиссии заявили правительству, что "обыкновенные полицейские меры мало обещают успеха. Еврей будет разоряться платежом

налога на одежду, но добровольно не покинет ее. Нужны будут меры насилия, а может быть и хуже".

В 1844 году налог ввели уже не за шитье, а за ношение еврейской одежды. В каждой губернии устанавливали свои цены, и в Вильно, к примеру, брали с купцов первой гильдии по пятьдесят рублей в год за право сохранить традиционный костюм, с мещан по десять рублей, а с ремесленников - по пять. За одну только ермолку на голове полагалось с каждого еврея от трех до пяти рублей серебром ежегодно. Правительственный комитет рекомендовал отменить этот налог, но Николай I повелел: "Отнюдь нет, а продолжать с желающих носить ермолки положенную подать - пять рублей серебром". Затем вышел указ об окончательном запрещении еврейской одежды с первого января 1851 года: "Всякое различие в еврейской одежде с коренными жителями должно быть уничтожено". Одним только старикам - с особого разрешения генерал-губернаторов - позволили донашивать их традиционное платье. Запретили "ношение пейсиков". Высочайшим повелением запретили "женщинам-еврейкам брить головы при вступлении в брак" - за нарушение штраф в пять рублей. Обязали раввинов носить общую с коренным населением одежду, а употребление таллесов и тфилин разрешили лишь в синагогах и запретили появляться в них на улицах.

Однако евреи продолжали упорствовать. Женщины покрывали головы низко повязанными косынками, чтобы скрыть бритые головы, а мужчины выходили на улицу в длинных, до пят, халатах и прятали под ними короткие панталоны, чулки, пояса и башмаки. Но надзор за соблюдением этого закона возложили на полицию, и та старалась со всей решительностью и по своему разумению. "Пейсы должны быть не более полутора вершков, считая оные с передней части виска", - указывал некий полицмейстер, и городовые выполняли это неукоснительно. Паулина Венгерова, очевидец тех событий, писала в своей книге "Воспоминания бабушки": "Городовой увидел на рынке бедного еврея в длиннополом кафтане. Он прежде всего накинулся на еврея с бранью, потом, подозвав к себе на помощь другого городского, вынул из кармана большие ножницы, которые постоянно имелись у полицейских, и оба блюстителя закона принялись приводить жертву в "культурный" вид. Одним взмахом ножниц отрезали обе полы его длинного кафтана, который превратился в нечто вроде фрака, затем у него сорвали шапку и обрезают длинные ушные локоны (пейсы)... После того городовые отпустили его, и толпа долго хохотала над его жалким, уродливым видом... Если случалось, что у полицейских не оказывалось при себе ножниц, то они заменяли их двумя камнями: застигнутого врасплох еврея клали на землю, под каждый из его злополучных ушных локонов подсовывался камень, а другим камнем до тех пор терли волосы, пока локон не отпадал. Такого рода операция причиняла, конечно, страшную боль, но это не принималось во внимание".

Виленские женщины попросили у местного начальства, чтобы им разрешили покрывать бритые головы париками или специальными косынками, но в этом усмотрели "противление Монаршей воле" и просьбу отклонили. Городовые отнимали у женщин парики и уничтожали их в полицейских участках; срывали с голов и косынки, чтобы убедиться в исполнении царского приказа. "Передо мной стояла женщина, еврейка, с обнаженной, гладко выбритой головой, - вспоминала Венгерова. - Несчастливая имела совершенно потерянный вид - от стыда и сознания, что она совершает великий грех, стоя перед толпой с непокрытой головой. Со слезами в голосе она молила городского вернуть ей чепец, который он бесцеремонно сорвал у нее с головы и потрясал им в воздухе при громком смехе толпы".

Местные власти усердствовали всюду, а вольнский губернатор собрал в Житомире представителей еврейской общины и сказал им: "Я хочу, чтобы жители моей губернии дали пример самоскорейшего, добровольного оставления еврейских одежд. Стыд, позор, срам!... Зако sneвши в суеверии, сердца ваши окаменели, чужды всякой чувствительности к изящному, преданы только хитрости и коварству... Вам и камчадалам вредит целебный луч благотворного солнца, и чистая, прозрачная атмосфера образованности теснит... Неизречимые благодати монарха изливаются на вас... Сей великий вселенный монарх, идеал героизма и величества, печется о вашем благосостоянии. Вы счастливы до зависти!"

Но евреи сумели продержаться до смерти Николая I, несмотря на строгие правительственные распоряжения и крутые полицейские меры. И хотя эти законы не отменили и при Александре II, их уже практически не применяли. Многие сохранили свои традиционные одежды, и из Умани с гордостью писали в еврейскую газету: "Слава Богу, наш город - город благочестивый, он не осквернен, подобно другим городам, и в короткое платье никто еще у нас не облачился".

Трудно объяснить сегодня людям, далеким от своей традиции, по какой причине их предки в девятнадцатом веке так упорствовали в желании сохранить прежний свой костюм. Ответ на это дал в те времена один из белорусских раввинов, потомок рабби Шнеура Залмана. Он сказал: "Все в Законе важно. Все важно - или нет Закона. Сегодня одно найдут неважным, завтра другое; сегодня один что-нибудь отбросит, завтра - другой, и здание Закона начнет разрушаться. Мы должны охранять от этого наше еврейство. Наш Закон - это наше отечество, крепость нашего племени, - зачем его ослаблять?"

2

В апреле 1835 года Николай I подписал очередное "Положение о евреях", которое учло прежние ограничительные законы и добавило к ним новые. Черту оседлости сохранили в прежних ее границах, за исключением Киева, Севастополя и Николаева, где евреям запретили селиться. Во внутренние губернии позволили приезжать лишь купцам первой гильдии - по делам и на короткий срок. В деловых бумагах велено было употреблять русский, польский или немецкий язык, но "отнюдь не еврейский". Запретили строить синагоги поблизости от церквей; еврейским детям разрешили поступать в общие школы лишь в тех местах, где "жительство отцам их дозволено", а про непосильный рекрутский набор было особо оговорено, что он "сохраняет свою силу".

Затем в Петербурге пришли к выводу, что найдена, наконец-то, истинная причина "религиозного фанатизма и отчужденности" евреев - Талмуд. Это Талмуд, якобы, "питает в евреях самое глубочайшее презрение к народам других вер", призывает их "к господству над прочими" и позволяет им всякие преступления по отношению к христианам. Против Талмуда и его последователей бессильными окажутся и рекрутская повинность, и выселение из деревень и прочие "полицейские ограничения". Возможен только один путь - "устранить просвещением" влияние Талмуда, а для этого следует на смену хедерам открыть начальные еврейские училища с преподаванием русского языка и общеобразовательных предметов. Обучение в этих училищах "должно мало-помалу уничтожить в евреях фанатизм разъединения" и привести к постепенному обращению в христианство, но об этом не следует говорить открыто, чтобы заранее "не вооружить против училищ большинство евреев".

Удивительное дело: правительство так жаждало обратить этот народ в православие, что даже предоставляло евреям такие привилегии, которых была лишена большая часть христианского населения. Власти не очень-то старались просвещать свой народ, и еще при Александре I министр народного просвещения указывал своим подчиненным: "Обучать грамоте весь народ... принесло бы более вреда, нежели пользы". Вторил ему и министр просвещения при Николае I: "Для молодых людей, отчасти рожденных в низших слоях общества..., высшее образование бесполезно, составляя лишнюю роскошь и выводя их из круга первобытного состояния, без выгоды для них и для государства". Сам Николай I предлагал чиновникам "сообразить, нет ли способов затруднить доступ в гимназии для разночинцев?" - и повелел для этого повысить плату за обучение. Количество студентов в каждом университете ограничили до трехсот; основная масса населения страны была малограмотной или вообще неграмотной, но правительство заботилось не о них, а о насаждении светского образования среди грамотных евреев - для обращения их в православие.

К тому времени в общих начальных школах, гимназиях и в российских университетах практически не было евреев. Первый еврей-студент появился в Московском университете в 1840 году: это был Леон Мандельштам, который впоследствии перевел Тору на русский язык. Но в черте оседлости уже существовало несколько еврейских школ - в Варшаве, Одессе, Вильно, Кишиневе и Риге, где преподавали общеобразовательные предметы. В одесской школе обучались четыреста учеников и даже открыли женское отделение на триста девушек, а из Риги

правительственный ревизор докладывал в Петербург: "Еврейская школа в Риге, так недавно возникшая под управлением опытного, благонамеренного и основательного ученого директора Лилиентала, уже успела развиться и находится в цветущем состоянии. Удовольствием считаю свидетельствовать об изумительных там успехах в географии, истории, грамматике немецкой, арифметике и даже в русском языке".

Властям нужен был "благонамеренный" еврей для насаждения просвещения среди еврейского населения, и для этой цели использовали директора рижской школы Макса Лилиентала, выпускника немецкого университета, сторонника эмансипации евреев и религиозной реформы. Его послали в западные губернии, чтобы познакомить еврейские общины с "благими намерениями правительства", но в Вильно Лилиентала встретили настороженно и сразу же спросили: "Какую вы можете дать гарантию, что не будет посягательства на нашу религию?" На это Лилиенталь ответил: "Родившись в России, вы, разумеется, лучше меня знаете, что невозможно представить вам какую-либо гарантию. Воля государя неограничена и поставлена выше всего; он может сегодня взять обратно то, что обещал вчера, - так могу ли я, бедный чужестранец, давать вам какое-либо ручательство?" Красноречием и угрозами Лилиенталь убедил виленских евреев принять участие в этом деле и каким-то образом влить на него, не желая отдать все на откуп правительству, - и из Вильно поехал в Минск. Там его встретили враждебно. Толпа на улице ругала и оскорбляла его. "Зачем ты, губитель еврейства, явился сюда? - кричали ему. - Чтобы развратить наших детей, нашу молодежь?!" Озлобление против Лилиентала было так велико, что его распространяли и на людей, с которыми Лилиенталь случайно заговаривал на улице. Однажды он остановил одного уважаемого старика-учителя и спросил его, как пройти в нужное ему место. "Менее чем через час, - вспоминал современник, - по городу стало кружить известие, что такой-то простоял на улице с "безбожным доктором" битых два часа, обнимался с ним, целовался и потом укатил вместе с ним к губернатору - делать доносы на евреев, еврейскую религию и так далее. Стало быть, он с ним - старые друзья-приятели. Стало быть, он и вызвал его из еретической Неметчины в наш город на погибель Израиля и его святого учения".

Но были в Минске и иные возражения: "Пока государь не предоставит еврею гражданских прав, - говорили Лилиенталу руководители общины, - образование будет для него одним только несчастьем. Необразованный еврей не гнушается унижительным заработком посредника или старьевщика; и он, и его многолюдная семья довольствуются своим скудным достатком. Но образованный и просвещенный еврей, безо всяких прав в государстве, может отпасть от своей веры из-за горького чувства неудовлетворенности, - а к этому честный еврейский отец ни в коем случае не станет готовить своих детей". Лилиенталь хорошо это понимал и однажды предложил правительству, чтобы выпускникам казенных училищ пообещали право повсеместного жительства - "хотя бы в перспективе". На этой его просьбе министр просвещения кратко пометил: "Невозможно".

Ездил Лилиенталь и по югу России, побывал в Одессе, Кишиневе, Бердичеве, и малочисленные сторонники светского образования встречали его с энтузиазмом и слагали в честь создателей школьной реформы оды и дифирамбы. Многие "маскилим" просили Лилиентала зачислить их в учителя и даже жаловались на него за то, что он хотел пригласить специалистов из-за границы. "Наша земля не оскудела знанием, - писали они в Петербург. - Государству нечего искать ученых людей на стороне. Пусть оно кликнет клич у себя дома, и учителя явятся".

Но у "маскилим" не было в обществе практически никакого влияния. Всякая очередная реформа правительства немедленно возбуждала у еврейского населения недоверие, опасение и желание оградить от нападков свою веру. В тот самый момент особой высочайшей резолюцией - неожиданно и врасплох - повелели выселить всех евреев из пятидесятиверстной полосы на границе с Пруссией и Австрией. Тысячи семейств в одно мгновение обрекли на разорение и скитания, - так могли ли их единоверцы усматривать в очередных планах правительства заботу о благе малого народа? Будущую школьную реформу немедленно отождествили с рекрутской повинностью: в одном случае забирали в армию, в другом - в казенные училища. Не помогали никакие уговоры и заверения Лилиентала, и евреи встретили вновь созданные училища безо всякого энтузиазма и доверия.

В ноябре 1844 года Николай I подписал два документа: гласный указ "об образовании еврейского юношества" и секретную инструкцию. Указ повелевал учредить казенные еврейские училища для начального образования детей, а также два раввинских училища в Вильно и

Житомире для подготовки раввинов и учителей. А секретная инструкция указывала, что зрителями училищ могут быть одни лишь христиане, "раввинское познание" не должно входить в учебные программы, и что следует изыскивать разные пути для постепенного закрытия хедеров. Средства на содержание новых училищ поступали со вновь введенного свечного сбора - сбора с "шабашных свечей", зажигаемых при наступлении субботы и праздников. Общую сумму свечного сбора со всех общин установили в двести тридцать тысяч рублей и особо отметили, что "под названием шабашных свечей разумеются не только обыкновенные... свечи, но и лампы, и всякого рода светильники, без различия сожигаемого в них материала".

С 1847 года стали открываться казенные еврейские училища, и их появление встретили в общинах всеобщими постами и молитвами. Современник писал: об этих училищах "ходили разные слухи, пугавшие как родителей, так и детей. Родители знали, что в школах сидят без шапок и Тору объясняют по-немецки. Детям рассказывали, что там наказывают так: учеников привязывают головой и ногами к скамейке, а сечет их солдат... Но как ни толковали, как ни возмущались, а от нового указа нельзя было уйти, и вот в общине решили отдать в казенную школу как жертву Молоху десять-пятнадцать мальчиков из беднейших семей..." Это же подтверждали и чиновники в официальных отчетах: "Евреи в высшей степени неохотно посылают детей в эти училища, предпочитая поверять их ме-ламедам. Посещают же училища дети совершенно бедных евреев, лучше сказать - нищих, да и те часто ходят туда только по найму богатых евреев, чтобы нельзя было обвинить тех в упорном противодействии мерам правительства".

Училища содержались на еврейские деньги, а зрители-христиане - грубые порой и невежественные - обзывали учеников "паршивыми жиденятами". "Зрители самым добросовестным образом трудились над тем, чтобы еврейские дети боялись училища хуже чумы... - писал современник. - Эти люди без всякого образования, без всякой человечности, смотрели на еврейские училища, как на дойную корову, а на своих учеников и еврейских преподавателей, как на презренных тварей". В казенных училищах еврейские предметы преподавали в "антиталмудическом духе", и это, конечно же, не способствовало популярности новых школ. Более половины учеников почти всегда отсутствовали на уроках: откупались деньгами, нанимали специальных людей, чтобы они сидели в классе, любыми путями старались оградить детей от нежелательного влияния, а зрители училищ посылали в Петербург фиктивные отчеты с завышенными цифрами посещаемости. Правительственный ревизор писал: "Как и следовало ожидать, школы пошли неуспешно... Как верит религиозный еврей свое дитя учреждению, начальник которого - христианин и который преследует Бог весть какие планы?" Со временем и "маскилим" стали возмущаться порядками в казенных училищах. "Наш народ - не дикая орда, в которой нужно распространять первые начала грамотности и письменности, - писали в еврейской газете. - Это народ, в жизнь которого проникают - уже тысячелетия - школа и учение, ученость и литература, как неперенные ее части". Даже Макс Лилиенталь разочаровался в новой системе образования. Он знал слишком много о планах и намерениях правительства; возможно, опасался обычным путем подать в отставку и потому, как говорили, тайно бежал из России. "Лживы те мотивы, - писал он из Америки, - которые выдвигают пред общественным мнением Европы, оправдывая суровые мероприятия несправимостью евреев... Евреи должны поклоняться греческому кресту, - тогда царь будет удовлетворен, независимо от того, дурны эти выкресты или хороши... Мы обязаны поведать свету, что зло крылось не в воле наших собратьев, а в яростном прозелитизме" - то есть в желании властей обратить евреев в христианство.

Получив светское образование, выпускники казенных и раввинских училищ не могли вырваться из черты оседлости и применить на практике свои знания, а потому более остальных ощущали свое бесправие и унижение. "Между ними и их родителями, - писали в еврейской газете, - между ними и прежним образом жизни будет лежать пропасть. Школа их переродила, а раз они ее покидают, перед ними должна появиться возможность применения своих сил, возможность снискания для себя пропитания. Иначе это означало бы - превращать бессознательных несчастливцев в сознательных". Общины не желали принимать раввинов - выпускников раввинских училищ, которые были недостаточно подготовлены и пренебрегали порой традиционными обычаями и религиозными заповедями. Выпускник училища, приезжая в какой-либо городок, чтобы стать там учителем, выделялся среди своих единоверцев костюмом,

манерами, образом жизни. Для них он был "апикойресом" - еретиком, нарушителем вековых традиций, с которым не желали иметь ничего общего.

Но и для местного христианского общества этот учитель оставался тем же "презренным жидом", как и все прочие евреи, хотя он и носил уже форменный мундир. В городе Каменец Подольский жена смотрителя еврейского училища глубоко оскорбилась, когда на званом приеме столкнулась с учителем-"жидком", сослуживцем своего мужа, потому что благородной даме - заявила она во всеулышание - неприлично даже смотреть на этого человека. Светское образование неумолимо вело еврея к одиночеству и изоляции, которые он болезненно переносил. Тот самый учитель из Каменец Подольского, отталкиваемый своими единоверцами и презираемый чужими, заболел душевным расстройством и покончил жизнь самоубийством. Не случайно оплакивал еврейский поэт судьбу единоверца - в таких непритязательных стихах: "Зачем же чувства для еврея, И пыл страстей ему на что? К тому ль, чтоб понял он скорее, Как ненавидят все его?!..."

3

В 1836 году правительство приняло неожиданное решение: заселить евреями пустующие земли Сибири, чтобы создать там новые сельскохозяйственные колонии. Об этом оповестили все еврейские общины, и сразу же нашлись желающие переселиться. Жизнь "взаперти" в черте оседлости была невыносимой, из года в год власти допекали очередными ограничениями, да к тому же еврей-колонисты освобождались на пятьдесят лет от рекрутского набора, - а какие родители не отправились бы даже на край света, чтобы спасти своих детей от призыва в армию на двадцать пять лет?

Не осталось практически ни одного города в западном крае, откуда евреи не просились бы в Сибирь. Из Вильно готовы были немедленно отправиться в путь двести восемьдесят шесть нищих, многодетных семейств; из Гродно - сорок пять семейств, из Витебска - сто тридцать девять, из Митавы - пятьдесят. Кагалы задерживали их отправку, чтобы дотянуть до очередного воинского набора, - и потому самые энергичные, а порой и самые отчаявшиеся, бросали все и шли пешком в Сибирь. Переселенцы объявились неожиданно в Тамбове - к изумлению местных жителей: голодные, больные и в лохмотьях. Об их появлении докладывали из Пензы и Владимира, они прошли через Казань, застряли на зиму в Симбирске. Никто не знал, что ждет их впереди - какой климат, какие условия жизни, но это никого не останавливало. Сибирь была в тот момент избавлением от кошмарного настоящего и зыбкой надеждой на будущее. Волна переселенцев нарастала. Министр финансов уже просил Николая I выделить для них дополнительные участки земли, но неожиданно для всех император начертал такую резолюцию: "переселение евреев в Сибирь - приостановить". Трудно сказать, что повлияло на его решение, но вскоре последовало постановление правительства: "Поселение евреев в Сибири решительно и навсегда прекратить... Партии евреев, кои... находятся в пути, обратить в Херсонскую губернию, для водворения в тамошних еврейских колониях". Тут же стали ловить переселенцев по всем трактам и по этапу направлять в Новороссию, и всего лишь малому их количеству удалось добраться до выделенных земель за Омском. Их тоже хотели отправить обратно, но император счел "несправедливым вновь переводить евреев", и этой малой группе разрешили поселиться в Сибири.

В скором времени более двух тысяч новых семей оказались в Новороссийском крае, а тысячи других, уже распродавших свое имущество, собирались в путь из местечек и городов Белоруссии и Курляндии. И опять местные власти оказались неподготовленными к их переселению. Путь был долог, труден и непривычен; переселенцы жаловались на произвол чиновников, которые недодавали "им деньги на еду и грубо с ними обращались; старики и больные отставали по дороге и умирали, не добравшись до Новороссии. "Люди сии, -

докладывали в Петербург, - не имея необходимой теплой одежды и способов пропитания, не могут продолжать далее пути. Многие из них заболели, некоторые умерли, а оставшиеся питаются подаванием". Но и в колониях не были готовы к их приему. Новоприбывших поселили у старожилов, до пятнадцати человек в маленьком доме, и сразу же вспыхнула эпидемия. Тиф, дизентерия и "простудная горячка" за одну только зиму унесли пятьсот пятьдесят человек, и половину из них составили старые колонисты. Новоприбывшим выдавали пайки, чтобы они могли продержаться первое время, но делали это с постоянными опозданиями и бюрократическими проволочками. Очень долго обсуждали, к примеру, можно ли в паек включать крупу; по этому поводу даже запрашивали Петербург, и в архивах сохранилось особое дело - "О том, должно ли отпускать на продовольствие еврейским колонистам к муке еще и крупу". А когда все же решили, что крупу "должно отпускать", правительственный ревизор отметил в отчете, что выдаваемая колонистам крупа совершенно протухла и не годится в пищу.

В 1844 году правительство выпустило указ об уничтожении кагалов. Фактически это был конец общинной автономии: все дела передавали в ведение полицейских учреждений, городских дум и ратуш, и выборного кагального управления больше не существовало. Но правительство не желало отменять специальные еврейские налоги и особую форму рекрутской повинности, и для этой цели сохранили ответственных за рекрутский набор и сборщиков податей, которых продолжала назначать община. Средства с коробочного сбора попадали теперь под контроль местных властей, и община не могла уже распорядиться ими по своему усмотрению. Из этих сумм первым делом покрывали долги по государственным налогам, затем брали на содержание казенных училищ, на поощрение земледелия, и только остатки шли на нужды общины. Затем подошла очередь "разбора" - самой, пожалуй, жестокой меры воздействия. Евреев России решили разделить на два разряда - "полезных" и "бесполезных". "Бесполезные" обязаны были в короткий срок обратиться к занятиям земледельца или ремесленника, иначе против них обещали применить самые жестокие репрессивные меры. Этот насильственный способ "обращения к полезному труду" вызвал возражения даже среди высших сановников. Новороссийский генерал-губернатор называл эту меру "кровавой операцией над целым классом людей", которые будут обречены на гибель безо всякой пользы для страны. Он писал в Петербург: "Самое название "бесполезных" для нескольких сотен тысяч людей, по воле Всевышнего издревле живущих в империи, и круто и несправедливо... Многочисленные торговцы считаются бесполезными и, следовательно, вредными, тогда как они мелкими, хотя и оклеветанными промыслами помогают с одной стороны промышленности сельской, а с другой - торговой". Но возражения не помогли, не помогли и просьбы Государственного Совета об отсрочке, и в ноябре 1851 года Николай I утвердил "Временные правила о разборе евреев". По этим правилам все еврейское население разделили на пять разрядов: купцы, цеховые ремесленники, земледельцы, "мещане оседлые" и "мещане неоседлые". "Бесполезными" были признаны "неоседлые мещане", которые не владели недвижимой собственностью. В эту группу попало подавляющее большинство еврейского населения черты оседлости - мелкие торговцы, приказчики, извозчики, канторы, резники, меламеды, синагогальные служители, посредники, чернорабочие и лица без определенных занятий. Даже многие ремесленники попали в эту категорию, потому что они не состояли в ремесленных цехах и не имели свидетельства о знании ремесла. "Для обуздания туеядства" правительство готовило против "бесполезных" особые полицейские меры; несколько лет подряд новый закон о "разборе" пугал сотни тысяч людей, но затем подошла Крымская война, когда было уже не до евреев, и этот закон так и остался на бумаге.

В марте 1846 года в Петербург приехал из Англии Мозес (Моше) Монтефиоре, баронет, верховный судья Лондона, знаменитый на весь мир защитник угнетенных евреев. Незадолго до этого ему удалось спасти от казни евреев Дамаска и снять с них обвинение в ритуальном убийстве, и теперь он приехал в Россию, обеспокоенный положением единоверцев. С собой у него было рекомендательное письмо от английской королевы, и в Петербурге его приняли с исключительными почестями. Он беседовал с министрами и лично с Николаем I и писал в Лондон, что император принял его "очень благосклонно и терпеливо выслушал все доводы". Николай I посоветовал Монтефиоре объехать край с еврейским населением и представить ему затем свои замечания и предложения. Монтефиоре пробыл в Петербурге две недели, молился с солдатами-евреями в маленькой солдатской молельне, а затем отправился в обратный путь. Он

посетил Вильно, Варшаву и другие города черты оседлости, и повсюду евреи оказывали ему восторженный прием. Его называли "Божьим посланником"; раввины и самые уважаемые люди выходили ему навстречу; отпечатали в огромном количестве портреты Монтефиоре и сопровождавшей его жены, которые затем - на протяжении десятков лет - висели в домах у евреев.

Паулина Венгерова писала в "Воспоминаниях бабушки": Монтефиоре въехал в Вильно "среди целого моря человеческих голов, над которым высилась коляска... - толпа, казалось, вносила дорогих гостей на своих плечах. Полиция не могла остановить стихийного движения. В городе все улицы были запружены народом, скопившимся даже на крышах. Торговые люди забыли про дела, ремесленники покинули мастерские... Монтефиоре осаждали толпы просителей, и он роздал бедным за несколько дней своего пребывания огромные суммы денег... Приходили к нему из окрестностей Вильны и бедные евреи, которым грозило выселение из деревень. Они плакали, рассказывая о надвигающихся бедствиях, и Монтефиоре отнесся к ним с глубоким сочувствием, разделяя их горе, обещая употребить все свои силы, чтобы предотвратить несчастье".

Местное начальство также выказывало гостю из Англии свое уважение. "Монтефиоре с женой отправились в собственной коляске, украшенной гербом с надписью "Иерусалим", на званный банкет к генерал-губернатору, - вспоминала Венгерова. - В мощной и видной фигуре сэра Мозеса Монтефиоре, одетого в красный, расшитый золотом мундир английского шерифа, со шпагой, украшенной бриллиантами, в шляпе со страусовыми перьями, трудно было узнать скромного благочестивого старого господина в простом черном сюртуке, который так ревностно молился накануне в синагоге... Монтефиоре и его жену обступили густой толпой, так что генерал-губернатору пришлось сдерживать своих приглашенных и потребовать от них более почтительного отношения к иностранному гостю. "Помните, - объяснял он им, - что этот господин пользуется расположением английского двора и имеет влияние даже в политике". Один польский граф обратил внимание общества на драгоценности, которые носила леди Монтефиоре, и утверждал, что каждая из ее серег дороже стоит, чем все поместья многих магнатов. Были в обществе и люди, раздосадованные вниманием, которое выказывали "приезжему еврею", и они не скрывали своего неудовольствия".

Из Лондона Монтефиоре прислал в Петербург свои записки о положении российских евреев и способах оказания им необходимой помощи. Не евреи должны добиваться равных прав своим "добрым поведением", писал он, но власти обязаны предоставить им эти права, без которых никакой народ не сможет достичь преуспевания. Только от равноправного гражданина можно требовать исполнения обязанностей, налагаемых обществом, и потому Монтефиоре просил предоставить евреям "равноправие со всеми прочими подданными". Николай I прочитал его записки и просил передать "сиру Монтефиоре, что доколе в нравах евреев не произойдет желаемого преобразования, нельзя вдруг уничтожить поставленных противу евреев остерережений и изъятий..." Император признал, однако, что в этих записках "есть замечания справедливые... Но когда Монтефиоре говорит о попытке сравнения прав евреев с христианами, то это допустить не можно, и я на свой век этого не допущу".

Сразу же после вступления на престол Николай I распорядился "всех евреев, проживающих в Петербурге без дела, немедленно выслать, а о прочих составить точный список". Из этого списка следует, что в 1826 году жили в Петербурге временно, по паспортам губернаторов, двести сорок восемь евреев. И среди них - двое портных, сапожник, учитель музыки, золотых дел мастер, скорняки, настройщики фортепьяно, три мастера по изготовлению курительных трубок, мастера по производству зонтиков, шлифовальщики, красильщики мехов и каретники.

Жил там и раввин из Могилева, жили купцы с приказчиками, а также зубные врачи и акушерки, про которых было сказано, что "немалое число врачей и повивальных бабок из евреек состоят на государственной службе и продолжают оную с похвалой".

После распоряжения императора большинству евреев не продлили паспорта и выслали их из столицы. В Петербурге могли жить лишь еврейские солдаты, придворная акушерка и семьи трех зубных врачей, состоявших на государственной службе, один из которых лечил самого императора. Запретили даже резнику поселиться в Петербурге, чтобы это "не послужило бы укреплению евреев в столице", а пойманных с просроченными паспортами император приказал немедленно сдать в арестантские роты. Для устрашения прочих об этом оповестили всех евреев черты оседлости, чтобы они не отговаривались потом незнанием и "не могли прокрадываться в столицы и этим навлекать на местные власти огорчительное негодование Его Императорского Величества".

Из Киева евреев пытались выселить еще при Павле I. Киевский магистрат сослался тогда на старинную привилегию 1619 года - "чтобы ни один жид в городе Киеве не жил" - и потребовал выселить одиннадцать купцов и шестьсот пятьдесят шесть мещан с их семьями. Но киевский генерал-губернатор сообщил в Петербург, что лучшие ремесленники в городе - это евреи, что христианские купцы "не стараются о том, чтобы в торговых лавках были все нужные для городских обывателей товары", и потому для выселения "нет никакого резона". И Павел I повелел: "Евреев, никуда не переселяя, оставить на жительстве в Киеве".

При Александре I жили в Киеве около полутора тысяч евреев; у них был молитвенный дом на Подоле и синагога на Печерске. Но в 1827 году, уже при Николае I, местные власти вновь заявили, что присутствие евреев и их молитвенных домов противоречит старинным привилегиям города и не соответствует этому святому месту, где покоятся мощи угодников. Очередной генерал-губернатор попросил отсрочить выселение, выгодное лишь христианским купцам, так как без евреев "многие товары и изделия не только вздорожают, но и вовсе невозможно будет их иметь". Тем не менее евреев выселили из Киева, синагоги закрыли, и уже через самое малое время современник отметил: "Город Киев сильно пострадал... После этого выселения в нем упала торговля и промышленность, вздорожали предметы потребления".

С 1843 года евреям разрешили приезжать в Киев на время, для оживления торговли и ремесел, но останавливаться они могли только на двух подворьях, чтобы полиции легче было за ними следить. Так образовалось в Киеве еврейское гетто. Некая чиновница Екатерина Григорьева брала эти подворья в аренду у города и извлекала затем доход с евреев, сдавая им тесные и грязные номера. К десяти вечера евреи должны были возвратиться туда из города, и продовольствие они могли покупать лишь у той же Григорьевой. В 1857 году гетто ликвидировали, а уже через несколько лет в Киеве, в специально выделенных кварталах, жили три тысячи евреев и было там четыре молитвенных дома.

В первой четверти девятнадцатого века в Москве не было постоянной еврейской общины. Туда приезжали из черты оседлости - временно, по делам, с паспортами от губернаторов, но некоторые, естественно, задерживались на более долгий срок и жили в Москве незаконно. Если кто-нибудь из евреев умирал, его единоверцы давали пять рублей священнику Дорогомиловского кладбища, и тот разрешал похоронить покойника за кладбищенским валом. Постоянная еврейская община в Москве образовалась в конце двадцатых годов девятнадцатого века, когда туда прислали еврейских солдат, и тогда же появилось в Москве еврейское кладбище и молитвенные дома.

В 1826 году московские купцы пожаловались генерал-губернатору, что евреи продают и покупают товары в Москве "безо всякого сношения с московскими купцами, к явному их подрыву и стеснению". Но за евреев заступились московские фабриканты, которые продавали им товары на вывоз на многие миллионы рублей. И тогда власти приняли компромиссное решение: еврейским купцам разрешили приезжать в Москву на короткий срок, без жен и детей; они могли покупать товары только на вывоз, но не торговать и не заводить лавки, а жить им позволялось лишь на Глебовском подворье в Зарядье. Так образовалось еврейское гетто в Москве, и каждого еврея, приезжавшего в город по разрешению, прямо с заставы отправляли на подворье под надзором конвойного.

Глебовское подворье принадлежало казне, и доходы с него шли на содержание московской глазной больницы. Жители подворья не могли устраивать там синагогу и общее богослужение, но им разрешили молиться по отдельности "по своему обычаю". Они обязаны были

возвращаться в гетто засветло, а с вечера и до утра ворота запирали и никого не выпускали в город. Приезжие страдали там от тесноты; жизнь в гетто обходилась очень дорого, и купцы платили за комнаты впятеро больше, чем в других местах. "И что за комнаты! - вспоминал очевидец. - Грязь, копоть, нечистота в каждом уголке... Люди содержатся под замком, как заморские звери в зверинцах, с той только разницей, что со зверей за это денег не берут". Чтобы увеличить доход, власти не позволяли купцам упаковывать на фабриках купленные товары, и потому их везли на подворье, где за упаковку брали с евреев завышенные цены. Рогожу, бумагу и веревки для упаковки разрешали покупать лишь на подворье, "и все это в половину хуже, но зато в четыре раза дороже, чем в других местах".

В 1847 году шкловские купцы пожаловались на условия жизни в Глебовском подворье, и особый правительственный ревизор доложил в Петербург, что "угнетения, претерпеваемые евреями, превышают всякое вероятие; обязанные жить там поневоле, согнанные туда, как на скотный двор, они подчиняются не только смотрителю, которого называют не иначе, как своим баринном, но даже дворнику и коридорщику..." Но гетто в Москве, тем не менее, сохранили, чтобы за его счет могла существовать городская глазная больница: ведь чистый доход с подворья составлял огромную сумму - не менее тридцати тысяч рублей в год. "Почему, - писал ревизор, - евреи обязаны способствовать поддержанию больницы? Почему содержание этого заведения не падает на армян, персиян, греков, на всех жителей столицы, а непременно на одних евреев?"

Министерство внутренних дел рассылало особые циркуляры "о евреях, скитающихся по России", и потому полиция строго следила за вновь приезжавшими. Срок пребывания в Москве был ограничен и задержаться там удавалось лишь по справке врача. "И тогда я заболел, - вспоминал современник. - Явился врач, стал кричать: "врешь! ты здоров!", но, пощупав пульс и коснувшись для этого моей ладони, он нашел в последней явные болезненные симптомы (деньги) и, переменяя тон, произнес: "действительно, вы нездоровы: дорога изнурила вас, вы должны здесь отдохнуть..."

Однако не всегда это заканчивалось так благополучно. Однажды некий еврей решил остановиться в Москве на короткий срок, чтобы "написать в честь государя несколько поздравительных стихов". Но его тут же выслали из города и посоветовали излить свои верноподданнические чувства в черте оседлости.

5

Это событие случилось 29 декабря 1843 года в городе Мстиславле Могилевской губернии. Солдаты городской инвалидной команды во время обыска обнаружили в еврейской лавке два ящика контрабанды. Они хотели отвезти ящики в полицию, но еврей-извозчик воспротивился, и тогда солдаты избили его и прикладом ружья тяжело ранили в голову. С базарной площади набежала толпа, стала теснить солдат, и в этот момент подпоручик Бибилов, начальник инвалидной команды, будучи навеселе и "видя удобный случай поколотить жидов", приказал солдатам бить евреев. Началась свалка. Полилась кровь. Толпа разбежалась. Ящики с контрабандой, в конце концов, отвезли в полицию, а затем обнаружили, что несколько солдатских ружей были поломаны.

Местные власти опасались, что евреи станут жаловаться на их самоуправство, и в тот же день составили акт. В нем они написали, что евреи города взбунтовались и напали на конвой, чтобы отбить у него контрабандный товар. Но через день те же самые люди одумались и составили новый протокол, где отметили, что "во время выемки контрабанды помешательства никакого не происходило". Подпоручик тоже, очевидно, понимал, что "перешел границу и чрез меру потешился над евреями"; вся эта история, вероятнее всего, прошла бы незамеченной, - но тут в дело вмешался еще один человек, и ситуация стала угрожающей.

Это был некий Арье Брискин, торговый посредник, человек злобного характера, на которого жаловался весь город - евреи и христиане. Когда накопилось много жалоб на его злоупотребления, губернатор предложил кагалу сдать его в солдаты. Составили акт, Брискина посадили в острог, но там он крестился и тут же вышел на свободу под новым именем - Александр Васильев. Он даже ездил в Петербург с доносом на евреев города, но жалоба его не подтвердилась, и на него завели дело о клевете. Узнав о событиях на базарной площади, Васильев тут же сообразил, что у него появилась возможность свести счеты со своими прежними единоверцами. Он предложил подпоручику Бибикову отправить донесение о бунте евреев, угрожал даже, что сам сообщит об этом, - но, впрочем, за двести рублей соглашался на мировую. Подпоручик послал его к евреям города, чтобы те уплатили семьсот рублей: двести - Васильеву и пятьсот - ему, но торг не состоялся, и донесение о "бунте" ушло в Могилев. Дело закрутилось, и могилевский губернатор немедленно сообщил в Петербург, что триста евреев пытались отбить ящики с контрабандой. "Евреи, - докладывал он, - напав с азартом на конвойных нижних чинов, причинили им жестокие побои... Изломано у конвойных десять ружей, четверем человекам нанесены по лицам боевые знаки, пятому перебита рука". Министр внутренних дел сдержанно отнесся к этому донесению в ожидании дополнительного расследования, но Николай I категорически и без промедления повелел: "Главных виновников по этому происшествию предать военному суду, а между тем, за буйственный поступок евреев того города, взять с них с (каждых) десяти человек одного рекрута".

Известие об этом ошеломило евреев города. Они и так с трудом выполняли ежегодную норму поставки рекрутов, сдавали в армию калек и детей, а теперь с них полагалось внеочередно еще сто девяносто три человека. Вся община со свитками Торы, рыдая, пошла на кладбище, и там они три дня постились и молились над могилами предков с просьбой о заступничестве. "По отзывам городских жителей-христиан, - сообщал в Петербург особый чиновник, - вопль и стенание их превосходили всякое вероятие". А в еврейской хронике сказано об этом еще более драматически: "Весь народ затрепетал; у всех волосы встали дыбом на голове, все лица побледнели, все смотрели друг другу в глаза, как бы спрашивая: откуда же придет спасение наше?... И горько завопили сыны израильские, и взывали к Богу: "Неужели Ты хочешь истребить остаток Израиля?... Сжался хоть над нашими малыми детьми!"

А в Мстиславле уже начала работать следственная комиссия и открылся пункт по приему рекрутов. Чиновник из Петербурга сообщал, что специально назначенные люди "без всякого сострадания днем, а более в ночное время, ездили на подводах и забирали всех возрастов евреев, начиная с семи лет, в полицию и в пожарный дом и без всякого стыда торговались за выпуск и освобождение от рекрутства..." Забирали даже из синагог во время молитвы: взрослых - по списку, а малолетних по жребию, который тут же и бросали. Кричащих от ужаса детей вырывали из рук родителей и уводили на призывной пункт, а матери и отцы бежали вслед за ними и рыдали, как над покойниками. Дело шло споро, и уже через малое время сдали в солдаты тридцать два человека.

Почти целый год Мстиславль был на осадном положении, и даже христиане страдали от этого бедствия. Торговля в городе прекратилась. Иногородние боялись туда приезжать. Убегавших из города ловили и возвращали назад в кандалах. На кладбище и в синагогах постоянно молились об отвращении беды. Многие семьи голодали, потому что мужчины не могли выезжать на заработки, и евреи из соседних местечек привозили в город хлеб для раздачи голодным. А следственная комиссия пока что записывала показания главных свидетелей - выкреста Васильева, некоего еврея Меньки, который в тот момент ожидал суда за свои проступки, и известного в городе портного-полуидиота. Эти "очевидцы" добавляли подробность за подробностью и даже договорились до того, что евреи, будто бы, нещадно били солдат пудовыми гирями. Давали показания и местный протоиерей, почтмейстер, стряпчий и другие лица, чтобы обыкновенную уличную драку обратить в еврейский "бунт" и выгородить местное начальство.

Первыми арестовали тех членов кагала, которые некогда подписали протокол о сдаче в рекруты Брискина-Васильева. Всего в тюрьме побывало сто шестьдесят человек, но они ни в чем не признавались, - и тогда в город приехал губернатор из Могилева. Запуганные евреи послали к нему депутацию с хлебом-солью, но он не пожелал принять их дары и грозно закричал: "Прочь, изменники и бунтовщики! Не думайте, что избегнете наказания!" Губернатор лично допрашивал свидетелей и обвиняемых, но, не получив нужных показаний, приказал всем

арестованным евреям обрить правую сторону головы, правый ус и левую сторону бороды. Первым обезобразили нотариуса Лейтеса, главного врага Васильева, и весь день Васильев носил его "волосы по городу и показывал жене и родным Лейтеса, хвастаясь своей властью". Губернатор даже отстранил от должности местного квартального надзирателя, который не соглашался давать нужные показания, а затем сообщил в Петербург, что "из собранных сведений удостоверился" на месте в еврейском "бунте".

И тогда на защиту мстиславских евреев выступил купец Ицхак Зеликин из Монастырщины, человек редкой доброты. Он плохо говорил по-русски, однако у него были деловые связи с влиятельными людьми, и он часто помогал своим единоверцам деньгами, советами и ходатайствами. "Реб Ицэле Монастырщинец, - говорит о нем народное сказание, - был самым обыкновенным евреем. Он даже не был особым ученым. Он вел очень большие дела, держал казенные подряды, и имя реб Ицэле гремело по всей округе, в десяти губерниях, на сотни верст кругом. И приобрел реб Ицэле такой почет и имя не богатством, даже не своей щедростью, а только готовностью идти на самопожертвование за своих братьев-евреев. Где бы ни случилось несчастье, напраслина, напасть - бежали прежде всего к реб Ицэле, и он никогда никому не отказывал в помощи и защите".

Перед тем, как отправиться в Петербург, реб Ицэле посоветовал Мстиславским евреям назначить пост, молиться в синагогах, и сам со слезами умолял Всевышнего, чтобы Он "умудрил его для спасения несчастных". В столице реб Ицэле сумел передать прошение начальнику Третьего отделения графу А.Бенкендорфу, и тот - после проверки - доложил императору, что евреев до окончания следствия не выпускают из Мстиславля, "по недостатку хлеба многие из них начали пухнуть... и находятся в самом бедственном положении", а местные власти задерживают "не подлежащих набору, и потом за деньги освобождают их". Николай I повелел: "с виновными поступить по всей строгости законов", - и в Мстиславле была создана еще одна следственная комиссия с участием чиновников из Петербурга.

Эта комиссия определила, наконец-то, что евреи не собирались отбивать контрабандный товар, а драку начали солдаты. Да и подпоручик Бибииков признался, что собственноручно поломал два ружья для подкрепления своей версии и ложно показал в донесении, что одному из солдат сломали руку. Доносчиков-лжесвидетелей и некоторых чиновников города велено было отдать под суд, а с ними и несколько евреев - за активное участие в драке. Но самое главное: Николай I повелел прекратить дополнительный набор в рекруты и возратить по домам тех, что отданы были сверх нормы в солдаты.

Второго ноября 1844 года чиновник по особым поручениям прибыл в Мстиславль и объявил евреям о царском повелении. "Восторга... - докладывал он в Петербург, - описать невозможно. Они рыдали, падали ниц на землю, молились за здоровье Государя Императора... Потом, когда первые порывы радости несколько утихли, все еврейское общество отправилось в синагогу молиться Богу... Никак не ожидали они избавления взятых уже в рекруты". Многие годы после этого евреи города Мстиславля постились в тот день, когда пришел к ним указ о взятии в рекруты каждого десятого, и многие годы торжественно читали благодарственные молитвы в день избавления. Масса легенд появилось в народе о "мстиславском буйстве" и о победе справедливости, и в каждой из них упоминается заступник евреев, реб Ицэле Монастырщинец - "память праведника да будет благословенна".

Остается только добавить, что один из доносчиков, выкrest Васильев, открыл в городе гостиницу и очень любил гулять по базарной площади и беседовать с евреями на идиш. Даже с собственной женой, которая тоже крестилась, он разговаривал только на идиш, потому что русский язык знал очень плохо. Другой доносчик, некий Менька, тоже жил в Мстиславле, лечил больных, но евреи к нему не ходили и дел с ним не имели. Менька жил уединенно и молчаливо, и лишь на Рош га-шана и на Йом Кипур приходил в синагогу и молился в стороне от всех. Его ненавидела за прошлое вся община, а дети распевали о нем песенку, которая начиналась такими словами: "Пусть лекаря Меньку схватит чума!"

Лазарь Зельцер, представитель еврейских общин Шклова и Витебска, много лет подряд ходатайствовал за своих единоверцев перед высшими сановниками империи и даже лично подавал прошения Николаю I и наследнику Александру. По тем временам это считалось чрезвычайно рискованным делом, и Зельцера арестовали однажды за то, что в одном из своих прошений он "дерзнул коснуться политики правительства". Его объявили "важным

преступником", но он сумел оправдаться и вернулся домой поседевшим и состарившимся. "На этот раз ты свободен, - сказали ему, - но смотри, больше не попадайся!"

Однажды через Шклов проезжал Николай I, и Зельцер решил представить ему очередное прошение. Во главе еврейской депутации он стоял на улице в ожидании императора, но когда подъехала роскошная карета, то оказалось, что Николай I крепко спал, и весь царский поезд без остановки проехал через город. Но Лазарь Зельцер не отказался от задуманного! Он тут же сел в одну из фельдъегерских колясок, доехал до ближайшей станции и там, стоя на подножке царской кареты, изложил суть дела и преподнес прошение. Беседа продолжалась более четверти часа, царь задавал ему вопросы, а Зельцер отвечал на них весьма находчиво. Наконец царь похлопал его по плечу, промолвил: "Храбрый еврей" - и поехал дальше. Один из его сановников сказал потом Зельцеру: "Да знаете ли вы, кто такой император Николай? Когда Николай поднимает руку в своем кабинете, вся Европа трепещет!"

Представляться императору Лазарь Зельцер должен был не в традиционной еврейской одежде, а в черном суконном "панском" сюртуке. Все понимали, что ради такого чрезвычайного дела следует пойти на уступки, но вслух об этом не говорили даже в семье Зельцера. Однажды ночью с большой таинственностью послали за польским портным, и в самой отдаленной комнате дома он снял с хозяина мерку для суконного сюртука. Через неделю сюртук был готов, и когда его примеряли на Зельцера все в той же отдаленной комнате, туда неожиданно вошел его старик-отец. Он тоже прекрасно понимал необходимость такого шага, но, увидев своего сына в "панском" сюртуке, разрыдался и вышел из комнаты со словами: "Мой единственный сын... До чего я дожил!..."

* * *

В европейских газетах много писали о плачевном положении евреев России и изыскивали места для их переселения в другие страны. Дальше газетных статей дело не шло, но в 1846 году еврейский купец из Марселя Яков Ицхак Алтарас сделал первый практический шаг. Он предложил переселить в Алжир, незадолго до этого завоеванный Францией, сорок тысяч еврейских семейств из России - для занятия там земледелием. Деньги на покупку земли и переселение должны были дать банкирский дом Ротшильдов в Париже и другие богатые евреи Европы. Алтарас приехал в Петербург с рекомендательными письмами, из которых следовало, что французское правительство одобряет план поселения евреев в своей колонии и предоставит им в Алжире землю и гражданские права. Николай I решил, что "полезно было бы переселить за границу некоторую часть" евреев, и правительство согласилось выпускать без выкупа из Царства Польского бедные еврейские семьи, кроме мужчин призывного возраста. Но по неизвестным причинам на этом все и закончилось: Алтарас неожиданно уехал из России, и никого в Алжир не переселили.

* * *

В Большой Старой синагоге города Вильно служил Ицэле-псаломщик, небольшой, тщедушный, истощенный вечным недоеданием человек с выразительными печальными глазами. Целый день, с раннего утра и до позднего вечера, Ицэле громко распевал псалмы, и все вокруг называли его "пильщиком псалмов", потому что его голос напоминал скрип тупой пилы. Каждый раз перед наступлением субботы Ицэле бегал по огромной синагоге, зажигал свечи в многочисленных висячих медных подсвечниках, и его безбородое лицо сияло от счастья, потому что он делал святое дело, встречая огнями "царицу-субботу". Однажды он даже поссорился с раввином, который вместо него хотел зажечь свечи. Это была его работа, и ее он не доверял никому. Когда знаменитый Монтефиоре приехал в Вильно, он зашел и в Большую Старую синагогу. Был уже поздний вечер и в синагоге, кроме Ицэле, никого не оказалось. Монтефиоре осмотрел синагогу и обратил внимание на декоративные окна, на которых было нарисовано голубое небо, залитое солнцем, и золотистые облака. "Кто расписывал эти окна?" - спросил Монтефиоре. "Кто расписывал?" - ответил Ицэле. - Конечно же, еврей". "Хорошо нарисовано", - сказал Монтефиоре. "Еще бы! - ответил Ицэле. - Ведь это же угодная Богу работа". "Немало денег, наверно, стоили эти окна", - сказал Монтефиоре. "Ого! - ответил Ицэле. - Нам бы с вами иметь

половину этих денег!" Монтефиоре улыбнулся и дал Ицэле серебряную монету, которую тот немедленно опустил в кружку с надписью "На свечи для синагоги".

А через год из Лондона пришел денежный перевод на имя Ицэле. В сопроводительном письме Монтефиоре писал: "Я узнал, что синагогальные окна обошлись в восемнадцать фунтов. Посылаю Ицэле-псаломщику эту сумму, причем от своей половины отказываюсь в его пользу. М.Монтефиоре" (восемнадцать - символическая цифра, соответствует в числовом значении слову "хай", что на иврите означает "жизнь"). Получив такую огромную сумму, Ицэле-псаломщик первым делом купил себе холст на "тахрихим" - погребальный саван, заплатил за место на кладбище, а оставшиеся деньги раздал псаломщикам других синагог.

В день смерти Монтефиоре было сто один год, и в этом же возрасте умер в Вильно Ицэле-псаломщик. К тому времени решили провести в Большой Старой синагоге электрическое освещение, но Ицэле ничего об этом не знал. Он все так же распевал псалмы и зажигал свечи в честь "царицы-субботы". Однажды он подошел к подсвечнику, чтобы зажечь свечу, но тут вся синагога неожиданно озарилась ярким электрическим светом. Ицэле выронил из рук свечу, крикнул "Шма, Исраэль" - "Слушай, Израиль" и упал замертво на каменный пол.

* * *

Одну из легенд про "мстиславское буйство" - со слов витебского старика-еврея - записал и литературно обработал писатель С.Ан-ский. В этой легенде рассказывается о том, как евреев обвинили в бунте и даже в убийстве солдата, и как реб Ицэле Монастырщинец вместе с раввином города Мстиславля поспешили в Петербург (под именем Кукрин выведен в легенде министр финансов граф Е.Канкрин):

"Реб Ицэле ехал в Петербург не так себе, не на ветер. Он был очень дружен с самим Куприным, первым министром при дворе. Кукрин души не чаял в реб Ицэле, называл его не иначе, как "мой Ицка", и даже иногда советовался с ним о государственных делах. Кукрин принял его с почетом, усадил в самом лучшем зале, выслушал историю до самого конца и сказал:

- Слушай, Ицка! Ты знаешь, что для тебя я готов все сделать. Но тут я бессилён вам помочь. Государь пылает гневом. Он ничего слышать не хочет. С ним нельзя даже заговорить об этом деле.

Но реб Ицэле не был ребенком. Он не смутился и сказал:

- Властелин мой, Кукрин! Это для меня не ответ. Ты должен спасти мстиславскую общину. И если ты это сделаешь, я твой вечный должник на многие поколения. Понимаешь?...

Когда Кукрин услышал такие слова, он начал ходить по комнате и думать. Долго он думал, а потом сказал:

- Я попытаюсь поговорить с наследником. Может быть, он заступится. Он любит евреев. Завтра я дам тебе ответ.

Назавтра приезжает на постоянный двор сам Кукрин и говорит:

- Ну, Ицка, вы имеете великого Бога! Наследник согласился поговорить с государем. Но прежде он хочет видеть тебя и раввина. Завтра в три часа дня я повезу вас во дворец...

Огромный зал, украшенный золотом и драгоценными камнями, был полон министрами и генералами, сенаторами и графами. И все стоят молча, навьютяжку, и ждут. А у дверей - два солдата с обнаженными саблями. И напал на реб Ицэле великий страх и трепет.

И вот открылась дверь, а за ней открылась другая дверь, и третья, и четвертая, и так - двадцать дверей, одна за одной, и у каждой двери - по два солдата с обнаженными саблями. И появился наследник. Он был одет с головы до ног в золотое платье, на голове его была корона, и он весь сиял.

- Реб Ицэле! - прошептал раввин. - Он не касается земли...

Сердце у реб Ицэле замерло, в глазах потемнело. А наследник подвигался все ближе, ближе, ближе... И становился все больше, все выше, все грознее...

- "Благословен Ты, Господь наш, Владыка мира, уделивший из Своего величия смертному..." - прошептал реб Ицэле обязательную при виде особ царской крови молитву и... упал в обморок. Очнувшись, он увидел себя на кровати, в богатой и роскошной комнате, а вокруг него стояли самые великие доктора с лекарствами. В это время входит Кукрин и говорит:

- Ицка! Ваш Бог опять заступился за вас. Наследник был очень тронут тем, что ты упал в обморок. Он рассказал об этом государю, а государь сказал: "Человек, который падает в обморок при виде царского лица, не станет лгать. Приведите его ко мне"...

Реб Ицэле испугался государя гораздо больше, чем наследника. Особенно испугался он его строгого взгляда. У императора Николая был такой взгляд, от которого самые сильные люди падали в обморок, а у женщин бывали выкидыши. Только благодаря укрепляющим каплям мог реб Ицэле устоять перед императором.

Как только царь увидел его, он тотчас же гневно крикнул:

- Как вы, жида, осмелились убить моего солдата?!

- Властелин мой, государь! - ответил реб Ицэле, низко кланаясь. - Евреи неповинны в крови твоего солдата.

- Но мои чиновники написали мне, что евреи убили солдата. Я моим чиновникам верю!

- Твои чиновники - люди, - ответил на это реб Ицэле, - и могли ошибиться. Пошли, государь, высшего генерала, чтобы он мог исследовать дело, и правда выяснится.

Тут царь взглянул ему прямо в глаза так, что у реб Ицэле вся кровь застыла в жилах, и спросил:

- Ну, а что будет, если генерал, которого я пошлю, тоже подтвердит, что евреи убили солдата?

Чем ты мне тогда ответишь за то, что обманул меня, своего государя?

- Властелин мой, государь! - ответил на это реб Ицэле. - Чем я, ничтожный червь, могу отвечать перед тобой? Но если ты спрашиваешь, я должен отвечать. Если окажется, что я обманул тебя, пусть все мое состояние будет взято в казну; у меня есть семеро сыновей - пусть все они будут сданы в солдаты. А меня самого вели заковать в кандалы и сослать на каторгу.

Этот ответ понравился государю. Он положил реб Ицэле руку на плечо и мягко сказал:

- Поезжай домой. Сегодня же поедет в Мстиславль генерал исследовать все дело. И если окажется, что евреи не виноваты, будь уверен, что они не будут наказаны...

Ну, что рассказывать дальше?... Реб Ицэле в тот же день поехал домой. В тот же день выехал в Мстиславль и важный генерал. Три недели продолжалось следствие - и выяснилось, что у одного солдата нечаянно выстрелило ружье, и другой солдат был убит. Наказание сняли с евреев, и они учредили в память этого дня местный праздник, который празднуется ежегодно, до сих пор..."

ОЧЕРК ДЕВЯТЫЙ

1

К началу царствования Николая I жило в черте оседлости около миллиона евреев, и еще полмиллиона - в Царстве Польском. В деревнях оставалась малая часть еврейского населения: это были арендаторы, посредники, шинкари, скупщики сельскохозяйственных продуктов.

Насильственные выселения из деревень загнали большинство евреев в тесноту и скученность городов и местечек, где они перебивались случайными заработками. "Стол бедного еврея более чем скуден, - писал современник. - Целые семейства иногда довольствуются фунтом хлеба, селедкой и несколькими луковицами. Одежда всегда изорванная, грязная..."

Проблема была неразрешимой: впускать евреев во внутренние губернии власти не желали, а прокормить их в замкнутом пространстве черты оседлости не было никакой возможности. Оставалось только ограничительными мерами сдерживать энергию нищих и затравленных людей, которые любыми путями искали средства к существованию. "Боже мой, какая бедность!... - описывал черту оседлости еврейский писатель Лев Леванда. - При таком положении дел нет ничего удивительного, что западно-русский еврей для снискания дневного пропитания часто прибегает к самым предосудительным поступкам, обманам и даже преступлениям: голод, как известно, ни в каком народе не служит проводником чистой нравственности, да и (царь) Соломон сказал: "не клеймят позором вора, крадущего для

утоления своей голодной души..." Писал об этом и Менделе Мойхер Сфорим: "Загнали людей точно овец в одно место, отрезали их от всего мира, не дают им свободно дышать. Но ведь это живые люди, и каждому хочется жить, и каждому хочется есть, и начинается лютая борьба за существование, пожирание слабого более сильным".

Города и местечки были переполнены ремесленниками и мелкими торговцами, которые жестоко конкурировали друг с другом. "Лавочек - что звезд на небе... - писал Л. Леванда. - Вы не поверите, что лавочка, весь товар которой можно купить за какие-нибудь двадцать или тридцать рублей, должна нередко служить единственным средством существования для целого семейства, нередко многочисленного". Для мелочной торговли требовался хоть какой-то оборотный капитал, но его ни у кого не было. Когда подходило время закупать товар, еврей бежал к соседним лавочникам и брал у них беспроцентную ссуду: три-пять рублей у каждого. Эти деньги он постепенно возвращал, когда что-либо наторговывал в своей лавке, и, в свою очередь, давал ссуду другим лавочникам для закупки товара. Так и получалось, что все евреи города торговали на один и тот же оборотный капитал в несколько сот рублей.

"В тех местах, где живет бедная часть еврейского населения Бердичева, - писал очевидец, - улицы не шире полутора сажень; на них с двух сторон обвалившиеся домики, один возле другого, у кого без крыши, у кого без окон, у кого без целой стены; перед домом десятки почти голых детей валяются в грязи... Многие из домов разделяются коридором на несколько квартир, в которых наниматели устраивают небольшие мастерские: воскобойные, свечные, кожевенные и прочие. Работают семьей и тут же помещаются среди вонючих материалов и изделий. Оттого целые улицы постоянно наполнены смрадным воздухом..." "Загляните в один из этих скученных грязных домиков, готовых на ваших глазах обратиться в груды развалин, и вас поразит удушье, злокачественный воздух, - сообщал из Гродно чиновник министерства внутренних дел. - Толпа полунагих ребятишек едва помещается в мрачно темной избенке, три четверти которой заняты печкой, кроватью и столом. Образ жизни евреев готовит обильную жатву для преждевременной смерти. Чахотка, удушье, нервная горячка и кровавый понос находят среди них немало жертв."

Нищета сопровождала еврея от самого его рождения. Ребенок сталкивался с ней в первые дни своей жизни, в доме у своих родителей, а когда он шел в хедер, нищета подстерегала его и там. "Хедер помещался в убогой квартире самого меламеда, - писал современник. - В комнате, поближе к окну, стоял длинный некрашенный стол с двумя длинными скамьями по обим сторонам. За одним концом стола сидел сам меламед на табурете, другой же конец часто служил для разных хозяйственных работ его жены. В углу комнаты находилась русская печь, в которой хозяйка пекла ржаной хлеб для продажи. Во время посадки хлебов в печь или при его закуске двери наглухо запирались, и в комнате была необыкновенная духота..." Меламеды, как правило, жили очень бедно, на эту работу часто шли потому, что иным путем не могли прокормить семью, и это о них появилась поговорка: "Стать меламедом и умереть - никогда не поздно".

Крепостное право, отношения между всеильными помещиками и подневольными крестьянами, жестокие нравы того времени не способствовали уважению к человеческой личности, а к еврею - тем более. Над загнанными и беззащитными Ицками, Берками и Блюм-ками мог издеваться кто угодно и кто угодно мог их обирать. Любая причина годилась для этого, но можно было обобрать и безо всякой причины. Еврей из Бердичева писал: "Сюда обыкновенно приезжают чиновники, которые ищут места для поправки своего состояния. Наши края - все равно, что подножный корм для проголодавшихся лошадей. И действительно, на этих теплых местах чиновная особа удивительно скоро тучнеет и оперяется! Разумеется, в этом случае главный или, вернее, единственный доход - с евреев. Еврей тут не больше, как дойная корова, которую доят безответно везде и всегда". И так было не только в Бердичеве, но и по всей черте оседлости. Городничий Винницы жил и кутил за счет евреев. Кагал даже выделил специальных людей, один из которых "поставлял ему на кухню говядину, другой - хлеб и булки, третий - водку и вино, наконец, был между поставщиками двора и такой, которому поручено было платить карточные проигрыши". Городничий обычно проигрывал большие суммы и при расчете говорил, не стесняясь, что деньги принесет на другой день некий Шмуль. И назавтра, действительно, приходил этот Шмуль с общественными деньгами и выплачивал карточный долг.

Местное начальство было всеильным, оно распоряжалось жизнью и имуществом обывателя, и законы существовали далеко не для каждого. "Прикатит, бывало, в местечко (какой-либо начальник), - вспоминал те времена писатель Осип Рабинович, - местечко дрожит, как в лихорадке. "Запирай лавки... Сажай в колоду... Гони всех в синагогу... Зажигай черные свечи... Присягай стар и млад!"

О чем? про что? - Бог ведает!... Разумеется, развязка всегда та же самая: опять депутация, опять поклоны с обычными приложениями..." Евреев не только обирали, но и не признавали за ними тех нравственных качеств, которыми обладало прочее население. Однажды министерство внутренних дел разослало по губерниям специальный вопросник для сбора статистических сведений, и один из его пунктов касался нравственного состояния подданных Российской империи. В городе Кае Вятской губернии уездное начальство, поразмыслив, решило, что у них в городе нравственное состояние жителей безупречно - по одной, вполне определенной причине. И в соответствующем пункте вопросника они написали кратко: "Жидов в городе Кае не находится".

Из года в год нищета возрастала, и увеличенная рекрутская повинность очень способствовала этому. Даже губернское начальство сообщало в Петербург, что эта повинность "не уничтожает еврейское народонаселение", потому что их плодovitость покрывает убыль, но зато разоряемые еврейские общества, из которых в огромном количестве забирают молодых и здоровых работников, уже не в состоянии выплачивать подати. И действительно, в 1827 году, когда ввели для евреев рекрутскую повинность, на каждого мещанина-еврея приходилось в среднем по одному рублю недоимок, а в 1854 году - уже по пятнадцати с половиной. Общая задолженность всех общин России достигла огромной суммы - восьми с половиной миллионов рублей.

Сторонний наблюдатель-христианин писал о городе Пинске: "На улицах кипело, как в муравейнике. Кроме евреев, казалось, никого в городе не было. Все в длинных, рваных, засаленных балахонах, с длинными, болтающимися пейсами, в каких-то особенных, еврейского покроя, картузах. Лица у всех измученные, испуганные, отталкивающие; ни на ком не видно и тени улыбки; все куда-то спешат, бегут... Все это возбуждает отвращение и в то же время вызывает невольную жалость к этой нищей массе, цепляющейся за жизнь, работающей и рыскающей с утра до ночи, чтобы насытить свои голодные желудки и покрыть свою гольтьбу". На фоне этой всеобщей нищеты и безысходности выделялись люди, сами порой нищие, которые помогали своим единоверцам. В городе Гродно жил Нахум Каплан, или, как все его называли - реб Нохемке, служка в синагоге, посвятивший свою жизнь помощи бедным. Он сам жил в нужде и все свободное время собирал деньги и вещи, которые раздавал неимущим. В городе Вильно жил Шимель Янкелевич Кафтан, который постоянно ходил по городу с кружкой в руке и собирал деньги для нуждающихся и больных. Когда-то он был винокур, рано потерял жену и детей и стал помогать тем, кому никто не мог или не желал помочь. Его знали все, бедные и богатые, в лачугах и в богатых домах: седобородого, хилого и тщедушного, в старой потрепанной одежде. У богатых он просил сострадания и помощи, а к бедным приходил по вечерам домой, чтобы раздать собранное за день. Сам же он не брал ни гроша из тех денег, а зарабатывал на хлеб физическим трудом. Поработав некоторое время и скопив пару копеек на жизнь, он снова шел на улицу просить для других.

Шимель Янкелевич Кафтан был очень популярен в Вильно, ему подавали охотно и много, и говорили, что за долгие годы он собрал и раздал бедным огромную сумму - около четырехсот тысяч польских злотых. Однажды он пришел в местную иешиву, дал деньги бедным ученикам и сказал на прощанье, что больше их не увидит. Наутро его нашли мертвым на полу его нищей лачуги, на соломенной подстилке, которая многие годы служила ему постелью. На его похоронах собралась огромная толпа народа. "И что это за сила, - писал современник, - которая в течение тридцати лет, - как в годы расцвета жизни, так и на старости, - могла носить на себе бремя такого святого и тяжелого подвига... Эта сила - любовь к ближнему, один маленький луч той любви, которую Бог осенил созданный Им мир".

Правление Николая I выдвинулось среди других времен упорными и непрерывными усилиями властей обратить евреев на "путь истины". Чтобы уничтожить национальные и религиозные отличия, евреев силой наряжали в европейское платье, обрезали им пейсы, массами загоняли в казармы, лишь бы изменить их внешний облик, вырвать из привычного окружения, окрестить и сделать такими же, как все. Выкрестов освобождали на три года от платежа податей, списывали им недоимки, уменьшали наказания для тех, кто во время суда или следствия принимал православие. Еврейскому солдату даже запрещали первые пятнадцать лет служить в черте оседлости, чтобы его единоверцы не помогли ему сохранить веру. И только через пятнадцать лет, если этот солдат не крестился, его признавали неисправимым и разрешали контакты с другими евреями.

Правление Николая I выдвинулось и не менее упорным сопротивлением сотен тысяч евреев, которые в нищете и унижении, казалось бы, наперекор здравому смыслу, отстаивали свою веру и свои традиции, - а вроде, как выгодно было бы креститься и как заманчиво было бы раствориться в окружающих народах. В обособленном и замкнутом мире еврейской общины самым главным было служение Всевышнему, изучение Торы и соблюдение ее предписаний. Законы Торы распространялись на ежедневный быт, на семейные отношения и воспитание детей, на все желания, потребности и мечты евреев. Безо всякого принуждения, точно и добросовестно выполняли они предписания религии и верили, что слова, мысли и поступки любого человека влияют на судьбу всего мира. Каждый человек, проходя по жизни, строит во имя добра или разрушает во имя зла. Добро не придет само по себе, для этого нужны многие усилия, и жизнь человека не предназначена для того, чтобы проводить ее легко и беззаботно. Без помощи человека мир не избавится от своего несовершенства, и не только человеку нужно заступничество Неба, но и Небо нуждается в его помощи. Выполняя заповеди Торы, каждый еврей восстанавливает то, что повреждено в этом мире, на малую толику уводит Вселенную от хаоса и приближает к гармонии, - и потому мир без Торы не может существовать.

Но не случайно говорили тогда: человек подобен веревке, один конец которой в руке Бога, а за другой конец тянет Сатана. Среди евреев попадались, конечно же, бездельники и обманщики, криводушные и черствые сердцем, эгоисты и себялюбцы: невыносимый условия жизни тому способствовали. Но не эти люди определяли нравственную и духовную атмосферу еврейского общества. В маленьких городках и местечках ходил на рассвете по улицам синагогальный служка, стучал в окна-двери и призывал: "Вставайте, евреи! Наш Бог в изгнании, народ наш в изгнании, - вставайте и славьте Создателя! Для этого вы и сотворены!" Евреи верили нерушимо, что Бог присутствует во всем, весь мир наполнен Его сиянием. Они верили, что избавитель-Мессия скоро придет, он уже близко, "надо быть слепым, чтобы не видеть его света", - и повторяли вслед за праведником гордые слова: "Все можно отнять у меня: подушку из-под головы, дом, но нельзя отнять Бога у моего сердца".

Когда в семье рождался ребенок, дети из ближайшего хедера приходили к новорожденному первые семь дней и читали молитвы возле его колыбели. Матери пели, укачивая своих младенцев: "Мой мальчик, закрой глазки. Бог даст, и ты станешь раввином..." Юноши устанавливали часы ночных занятий в бейт-мидраше, чтобы постоянно кто-то учил там Талмуд. Многие женщины тяжело работали, лишь бы их мужья могли без помех заниматься учением. "Нигде евреи не произносят в молитве: "Ты нас избрал из всех народов" с таким убеждением, с такой гордостью, как в Западном крае, - отметил писатель Л. Леванда. - И действительно, находясь в синагоге и слушая пение кантора, или сидя в бейт-мидраше за фолиантом Талмуда, еврей переносится на крыльях воображения в другой мир, в другое, давным-давно прошедшее время, когда его предки еще сидели в Обетованной Земле, каждый под своею виноградною лозою и под своею смоковницею, и забывает, что его изба не топлена..., и что кагальские за недоимки взяли последнюю подушку... В объятиях Талмуда еврей, гонимый роком и обиженный людьми, чувствует себя дома, на родине, на просторе, и, выплавав на груди его свою долю, возвращается в свет с облегченным сердцем, с возобновленною верою и с новым мужеством на борьбу с невзгодами жизни... Это евреи инстинктивно понимают и берегут Талмуд, как зеницу ока".

Вечерами, после работы, мужчины шли в бейт-мидраш и слушали там знатоков, спорили, приводили изощренные доводы и цитаты из многих книг, соревнуясь между собой в толковании сложных талмудических вопросов. Эти нищие, полуголодные люди, на чужой земле, в недружелюбном окружении, без ощущения покоя и безопасности забывали во время учебы волнения и заботы дня и чувствовали себя гордыми, могущественными, неизмеримо богатыми, потому что располагали всем духовным богатством прежних поколений. В городках и местечках черты оседлости жили многие праведники и ученые, которых посторонний наблюдатель не смог бы выделить из общей толпы озабоченных и вечно нуждающихся жителей. Современник писал о своем учителе, некоем рабби Янкеле Нохиме: "Его благочестие было абсолютным и цельным; оно проявлялось у него как бы само собою, так, как проявляется дыхание у живого человека... Все его существо было проникнуто служением Всевышнему. Ложился он спать только затем, чтобы перед сном излить свою душу в молитве; вставал для того, чтобы мгновенно приступить к общению с Творцом через утреннюю молитву. Для этой же цели он ел и пил... Это был не только глубокий знаток Талмуда и связанной с ним письменности, - он как бы сам был живой Талмуд..."

Любая попытка властей вторгнуться в этот мир и изменить его вызвала тревогу в еврейском обществе и неприменное желание оградить себя, свою общину и свою веру. Введение рекрутской повинности евреями восприняли как наказание, ниспосланное Небом за их прегрешения. Это вызвало у них усиление религиозных чувств, стремление к изучению Закона и к более строгому его соблюдению. Правительство пыталось суровыми мерами разрушить традиционный уклад еврейской жизни, но это его только укрепляло. Очевидец вспоминал: "В существовавших братствах для чтения Священного Писания и изучения Талмуда увеличилось количество членов и стали возникать новые братства этого рода. В иешивах понадобились дополнительные скамейки для слушателей, основывались и новые иешивы, и всякий охотно уделял свою долю на содержание учеников".

Дети из обеспеченных семей учились в иешивах за счет родителей, а бедным ученикам выдавали средства на жилье и еду, и дополнительно - на обувь, одежду, поездку домой и на прочие непредвиденные расходы. В иешиве города Мир, в Белоруссии, неимущие получали по девяносто копеек ежемесячно. На эти деньги они снимали комнату на пятерых по восемнадцать копеек в месяц за каждого, а на оставшиеся деньги хозяйка покупала продукты и готовила на всех еду. Один из учеников этой иешивы вспоминал: "Особо назначенные "мешулохим" (посланцы) оставляли в каждом еврейском доме жестяную кружку с надписью: "На Мирскую иешиву". Еврейские женщины в пятницу, перед благословением свечей, непременно вспоминали о духовных обязанностях и кидали копейку в кружку. И никакая нужда в мире не в состоянии была заставить их взять обратно из кружки пожертвованные деньги".

В Мирской иешиве училось до трехсот человек в возрасте от четырнадцати и до тридцати лет. Они приезжали туда с рекомендацией от своего раввина, шли к главе иешивы, и тот сразу же посылал их заниматься. В большом зале были расставлены длинные столы, и у каждого стола - некрашенные деревянные скамейки. Первый стол назывался столом раввина, и все считали для себя большой честью заниматься за этим столом. За ним шли столы менее высокого ранга, а последние из них, наименее почетные, назывались "за печкой", "позади деревни" и "возле дверей". Все триста учеников сидели за этими столами, громко и нараспев произносили текст, и в зале стоял несмолкаемый гул голосов. Учились старательно, с девяти утра и до девяти вечера, с перерывами на обед и на молитвы, но и после девяти вечера многие оставались в иешиве и занимались до полуночи. В середине дня глава иешивы читал лекцию на одну из талмудических тем, а все триста учеников стояли вокруг и подбирали "жемчуг, сыпавшийся из уст учителя". Жизнь учеников была нелегкой, они почти не появлялись на улице, не занимались физическим трудом, и постоянные занятия, безусловно, подрывали их здоровье. Но в Мирской иешиве существовало поверие, что все они находятся под особой защитой, потому что основатель этой иешивы благословил ее однажды и пообещал, что ни один из ее учеников не умрет за годы учения. "И действительно, - вспоминал один из них, - история не запомнит здесь смерти какого-либо ученика. Рассказывают, что один ученик долгое время болел и никак не мог ни умереть, ни выздороветь. Его страдания были очень велики, и он просил, чтобы его вывезли из этого города, куда ангелу смерти нет доступа к ученикам. Окружающие сжалились над его страданиями, увезли в соседнее местечко, и там только он мог беспрепятственно умереть".

Некоторые из учеников поражали всех своими знаниями, и в Мирской иешиве даже существовала легенда об одном мальчике, который задавал такие сложные вопросы, что сам глава иешивы однажды попросил у него пощады. "В особенности помню, - вспоминал бывший ученик, - одного маленького, тщедушного пятнадцатилетнего мальчика. Он занимался с восьми часов утра до трех и четырех часов ночи, по восемнадцать-двадцать часов в сутки. Рабби Хаим Лейб (глава иешивы) не раз подходил к нему и любовно упрекал, что он так мало спит. "Мне и так хорошо", отвечал тот каждый раз, и рабби Хаим Лейб должен был отступать пред таким прилежанием... Когда впоследствии мне порою случалось проходить мимо иешивы поздно ночью, возвращаясь от товарища, где засиживались за игрою в карты или, и того хуже, за чтением вольнодумных книг, - его звонкий, тоненький, заунывный голосок служил мне упреком и будил в моей душе куда-то глубоко загнанную любовь и стремление к тому наследию прошлого, которое наши предки дорого ценили и которое мы ценим так дешево, хотя и дорого за него платим".

Книги для иешив печатались в еврейских типографиях России. Многие еврей-типографы издавали лишь книги религиозного содержания и гордились тем, что их печатные станки "не осквернились печатанием светской еретической книги" (!) знаменитой хасидской типографии в Славуте печатали только Талмуд и другие религиозные книги на чрезвычайно высоком типографском уровне. Однажды на чердаке типографии повесился один из наборщиков, выгнанный перед этим за пьянство. В этом деле усмотрели не самоубийство, а убийство с какими-то преступными целями, потому что и прежде власти предполагали, что в типографии тайно издают недозволенные "зловредные" книги. Был суд, типографию закрыли, а ее владельцев, братьев Шапиро - "за печатание еврейских книг с вредными правилами хасидской секты" - приговорили прогнать сквозь строй и сослать в Сибирь. Рассказывали, что во время наказания шпицрутенами у одного из братьев, рабби Пинхаса Шапиро, упала с головы ермолка. Он тут же остановился и под непрерывными ударами поднял ее, лишь бы не сделать ни одного шага с непокрытой головой.

3

В середине девятнадцатого века появилось новое религиозное направление среди литовских и белорусских евреев - мусар, что в переводе с иврита означает - мораль, нравственность. Мусар должен был поставить преграду надвигавшемуся казенному и светскому просвещению, бороться за души людей и за традиционные устои еврейской жизни, сохранить основы иудаизма. Проповедовал это учение раввин Израэль Липкин, более известный под именем рав Израэль Салантер - по названию литовского местечка Саланты, в котором он жил в молодости. С ранних лет рав Израэль Салантер выделялся поразительными способностями, скромностью, добрым и отзывчивым характером. Поначалу он хотел вести уединенную жизнь, чтобы служить Всевышнему лишь изучением Торы, но затем понял, что его долг - помогать другим. Этим он и занимался всю свою жизнь и осуждал тех, кого не волновали народные беды. Однажды рав Израэль узнал, что неприметно живет в Вильно один дровосек, возможно "тайный праведник", который весь день не снимает с себя молитвенное облачение и постоянно нашептывает молитвы. Но рав Израэль не захотел с ним даже встретиться, потому что не понимал, как мог такой богобоязненный человек прятаться в то жестокое время и не помогать своим страдающим единоверцам. "Все евреи ответственны друг за друга", - часто повторял рав Израэль, и каждый из них должен принимать участие в заботах, волнениях и тревогах своего поколения. Существует незримая связь между всеми еврейскими общинами мира, и "если в ковенской синагоге евреи злословят, то нарушается святость субботы в Париже". Рав Израэль Салантер жил чрезвычайно скромно, не заботясь о собственном завтрашнем дне, но постоянно говорил, что других он обязан обеспечить и на завтра. Однажды к нему пришел

бедный человек, который безуспешно перепробовал много профессий и не мог заработать себе на жизнь. И тогда знаменитый раввин Исраэль Салантер отложил все свои дела, научил этого бедняка двум-трем проповедям, заставил его повторить их несколько раз подряд, чтобы заучить на память, и после этого бедняк поехал по местечкам проповедовать и зарабатывать себе на хлеб. Когда в Литве вспыхнула эпидемия холеры, рав Исраэль Салантер призывал всех не отчаиваться, не бояться заразы и помогать друг другу. Более того, накануне Йом Кипур он объявил усталым, замученным и издерганным людям, что на этот раз не нужно поститься весь день и чересчур долго молиться, а лучше подольше побыть на свежем воздухе. В Йом Кипур, после утренней молитвы, он встал в синагоге с куском печенья в руке и стал есть его перед всеми, чтобы молящиеся последовали его примеру.

В тридцатилетнем возрасте рав Исраэль Салантер пользовался уже таким исключительным авторитетом, что его пригласили стать главой знаменитой виленской иешивы "Рамайлес". Он согласился и приехал в Вильно на "гарантированное жалование четыре рубля в неделю и при готовой квартире". Но прежний руководитель иешивы возражал против его назначения, и тогда рав Исраэль тут же оставил этот пост, хотя на его стороне были все влиятельные лица общины. Он открыл в Вильно свою маленькую иешиву, занимался с учениками и с любым жителем города, который приходил к нему, и получал за это крохотное вознаграждение. Его глубокие знания, вера, скромность и постоянное желание помочь каждому сделали его очень популярным в городе. Когда в Вильно открыли казенное раввинское училище, власти предложили раввину Исраэлю Салантеру возглавить его. Но он отказался, потому что не ожидал от этого дела никакой пользы еврейству. Кроме знаний, которые способно дать это училище, объяснял он, нужна еще и глубокая вера, а этого казенное училище привить не сможет. После отказа он сразу же уехал в Ковно, опасаясь преследования властей, но и там отказался от обеспеченной должности в общине, чтобы без помех распространять свое учение. Один из его последователей давал ему ежемесячно небольшую сумму денег, но рав Исраэль считал, что и эти копейки он присваивает незаконно. Он много работал в Ковно, обучал и воспитывал молодых учеников, чтобы подготовить раввинов в противовес тем, которых готовили казенные раввинские училища. Рав Исраэль приучил себя не отвлекаться на пустые беседы, чтобы не тратить драгоценного времени, но однажды его ученики чрезвычайно удивились, услышав, как их уважаемый учитель разговаривал о пустяках с каким-то человеком. "Этот человек был очень расстроен, - объяснил он. - Благое дело - развлечь его и заставить позабыть о своем горе, а вы же понимаете, что не беседой о мусаре можно было развеселить его".

Рав Исраэль Салантер был против сухого, неокрашенного эмоциями изучения Талмуда, но он не принимал и многого в хасидизме. В отличие от хасидов он учил, что Богу надо служить серьезно, потому что радость ведет к легкомыслию. Он приучал своих учеников к самопознанию и к самоусовершенствованию и часто говорил, что если человек лишь выслушивает проповеди о морали или читает книги на эти темы, то лучше от этого он не становится, потому что "расстояние между знанием и действием, между словом и делом так же велико, как между небом и землей". Единственное спасение - это мусар, ежедневная самоуглубленность, познание самого себя и самоочищение. Каждый человек - это книга о мусаре, и нужно много и старательно работать, чтобы добиться понимания этой книги, имя которой - ты сам. И потому мусаром должен заниматься каждый, от простого человека и до выдающегося ученого. Это надо делать с воодушевлением, чтобы почувствовать себя потрясенным до глубины души и ощутить потребность в покаянии, - иначе слова мусара не достигнут закрытого наглухо человеческого сердца, которое не поддается влиянию даже самых хороших и нужных речей. "Если человек, - учил рав Исраэль Салантер, - в продолжение всей своей жизни будет час в день заниматься мусаром и этим хоть один раз уберется от злословия, то он уже сделал хорошее дело".

Рав Исраэль Салантер требовал от себя и от своих последователей, чтобы добрые качества в человеке стали его второй натурой. Нужны огромные усилия - приучить себя к естественному желанию делать добро. Человек не должен желать зла другому так же естественно, как он не желает есть испорченные продукты или вдыхать омерзительные запахи. Каждый обязан научиться бороться со своими слабостями: вспыльчивый не должен обращать внимания на неприятные для него речи, мстительный должен научиться прощать обидчика, а завистливый - искоренять в сердце зависть. "Человек не должен думать, - учил он, - что все, созданное Богом,

не подлежит изменениям... Это неверно. Мы можем обуздывать действующие в нас силы. Мы можем их изменить..."

Молитвенные дома мусарников были открыты всегда и для всех, чтобы любой человек мог прийти туда в любое, удобное для него время и сосредоточиться. В такой синагоге, говорил рав Израэль, "никто не будет стыдиться быть откровенным и не станет опасаться, что в момент воодушевления за ним будут подсматривать посторонние; всякий, кто зайдет туда, сам поддастся этому настроению..." В синагоге мусарников был постоянный полумрак. Человек заходил туда, закрывал лицо руками, сосредотачивался и размышлял о суете мира, о своих грехах в прошлом и о неминуемых грехах в будущем, о неумолимом и карающем Боге. Кто-то начинал плакать, к нему присоединялись другие, стоны и рыдания сотрясали стены синагоги, и в этот момент кто-нибудь, невидимый в полумраке, произносил изречения из Священного Писания, чтобы еще более усилить раскаяние: "Обратись к покаянию за день до кончины" или "Знай, перед Кем ты стоишь". Все повторяли одно изречение много раз подряд, до полного изнеможения, затем следующее изречение - тоже много раз подряд, за ним еще и еще, и так несколько часов плача, раскаяния и самоочищения. Порой доходило до того, что некоторые из мусарников забрасывали все свои дела, торговлю и ремесла, зарабатывать самый минимум на кусок хлеба и все свободное время занимались лишь очищением души.

Последние годы своего пребывания в Ковно рав Израэль Салантер жил затворником и допускал к себе лишь ближайших учеников. Затем он поехал в Восточную Пруссию, откуда шло в Литву светское просвещение, чтобы бороться с ним на месте, при помощи своего учения. Он побывал в Кенигсберге, Франкфурте, Берлине и в других городах, везде привлекал к себе последователей, особенно среди молодежи, и открывал молитвенные дома мусарников. Рав Израэль часто болел, был слаб телом, но полон всевозможными проектами. Издавал еженедельник с вопросами и ответами на темы мусара;

хотел найти сто известных раввинов для перевода Талмуда на идиш, чтобы он стал доступным любому еврею; поехал даже в Париж для распространения мусара среди выходцев из России, а затем вернулся в Кенигсберг, заболел и уже не встал с постели. Говорили, что из его комнаты хотели вынести настенные часы, которые очень громко тикали, но он не позволил. "Старый бедняк болен, - сказал он. - Что за беда, если в его ушах постоянно раздается стук. Пожалуй, вы еще захотите ради него выстлать соломой улицу перед домом?..."

Рав Израэль Салантер умер в 1883 году и оставил в наследство своим детям лишь поношенный таллес и тфилин. Его учение распространялось и после его смерти. В Ковно были две мусарнические молельни - при синагоге портных и при синагоге дровосеков, и каждый вечер отсюда слышались плач, рыдания, голоса кающихся людей. Еще при жизни основателя мусара возникли первые иешивы мусарников, и среди них - "Кнессет Йсрозл" в Слободке, пригороде Ковно, который основал рав Ноте Гирш Финкель, "Старик из Слободки". Он говорил: "Прежде всего мы должны достичь высоты, чтобы стать достойными носить имя человека. Тогда мы станем достойны изучать Тору". В иешиве посвящали мусару полчаса в день перед вечерней молитвой, подводя итог прожитому дню, а на исходе субботы подводили итог жизни за ушедшую неделю. "В субботние сумерки, - вспоминал очевидец, - иешива выглядит, как корабль перед крушением. Уходит святость субботы, и каждому хочется хоть немного продлить состояние покоя. Но мрак надвигается с каждой минутой, тени становятся длиннее и гуще. Наступают будни. Еще нельзя зажечь свет, еще нельзя раскрыть книгу, и все погружаются в мусар-размышление..."

Раввин Йосеф Юзл Гурвич, основатель иешивы мусарников в Новогрудке, учил, что мир можно изменить, если этого по-настоящему захотеть. Его ученики часто повторяли: "Обычно говорят, что если нельзя подняться, то следует опуститься, а рав Юзл говорит, что если нельзя подняться, то нужно подняться". Уже в двадцатом веке рав Йосеф Юзл основывал новые иешивы мусарников в Киеве, Харькове и в других городах, а между Первой и Второй мировыми войнами в Польше и Литве было создано свыше семидесяти иешив под названием "Бейт Йосеф" - в память об этом человеке. "Я никогда не спрашиваю, - говорил рав Йосеф Юзл, - можно ли сделать, я спрашиваю - нужно ли. И там, где нет пути, я его проложу".

Ученики раввина Израэля Салантера любили рассказывать один случай из жизни своего учителя, который, возможно, лучше всего объясняет сущность его учения - мусара. Однажды рав Израэль Салантер шел поздно вечером по улице и увидел за окном сапожника, который работал при свете свечи. "Что ты сидишь так поздно? - сказал ему рав. - Ты ведь устал, иди

лучше спать". "Пока свеча горит, - ответил на это сапожник, - нужно работать". Эти слова привели рава Исраэля в восторг. Ведь это так совпадало с его основным жизненным принципом: пока свеча горит, пока человек жив, нужно постоянно стараться, нужно работать, чтобы очищать свою душу перед Создателем!

4

Можно много и долго рассказывать о временах правления Николая I и о событиях той эпохи, но из этих разрозненных частностей все равно не сложится общая картина жизни еврейского города или местечка - день за днем, событие за событием. Нужен современник, нужен очевидец, нужен выходец из этой среды, который оставил бы свои воспоминания - подробные и достоверные. Жил в России еврейский писатель Абрам Израилевич Паперна, который описал жизнь своего родного городка в николаевскую эпоху. Попробуем повторить его рассказ - с большими сокращениями и в иной последовательности, но сохраняя, по возможности, стиль автора.

Городок Копыль, Слуцкого уезда, Минской губернии с его деревянными, крытыми соломой, иссохшими и сгнившими бревенчатыми домами стоял на высокой горе, посреди полей, лугов и лесистых холмов. В описываемое время Копыль мог иметь около трех тысяч душ населения: евреи, белорусы и татары - представители трех различных миров. Христиане и магометане расселялись в боковых улицах по уступам горы и под горой, евреи же - на вершине горы, где находилась базарная площадь. Из-за такого видного места, занимаемого евреями, а также из-за их сравнительной многочисленности и свойственной евреям подвижности, Копыль на первый взгляд производил впечатление чисто еврейского городка.

У православных христиан Копыля и его окрестностей был только один храм, а у евреев на синагогальном дворе - синагога, бейт-мидраш, клауз и молельня общества портных. Там же помещался и дом раввина, который всегда был открыт для каждого. Все денежные, супружеские и прочие споры у евреев решались раввинским судом, к которому с полным доверием обращались и местные христиане в своих спорах с евреями. Суд этот был - надо отдать ему справедливость - скорый, справедливый и притом очень дешевый. Пострадавший обращался к раввину, раввин посылал служку за обвиняемым, и тот немедленно являлся - случаев неявки не бывало. Затем обе стороны клали на стол плату за судебное разбирательство - все равно сколько, но только поровну, и разбор начинался. Наконец, произносился приговор в окончательной форме, который беспрекословно исполнялся, без помощи судебных приставов, а в силу авторитета раввина.

Клауз был единственным каменным зданием в городке и служил молитвенным домом для почтенных копыльцев, выделявшихся знатностью рода, талмудической эрудицией, набожностью или благотворительностью. По субботам и на праздники они одевались в черные сатиновые одежды с бархатными воротниками и в меховые шапки с бархатным верхом - "штреймель". Одежды часто бывали ветхими, перешедшими по наследству от предков, шелк и бархат утрачивали свой первоначальный цвет, мех из штреймеля мало-помалу вылезал, - тем не менее эти, как их называли, "красивые", или "шелковые люди" сознавали свое достоинство и умели внушить к себе уважение других. Почтенные копыльцы относились пренебрежительно к ремесленникам, извозчикам, чернорабочим, которые были менее сведущи в Законе и не могли уделять время молитве и богоугодным делам. Знатный копылец ни за что не выдал бы свою дочь за ремесленника: это считалось позором для семьи. "Слава Богу, - любили повторять они, - в нашем роду нет ни одного выкреста и ни одного ремесленника". После утренней и вечерней молитвы "шелковые люди" занимались в клаузе своим любимым предметом - изучали Талмуд. Клауз заменял им и клуб: в сумерки любили они собираться в уютном, теплом уголке за печкой,

чтобы вести дружескую беседу о религиозных и светских делах и о политике - внешней и внутренней.

Был среди них староста кагала реб Хаимке, сутуловатый и подслеповатый, который во время молитвы плакал, рыдал, проливал горячие слезы, за что его и прозвали "гройсе баалбехи" - "великий плакальщик". Был там и реб Лейзер Янкель, обиженный природой, которая отказала ему в самом необходимом - в бороде, что он считал величайшим для себя несчастьем. Напрасно он сжимал и щипал свой подбородок: ничего не выжал и не выщипал. Реб Лейзер Янкель принадлежал к разряду "харифов" - изощренных талмудистов, и его ум постоянно работал над проблемами, им самим созданными. Реб Лейзер Янкель не изучал Талмуд для его применения в жизни: это, по его мнению, было делом плоских голов, "ремесленников"; но из отдельных камушков, разбросанных по безбрежному пространству Талмуда, он воздвигал восхитительные воздушные замки, из отдельных искр, таящихся в недрах Талмуда, он устраивал великолепные умственные фейерверки, - а для этого надо быть художником, творцом, каким и был он, реб Лейзер Янкель.

Приходил в клауз и реб Лейбке, прозванный "га-кадош" - святой. Специальностью его была кабала, и любимой его книгой была книга "Зогар", которую он изучал постоянно, стараясь с ее помощью постигнуть сокровенные тайны Торы. Реб Лейбке забот не имел, потому что владел помещением на базарной площади, да и жена его - деловая женщина, просто сокровище - открыла способ производства "нектара" - не то пива, не то кваса, какой-то мути трудно определимого цвета и вкуса, который копыльцы окрестили именем "унтербир" - "подпиво". Копыльцам этот напиток очень нравился, и по субботам, мучимые жаждой после горько-соленых закусок, они целыми шеренгами с женами и детьми отправлялись в дом реба Лейбке, чтобы освежиться живительным напитком. Конечно, торговать в субботу нельзя, но находчивые копыльцы умели обходить Закон на законном же основании. Жена реба Лейбке и не торговала, а только позволяла всем и каждому черпать из кадки и пить без меры, сколько душе угодно. Цена была всем известна - по грошу с лица, но денег она не брала, ибо знала, что можно отпустить в кредит, и, действительно, случаев утайки никогда не было.

Среди прихожан клауза был и реб Лейзерке, сын покойного копыльского раввина, который унаследовал от отца его соболью шапку, его лисью шубу, его набожность, но уступал ему в знании Талмуда. В жизни он был неудачником, и все его занятия - помощник раввина, меламед, а при случае и сват, не доставляли ему хлеба досыта. Реб Лейзерке часто скорбел и сокрушался, но не из-за личных невзгод: его мучило и жгло народное горе, бесконечная и безбрежная еврейская боль. Он молился долго, усердно, кричал, стучал кулаками; в молитве его всегда слышалось: "Что же это такое, Господи, творится на Твоем свете? Ты носил Свою Тору ко всем семидесяти народам мира, и никто из них не хотел взять на себя эту ношу; мы же ее охотно приняли и свято исполняем шестьсот тринадцать писанных Твоих заповедей и тысячи неписанных, - и какая награда за это? Мы сделали притчей во языцех, отданы, как овцы, на заклание, на избиение, на издевательство, на поругание, и Ты все это видишь и терпишь? Где же после этого Твоя справедливость?..." Бедный реб Лейзерке! Он никак не мог примириться с рассеянием народа. Другие терпели и притерпелись, а он не мог.

В копыльском клаузе была довольно богатая библиотека: Талмуд, раввинская литература, нравоучительные и исторические книги. Не было в этой библиотеке лишь светской литературы, которая считалась вредной и запрещенной, но появлялась тем не менее в Копыле тайным, контрабандным путем. Было в городке и много частных библиотек меньшего размера. Шкаф с книгами, с полным комплектом Талмуда в красном кожаном переплете считался лучшим украшением дома зажиточного еврея, как жемчуг и бриллиантовые серьги для его жены. У женщин тоже были свои библиотечки из книг, написанных на идиш, так как женщины древнееврейского языка не знали. Это были молитвенники, нравоучительные рассказы из еврейской истории, переделки "Бовы Королевича" и "Тысячи и одной ночи", а также бытовые рассказы на идиш плодовитого писателя Айзика Дика. Сотни небольших брошюр с его рассказами печатались ежемесячно, на самой дешевой бумаге, но зато они продавались по несколько копеек за штуку, и женщины, отправляясь по пятницам на базар, приносили домой вместе с продуктами и эти книжки, на которые серьезные мужчины смотрели со снисходительной улыбкой.

В Копыль порой заезжали странствующие канторы со своими певческими группами, которые давали концерты в синагоге к неопишуемой радости копыльцев. Синагога набивалась до отказа,

до удушья, места брали силою, локтями и кулаками; молодежь взбиралась на подоконники, на столы, на книжные шкафы, на печь, и с выпученными глазами и раскрытыми устами прислушивалась к чудным военным маршам и опереточным мелодиям, прилаженным к словам молитв. Приезжал в городок и некий Мойше по прозвищу Рамбам, "великий человек на малые дела", который изумлял всех своей феноменальной памятью и сообразительностью. Этот Мойше мог сразу же назвать число горошин в полной тарелке гороха; мог повторить наизусть, слово в слово, только что прочитанную ему большую статью; а когда прокалывали иглою насквозь все страницы Талмуда, он мог без ошибки сказать, какие именно слова проколоты на каждой странице этой огромной книги: это называлось "знать книгу на иглу". Приезжали в Копыль и сборщики денег на иешивы, для жителей Святой Земли, на восстановление сгоревших синагог, и всех их копыльцы наделяли по мере своих сил. Приходили в городок и нищие, массами бродившие по Белоруссии с женами и детьми, особенно в неурожайные годы, и ежедневно десятки этих нищих обходили все еврейские дома Копыля. Но так как каждому давать по монетке было не под силу, то в городке вырезали из картонной бумаги особую, так называемую нищенскую монету стоимостью в одну треть полушки и ставили на нее общественную печать. Жители покупали эти картонные монеты по их стоимости, раздавали затем бедным, а те после обхода Копыля меняли их в общине на настоящие деньги. Перед утренней и вечерней молитвами сапожник Юдель обходил весь городок и в каждую еврейскую дверь дважды ударял молотком, призывая идти на молитву. Жалованья за это он не получал, даже молоток был его собственный, которым он вбивал гвозди в каблуки, но каждый копыльский сапожник охотно бы взял на себя этот труд, только бы заниматься таким богоугодным делом. В субботу, когда носить молоток нельзя, Юдель звучным голосом выкрикивал: "Евреи, в синагогу!" А в пятницу, в двенадцать часов дня, он тем же напевом призывал всех: "Евреи, в баню! В баню, евреи!" Париться в бане по пятницам хоть и не предписывалось законом, но считалось священным обычаем - приготовлением к встрече невесты-субботы. Копыльцы сживали в бане часами, мылись, парились, хлестали себя вениками, а затем рассаживались по скамьям и беседовали о новостях дня, о политике, шутили и спорили.

Но вот подходила чародейка-суббота и одаряла всех "добавочной душой" - веселой, гордой, совсем не похожей на их обычную горемычную душу. Куда девались их сторбленные спины, их горько-кислые, мрачные лица? Празднично одетые, стояли они в синагоге с гордо поднятыми головами и сияющими лицами. На целые двадцать четыре часа они, их жены и дети были защищены от голода. Тем, у кого не было денег, дали добрые люди, и даже у последних нищих лежала на столе хала, и подавали на обед мясо и цимес! Да, в этот день нет забот, нет нищеты, нет галута-изгнания! И все это благодаря субботе, которой поют гимн: "Пойдем, возлюбленный, навстречу невесте!..." Но на исходе субботы снова слышны в синагоге охи и вздохи. Кантор читает - голос его дрожит: "Да вернутся грешники в ад!..." И вот он зарыдал, а за ним зарыдали и другие...

Копыль находился далеко от почтового тракта, и при запущенности дорог, ведущих к нему, никакой исправник, а тем паче губернатор, не заглядывал туда. В Копыле самодержавно властвовал становой пристав, страшный на вид, высокий, широкоплечий человек, который говорил по-польски, однако ругался и грозил непременно по-русски. Законов в России, как известно, очень много, да и законов о евреях не оберешься, и не случайно говорил писатель Айзик Дик: "Каждый городской может смело взять за шиворот любого еврея и потащить его в участок: уж какой-нибудь обход закона за ним окажется". А время было нешуточное, время николаевское; суровые меры сыпались одна за другой, одна другой страшнее и невыносимее. И вот в одно прекрасное утро раздался на базарной площади барабанный бой: строжайше предписывалось евреям одеваться в немецкое платье и запрещалось носить бороду и пейсы; женщинам воспрещалось брить головы и покрывать их париком. Легко себе представить ужас копыльцев: они сразу решили, что это подкоп под их веру. Назначен был пост. Все копыльцы горячо молились. А между тем сотский Семка по распоряжению станового уже потащил в участок самых почтенных евреев, где им бесцеремонно отрезали полы длинных зипунов, бороды гладко сбрили, а пейсы срезали беспощадно до самых корней. После долгих дум решили послать депутацию к грозному становому с петицией и с соответствующим случаем приношением. И что же? Депутация была принята очень милостиво, приношение - тоже, и гроза прошла. Семка перестал усердствовать, к отрезанным зипунам пришили новые полы все равно

какой материи и какого цвета, бороды с пейсами со временем отросли, и все пошло по-старому, по-бывалому.

Становой пристав оказался не злым человеком. При нем, как вспоминали с благодарностью копыльцы, многое "свелось только к деньгам", а со временем он так ужился с копыльскими евреями, что по субботам заходил к ним домой, выпивал чарку-другую водки и отведывал их рыбы, до которой был большой охотник. Становой пристав даже предупредил евреев о приезде тайного ревизора, и копыльцы ожидали его прибытия в страхе и трепете. Правда, один смельчак из лавочников отозвался было: "Чего вы, трусы, боитесь? Фальшивых монет не делаем, контрабандой не торгуем: пускай себе приедет!" На смельчака тут же накинулся реб Хаимке и, ухватив его за бороду, крикнул: "А это не контрабанда? А пейсы, а халат - не контрабанда? Мы сами, брат, контрабанда, мы, и жены наши, и дети наши!" Становой пристав распорядился принять меры предосторожности: мальчикам сидеть в хедерах тихо, всем по возможности быть дома и не выходить по делам, а если уж очень необходимо, то не иначе как в шубе (хоть дело было в жарком июле), чтобы под нею не виден был халат, - а поставив воротник, можно было скрыть даже бороду и пейсы. Еще посоветовал становой пристав убрать излишек товаров из лавок, чтобы их количество не повлияло на увеличение мзды. Ревизор приехал, на другое утро благополучно отбыл, и все это обошлось кагалу в какие-нибудь двести рублей. Недаром сказано о Защитнике евреев: "Не спит и не дремлет Страж Израиля".

В Копыле было около двадцати хедеров, и в них обучались все мальчики от четырех до тринадцати лет. Необязательным было учение для девочек, но и те большей частью умели читать молитвы и Пятикнижие в переводе на идиш. Копылец не жалел ничего для воспитания своих детей; нередко бедняк продавал последний подсвечник или последнюю подушку для уплаты меламеду. Знание в Копыле давало вес, значение, а порой и материальные выгоды. Ученые копыльцы бывали обыкновенно слабосильны, бледны, тощи; так и полагалось, ибо сказано: "Тора ослабляет силы человека". Малокровие и хилость считались признаками интеллигентности и благородства и служили лучшими рекомендациями для кандидатов на разные должности, а также для женихов. Рассказывали, что писатель Дик встретил однажды на улице нищего христианина - хилого, тщедушного и с искривленной спиной. "Ах, - воскликнул Дик, - как у "них" все пропадает даром! У нас такой редкий экземпляр был бы, верно, раввином или судьей!" Невежду крайне презирали в городке, но в Копыле круглых невежд и не было, разве что один истопник-водонос Меерке, но тот был идиот. Однако ж и этот идиот кое-как знал молитвы и довольно удовлетворительно произносил благословение над Торой - в тот день, когда читали отрывок, перечислявший бедствия, которые постигнут народ в случае отступления от Закона. Кроме него никто не соглашался выходить с благословением к Торе в тот день, да и Меерке, понимая содержание этого страшного места в Пятикнижии, брал за это с синагоги пятнадцать копеек.

Кроме местных юношей, в копыльском клаузе обучались и приезжие молодые люди: "бахурим" - холостые и "прушим" - женатые, которые стекались сюда из разных городов для изучения Талмуда. Копыльцы дружелюбно их всех принимали, и когда появлялся очередной юноша с посохом в руке и с котомкой за плечами, его тут же окружали, приветствовали и снабжали "днями", то есть подбирали семь домохозяев, каждый из которых должен был кормить юношу в определенный день недели. Тем самым положение ученика сразу же обеспечивалось: еда у него есть, книг и свечей - сколько угодно, квартира готовая - клауз, а в кровати и подушках он не нуждается - спит на скамье или на земле, подложив под голову свой халат. Жизнь, правда, не роскошная, но зато свободная от забот - для спокойного занятия Талмудом. Была еще одна причина такого радушного приема учеников, особенно холостых. Далеко не всякий в Копыле мог дать приданое своим дочерям, и в таких случаях выручали бедные ученики: отец невесты должен был только пообещать, что несколько лет он станет кормить новобрачных и их детей, - и молодых торжественно вели под хупу.

Немало волнений причинили копыльцам проекты об открытии казенных еврейских училищ. Евреи справедливо недоумевали, почему правительство так сильно вдруг озаботилось их просвещением, тогда как оно не обнаруживало ни малейшего интереса к просвещению христианского населения того же края, которое было поголовно безграмотным и не умело даже читать молитвы. Пришли к заключению, что это новый подкоп под еврейскую веру. Не помогли опять ни молитвы, ни посты, но для копыльцев дело закончилось благополучно. Правда, их обложили новым "свечным" сбором в пользу казенных еврейских училищ, но в самом Копыле

училище не открыли, и бурю пронесло мимо. Когда министерство народного просвещения стало силой навязывать меламедам новые учебники, расход на себя снова взяла община. Копыльский еврей повез деньги в Минск, заплатил за эти учебники и там же, в Минске, их и бросил. В который уж раз "все свелось только к деньгам", а между тем началась Крымская война, и о евреях опять позабыли.

Бедна, сера, печальна была жизнь в Копыле всегда, но в последние годы царствования Николая I она сделалась мрачной, мучительной и невыносимой. С учащением рекрутских наборов и особенно с появлением "ловчиков" в копыльском клубе - в клаузе за печкой - только и слышались вздохи, стоны и восклицания: "Доколе, о Господи, доколе?!" Однако же оптимисты-копыльцы и в этой мрачной атмосфере нашли луч надежды, и в чрезмерности страданий они узрели признаки спасения. Репрессии достигли крайних пределов, дальше идти некуда - следовательно, должен наступить поворот. Переживаемые страдания есть не что иное, как "предмессианские муки", а Крымская война - это "война Гога и Магога", которая, по предсказанию пророка, предшествует приходу избавителя-Мессии. В это самое время реб Лейбке долгим постом, молитвами и изучением кабалистических книг вычислил наконец-то время пришествия Мессии и конец страданий Израиля в изгнании. Он взял из псалма одно выражение, которое в переводе на русский язык означает - "как потоки на юге", и определил, что одиннадцать букв этого выражения на иврите есть не что иное, как начальные буквы следующего зашифрованного пророчества: "После смерти Александра Павловича будет царствовать немногие дни Константин, а в дни Николая наступит избавление".

Трудно вообразить, какой восторг вызвало это открытие. Оно пронеслось по всей Белоруссии, из конца в конец; евреи с радостью ожидали приближения мессианского времени, и реб Лейбке был окружен ореолом славы. Но Николай I скончался в свой срок, а Мессия так и не появился. Копыльцы поневоле примирились с этим горем, а реб Лейбке потерял веру в себя, впал из-за этого в уныние и преждевременно сошел в могилу.

В городе Владимире Волынском жила Хана Рохель Вербермахер, которая с детства обращала на себя внимание красотой лица и редкими способностями. Еще ребенком она изучила Тору, научилась писать на иврите, усвоила многое из Талмуда и молилась, как мужчина, три раза в день с таким воодушевлением, что приводила в изумление окружающих. Однажды - рассказывает предание - Хана Рохель долго сидела на кладбище возле могилы своей матери и, в конце концов, задремала. Когда она проснулась, был уже вечер, и на кладбище не оставалось ни одного человека. Девушке стало жутко. В испуге она побежала домой, по дороге споткнулась об одну из могильных плит и упала в обморок. Несколько недель после этого она была опасно больна, не говорила ни слова, и врачи потеряли надежду на ее выздоровление. Но однажды она позвала к себе отца и сказала ему: "Я сейчас была на небе и получила там новую, очень высокую душу". А через несколько дней она выздоровела.

С тех пор Хана Рохель стала вести себя как мужчина. Надевала молитвенные принадлежности - тфилин и таллес, которые носят только мужчины, и по целым дням молилась и изучала Талмуд. Получив наследство после смерти отца, она построила на свои деньги молитвенный дом и при нем - отдельную комнату, где постоянно находилась. Город Владимир Волынский евреи называли Людмиром, и Хану Рохель прозвали "Людмирской девой". Слухи о ней распространились по окрестным местечкам: говорили, что она знает тайны неба и земли и умеет исцелять больных. Вокруг нее образовалась группа хасидов, которые называли себя хасидами "Людмирской девы". Они молились в ее молитвенном доме, а по субботам, во время третьей трапезы, собирались послушать ее проповедь, и слова святой девы доносились к ним из соседней комнаты, где она уединялась. Раввины уговаривали ее, чтобы она переменяла образ жизни и вышла замуж, но Хана Рохель и слышать об этом не хотела.

Наконец, в это дело вмешался знаменитый цадик рабби Мотель из Чернобыля. Он так говорил про "Людмирскую деву": "Мы не знаем, душа какого цадика переселилась в эту женщину, но трудно все-таки душе цадика найти покой в теле женщины". Рабби Мотель уговорил Хану Рохель выйти замуж, чтобы таким образом перевести ее душу в низшее, нормальное состояние - пробуждением естественных женских чувств и ощущений. Но ее муж не смог жить с такой святой праведницей и вскоре развелся с ней. Она вышла замуж вторично - и дело опять закончилось разводом. Однако после первого же замужества слава "Людмирской девы" стала уменьшаться, и многие ее последователи покинули ее. Предание говорит, что на закате дней Хана Рохель уехала в Святую Землю, где и была похоронена.

В 1844 году министерство внутренних дел Российской империи тиражом в сто экземпляров опубликовало особую записку - "Розыскание об убийении евреями христианских младенцев и употреблении крови их". Ее составители не знали еврейского языка, не могли пользоваться еврейскими источниками и потому повторили прежние нелепые обвинения. Экземпляры этой записки вручили Николаю I и наследнику престола, великим князьям и членам Государственного Совета. На ее обложке значилось - "по приказанию господина министра внутренних дел", и эта записка стала практически официальным документом и сделала свое дело к моменту появления нового ритуального навета.

Весной 1853 года в окрестностях Саратова нашли тела двух пропавших мальчиков и на обоих трупах обнаружили признаки обрезания. Следователи тут же решили, что это ритуальное убийство, и обвинение пало на всех евреев города - солдат местного гарнизона и нескольких торговцев. Тут же арестовали солдата Михаила Шлифермана, который делал обрезание еврейским детям, арестовали торговца мехами Янкеля Юшкевича, его крещеного сына Федора Юрлова и многих других. В городе даже не хватило мест в тюрьмах и полицейских участках и пришлось нанимать помещения в частных домах. Вскоре объявились и "свидетели", которые сообщали самые невероятные и противоречивые подробности этого дела. Один из них рассказал, как он случайно зашел в еврейскую молельню и увидел, что евреи - при дневном свете и незапертых дверях - вытаскивали кровь из христианского мальчика. А гарнизонная проститутка сообщила следователям, будто бы, со слов жены Юшкевича, что за бутылочку христианской крови ее муж получил два миллиона рублей, а солдат Шлиферман - четыре миллиона. "Пусть пятьдесят человек показывают, что мы резали мальчиков, - говорила на это жена Юшкевича, - а все это ложь и клевета. Мы так же резали мальчиков, как вы их резали!" А ее муж во время допросов взывал к небу: "Боже мой, где же Ты? Что Ты там делаешь? Как это допускаешь?!..."

Слухи о ритуальном убийстве распространились в окрестностях Саратова и вызвали к жизни новые дела о "похищении мальчиков" - теперь уже не только евреями, но украинцами и немцами-колонистами. Саратовское дело тянулось восемь лет, и при Александре II Государственный Совет признал Шлифермана, Юшкевича и его сына виновными в убийстве мальчиков и приговорил их к каторжным работам на срок до двадцати лет. Однако Государственный Совет не подтвердил ритуальный характер убийства и особо отметил, что вопрос об употреблении евреями христианской крови "остается неразрешимым". Старый Янкель Юшкевичер, пережив остальных осужденных, просидел в тюрьме пятнадцать лет, ослеп и был помилован Александром II по просьбе влиятельных французских евреев. Последние годы жизни он провел среди родных в Харькове, и на его могильном памятнике написали такие слова: "Голос плача моего да поднимется к небу!"

* * *

Все еврейские книги до издания должны были пройти проверку, но многие из них печатали тайно, в обход цензуры. В какой-то момент власти спохватились и "для облегчения надзора" закрыли все еврейские типографии, кроме двух - в Вильно и Житомире, а книги в еврейских домах приказали немедленно представить в полицию - для проверки их "надежными раввинами". Эти раввины ставили на одобренные книги особую печать и возвращали их владельцам, а запрещенные книги, "разжигавшие фанатизм среди евреев", велено было "предавать сожжению на месте", в присутствии "благонадежных чиновников". Но вскоре у властей появилось новое опасение, что и "надежные раввины" могли по незнанию или умышленно одобрить недозволенные издания. И тогда повелели все книги заново отправить на цензуру в Вильно и в Киев, чтобы уже там, после перепроверки, поставить на "безвредные" книги еще одну печать, а "вредные" - немедленно сжечь. Тысячи книг повезли по дорогам и сложили на долгие времена на складах Вильно и Киева, чтобы решить, в конце концов, их участь. Не стоит удивляться столь крутым мерам, потому что и цензура русских книг была в те времена жесточайшей, и многие писатели страдали от придинок цензоров и долгих задержек с изданиями.

* * *

В первой половине девятнадцатого века прославился в черте оседлости кантор Шломо Каштан. У него был собственный хор и каждое лето, между праздниками Шавуот и Рош га-шана, он разъезжал с концертами по России, Австрии и Пруссии. Каштан пользовался невероятным успехом и получал двести рублей за одно выступление. Это были огромные деньги по тем временам, но недаром Шломо Каштана называли "королем канторов", а королям надо платить по-королевски. Его корону оспаривали тогда многие, и время от времени надо было доказывать свое право быть первым. Появлялся вдруг знаменитый кантор Арье "Готсвундер" из Вилькомира, чтобы, как он говорил, "сбить спесь у Каштана", и предлагал устроить соревнование. Появлялся кантор из Плоцка Шалом Барух и тоже претендовал на корону. В одной из синагог Вильно устроили однажды проверку многим канторам, и синагога была забита до отказа любителями канторского пения. Был там и Арье Тотсвундер", и "сам" Дувидл Бродер, и кантор "Фиделе", чей тоненький голосок напоминал звук скрипки, были там и канторы по прозвищу Канарик и Соловей, - и об этом соревновании рассказывали потом годами. Далеко не все канторы в те далекие времена были авторами мелодий. Многие пользовались композициями других, прославленных канторов, и выбирали мотивы по своему вкусу и по своим голосовым данным. Бывали даже случаи, когда использовали оперные мотивы Россини, Меербера и других композиторов. Мелодии передавали по памяти, потому что многие канторы не знали нот, и даже знаменитый Шломо Каштан никак не мог поверить, что музыку можно записывать на бумаге условными знаками. Однажды он попросил своего сына, который знал нотную грамоту, записать в его присутствии одну только что сочиненную им мелодию. Затем Каштан спрятал эту запись, а через месяц достал ее и попросил сына напеть мелодию по нотам. Когда он услышал в точности ту же самую мелодию, то даже прослезился от волнения и произнес благодарение Богу за то, что Он дал ему дожить до такого времени, когда музыку можно записывать на бумаге подобно словам!

Многие канторы ездили из местечка в местечко со своим хором, хотя и получали порой копейки за выступления. Они набивались в рыдван балагулы, как сельди в бочке, в местечках их кормили бесплатно местные любители пения, а рекомендацией им служило письмо какого-нибудь раввина, где было сказано, что предъявители сего - честные и благочестивые евреи. Переезжая из города в город, канторы знакомились со многими и потому естественным образом становились сватами и получали вознаграждение за сватовство. Иногда их приглашали и в частные богатые дома, чтобы услышать пение, и за это тоже платили. Шломо Каштан получал, например, за каждый домашний концерт целых двенадцать червонцев! Однажды какой-то богатый подрядчик, человек черствый, холодный, практичный, далекий от всяких сантиментов, тоже предложил Шломо Каштану двенадцать червонцев, но с одним непременным условием: если тот заставит его заплакать своим пением. И Каштан совершил чудо: подрядчик плакал, как ребенок, обливался слезами, всхлипывал, сморкался и снова плакал. Но если вдуматься, нет в этом деле ничего особенного: евреям часто приходилось плакать за последние две тысячи лет, накопился богатый опыт, - и стоит только запеть кантору что-нибудь грустное и печальное, как начинают капать слезы...

* * *

В тридцатых годах девятнадцатого века ездил по городам Европы Михаэль Йосеф Гузиков из Шклова. Усовершенствовав белорусский народный инструмент - "соломенную гармонику", он создал современный тип ксилофона с деревянными и соломенными пластинками и играл на нем пьесы Н.Паганини в собственной обработке, арии из опер Д. Россини, вариации на темы еврейских, украинских и белорусских народных песен и танцев. Гузиков был из первых российских музыкантов, гастролировавших в Европе. Он выступал в Дрездене, Берлине, Париже, Кракове, Вене и своей "баснословной виртуозностью" приводил в восторг самых знаменитых музыкантов и композиторов, включая Ф.Листа и Ф.Мендельсона-Бартольди, который называл Гузикова "истинным гением". В газете писали: "Вот в концертную залу тихо вошел польский еврей с бледным лицом, с чертами, исполненными задумчивости и скорби. Внесли несколько пучков соломы и множество обтесанных кусков соснового дерева. Публика смотрит и улыбается. Вот он начинает: слабые звуки странно отдаются в ушах. С удивлением и неудовольствием слушатели начинают поглядывать друг на друга..., но еще несколько мгновений - и полились дивные, задушевные, чарующие звуки, и зал загремел от криков

"браво" и бурных, необузданных рукоплесканий". В Вене Гузикова прозвали "Паганини на инструменте из дерева и соломы"; он выступал во дворце перед императором и был настолько знаменитым, что светские дамы - в подражание его пейсам - стали носить локоны а la Gusikow. Михаэль Йосеф Гузиков был религиозным евреем и выходил на эстраду в черном кафтане и с ермолкой на голове. Однажды его попросили выступить во дворце императора в пятницу вечером, но Гузиков отклонил приглашение, чтобы не нарушить субботу. Он умер молодым, в тридцатилетнем возрасте, и похоронен в городе Ахене на еврейском кладбище.

* * *

В традиционной жизни общины не только одежда, но даже и блюда еврейской кухни не менялись из поколения в поколение. Готовили борщи, блинчики-налистники, паштеты, рыбу, тертую редьку с луком и гусиным жиром, "кугл" - запеканку, "челнт" - мясо с фасолью и картошкой, которые томились сутки на медленном огне. Готовили "локшн" - вермишель или лапшу, "фладн" - пироги с начинкой из ягод, яблок или варенья, "фанкухл" - блины и оладьи, "леках" - пряники на меду, "шмалц-кухл" - сдобные мучные лепешки на гусином сале, "ци-мес" - сладкую тушеную морковь. Пили квас, мед, водку. На праздник Пурим готовили "гументашн" - "уши Амана" - треугольной формы печенья, начиненные маком, фруктами или вареньем. Накануне Йом Кипур готовили "креплах" - маленькие треугольные пельмени, начиненные мясом и сваренные в супе. В Шавуот ели преимущественно молочные продукты и пироги с творогом, а на Хануку тоже готовили блюда из молочных продуктов и неизменные "латкес" - картофельные оладьи. На Песах тоже ели "латкес" и еще к столу подавали бульон с "кнейдлах" - галушками из перемолотой мацы с гусиным жиром. Но в будние дни основной едой был грубый хлеб и отвар из крупы или кукурузы, а все вкусные блюда готовили лишь на субботу и на праздники, если, конечно, были на это деньги.

* * *

Из книги записей Рижского кагала: "30 декабря 1834 года. Во время пребывания в Риге нашего все милостивейшего Государя, члены кагала удостоились чести быть представленными и поднести Его величеству стихотворения на бархатной, вышитой золотом подушке, что вместе с другими расходами составило 57 рублей 85 копеек. Синагога была иллюминирована, что стоило 6 рублей 9 копеек".

ОЧЕРК ДЕСЯТЫЙ

1

В 1855 году закончилось тридцатилетнее царствование Николая I. "Узнав о смерти императора Николая I, - писал историк В.Ключевский, - Россия вздохнула свободнее. Это была одна из тех смертей, которые расширяют простор жизни". К тому времени многие уже понимали, что одними лишь полицейскими мерами и правительственными указаниями на все случаи жизни можно, конечно, удержать народ в повиновении, но добиться процветания страны нельзя. Требовались немедленные реформы для преобразования и оздоровления общества, для поощрения общественной инициативы, и новый император пошел по этому пути. "Лучше отменить крепостное право сверху, - сказал Александр II после вступления на престол, - нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнет отменяться снизу". Александр II не только отменил крепостное право, но и ввел автономию для университетов, учредил земское самоуправление и гласные, независимые суды с присяжными заседателями, запретил телесные наказания, провел реформу печати и цензуры и установил всеобщую воинскую

повинность взамен рекрутчины, которая прежде распространялась лишь на крестьян и мещан. Это была действительно эпоха "великих реформ", которые изменили облик России. "Боже мой, - вспоминал современник, - какое это было хорошее время! И это не потому только, что мы были тогда молоды, хороши собою, высоки ростом... Трудно представить себе ту лихорадочную жизнь, какую жило в то время общество. Общество ликовало в трепетном ожидании великих событий".

Николай I оставил по себе недобрую память у евреев России, и долго еще они вели счет времени от трагических событий того периода: "Это было до введения рекрутчины" или "Это случилось во времена хапунов". Но при новом императоре стало постепенно меняться отношение и к еврейскому вопросу. Уже "Комитет по устройству быта евреев" докладывал Александру II в духе времени, что прежние ограничения "содержат в себе многие противоречия и порождают недоумения". Уже один из высших сановников предлагал предоставить российским евреям равные права с прочими подданными, впускать в страну без ограничения евреев из других стран и разрешать и тем, и этим учреждать повсеместно торговые и банкирские дома. "Предприимчивые евреи, - писал он, - найдут в России обширное поле для своей деятельности, и Россия несомненно от того выиграет". А из Гродно прислали в Петербург специальный проект, в котором предлагали "разрешить евреям жить по всей Империи", - и тогда "народ, считавшийся по настоящему время бичом населения западных губерний, превратится в артерию, разносящую жизненные соки во все части Империи".

Более того, уже кое-где местное начальство стало по-иному относиться к "шалостям" офицеров и шляхтичей. Когда в Западном крае один знатный магнат повелел вымазать еврея дегтем и вывалить затем в перьях, его немедленно строго наказали, - а в прежние времена магната бы пожурили за такую "шутку". Наказали и других "шалунов", которые выгнали из зала несколько еврейских семей, потому что не пожелали в их компании смотреть представление. Слухи об этом распространялись мгновенно по всей черте оседлости и пробуждали надежды с ожиданиями. Но особый восторг среди евреев вызвала отмена крепостного права. Когда это осуществилось, в еврейской газете "Рассвет" написали с воодушевлением: "Великое дело свершилось в нашем отечестве! Сердце не может не затрепетать от восторга при этой вести. Кто истинный сын России, тот будет гордиться этим событием".

Публицист Авраам Ковнер, который сотрудничал в русских журналах и заслужил имя "еврейского Писарева", описал свою встречу с одним помещиком сразу же после отмены крепостного права: "Помилуйте, - говорил помещик горячо, - у меня было немного крестьян, всего около двухсот душ, но я был их полным властелином, я распоряжался его животом и смертью, его жена была моей потехой, его дочь - моя бессловесная рабыня... А теперь что? Теперь эти самые животные не только не подвластны мне, но чуть не смеются надо мною, глумятся, оскорбляют мою жену, мое семейство, не снимая перед ними шапки... Ах, Боже мой, как тяжело, как тяжело!" И мой собеседник залился обильными горячими слезами...

Представьте же себе эту картину! Русский барин, кровью и плотью связанный с народом, проливает горькие слезы о том, что его "брат" по происхождению, по вере, по вековой связи, перестал быть бессловесным животным, освободился из-под позорного ига, - а бедный еврейчик, ничего общего с русским народом не имевший, терпимый в России, как неизбежное зло, бесправный, беспомощный, забытый, - напротив, всюю душою рад, что чуждая и враждебная ему масса призвана к новой жизни, не лежит больше под кнутом и палкой барина".

Не стало теперь в России крепостных рабов, закабаленных и привязанных навечно к своему владельцу, но оставалось еще более двух миллионов евреев, запертых в семнадцати губерниях черты оседлости. Многие ожидали тогда и "великой реформы" еврейской жизни, но этого не произошло. "Я с этим никак не согласен", - объявил Александр II, и власти ограничились лишь частичными мерами. Но даже и это было огромным достижением по сравнению с царствованием Николая I. Уже с 1856 года перестали брать еврейских детей в кантонисты, перестали забирать в армию штрафных рекрутов за недоимки общины, запретили сдавать в солдаты "пойманных беспаспортных единоверцев" и отпустили по домам ответственных за призыв, которых при Николае I сослали за невыполнение нормы в арестантские роты. Детей-кантонистов, сохранивших свою веру, разбирали по домам их родители, родственники, просто знакомые, но обращенных в православие детей не разрешили возвращать в их семьи, а отдали на попечение христианам. Власти ликвидировали даже казенные еврейские училища, и взамен них появились начальные еврейские школы, а раввинские училища в Вильно и Житомире

превратили в институты для подготовки учителей. "Пусть религиозно-нравственное учение евреев остается при них, - писал в те годы правительственный ревизор. - Пусть его преподают детям меламеды, а взрослым объясняют и проповедуют их раввины. Христианское общество не имеет даже права и разумного основания контролировать их в этом деле..."

А власти уже позволили евреям вновь основывать типографии, закрытые при прежнем императоре; открыли для их поселения пятидесятиверстную полосу на западной границе и отменили секретное распоряжение Николая I, запрещавшее принимать евреев на государственную службу. "Последнее распоряжение, - писал современник, - служило неисчерпаемой темой для разговоров, и фантазия разыгрывалась до крайности. Моего двухлетнего сына, выказавшего хорошие способности, уже прочили в министры..." Александр II даже приказал "пересмотреть все существующие о евреях постановления для... слияния сего народа с коренными жителями, поскольку нравственное состояние евреев может сие дозволить". Николай I добивался этого "слияния" карательными мерами против "бесполезных" евреев, а Александр II стал добиваться того же расширением прав "полезных" евреев - чтобы "отделить от общей массы еврей-, ского населения людей влиятельных по богатству и образованию". | В обоих случаях сохранялось деление народа на разряды, но при новом императоре объявилась лазейка для некоторых категорий ев- [реев, и они этим тут же воспользовались. |

Сначала - для привлечения еврейского капитала во внутренние губернии - разрешили евреям-купцам первой гильдии переселяться туда на постоянное жительство со своими семьями. Эта малая группа была выделена из "массы народа непросвещенного и непроеводительного", а чтобы купцы не привели во внутренние губернии "целое колено израильское", позволили им взять с собой ограниченное число еврейских слуг и приказчиков. Затем разрешили селиться вне черты оседлости лицам с высшим образованием, а также фармацевтам, акушеркам, фельдшерам и дантистам. Это же право получили отставные "николаевские" солдаты и их потомки; получили его и еврей-ремесленники, механики и винокуры, которые должны были предоставить цеховое свидетельство о знании ремесла и полицейский отзыв о своем благонамеренном поведении. Но устранение черты оседлости для всех российских евреев власти сочли "невозможным, доколе не совершится нравственное их преобразование". Современник писал о тех временах: "С конца пятидесятых годов началось переселение богатых еврейских купцов в столицы и другие города вне черты оседлости..., а за ними потянулась вереница служащих и доверенных, которые, в свою очередь, привлекали туда родных и знакомых. Таким образом в Петербурге... возникла новая община взамен прежней, управлявшейся николаевскими отставными солдатами. Один из евреев-старожилов так объяснил это отличие: "Что прежде был Петербург? Пустыня. А теперь же это - Бердичев!..." С выходцами из черты оседлости происходила полная метаморфоза: откупщик превращался в банкира, подрядчик - в предпринимателя высокого полета, а их служащие - в столичных денди. Многие вороны напялили на себя павлиньи перья; выскочки из Балты и Конотопа через короткое время считали себя "аристократами" и смеялись над "провинциалами"... Биржа, в которой только что начала развиваться спекуляция ценными бумагами, приводила к расточительности. За всяким эфемерным барышом в несколько сот рублей следовал роскошный обед с товарищами в ресторане у Додона. Образовалась фаланга биржевых маклеров-"зайцев", производивших колоссальные воздушные обороты... Некоторые такими способами составили себе состояние, другие же погибли в этом водовороте..."

Приехали в Петербург и два брата, биржевые маклеры, чей отец был шинкарем где-то в захолустье. Дети тратили в столице многие тысячи и звали отца к себе, но он постоянно отказывался. "У меня тут золотое дело, - говорил он. - Вот, например, селедка, она стоит всего лишь две копейки, а я ее разрезаю на восемь кусков и каждый продаю по копейке. А базарный день! Случается, что я выпускаю двадцать крестьян спать на полу и получаю по две копейки с человека, а то и по три! И кто знает, не придется ли мне еще помогать моим детям?!..."

В годы правления Александра II экономика страны стремительно развивалась, и все слои населения приняли в этом посильное участие. По всей империи основывались во множестве банкирские и промышленные компании, во главе которых стояли вчерашние помещики и даже представители самых аристократических фамилий страны. "После освобождения крестьян, - писал современник, - открылись новые пути к обогащению, и по ним хлынула жадная к наживе толпа. Железные дороги строились с лихорадочной поспешностью. Помещики спешили

закладывать имения в только что открытых частных банках. Акционерные компании росли, как грибы после дождя, и учредители богатели. Люди, которые прежде скромно жили бы в деревне на доход от ста душ, теперь составляли себе состояния или получали такие доходы, какие во времена крепостного права перепали лишь крупным магнатам".

Россия вступала на путь промышленного развития, и евреи сыграли в ее экономическом расцвете немалую роль. Накопленный еврейский капитал пошел на учреждение банков и акционерных обществ, на строительство фабрик, заводов и первых железных дорог России. По всей черте оседлости евреи скупали в деревнях сельскохозяйственные продукты и вывозили их на внутренний и на внешний рынок. "Не будь еврея, - писал один из исследователей того времени, - крестьянину и некому, и негде было бы продать избыток своего ничтожного хозяйства, неоткуда было бы достать денег. Запретить евреям таскаться со двора во двор, от села к селу, с базара на базар, значило бы разом остановить промышленность целого края, которую они одни только поддерживают". "Справедливость требует сказать, - вторил ему другой исследователь, - что одни только евреи сообщают Бессарабии торговое движение, и без них был бы совершенный застой", а в Новороссийском крае и в Малороссии "уездные города превратились бы совершенно в деревни, если бы их не оживляли евреи своей деятельностью". Даже недоброжелатели признавали, что евреи "обладают большей подвижностью, энергией и предприимчивостью сравнительно с великороссами".

С семидесятых годов девятнадцатого века "сахарные короли" братья Лазарь и Лев Бродские, Иона Зайцев, Герц Балаховский и другие стали строить на Украине сахарные заводы. Они закупали в Европе новейшее оборудование, приглашали на работу химиков и прочих специалистов самого высокого класса, вырабатывали новинку тех времен - сахар-рафинад, и с ними, конечно же, не могли конкурировать сахарные заводи местных помещиков, на которых старыми методами, на старом оборудовании производили лишь песочный сахар. Новые сахарные заводы изменили характер земледелия на Украине, где стали выращивать огромное количество сахарной свеклы. Четвертая часть всех сахарных заводов Юго-Западного края принадлежала евреям, и на этих заводах производили миллион двести тысяч пудов сахара в год. А к девяностым годам девятнадцатого века на заводах братьев Бродских выпускали около четверти всего сахара, производимого в Российской империи.

В черте оседлости евреи развивали мукомольное производство, особенно в Полтаве, Киеве и Одессе. Они были владельцами или арендаторами сотен паровых и водяных мельниц и первыми стали вывозить муку в другие страны. Евреи арендовали тогда в черте оседлости около девяноста процентов винокурных заводов. Им принадлежало большинство пивоваренных заводов Литвы и Белоруссии, где работали пивовары-специалисты из Чехии и Германии. Многие табачные и махорочные фабрики Юго-Западного края были еврейскими, а также кожевенные заводы и лесопильни. В Лодзи и Белостоке евреи занимались обработкой шерсти и хлопка, а вокруг Ковно было много щетинных фабрик, которые славились своей продукцией и рассылали ее по всему миру.

После строительства железной дороги в Курской и Орловской губерниях евреи в корне изменили в тех краях торговлю хлебом. До этого местные купцы скупали зерно у крестьян и помещиков по дешевой цене, складывали его на хранение в ожидании высоких цен, не торопились с оборотом капитала и получали прибыль до тридцати процентов. "С появлением же евреев, - писал исследователь, - (а появились они буквально с первыми поездами в Курск и Орел) конкуренция понизила барыши в четыре и больше раза, и хлеб не залеживался более месяца или двух. Чтобы зарабатывать хорошо, нужно было закупать много и оборачиваться быстро, но в этом соперничество с евреями вряд ли возможно". Производитель получал теперь больше, купец - меньше, хлебная продукция стоила покупателю дешевле. Уже в 1878 году евреям принадлежало шестьдесят процентов экспорта хлеба из Одессы, и они потеснили греков - монополистов в торговле хлебом. Евреи вывозили хлеб и из Николаева, Херсона, Ростова-на-Дону и через порты Балтийского моря. "Если русская хлебная торговля..., - писал исследователь, - вошла составной частью в мировой торговый оборот..., то этим страна обязана главным образом евреям, выполнившим это сложное и важное дело вопреки всем препятствиям, которые ставились... на пути их деятельности*1".

Евреи занимались и лесной торговлей. Часть леса они отправляли по рекам в южные безлесные губернии России, другую часть сухим путем - в Польшу и Германию, а морским путем - в прочие страны Европы. По закону им не разрешалось арендовать на железнодорожных

станциях участки земли для лесных складов, и потому они перевозили лес не по железным дорогам, а сплавливали его по Днепру, Неману и Западной Двине. Им не разрешали пользоваться русскими портами Балтийского моря, и тогда они нашли обходной путь через прусские порты. Несмотря на все эти трудности, евреи сумели развить торговлю лесом и способствовали тому, что она стала важной статьёй дохода общего российского экспорта.

В 1859 году в Петербурге был основан банкирский дом Гинцбургов, один из крупнейших банков страны, который сотрудничал с Ротшильдами и другими еврейскими финансистами Европы. Евзель Гинцбург и его сын Гораций учредили затем Коммерческий банк в Киеве, Учетный банк в Одессе и Учетно-ссудный банк в Петербурге. Банкирский дом Гинцбургов финансировал строительство и эксплуатацию многих железных дорог России и создал в Сибири прииски по добыче золота и платины - Ленский, Забайкальский, Миасский, Березовский, Алтайский и другие.

Братья Самуил, Лазарь и Яков Поляковы основали Московский и Донской Земельные банки, Орловский Коммерческий банк, Промышленный банк в Киеве и прочие банки. Они были из первых частных строителей железных дорог в России и построили железнодорожные линии Козлов-Воронеж-Ростов, Курск-Харьков-Азов, Орел-Елец-Грязи - для экспорта зерна из черноземных губерний России. Одну из железных дорог длиной в семьсот шестьдесят три версты Поляковы проложили в рекордный срок - за двадцать два месяца, а для сравнения можно сказать, что первая в России Царскосельская железнодорожная ветка протяженностью всего лишь в двадцать пять верст строилась более двух лет, а Николаевская железная дорога Москва-Петербург - девять лет.

В 1857 году французские евреи учредили "Главное общество по постройке российских железных дорог" и с помощью еврейских банков Петербурга и Варшавы проложили четыре тысячи верст железнодорожных путей. А.Соловейчик учредил Сибирский Торговый банк. И.Блюх основал Варшавский Коммерческий банк и вкладывал деньги в строительство железных дорог Петербург-Варшава и Киев-Брест. Еврейские банкирские дома Варшавы и Одессы брали концессии на строительство железных дорог Варшава-Гирасполь, Москва-Брест и многих других. На строительство железных дорог еврей-подрядчики поставляли также железо, шпалы и прочие материалы.

Евреи развивали судоходство по рекам черты оседлости - Днепру, Неману, Висле и Западной Двине. Банкирский дом Гинцбургов учредил "Общество судоходства по реке Шексне". Самуил Поляков основал "Общество Южно-Русской каменноугольной промышленности". Григорий Поляк создал в Нижнем Новгороде пассажирско-грузовое пароходство и первым построил наливные суда, которые перевозили нефтяные продукты из Каспия вверх по Волге. Не имея прав эксплуатировать нефтяные источники, евреи занимались на Кавказе обработкой нефти и вывозом ее в другие страны. Фирма "Дембо и Каган" проложила первый в Российской империи нефтепровод. Калонимос Вольф Высоцкий основал в Москве самую крупную фирму по торговле чаем. В юго-западных районах черты оседлости торговля скотом была в руках евреев, а на северо-западе они скупали лен и отправляли его на фабрики России и Европы.

Поощряя развитие экономики, правительство поначалу не делало никаких национальных различий. Но активность евреев в торговле и в промышленности постепенно стала вызывать недовольство прочих купцов и фабрикантов, и естественную конкуренцию евреев стали называть "еврейской эксплуатацией коренного населения". Напряжение нарастало, где-то оно должно было прорваться наружу, и в 1871 году оно вылилось в Одессе в жестокий погром. В этом городе давно уже существовало торговое соперничество с греками, которых евреи вытесняли из внешней торговли. Нужен был только повод, и на Пасху пустили слух, будто евреи кидали камни в церковь и украли крест с ее ограды. Греки бросились бить евреев, к ним присоединились прочие желающие, и все вместе они начали громить дома и грабить еврейские лавки. Три дня продолжался погром, и более пятисот лавок и восьмисот домов были разграблены и разрушены. Полиция не вмешивалась, многие жители города поощряли и даже награждали громил, а некоторые учителя объясняли своим ученикам, что евреи сами во всем виноваты. Власти начали действовать лишь на четвертый день. На базарную площадь привезли возы с розгами, солдаты ловили погромщиков, секли их на виду у всех и таким оригинальным способом навели порядок в городе. Но еще несколько лет после этого на одной из улиц Одессы стоял разграбленный еврейский дом, с выбитыми стеклами и следами дикого буйства, как знак-напоминание всему городу - по желанию владельца этого дома.

Один из очевидцев писал про тот погром в Одессе: "Он не отличался жестокостью и диким изуверством грядущих погромов. До повальных убийств, до вколачивания гвоздей в черепа, до насилования дочерей в присутствии матерей, до распарывания животов беременным женщинам тогда еще не дошло..." Однако этот погром в Одессе стал предупредительным сигналом наступления новых, беспокойных времен. Кто-то, очевидно, не догадывался об этом, кто-то предпочитал не думать о ненадежном будущем, кто-то упивался своими успехами в торговле и промышленности, но времена подступали неумолимо, и уйти было некуда, и изменить положение - невозможно.

3

К середине девятнадцатого века в Царстве Польском появились еврейские промышленники и финансисты, писатели, художники, музыканты и издатели, которые считали себя польскими патриотами и принимали участие в тайных националистических кружках. Самолюбие обнищавшей шляхты страдало при виде богатых еврейских "панов" и независимых интеллигентов, к которым шляхта еще вчера относилась высокомерно и пренебрежительно. Это вызывало дополнительную неприязнь и грубые нападки, но в 1861 году начались антирусские волнения в Польше, и ситуация изменилась. Варшавский раввин Беруш Майзельс своими проповедями в синагогах призывал к единению с поляками, и евреи города во главе со своими раввинами выходили на демонстрации. Поляки восприняли это с энтузиазмом, тут же заговорили о том, что подошло время расширить права евреев, а наместник Царства Польского немедленно доложил в Петербург: "Раввины подражают ксендзам из видов мнимого братства, завязавшегося в смутное время между евреями и поляками... Арестованы и посажены в Александровскую цитадель раввин Майзельс, учителя Раввинской школы Ястров и Крамштык и купец Файнкинд".

Арестованных продержали в тюрьме три месяца, но в синагогах Варшавы продолжали молиться за победу поляков и пели польский национальный гимн. Евреи вели агитацию среди рабочих, нелегально перевозили оружие, и шестеро из них оказались в первой партии арестантов, отправленных на поселение в Сибирь. Поляки даже упрекали крестьян, "что они хуже жидов, потому что жида пристали уже к панам, а они держат сторону москалей". В 1863 году восставшие уже сражались против русских войск в Польше, Литве и Белоруссии, и им важно было привлечь на свою сторону полмиллиона польских евреев. Повстанцы выпустили прокламацию на польском и еврейском языках, которая заканчивалась такими словами: "Когда с помощью Всевышнего освободим страну от московской неволи, мы сообща будем наслаждаться миром. Вы и дети ваши станете пользоваться всеми гражданскими правами без ограничений, ибо народное правительство не будет спрашивать о вере и происхождении, а только о месте рождения".

Эти обещания будущего равноправия привлекали молодежь, и в отрядах повстанцев появились еврейские добровольцы. Варшавская община собирала средства на нужды восстания, а когда повстанцам срочно нужны были деньги, они шли к богатым евреям и получали необходимое. Бывали даже случаи, когда евреи распространяли среди крестьян воззвания ксендзов и сообщали восставшим о передвижении русских войск. "Евреи были для нас якорем спасения, - писал участник восстания. - Они предостерегали нас от всякой опасности и охотно давали нам разные советы". Некий безымянный еврей провез через границу, с риском для жизни и безо всякого вознаграждения, тысячи снарядов для повстанцев. Барух Шепсес из Вильно рассылал по всей Литве нелегальную литературу. Аарон Эйзенберг, богатый торговец железом, спасал арестованных повстанцев и "считал своей обязанностью служить обществу, которое его предкам оказало гостеприимство". Леон Ионас погиб вместе с другими добровольцами, прикрывая отход своего отряда. Филипп Кагане потерял в бою правую руку и, оправившись от

раны, вернулся в свой отряд и снова сражался. Александр Эдельштейн был изранен саблями, вылечившись, снова сражался, попал в плен, бежал из тюрьмы и погиб в одном из боев. Йосеф Абрам, портной из Желехова, не выдал под пытками расположение своего отряда и был замучен насмерть. Список евреев, участников того восстания, пестрит краткими сообщениями: "участвовал в битвах..., изранен саблями..., особо отличился..., взят в плен..., повешен..., расстрелян..., пронзен пулей..., погиб под Лодзью..." "Мы видели евреев в рядах борцов, - вспоминал современник, - мы видели их в организациях на постах руководителей, энергичных и активных, и даже некоторые паны же оказались такими щедрыми, как евреи". После подавления восстания, евреев - наравне с польскими повстанцами - сажали в тюрьмы, сдавали в солдаты, наказывали плетьюми и ссылали в Сибирь на поселение и на каторгу.

Но польское восстание затронуло, в основном, немногочисленную еврейскую интеллигенцию. Все остальное еврейское население не участвовало в восстании, а в Литве и Белоруссии ему даже не сочувствовало. Многовековая неприязнь к евреям прорывалась время от времени, и бывали случаи, когда повстанцы расстреливали или вешали евреев за одно только подозрение в шпионаже. И опять, в который уж раз, евреи оказались между двух огней, и очень сложно было решить в тот момент, кого поддерживать, а кого остерегаться. "И поляки, и русские, - писал современник, - желают иметь евреев в своем лагере, и обе стороны требуют жертв и денег". Порой евреям не доверяли и те, и другие, и их нейтралитет во время военных действий рассматривали, как измену. "Я как-то спросил еврея-ремесленника в Вильно, - писал путешественник, - чью сторону держали евреи во время бывшего восстания: русских или поляков? На это последовал умный ответ: "Для нас, евреев, Россия - это отец, а Польша - мать. Когда отец с матерью ссорятся, тогда детям нет надобности вмешиваться в эту ссору".

Польское восстание подтолкнуло правительство к усиленной русификации Западного края, и это, конечно же, отразилось и на евреях. В 1870 году Александр II путешествовал по Царству Польскому и к своему удивлению увидел в городах и местечках массу евреев в долгополых костюмах и с длинными пейсами. Разгневавшись, царь приказал - для "слияния евреев с коренным населением" - "соблюдать во всей полноте" старые, неотмененные еще законы о запрещении еврейской одежды. Местные власти энергично взялись искоренять "безобразные костюмы и пейсы хасидов", и некий полицейский чин даже издал по этому поводу грозный приказ: "Весьма нужное! Немедленно объявить Гутману Раппопорту и Мордку Гольдраду, чтобы они изменили одежду свою на русскую или на немецкую по собственному их выбору, и чтобы обрезали пейсы по верхнюю часть уха - во избежание взыскания... Бороды разрешается носить обыкновенные, круглой формы, какие носят лица других исповеданий, но отнюдь не остроконечные, завитые или к низу раздвоенные..." Это наступление на бороды, пейсы и костюмы снова ни к чему не привело, но вопрос о "еврейской обособленности" поступил на рассмотрение Государственного Совета.

Незадолго до этого объявился в Вильно крещеный еврей из Минска по имени Яков Брафман и стал печатать в русской газете статьи о реформе еврейского быта. В этих статьях он цитировал и разъяснял некоторые документы еврейских общин, которые, как он уверял, раскрывали "тайны еврейского кагала" и будто бы доказывали, что евреи - это "государство в государстве" и законы страны для них не обязательны. Статьи Брафмана произвели впечатление на местные власти, его оставили в Вильно и поручили и далее собирать кагальные акты "для издания их с переводом на русский язык для правительственных соображений". Писатель Л. Леванда отметил тогда: "Известный вам архипроидоха Яков Александрович (Брафман), воспользовавшись теперешним настроением русского общества нашего края, приехал в Вильно, чтобы принести и свою лепту на алтарь, на котором хотелось бы многим изжарить и съесть его бывших единоверцев... Если бы вы видели, какого ученого и мыслителя он корчит из себя, благодаря чужим статьям, которые он выдает за свои!... Заносчивость его возрастает с каждым днем; суждения его... о мыслителях, которых он, впрочем, не читал и даже не видал, достойны - оплеух".

Вскоре Брафман издал за казенный счет свою знаменитую "Книгу кагала. Материалы для изучения еврейского быта", где собрал сотни подлинных постановлений из книги записей минской общины конца восемнадцатого - начала девятнадцатого века. Брафман плохо знал еврейский и русский языки, и потому переводили документы на русский язык ученики раввинского училища, "едва вышедшие из детства". Их перевод грешил многими ошибками, вплоть до полного искажения подлинного смысла, а разъяснения и комментарии Брафмана

часто противоречили содержанию документов, потому что он не знал основ еврейского права и особенностей того времени, к которому эти документы относились. Это не помешало Брафману утверждать, что упраздненный к тому времени кагал на самом деле властвует в общинах, собирает в свою пользу налоги, поддерживает еврейскую национальную обособленность и вызывает вражду к христианам и к правительству. Вывод его был таков: следует распустить еврейскую общину и закрыть все ее религиозные и благотворительные учреждения, иначе "всемирный кагал" и дальше будет эксплуатировать население страны и, в конце концов, завоюет всю Россию.

Многие еврейские раввины и писатели доказывали тогда, что "Книга кагала" изобилует ошибками, добавлениями и умышленными искажениями. Вскоре ее издали вторично, за счет правительства, исправив ошибки перевода, и рассылали по многим учреждениям страны, чтобы чиновники были готовы к надвигающейся "опасности". "Книга кагала" стала очень популярной в те времена: газеты ее цитировали, власти часто ссылались на нее, как на неоспоримый авторитет, а впоследствии то же самое делали и антисемиты. Даже члены Государственного Совета ознакомились с книгой Брафмана и учредили новую комиссию, поручив ей изыскать пути "к возможному ослаблению общественной связи евреев, их замкнутости и фанатизма". Эта комиссия существовала девять лет, и к концу ее работы два члена комиссии - во имя "нравственности и справедливости" - потребовали уравнивать евреев в гражданских правах и первым делом отменить черту оседлости. Миллионы евреев, заявили они, лишены права свободы труда, передвижения и приобретения земли, то есть тех прав, которые суд отнимает лишь у преступников. Растет недовольство евреев и их "противогосударственные" настроения, а "еврейская молодежь начинает принимать участие в дотоле чуждых ей революционных стремлениях".

Но время кардинальных реформ уже прошло. Власти решили в который раз, что до полного "слияния" евреев с коренным населением следует непременно сохранить существовавшие ограничения, в том числе и черту оседлости, - и все осталось по-прежнему.

4

В июне 1876 года Сербия и Черногория, королевства на Балканском полуострове, начали войну против Турции, чтобы освободиться от вассальной зависимости. Борьба южных славян вызвала сочувственные отклики в русском обществе: по всей России организовывали во множестве славянские комитеты, собирали деньги на борьбу, и среди прочих в списках жертвователей появились и еврейские имена. И снова оптимисты понадеялись: вслед за свободой славян на Балканах будет даровано и евреям равноправие в России. Евреи вступали в санитарные отряды, которые отправлялись в Сербию, а некий Арон Ротман, - хоть и не знал ни одного славянского языка, даже русского, и говорил только на идиш, - поехал туда одним из первых и погиб в сражении. Поехал в Сербию и Давид Гольдштейн - корреспондентом газеты, но стал там простым солдатом, чтобы помочь восставшим. Он храбро сражался, был назначен командиром редута взамен убитого офицера, и под его командованием гарнизон отбил атаку турок. Гольдштейн получил медаль за храбрость и сербский орден, умер в госпитале от раны, и командир русских добровольцев писал о нем: "Мне редко случалось встречать такое безупречное мужество и хладнокровие, которые Гольдштейн выказал посреди величайшей опасности, и я считаю священным для себя долгом почтить этим заявлением память покойного".

Но силы были неравными, и восставшие не могли устоять против турок. Кончилось тем, что Россия объявила войну Турции, и теперь уже еврейские солдаты в составе регулярных русских частей пошли освобождать славян. Русская армия продвигалась вперед, и на освобожденных территориях болгары грабили, убивали и изгоняли местных евреев, потому что считали их

сторонниками турецкой власти. Английский посол в Стамбуле сообщал в Лондон: "В Казанлыке были вырезаны многие еврейские семьи... Ужасно положение евреев, преследуемых христианами и защищаемых турками; они совершенно разорены..." В европейских газетах писали о резне евреев в болгарских городах, о разрушении еврейских кварталов, о тысячах беженцев, среди которых были раненные штыковыми ударами. "Русские поднялись на помощь своим кровным братьям-славянам и единоверцам, - вспоминал еврейский журналист, - между тем как евреев ничто не связывает с болгарями. Напротив, евреи помнят тот позор и те преследования, которым их братья подвергались в Болгарии, особенно во время войны, между тем как под властью турок они жили тогда мирно и вольготно. И несмотря на это, десятки тысяч российских евреев сражались как львы, бок о бок с русскими. Многие были ранены и остались инвалидами на всю жизнь, многие пали славною смертью на поле брани, - их кровь смешалась на Балканах с кровью славян..."

В те дни много писали в русских газетах о хищениях поставщиков провианта, "жидков-продовольцев" из "Товарищества Грегер, Горвиц и Коган". Забывали при этом, что интенданты разных национальностей нагрели руки на той войне, а некий поставщик Власов даже поджег собственную фабрику консервов, чтобы скрыть следы злоупотреблений. Но нескольких евреев-аферистов выделили среди прочих дельцов, а их вину распространили на все еврейское население России. Еврейский историк С.Дубнов писал: "Во время войны... все четырехмиллионное русское еврейство выдвинуло из своей среды несколько десятков смелых хищников, которые набросились на продовольственное дело, как птицы на падаль... Забитый еврейский солдатик, несший одинаково со своими товарищами-христианами бремя войны, подобно им страдавший от хищений разных "агентов", проливавший кровь и получавший раны за отечество, - этот солдатик (а мало ли их было на войне, таких солдатиков?) терялся в многотысячном строе и не обращал на себя ничьего особенного внимания; но физиономия разжившегося "агента" совалась повсюду, бросалась в глаза, замечалась во всяких скандалах и темных историях - и замечалась теми, которые в этой презренной горстке аферистов-хищников видели типичных представителей всего русского еврейства... Так-то составляются репутации, и так составила репутация о целом народе в глазах многих русских людей! О, если бы эти люди могли заглянуть в глубь еврейской народной жизни, если бы они могли видеть эту миллионную массу честных тружеников, сдавленных в "черте оседлости", эту еврейскую голь перекатную, еврейский пролетариат, подобного которому нет ни у одного народа; если бы они видели, как эта масса стонет, вопит, голодает, задыхается в своей клетке, рвется к труду, к земле, к свободе и к свету, и как она на каждом шагу встречает препятствия, незнакомые никому, кроме евреев..., - что сказали бы они тогда о своем случайном "первом впечатлении"? Что сказали бы они на бессовестные выдумки о еврейском "миродержавстве" и еврейском "богатстве", созданные жестокими шутниками ради насмешки над жалким положением обездоленного народа?"

После войны объявились даже "специалисты", которые позабыли про истинные ее мотивы во имя освобождения славян, и всю вину за ее начало взвалили на российских евреев. Писатель-юдофоб Г.Крестовский писал в одном из своих антиеврейских романов: "Вообще евреи были за войну, в особенности наши, предвидя в ней счастливую для себя возможность великолепных, грандиозных гешефтов. Во многих синагогах раздавались высокопарные речи казенных и иных раввинов, призывавшие "русских евреев" быть в готовности к услугам "отечества" и правительства; в штаб действующей армии и другие правительственные учреждения сыпались проекты разных "выгодных" предложений и "патриотических" изобретений вроде греческого огня из Бердичева, подводных лодок из Шклова и т.п. Более крупные евреи, вроде "генералов" Поляковых и Варшавских, делали даже "бескорыстные" пожертвования, и все вообще тщились заявлять себя "балшущими патриотами"... Во всяком случае, один из расчетов двойной игры Запада, в союзе с жидовством, оправдался. Отступать России было уже поздно, да и некуда - и 12 апреля 1877 года война была объявлена".

В русских газетах ругали и премьер-министра Англии Д.Дизраели, лорда Биконсфильда, еврея по происхождению, за его протурецкую политику, - а заодно с ним доставалось и российским евреям. В ответ на это сто бердичевских евреев во главе со своим раввином написали в газете: "Мы, русские евреи, смело заявляем перед лицом всего русского народа, что с английским премьером мы положительно ничего общего не имеем и иметь не желаем, и что в России нам живется относительно хорошо..." Из Болгарии в Россию один за одним шли поезда с ранеными,

среди которых были и евреи, а в газетах продолжали писать о плохих солдатах-инородцах, татарах и евреях, на которых можно было свалить военные неудачи. "И татары, и евреи, - защищал их начальник штаба генерал А.Куропаткин, - умели и будут уметь впредь так же героически драться и умирать, как и прочие русские солдаты, - надо только уметь повести их". Больше всего еврейских солдат было в шестнадцатой и тридцатой пехотных дивизиях, которые на вербовали в Могилевской и Минской губерниях. Одну четверть там составляли евреи, а в некоторых ротах - более половины. Когда их отправляли на фронт, было много злых и обидных шуток по этому поводу, но после первых же боев офицеры этих дивизии высоко оценили еврейских солдат. "По общему отзыву ротных командиров, - писал один из них, - евреи дрались храбро и даже отчаянно". А командир тридцатой дивизии вспоминал после войны: "Еврей-солдат - чаще всего, семейный - обычно обеспокоен и озабочен; но еврей-воин в пылу битвы - храбр и неимоверно решителен. Это не автомат, не машина, действующая по команде офицера; напротив, с полным сознанием грозящей ему опасности, позабыв и бедствующее семейство и беспомощных стариков-родителей, он с образцовой решимостью и самоотвержением бросается первым в огонь. Еще одним бесспорным отличительным признаком обладает еврей-воин: это - его быстрая сообразительность и предприимчивость в самые трудные минуты".

Военный корреспондент того времени писал: "Я проделал значительную часть кампании на Балканах со Скобелевским отрядом, и мне ни разу не пришлось слышать о том, чтобы еврей-солдаты уступали в чем-либо русским солдатам. На Шипке было мало наших войск. Большая часть солдат была выбита. И в этих боях особенно отличился еврей. В то время, как солдаты лежали в окопах на гребне горы, еврей-солдат бесстрашно стоял под дождем пуль и указывал товарищам, куда стрелять. Когда ему казалось, что кто-то трусит, он говорил: "Ай да воин! Я еврей - и не боюсь, а ты вот трусишь!..." На форте возле Шипки к ногам артиллериста Лейбуша Файгенбаума упал снаряд, но не успел он еще разорваться, как Файгенбаум, не растерявшись, отшвырнул его в соседний ров и спас оружие и солдат. За это он получил Георгиевский крест, был отмечен особым приказом по армии, и о его подвиге много писали в газетах. В той же войне Лейбуш Файгенбаум получил еще два Георгия и умер от раны.

Во время ночной атаки на турецкий редут солдат шестнадцатой дивизии остановил сильный огонь. "Среди жужжания пуль и гранат, - вспоминал один из офицеров, - подбежал унтер-офицер еврей и закричал в темноте: "Ваше высокоблагородие, надевайте феску, кричите "Аллах!" Я обернулся и вижу: еврей-унтер надевает на солдат фески убитых турок и велит им кричать: "Аллах, Аллах!" Я тут же надел окровавленную феску, и с криком "Аллах!" мы начали быстро подниматься в темноте. Турки тут же прекратили огонь, приняв нас за своих. Мы без труда ворвались к ошеломленным туркам, захватили их врасплох и одержали полную победу". В боях за Плевну погибли многие солдаты и офицеры тридцатой дивизии. В одной из рот, которая пошла в атаку, был убит последний офицер, а солдаты замешкались и залегли. И тогда солдат-еврей снял с убитого офицера его мундир, переделался в него и с обнаженной саблей вышел вперед. "За мной, ребята, ура!" - скомандовал он солдатам, и вся рота поднялась и пошла в атаку. Этот еврей был убит пулей в висок, и его похоронили со всеми воинскими почестями и в офицерском мундире. Под той же Плевой солдаты тридцатой дивизии пошли в атаку на турецкие траншеи, но оттуда по ним открыли сильный огонь. "Чем ближе мы подходили к турецкой траншее, тем положение наше становилось все отчаяннее, - вспоминал командир дивизии. - Вдруг какой-то крик - "Шма, Исраэль!" ("Слушай, Израиль!") - огласил воздух. Оказалось, это закричали евреи, за ними бессознательно повторили то же самое русские солдаты, и в общем смятении, при единогласном "Шма, Исраэль!" вся дивизия взобралась на турецкую траншею".

И еще одно свидетельство ротного командира тридцатой дивизии, настолько невероятное, что трудно в него поверить. И тем не менее, это факт. Он рассказывал: "24 декабря 1877 года, с рассветом... мы взобрались, еле дыша, на вершину неимоверно крутой отвесной горы. И тут мы неожиданно очутились лицом к лицу с неприятелем, в пять раз превышавшим нашу силу. Неприятель начал перестрелку, надо отступить, - но куда?... Посмотришь вниз по спуску - голова кружится: верная смерть!... Как вдруг раздалось несколько голосов: "Валяй турка, валяй его!..." Семь-восемь евреев-солдат кинулись к неприятелю, и хватая по два, по три турка, с криком "Валяй его!" бросались по откосу в пропасть. Их отчаянному призыву последовали другие храбрецы роты. Стоны и крики падавших настолько оглушили турок, что они пустились в бегство. Укрепив позицию, я отправил ординарцев разведать о судьбе отчаянных бойцов. С

нашей стороны погибло двадцать шесть, из них девятнадцать евреев-солдат; турок же было шестьдесят семь. В живых осталось очень мало".

Остается только добавить, что в Москве, за зданием Политехнического музея, по сей день можно увидеть памятник-часовню, которую поставили русские гренадеры своим товарищам, павшим под Плевной. На стенах часовни записаны имена офицеров и солдат, особо отличившихся в боях 1877 года. Есть там и еврейские имена: Абрам Клях, Самуил Брем, Наум Коломец, Мошка Уманский, Исаак Родзевич, Моисей Масюк. Это их вспомнил в будущем, в Государственной Думе, еврейский депутат, выступая за отмену черты оседлости: "Если бы воскресли все эти люди, - сказал он, - которым нация поставила памятник, то они не имели бы права приехать в Москву и посмотреть на свой памятник".

Банкир Евзель Гинцбург постоянно жил в Париже, но очень часто приезжал в Россию по делам и ходатайствовал в столице за своих единоверцев. Во многом благодаря его хлопотам власти разрешили еврейским купцам первой гильдии, ремесленникам и отставным солдатам селиться во внутренних губерниях России, уравнивали евреев в правах при исполнении воинской повинности и позволили построить синагогу в Петербурге. В 1863 году Евзель Гинцбург учредил "Общество распространения просвещения между евреями России", и это общество существовало, в основном, на его средства. Все свое громадное состояние Евзель Гинцбург оставил сыновьям Горацию, Урию и Соломону при условии, что они сохраняют веру своих предков и российское подданство. Великий герцог Гессенский пожаловал Евзелю Гинцбургу и его сыну Горацию баронский титул, которым - с особого высочайшего позволения - им разрешили пользоваться в России потомственно.

Барон Гораций Гинцбург был правоверным евреем, строго соблюдал предписания религии и фактически руководил обширным семейным делом. Его дом в Петербурге часто посещали писатели И.Тургенев, М.Салтыков-Щедрин и И.Гончаров, критик В.Стасов, близкий его друг философ В.Соловьев, художник И.Крамской, композитор А.Рубинштейн и многие другие деятели науки, литературы и искусства. Гораций Гинцбург помогал многим - евреям и неевреям. На его стипендии учились студенты первой российской консерватории, и на его средства смог закончить Академию художеств скульптор Марк Антокольский. Он был одним из учредителей Императорского Археологического института, более всех пожертвовал на создание института экспериментальной медицины, построил хирургическое отделение в одной из столичных больниц и учредил Общество дешевых квартир в Петербурге. На средства семьи Гинцбургов выстроили в Петербурге еврейский сиротский дом, содержали еврейское училище, оказывали помощь жертвам пожаров, неурожаев и погромов, издавали многие научные сочинения на темы еврейской жизни в России. Гораций Гинцбург состоял в чине действительного статского советника, был награжден высшими орденами России, а когда он умер, представители многих городов и учреждений приехали в Петербург, чтобы оказать ему последние почести. Особая депутация провожала гроб с телом до Парижа, где он и был похоронен. "Нет такого уголка в "черте", - писали в некрологе в еврейской газете, - где бы не знали барона Гинцбурга, где бы его не любили и уважали, где бы не вспоминали о нем в минуты жизни трудные. Начинается в городе погром, - кому телеграфировать? Неурожаем в колониях, - к кому обратиться за помощью? Школа учреждается, - кого просить о поддержке? Барон никогда не отказывал. Он бегал к министрам и по департаментам, хлопотал о всяких еврейских нуждах, не жалея ни денег, ни времени, ни сил".

* * *

"Сахарные короли" Лазарь и Лев Бродские также прославились своей благотворительностью. Они давали огромные суммы на создание политехнического и бактериологического институтов в Киеве, на строительство киевского водопровода, на постройку в Киеве первого трамвайного сообщения на электрической тяге. Они построили в Киеве еврейское ремесленное училище стоимостью в триста тысяч рублей, синагогу на Васильковской улице и народную библиотеку; щедро жертвовали на еврейскую больницу и в помощь тем, кто пострадал от погромов и прочих бедствий. Калонимос Вольф Высоцкий, основатель крупнейшей фирмы по торговле чаем, много жертвовал на еврейские поселения Палестины, на строительство еврейских школ и по завещанию оставил миллион рублей на

будущие еврейские нужды. "Железнодорожный король" Самуил Поляков построил в Российской империи две тысячи пятьсот верст железнодорожных путей и за небывалую быстроту и качество строительства получил высшую награду на Всемирной выставке в Париже. Он основал на свои средства первое в России Елецкое железнодорожное училище и первое горное училище.

Самуил

Поляков пожертвовал на благотворительные цели более двух миллионов рублей. На его деньги основывали в России училища, гимназии, приюты для бедных детей, госпитали и театры. На его деньги построили в Петербурге первое в России студенческое общежитие, где бедные студенты получали бесплатно жилье и еду. Самуил Поляков выстроил синагогу в Петербурге, еврейские школы и дома для престарелых, основал фонд "Общества ремесленного и земледельческого труда среди евреев России" (ОРТ) и был награжден двумя русскими и двадцатью иностранными орденами. Его брат Лазарь Поляков был председателем Московской еврейской общины и построил для себя синагогу в Москве. Все три брата - Самуил, Лазарь и Яков - были возведены в дворянство и получили чин тайных советников. Председатель кабинета министров С.Витте писал в своих воспоминаниях: "Яков Поляков кончил свою карьеру тем, что был тайным советником и ему даже дали дворянство, но ни одно из дворянских собраний не согласилось приписать его в свои дворяне". Наконец, Яков Поляков пожертвовал много денег на благотворительные цели в городе Таганроге, и его приписали в дворяне области Войска Донского с единственным условием - никому об этом не сообщать.

* * *

Еще до русско-турецкой войны в русской армии возникло сомнение, могут ли "нижние чины иметь доверие к евреям-медикам". В ответ на это командиры частей сообщали, что "национальность медицинского чиновника не имеет никакого значения в глазах нашего больного солдата" и что "врачи из евреев всегда отличались знанием дела и усердием к службе". Во время русско-турецкой войны еврей-врачи - наравне с прочими врачами - служили в военных госпиталях и заведовали лазаретами. Очевидцы сообщали, что солдаты относились к ним с полным доверием, а офицеры часто избирали их старшинами офицерских собраний. Врач Мордехай Зельцер отличился в ту войну и погиб при исполнении обязанностей. Израиль Заблудовский был старшим врачом одного из казачьих полков, проявил себя под Плевной, а после войны стал старшим врачом лейб-гвардии Преображенского полка. Врачи Гроссман, Шер, Шклявер, Шапиро, Рабинович и другие получили награды "за отличия в делах с турками" и "за труды и лишения, понесенные в минувшую кампанию". Однако через самое малое время еврейских врачей обвинили "в неблагоприятном влиянии на санитарную службу в войсках", и в 1882 году военный министр распорядился "принять пять процентов за норму наибольшей численности врачей (евреев) во всем военном ведомстве". Затем эту же пятипроцентную норму ввели и при поступлении в военно-медицинскую академию, а через несколько лет туда вообще перестали принимать евреев. Пятипроцентная норма соблюдалась до русско-японской войны, когда из-за нехватки медицинского персонала еврейских врачей стали призывать на войну без ограничений. В Одесском округе, к примеру, половину призванных врачей составили евреи - 75 человек, а в Киеве и того более - почти шестьдесят процентов.

* * *

Писатель А.Паперна вспоминал: "Однажды в Минске ко мне на улице подошел нищий и попросил милостыни. Это был человек преклонных лет, хилый, с кривыми ногами и бритым подбородком... "Да не будет добра Брафману, - сказал он. - Он-то и сделал из меня "мешумеда" (выкреста)... Он воспользовался моей бедностью и слабостью к горькой капле (он щелкнул себя по шее), заманил к себе, поил, обещал золотые горы, ну, я и попался". "А теперь жалеешь?" "Помилуйте, как не жалеть?... Вы знаете - "наши" не отказывают бедным, потому и жилось сносно; не голодал и в будни, а по субботам и праздникам были у меня в доме, как у всех "наших", и хала, и рыба, и мясо. А теперь веду собачью жизнь: жена и дети, опозоренные мною,

бросили меня, ходить за милостыней к "нашим" стыжусь, да и не смею, - а "они" не привыкли давать. Затвердили одно: ступай работать! А в состоянии ли я работать или нет, - не их дело. Только в воскресенье на церковной паперти можно иногда что-то вымолить, да и там моя "жидовская рожа" часто отталкивает от меня жертвователей..." "Обратился бы к Брафману за помощью!" "Обращался, - ответил он, - да тот теперь и на порог меня не пускает. Я тебе, говорит, обещал рай небесный, и этого, я в том ручаюсь, ты удостоишься после смерти. Здесь же, на земле, ты сам должен о себе заботиться; здесь я не властен".

Через некоторое время Паперна случайно встретился в одном доме с Яковом Брафманом и рассказал ему о встрече с тем нищим. "Это просто напасть - этот нищий, - сказала на это жена Брафмана. - С тех пор, как он крестился при содействии мужа, нет от него покоя. Все пристаёт: нет рубахи - давай ему рубаху, нет сапог - давай сапоги, бросила его жена - давай ему жену..." "Характерная черта у евреев, - отозвался Брафман. - Если кто-либо из них принимает крещение, то он полагает, что осчастливил этим весь христианский мир и что за это ему причитается, по меньшей мере, генеральский чин или министерский портфель..." "Это показывает только, - сказал я, - что даже эти подонки еврейского общества знают цену еврейству и дешево уступать его не желают".

* * *

Из еврейской газеты "Рассвет" за 1881 год: "На Всероссийской выставке в Москве будет выставлен небывалый музыкальный инструмент, изобретенный одним житомирским евреем. Он похож на пианино без клавиш и снабжен тоненькими пластинками из стали и фольги, развешанными на медных проволоках. Изобретатель назвал свой инструмент - "плачущий голос", потому что из него исходят одни только печальные и плачущие звуки. Ни одной пьесы веселого характера на нем играть нельзя. Сам изобретатель извлекает из своего инструмента такие звуки, что все слушатели, особенно же евреи и еврейки, плачут навзрыд".

ОЧЕРК ОДИННАДЦАТЫЙ

1

Русское общество с восторгом встретило "великие реформы" Александра II, и это настроение передалось частично и евреям, проникнув в самые отдаленные местечки черты оседлости. "Кто из моих сверстников, - писал современник, - переживших это время, не вспоминает с восторгом ту чудную зарю нашего просвещения, те новые, светлые формы, в которые облеклась наша жизнь!" Наступали новые времена. Новые веяния и идеалы завораживали многих, и наиболее дальновидные и проницательные люди уже угадывали будущие изменения. Паулина Венгерова с грустью писала в "Воспоминаниях бабушки": "Про две вещи я в точности могу сказать: мы и наше поколение проживем свой век и умрем евреями; наши внуки наверное не умрут евреями; но что станет с нашими детьми - это для меня загадка".

В еврейских общинах России возросло стремление к светскому образованию. Ученики еврейских школ переходили в гимназии, из раввинских училищ стремились попасть в университеты, а некоторые родители даже подделывали метрики своих сыновей, которые вышли из школьного возраста, чтобы они могли поступить в общие школы. Процентную норму ввели позднее, уже при Александре III, а пока что министр народного образования отметил с одобрением, что "евреи, поступающие в наши учебные заведения, отличаются вообще своими способностями и прилежанием, и потому весьма желательно облегчить им способы к получению образования".

Во всех учебных заведениях ввели стипендии для поощрения евреев, средства на которые брали со "свечного сбора", но наплыв желающих был так велик, что со временем эти стипендии

отменили: евреи шли учиться и безо всякого поощрения. В 1853 году в гимназиях училось всего лишь сто пятьдесят девять еврейских учеников, в 1880 году их было уже семь тысяч, а к 1886 году количество евреев в низших, средних и высших учебных заведениях Российской империи превысило тридцать пять тысяч человек. В том же году в Харьковском университете на медицинском факультете сорок процентов от всех студентов составляли евреи, в Новороссийском университете Одессы на медицинском факультете их было тридцать процентов, а на юридическом - сорок один процент. А сколько открывалось в черте оседлости вечерних курсов, кружков, частных и общественных школ! Лев Леванда писал: еврейское общество города черты оседлости "есть общество необразованное, но образующееся... Здесь все учатся, от мала и до велика... Все жаждет образования. Какое прилежание, какое соревнование!"

Это стремление к светскому образованию не затронуло, тем не менее, основную массу евреев, которые продолжали посылать своих детей в хедеры и иешивы. Часть молодежи уходила из местечек в Вильно, Минск, Одессу и другие города, учила там русский язык и шла затем в гимназии и университеты, а другая часть - и их было большинство - все так же старательно и самозабвенно изучала Талмуд и сохраняла прежний образ жизни. Но внешний мир соблазнял книгами, театрами, увеселениями и более легким образом жизни; внешний мир не требовал исполнения многочисленных предписаний религии и прельщал идеалами всеобщего братства в будущем справедливом обществе, которое - как верили оптимисты того поколения - без сомнений и колебаний примет в свои ряды и "просвещенного" еврея. "Чувствовалось в воздухе, - писал Авраам Ковнер, - да из "запрещенных" книжек я знал, что где-то дышит и живет целый мир, которому нет дела до решения таких вопросов: можно ли употребить яйцо, снесенное курицей в праздничный день? можно ли употребить мясную посуду, если в нее попала капля молока? действителен ли развод между супругами, если в письменном тексте развода испорчена хоть одна буква?... Но этот чужой, заманчивый мир был для меня недоступен, и не знал я выхода из своего гнетущего состояния".

Молодые люди, зараженные тоской по иной жизни, создавали дополнительное напряжение в еврейском обществе. Возникали трагедии в семьях и начиналась непримиримая борьба "отцов и детей", борьба за души, отчаянные попытки родителей - когда силой, а когда и убеждением - удержать сыновей в их вере и в традиционном образе жизни, отчаянные попытки сыновей вырваться из этого мира. "Не торопись сбрасывать с себя всего еврея, - предостерегал герой повести С.Ан-ского своего сына-гимназиста, - не торопись разрушать все ограды". Но будущее показало, что стоило только начать, и процесс становился для многих необратимым.

"Маскилим"-отцы оставались евреями, но их дети, пройдя через гимназии и университеты, уходили из своего народа. И если прежде в еврейских семьях правоверные отцы боролись со своими детьми-"маскилим", то эти самые "маскилим", постарев, стали бороться со своими ассимилированными детьми и выкрестами. Первые верили когда-то в благотворные действия русского правительства, а вторые поверили в либеральные веяния тех лет, которые всколыхнули русское общество. "Все вокруг нас зашевелилось, засуетилось, зашумело... - писал Л.Леванда в своем романе с таким примечательным названием "Горячее время". - По всему пространству России идет теперь генеральная ломка сверху и снизу. Ломка старых идей, заматерелых принципов, закаменелых учреждений и вьевшихся в плоть обычаев. Шум, треск и грохот; все спешит обновляться, очищаться; все стремится вперед навстречу чему-то новому, небывалому, почти неожиданному. Даже наши единоверцы - и те поднялись на ноги и готовы идти... Они только не знают еще - куда".

Гуманизм и терпимость проявились на страницах русских газет и журналов, и образованные евреи тут же это ощутили. "Мы впервые очнулись, - вспоминал Л.Леванда, - когда услышали вокруг себя человеческие голоса, голос русского общества, говорившего устами русской печати". Благодаря русским газетам и журналам появилось новое явление - общественное мнение, чью силу почувствовали немедленно. Теперь уже и евреи желали создать свою газету на русском языке, чтобы ознакомить русское общество с еврейскими проблемами и открыто высказать давно наболевшее. Такая газета не случайно появилась в Одессе. Там уже жило много евреев, которые знали русский язык; там была и еврейская интеллигенция - врачи, нотариусы, адвокаты, писатели с журналистами, что с успехом сотрудничали в русских газетах и журналах. Они могли писать серьезно, а не понаслышке, о еврейских проблемах, и они желали это делать в собственной газете, без оглядки на чужого редактора и непременно на

русском языке, чтобы "отечество увидело поближе полтора миллиона сынов своих". "Мы, наконец, дожили до момента сознания собственных сил и достоинства, - отметил писатель О.Рабинович. - Мы излечились от того страшного равнодушия, с которым принимали всякую брань и упреки...; мы начали чувствовать обиды, - это важное начало..."

Но была и другая причина для создания еврейской газеты. В 1859 году в Одессе, в праздник христианской Пасхи, разразился жестокий погром, который начали греческие матросы со стоявших в порту кораблей. К матросам присоединились местные греки: били не только простых евреев, но даже и тех, "которые уже вполне усвоили себе европейские нравы, обычаи, образование и костюм". Погром продолжался несколько дней: около тридцати евреев были ранены кинжалами, многих избили палками.несколько человек умерли от ран и побоев, - а толпа между тем громила винные погреба, потому что разнесся слух, будто именно там евреи совершают ритуальные убийства. Но не успели еще смыть кровь с пострадавших, а местная одесская газета уже описала случившееся в игриво-благодарном тоне, восхищаясь тем, "до какой степени русский человек считает естественным разгуляться на праздниках". Это заведомо живое описание событий поразило евреев Одессы. "Факты искажены, - возмущался О.Рабинович, - дело извращено, о греках, самых главных разбойниках, ни слова!... Грустно, больно, отвратительно..." Нужна была собственная газета на русском языке для правдивого описания событий - прошлых, настоящих и даже тех, которые еще надвигались.

Инициатором создания еженедельника на русском языке стал Осип Рабинович, популярный к тому времени писатель, который публиковал свои рассказы и статьи в русских газетах и журналах. А получить разрешение помог "человек добра и прогресса", знаменитый хирург Н.Пирогов, тогдашний попечитель Одесского учебного округа. Сообщая эту радостную весть, Рабинович писал: "За работу! За работу, стар и млад!... Родная нива ждет своих пахарей!... Она до сих пор орошалась нашими слезами, теперь оросим ее пбтом нашим!... Всходы будут здоровые. Я это предчувствую, я в этом убежден". 27 мая 1860 года впервые в России увидела свет еврейская газета на русском языке. На ее титуле было написано - "Разсвет. Органъ русскихъ евреевъ", и эпиграф - по-русски и на иврите: "И сказал Богъ: да будетъ светъ!" С первых же ее номеров издатели заявили во всеуслышание: "Мы будем твердо держаться правды, в том сознании, что только она есть душа всякого дела, и что без этой души дело, при самом своем рождении, уже носит в себе зачатки смерти... Наш лозунг - свет, наша цель - вперед, наша награда - сознание исполнения долга".

В городах и местечках черты оседлости очередной номер "Рассвета" ожидали с нетерпением и передавали затем из рук в руки. "Рассвет" не лавировал, - вспоминал один из читателей, - не льстил, не угодничал, не хитрил, не лукавил, а шел прямо к намеченной себе цели, ни минуты не забывая принятой на себя задачи". Но неожиданно для всех Рабинович сообщил в газете о прекращении выпуска. "Нам встретились такие препятствия, которые преодолеть мы не в силах, - кратко заявил он. - Мы предпочитаем мужественную смерть за один раз медленному и мучительному разрушению". Ровно год просуществовал "Рассвет", вышло пятьдесят два еженедельных номера, и на этом он прекратил свое существование.

Лишь через много лет стала известна истинная тому причина, о которой до поры до времени остерегались говорить. В те либеральные, казалось бы, времена далеко не все дозволялось, и главный цензурный комитет - специальным циркуляром - запретил без особого разрешения печатать статьи об уравнивании евреев в правах с прочими российскими подданными. Редактор "Рассвета" ограничивался лишь прозрачными намеками, описывая положение евреев в странах Европы, но и этого ему не простили и вызвали к генерал-губернатору. "В конце концов мне сказали, - описывал Рабинович свою встречу с важным сановником, - и три раза еще обдуманно и вполне сознательно повторили следующее: "Ну вот, если какая-нибудь статья вашего журнала мне не понравится, потому что мне скучно или я в дурном расположении духа, просто у меня желудок плохо варит - и я немедленно закрою ваш журнал" (Самый журнал удостоился чести быть названным журналом жидовским)... Таким образом, существование моего органа поставлено в зависимости от того, варит ли или не варит аристократический желудок. За сим для спасения журнала вопрос может быть поставлен трояким образом: 1) переливать из пустого в порожнее, чтобы не раздражать нашего грозного барина, или 2) быть чисто доносчиком на нацию, раскрывая одни только темные ее стороны и не смея ни слова произнести в защиту там, где гнут ее в дугу, - или, наконец, 3) закрыть журнал до более благоприятных обстоятельств.

Тут ни одно честное сердце не поколебалось бы в выборе, и я со спокойной совестью прекращаю свою журнальную деятельность".

2

Десятилетиями в русском обществе складывался образ еврея - презренного чужака, торгаша, шинкаря и посредника, странного видом своим и обычаями, который - по всеобщему мнению - спаивал и доводил до разорения православных крестьян черты оседлости, и которого, конечно же, нельзя было допускать во внутренние губернии России. Волей-неволей его приходилось терпеть до той желанной поры, пока этот еврей не отбросит свою веру и свои традиции и не растворится в окружающих народах. Подобный стереотип прочно держался до середины девятнадцатого века, а русские газеты и журналы только способствовали его живучести и проникновению в сознание тогдашнего общества. Усматривали и смаковали лишь случайное, наносное, привнесенное в еврейское общество невыносимыми условиями существования, и практически ни у кого не было желания и потребности понять, вникнуть в их жизнь и представить себе истинную картину существования гонимых и обездоленных. Изредка лишь появлялись статьи, авторы которых всерьез и непредубежденно обсуждали еврейскую проблему, и евреи, стремившиеся к сближению с русским обществом, восторгались тогда, что с ними "впервые заговорили таким языком". "Как сирота, повсюду толкаемый и униженный, при первом сострадательном слове в недоумении вперяет прослезившийся взор в своего благодетеля, - писал Осип Рабинович, - так и мы, привыкшие с давних пор в литературе русской встречать слово "еврей", "жид" нераздельно с фальшивой монетой, контрабандой, шинкарством, не верили собственным глазам при чтении статьи, в которой о нас рассуждают кротко, по-человечески".

В первые годы правления Александра II многие газеты и журналы проявили небывалый до этого интерес и сочувствие к еврейской проблеме и впервые, быть может, заговорили о той громадной пользе, которую могло бы получить государство от равноправных евреев. Одним из первых опубликовал восторженную статью в "Одесском вестнике" хирург Н. Пирогов, сравнил поразительные успехи учеников в одесской еврейской религиозной школе Талмуд-Тора с печальным положением дел в христианских приходских училищах. "Как можно сметь сравнивать, скажут, нравственные свойства, и еще чьи? - писал он, - семитического, отжившего племени с нашими! это неслыханная дерзость!" И тем не менее, он не побоялся поставить в пример русскому обществу традиционное стремление евреев к грамоте. "Еврей считает священнойшею обязанностью научить грамоте своего сына, едва научившегося лепетать, - писал Пирогов. - У него нет ни споров, ни журнальной полемики о том, нужна ли его народу грамотность. В его мыслях тот, кто отвергает грамотность, отвергает и закон... И эта тождественность, в глазах моих, есть самая высокая сторона еврея". На статью Пирогова откликнулись многие газеты и, в свою очередь, расширили эту тему., "Воображение не в силах представить никаких ужасов, никаких жестокостей, никаких казней, - писали в "Русском вестнике". - Все они в свое время перепробованы на этом отверженном племени... Нападать на евреев прошла пора, и прошла навеки..." А в газете "Русский инвалид" написали совсем уж однозначно: "Не позабудем врожденной способности евреев к наукам, искусствам и знаниям, и, дав им место среди нас, воспользуемся их энергиею, находчивостью, изворотливостью, как новым средством, чтобы удовлетворить ежедневно разрастающимся нуждам общества!"

В 1858 году петербургский журнал "Иллюстрация" в антисемитской статье оклеветал двух евреев-журналистов, презрительно назвав их "некие ребе Чацкий и ребе Горвиц". В прежние времена такая выходка осталась бы безнаказанной, но теперь за оскорбленных

заступилась российская интеллигенция. Сто сорок человек опубликовали свой протест, и среди подписавших его были писатели

:

И.Тургенев, Н.Чернышевский, Н.Некрасов, Т.Шевченко, П.Мельни-ков-Печерский, И.Аксаков, А.Станюкович, историки С.Соловьев и; Н.Костомаров, актер М.Щепкин. "В лице г.г. Горвица и Чацкина, ' - писали они, - оскорблено все общество, вся русская литература". Не все из подписавших протест одинаково терпимо относились к евреям, и некоторые из них очень скоро доказали это на практике своими антиеврейскими выступлениями. Но либеральные веяния были еще сильны в русском обществе и не позволяли проявить истинные чувства, да и намерения правительства отличались пока что гуманностью, - а кто мог себе позволить пойти против намерений правительства?

Но впереди были уже иные времена и иной подход не к абстрактной теперь проблеме, а к конкретным представителям этого народа, которые - после некоторого расширения прав - поселились в столице и во внутренних губерниях России. Благие намерения и желание помочь обездоленным не всегда выдерживают испытания на практике, особенно когда эти долготерпеливые появляются вдруг неподалеку и требуют хотя бы немного потесниться. Многие интеллигенты, готовые прежде на расстоянии посочувствовать "отверженному племени", неожиданно обнаружили детей и юношей этого "племени" в гимназиях и университетах, еврейских банкиров, купцов и промышленников во главе банков и крупнейших компаний Москвы и Петербурга, еврейских инженеров - на строительстве железных дорог, еврейских журналистов - в лучших русских газетах, адвокатов - в судах, врачей - в больницах, общественных деятелей - в земских учреждениях, а представительниц прекрасного пола этого "отверженного племени" - в роскошных нарядах из Парижа - на балах, в гостиных дворцов и в ложах императорских театров. Уже восхищались скульптурами Марка Антокольского; аплодировали на концертах скрипачу Генриху Венявскому и виолончелисту Карлу Давыдову; посылали своих детей в Петербургскую и Московскую консерватории, которые основали Антон и Николай Рубинштейны; с почтением говорили о скрипичной школе профессора Петербургской консерватории Леопольда Ауэра, откуда выходили прославившиеся на весь мир музыканты.

А внедрение в русское общество продолжалось. "Все стали сознавать себя гражданами своей родины, все получили новое отечество, - писал еврей-современник с преувеличением, естественным для восторженного состояния. - Каждый молодой человек был преисполнен самых светлых надежд и подготавливался самоотверженно служить той родине, которая так матерински протянула руки своим пасынкам. Все набросились на изучение русского языка и русской литературы; каждый думал только о том, чтобы поскорее породниться и совершенно слиться с окружающей средой..." В этом стремлении к скорейшему "слиянию" многие не очень-то заботились о своем национальном самосохранении, а самые прыткие, как обычно, уже забегали вперед и даже предлагали брать грудным детям только русских кормилиц, чтобы таким образом "еврейские семейства теснее примкнули бы к русскому элементу".

Еврей-ассимиляторы заговорили уже о том, что "евреев, как нации, не существует", и что они давно "считают себя русскими Моисеева вероисповедания". "Правительство стремится к тому, чтобы, не нарушая нашей веры, облагородить и обрусить нас, то есть сделать нас истинно счастливыми гражданами, - уверяли друг друга очередные оптимисты. - А через самое малое время религиозная вражда потеряет свое жало и водворится исподволь мир, братство и любовь". В еврейской газете "День" писали о необходимости "проникнуться русским национальным духом и русскими формами жизни", а еврейский поэт Йегуда Лейб Гордон выдвинул популярный по тем временам призыв: "Будь евреем у себя дома и человеком на улице".

Интересное дело: многие десятилетия до этого призывы к слиянию шли только со стороны русского общества, и теперь, вроде бы, оно должно было раскрыть свои объятия навстречу долгожданным пришельцам. Но "слияния" не получалось. Велико было прежде расстояние между русским дворянином и местечковым евреем, и вдруг этот еще вчера презираемый чужак объявился поблизости - удачливый выскочка, который благодаря своему богатству и способностям попал в закрытое для него прежде общество и вызвал там немедленно всеобщее раздражение. Менялся со временем его облик, менялись и манеры, но время от времени

проглядывал все тот же местечковый еврей, которого прежде всего выдавало плохое знание русского языка. Эту характерную особенность тут же отметили многие русские писатели. У М.Салтыкова-Щедрина еврей-откупщик провозглашает с энтузиазмом при виде новобранцев: "По царке (по чарке)! По две царки на каздаго ратника зертвую! За веру!" У Н.Некрасова хор евреев-финансистов поет: "Денежки - добрый товар. Вы поселяйтесь на жительство, Где не достанет правительство, И поживайте, как царрр!"

Объявившись во внутренних губерниях, еврейские купцы, банкиры и промышленники усиливали конкуренцию в торговле, фабричном производстве и банковском деле, а еврей-интеллигенты, выпускники российских университетов, успешно конкурировали с христианами в сфере свободных профессий. Выяснилось вдруг, что мост между народами нельзя строить с одной только стороны. В этом деле всегда нужны два партнера, один из которых желал бы раствориться без остатка в другом народе, отбросив с облегчением свои национальные отличия, - а другой, как минимум, не возражал бы против того, чтобы в его народе кто-то растворялся, и не отпихивал бы от себя нежелательных пришельцев. Конечно, каждый отдельный еврей мог в душе считать себя русским по воспитанию и культуре и благополучно прожить жизнь с таким комфортным ощущением, но в какой-то момент количество этих пришельцев превысило некую критическую величину, и общество тут же стало реагировать на это неожиданное вторжение "восторжествовавших жидов и жидишек". "На бирже, в банках, на железных дорогах, в учебных заведениях, в судах, в конторах надзирателей, за прилавками, в ночлежных домах - то сановитые евреи, то грязные жида, - писали в русской газете в 1873 году. - Москва провоняла чесноком. Поезд привозит новые и новые толпы жалких, оборванных, грязных и вонючих еврейских женщин, детей и их не менее оборванных отцов и братьев. Неужели все они ремесленники или имеют высшее образование, что находятся в Москве?"

Куда девался прежний гуманизм либерального общества? Что стало с его терпимостью и сочувствием к "отверженному племени"? Снова заговорили в печати о походе против евреев, и снова стали обвинять Талмуд и призывать "к уничтожению и искоренению еврейских обрядов", после чего можно будет "отменить для евреев всякие ограничения". Чтобы придать своим нападениям научный характер, начали повсюду цитировать "Книгу кагала" Якова Брафмана, которая дала повод новому, неизвестному прежде обвинению в политическом объединении евреев всего мира во вред христианскому населению. Даже созданное в Петербурге "Общество распространения просвещения между евреями в России" причислили - по рекомендации Брафмана - к тайному "всемирному еврейскому заговору", хотя его целью было всего лишь "распространение среди евреев русской грамоты и полезных знаний".

Казалось, возвращались старые времена с их нетерпимостью и насильственными мерами воздействия, но теперь уже в России появилась новая еврейская интеллигенция, воспитанная на идеалах русской культуры, и ее представителей особенно ранили высказывания тогдашних властителей дум, перед которыми они прежде преклонялись. Славянофил Иван Аксаков, пользовавшийся огромным влиянием в русском обществе, писал в газете, что "не об эмансипации евреев следует толковать, а об эмансипации русских от евреев". Особенно привлекал многих один из самых крупных писателей того времени Федор Михайлович Достоевский. Двойственно было его отношение к еврейству, где неприязнь боролась с изумлением, особенно когда он вспоминал о неистребимости этого народа в течение сорока веков. "Тут не одно самосохранение стоит главной причиной, - писал Достоевский, - а некоторая идея, движущая и влекущая, нечто такое мировое и глубокое, о чем, может быть, человечество еще не в силах произнести своего последнего слова". И хотя он постоянно заявлял - "Я вовсе не враг евреев, и никогда им не был", его частые высказывания о пагубной роли евреев производили тяжелое впечатление на еврейскую интеллигенцию, которая с распростертыми объятиями шла на сближение с русским народом. "Верхушка евреев воцаряется над человечеством все сильнее и тверже, и стремится дать миру свой облик и свою суть", - писал Достоевский. Он выступал "за полнейшее равенство прав (евреев) с коренным населением", но только после того, как "еврейский народ докажет способность свою принять и воспользоваться правами этими без ущерба коренному населению".

Во время русско-турецкой войны возросли славянофильские настроения в обществе и ухудшилось отношение к евреям. Не успела закончиться эта война, и многие еврейские солдаты не излечились еще от полученных ран, как в городе Калише Царства Польского уже произошел еврейский погром. Толпа громила синагогу, лавки и дома евреев, а петербургская газета "Новое

время" сообщила об этом в такой игривой форме: "Полудети-католики преисправно кро-вянили морды жидят и жидовок". Эта газета выделялась своими юдофобскими выступлениями, публиковала всякий слух, порочащий евреев, и перепечатывала любую клевету из любого российского или заграничного источника. В 1880 году редактор "Нового времени" А.Суворин опубликовал статью "Жид идет!", и это заглавие стало лозунгом времени и определило антиеврейскую политику на несколько десятилетий вперед.

3

В годы правления Николая I евреи не принимали никакого участия в русском общественном движении. Еврейское население черты оседлости жило особой, замкнутой жизнью, стараясь оградить себя от внешнего влияния, а образованные евреи с университетскими дипломами насчитывались тогда единицами. Их контакты с русской интеллигенцией были редкими и случайными, их интересы не совпадали с интересами русского общества, да они практически и не разбирались в оппозиционных настроениях того времени.

При Александре II значительно возросло количество евреев в гимназиях и университетах, расширились их контакты с русской интеллигенцией, и еврейские студенты сразу же стали копировать "нигилистические" взгляды и привычки русской молодежи. В середине шестидесятых годов на улицах Киева можно было уже увидеть длинноволосого еврея-студента в пледе, накинутом на плечи, и с палкой в руке, или еврейскую девушку с коротко остриженными волосами. Это вызывало у евреев возмущение или насмешки, но жизнь двигалась дальше и тянула за собой многих. Заговорили уже о долге интеллигенции перед народом, и молодые люди специально подвергали себя всяким лишениям, ели только черный хлеб с селедкой и страдали оттого, что и такая "жизнь в роскоши" куплена "страданиями и трудом миллионов". Русская молодежь - для искупления своей вины - стала устраивать для рабочих вечерние и воскресные школы, открывала кооперативные лавки, швейные и переплетные мастерские на артельных началах, - а еврейская молодежь делала то же самое по их примеру, чтобы "вернуть долг народу".

Выучив русский язык, молодые люди с изумлением обнаружили, что существует русская литература, о которой они до этого ничего не знали. "Русские имеют литературу, - удивлялась героиня романа Л.Леванды. - Совершенно новое для нас открытие, не правда ли?" Ученики раввинских училищ, а порой и ученики иешив стали зачитываться статьями Чернышевского, Добролюбова и Писарева, учили наизусть, стихи Пушкина, Лермонтова, Кольцова и Некрасова, восхищались Тургеневым, Достоевским и Гончаровым, горячо обсуждали "мировые вопросы" и лелеяли смутные, неопределенные мечты о "всемирном братстве", когда все люди станут любить друг друга и будут пользоваться сообща плодами культуры, науки и техники.

"Неведомая для нас Россия... - писал современник-еврей, - представлялась нам светлой, преимущественно состоящей из людей, проникнутых идеями Белинского, Тургенева и Некрасова... Театр был для нас откровением... Помнится, с каким восторгом и увлечением молодые люди прислушивались... к проповеди о научной истине, о свободной любви, к намекам на политическую свободу. Немало плакали мы на представлении "Доходного места" и подобных пьес".

Поначалу многие евреи верили в благие намерения "добрého царя" и надеялись в скором будущем получить равные со всеми права. Но популярность Александра II постепенно падала. Общество ожидало от него новых политических реформ, и потому с особой болезненностью реагировало на арест и ссылку в Сибирь Н.Чернышевского, на жестокое усмирение польского восстания 1863 года, на закрытие вечерних школ, кооперативных артелей, столовых и библиотек и на массовые исключения молодежи из гимназий и университетов.

"Неблагонадежные" студенты продолжали волноваться, и Николай Утин, сын еврейского

банкира, бежал за границу во время арестов и был заочно приговорен к смертной казни. Выстрел студента Каракозова в Александра II повлек за собой новые аресты по всей России и высылки под надзор полиции. Власти даже разогнали в Петербурге кружок молодежи, которая всего-навсего распространяла среди студентов легальные книги по удешевленным ценам, а двадцатилетнего Марка Натансона за активную работу в этом кружке без суда сослали на север. Затем возникло среди молодежи России "народничество" - "хождение в народ" для агитации среди крестьян. Молодые интеллигенты были чужаками в русской деревне, где их поначалу встречали с подозрением, принимали порой за воров, не пускали на ночлег и вообще не понимали, чего эти люди шатаются по окрестностям и к чему призывают своими крамольными речами. Это "хождение в народ" продолжалось несколько лет, и в нем участвовало пятнадцать-двадцать евреев. "Мы были народники, - с гордостью вспоминал один из них, - и мужики были наши родные братья". Но евреям в русских деревнях приходилось значительно труднее, нежели их товарищам: они выделялись наружностью, манерами, а порой и акцентом. Чтобы завоевать доверие, "народники" должны были доказать на деле, что они прекрасно справляются с любыми сельскохозяйственными работами и могут работать не хуже, а то и лучше крестьян. Требовались умение, сноровка и сила, но этим чаще всего не обладали евреи, совершенно незнакомые с сельским трудом. Именно поэтому И.Аптекман, А.Хотинский и другие работали в деревнях фельдшерами. "Бунтарь должен... повести за собой крестьян на бой, восстание, уметь организовать бунт, - писал один из евреев-"народников". - Но откуда тощий, щуплый и робкий еврейский юноша, редко бывавший за чертой города, а то и местечка, в котором он до того жил, мог почерпнуть указанные выше способности, свойства и знания?..."

Даже самые удачливые евреи-"народники" испытывали порой разочарование, потому что идеализировали крестьянина и плохо его понимали. "Как-то раз я был в ударе, - вспоминал И.Аптекман. - Я развернул перед моей аудиторией картину будущего социального строя, долженствующего воцариться у нас после народного восстания, когда сам народ делается хозяином всех земель, лесов и вод. На самом, так сказать, интересном месте меня прервал один из моих слушателей торжествующим возгласом: "Вот будет хорошо, как землю поделим! Тогда я примаму двух работников, да как заживу-то!..." Но даже и это столкновение с действительностью не расхолаживало поклонников Чернышевского, Добролюбова и Писарева, которые с фанатизмом и без колебаний приняли новую веру взамен утраченной. Свою надежду на "русского мужика" они упрямо переносили с конкретного крестьянина, который их разочаровывал, на крестьян вообще. "И чем дальше от нас в географическом отношении были эти "добрые земледельцы", - вспоминал Л.Дейч, - тем охотнее мы готовы были наделять их всевозможными добродетелями и положительными качествами... и жертвовать решительно всем ради улучшения условий их жизни".

Еврейское "хождение в народ" удавалось далеко не каждому, и некоторые поэтому агитировали в городах, среди рабочих. В Киеве члены еврейского кружка Павла Аксельрода учили грамоте плотников и стекольщиков, читали им популярные книги и вели пропаганду. Считали тогда, что в рабочую среду легче проникнуть, если самому быть рабочим, а для этого нанимали, к примеру, еврея-сапожника, который обучал молодых революционеров сапожному ремеслу, а они не теряли времени даром и, в свою очередь, агитировали его во время учебы.

В 1872 году в Вильно образовался кружок молодежи, человек восемь-десять, которые отрицали еврейскую "регрессивную" религию, "архаический" язык, национальность и призывали к борьбе за "общечеловеческие идеалы добра и справедливости". "Для нас, социалистов, нет ни национальностей, ни расовых разделений, - писал один из членов кружка Аарон Либерман. - Все мы, живущие в России, русские; у нас одни интересы и одни обычаи. Мы - русские! соединимся же против врагов во имя равенства и братства!" Члены кружка получали из-за границы нелегальную литературу и распространяли ее в городе, но, самое главное, они тоже готовились "идти в народ" и пропагандировать свои идеи среди российского крестьянства. Планов было много и много споров, молодые люди не умели еще таить свои намерения, и такой кружок, естественно, очень быстро попал под подозрение полиции. Сделали обыск у основателя кружка Аарона Зунделевича, нашли там "только сапожные инструменты, но и этого было достаточно для уличения Зунделевича в государственном преступлении... Верно, говорят, он хочет идти в народ". По городу прошли повальные обыски, некоторых членов кружка арестовали, другие успели убежать за границу, а полицмейстер города призвал к себе

представителей еврейской общины и заявил им категорически: "Мы до сих пор считали вас, евреев, только мошенниками; теперь же мы будем считать вас и бунтовщиками". От еврейской общины потребовали повлиять на молодежь, и во всех молитвенных домах Вильно зачитали особое обращение: "Недавно появились негодные люди с извращенными понятиями, зло называющие добром, а добро - злом... Они пишут бессмысленные книги, говорят разнузданные речи; услащая преступление вкрадчивыми и увлекательными словами, они действуют губительно на своих товарищей..." Но воззвание не помогло, и вскоре из Вильно уже сообщали, что "дело разветвляется на зло всем проповедникам и сыщикам". Полиция снова провела по городу обыски, нашла много запрещенных книг и арестовала сорок человек, среди которых оказались четыре девушки и один солдат. Следом за Вильно еврейский кружок образовался и в Ковно, где поначалу тоже желали "слиться с русским мужиком", но со временем научились уже произносить новые для них слова - "социализм" и "коммунизм". Тогдашние теоретики "народничества" считали "народом" лишь крестьянство, обладавшее скрытой революционной энергией, которую следовало пробудить. В фабрично-заводских рабочих тоже предполагалась некая "скрытая сила", а евреев признавали "исключительно торговым" народом, и даже евреев-ремесленников в их крохотных мастерских не принимали в расчет и считали, что они тоже не прочь стать "гешефтмахерами" при благоприятных условиях. "Для нас существовал один только несчастный, обездоленный трудящийся люд, понимавший и говоривший на господствующем русском языке", - вспоминал один из евреев-"народников". Именно поэтому призыв "Иди в народ!" означал для них только одно - иди в русский народ, в его "рабочее сословие", и одновременно с этим - уходи из еврейства, ассимилируйся и как можно скорее усвой "русский национальный дух". "Пусть каждый из нас сойдется с людьми своего класса и сословия без различия исповедания, - писал социалист Аарон Либерман, - и тогда мы сможем заявить: у нас, евреев, нет своей особой культуры, отличающейся от культуры народностей, среди которых мы живем".

Эта еврейская революционно настроенная молодежь враждебно относилась к традиционному еврейству, к еврейской религии, и подобно многим неофитам - новообращенным, переняв новые идеи, готова была беспощадно разрушать старый мир, который должен был исчезнуть, по ее мнению, во имя "общечеловеческих" идеалов. "У меня, - да и не только у меня одного, - вспоминал один из таких неофитов, - неверие и ненависть ко всякой вере приняли в то время характер истинного фанатизма. Когда я проходил мимо синагоги, откуда доносились звуки молитвы или учения Талмуда, я скрежетал зубами от злобы. Высшим наслаждением для меня было доказывать, что Ветхий Завет не написан Моисеем, что Иисус Навин не остановил солнца, что царь Давид скверный человек, а сын его Соломон - глуп и т.д." Для этих новообращенных все было просто и однозначно в век "торжества наук и разума". "Железные дороги, телеграф и прочее объединили всех людей, - провозглашал один из них. - Слившись с другими народами, евреи забудут свою религию, а вместе с нею и свой язык".

Эти новые веяния разочаровали старое поколение "маскилим", которые надеялись прежде на просвещенную еврейскую молодежь. И вдруг они увидели, что эта самая молодежь, пройдя через университеты и получив недоступные для других льготы, стремительно ассимилируется и уходит из народа. Первым выступил против прежних идей "слияния" Перец Смоленский в журнале "Гашахар" - "Рассвет", который он издавал в Вене. "Они все твердят нам: будем, как все народы! - писал он. - Я тоже самое говорю: будем, как они, добиваться просвещения, оставим, как и они, вредные предрассудки и будем верными гражданами в стране нашего рассеяния; но не будем..., подобно им, стыдиться нашего происхождения и станем дорожить нашим языком и нашим национальным достоинством". Перец Смоленский определял еврейство, лишенное собственной территории, "духовной нацией", которая имеет такое же право на культурную и национальную жизнь, как и прочие народы. Основа еврейства - язык иврит и вера в национальное освобождение. Без иврита нет иудаизма, а без иудаизма нет еврейского народа. "Все те, кто презирает еврейский язык, - писал Смоленский, - презирают весь народ, и нет им места во Израиле, они предатели народа!"

А власти уже разгромили движение "народников", и несколько сот человек попали в тюрьмы или были сосланы в Сибирь. Но на смену "народникам" появилось тайное общество "Земля и Воля", и сразу же начались покушения: Вера Засулич стреляла в Петербурге в градоначальника Трепова, в Киеве убили жандармского офицера, в Харькове - генерал-губернатора, а затем в Петербурге - самого шефа жандармов. Участников покушений вешали по приговору судов,

заточали в казематы на пожизненное заключение, а в ответ на это заговорщики совершали по всей России новые и новые террористические акты. В 1879 году тайное общество "Земля и Воля" раскололось на два: "Черный Передел" продолжал заниматься агитацией в деревне, а "Народная Воля" немедленно вынесла смертный приговор Александру II. Началась охота за царем: в него стреляли на петербургской площади, взорвали мину под поездом, в котором он должен был ехать, делали подкопы под улицами и даже произвели взрыв в Зимнем дворце. В подготовке к самому последнему покушению принимала участие Гесья Гельфман, хозяйка конспиративной квартиры, где хранили взрывчатые вещества и печатали народовольческую газету. "Никто не умел лучше ее ладить с домохозяевами и дворниками, - писал о ней один из членов этого общества, - заговаривать, что называется, зубы непрошеным посетителям и отвлекать их внимание... Под видом самой непринужденной простоты, даже болтливости, в ней скрывались замечательное присутствие духа и находчивость". На конспиративной квартире Геси Гельфман была и динамитная мастерская, в которой Н.Кибальчич приготовил "снаряды" для убийства Александра II, и оттуда, в день покушения, их унесли с собой "метальщики снарядов".

1 марта 1881 года министр внутренних дел Российской империи выпустил официальное сообщение: "Сегодня, первого марта, в час сорок пять минут пополудни, при возвращении Государя Императора с развода, на набережной Екатерининского канала, у сада Михайловского Дворца, совершено было покушение на священную жизнь Его Величества посредством брошенных двух разрывных снарядов. Первый из них повредил экипаж Его Величества. Разрыв второго нанес тяжелые раны Государю. По возвращении в Зимний Дворец, Его Величество сподобился приобщиться Св. Тайн и затем в Бозе почил - в три часа тридцать пять минут пополудни. Один злодей схвачен". В день похорон на гроб Александра II среди прочих венков возложили и венки с надписью - "От петербургской еврейской общины". На черной бархатной ленте был написан белыми буквами стих из Плача Иеремии: "Дух жизни нашей - помазанник Божий - погиб в сетях их", а на белой ленте черными буквами - из Книги Самуила: "Да будет душа господина моего завязана в узле жизни у Господа Бога".

Один из народовольцев вспоминал о своей встрече с Гесей Гельфман в день убийства царя: "Я встретил ее у знакомых курсисток, у которых скопилась нелегальная литература. Полиция обыскивала тогда целые дома, особенно населенные студенчеством. Они боялись обыска и хотели сбить куда-нибудь эту литературу. Гельфман взяла себе весь сверток со словами: "Ну, у меня этого добра так много, что мне все равно..." На другой день в дверь ее квартиры позвонила полиция. Тут же послышались выстрелы: это один из народовольцев покончил жизнь самоубийством. Дверь открыла Гесья Гельфман и первым делом предупредила полицию, чтобы они были осторожны, так как в квартире находится динамит.

В конце марта суд вынес смертный приговор А.Желябову, С.Перовской, Н.Кибальчичу, Т.Михайлову, Н.Рысакову и еврейке Гесе Гельфман. Все они отказались обжаловать приговор и ждали казни, но в это время Гесья Гельфман почувствовала, что она вскоре должна стать матерью. Перед ней возникла проблема: идти на казнь вместе с другими осужденными или спасти жизнь будущего ребенка. Она хотела посоветоваться с отцом ребенка, тоже арестованным народовольцем, но ей ответили: "Свидание между двумя преступниками не допускается по правилам". И тогда она решила спасти ребенка и подала заявление: "Считаю нравственным долгом заявить, что я беременна на четвертом месяце". Провели медицинскую экспертизу, которая подтвердила ее заявление, и особое заседание Сената постановило отложить исполнение приговора и казнить Гельфман через сорок дней после родов.

В защиту Геси Гельфман писали в газетах всего мира, с открытым письмом к русскому правительству обратился Виктор Гюго, и наконец Александр III заменил ей смертную казнь на вечную каторгу. В тюрьме у Геси Гельфман родилась девочка, которую вскоре передали в воспитательный дом с указанием - "чтобы дочь Гельфман носила иную фамилию". И мать, и дочка вскоре умерли: одна - в тюрьме, а другая - в воспитательном доме.

Еще до убийства Александра II правые газеты стали обвинять евреев в космополитизме, революционности и вредном влиянии на русскую интеллигенцию. На страницах "Нового времени" А.Суворин писал, что евреи командуют революционным движением в России, и подсчитал, что евреи-подсудимые в политических процессах составляют семь процентов, тогда как их отношение ко всему населению - всего лишь три процента. Теперь уже лозунгом стало не только "Жид идет!", но также и "Жид бунтует!" Многие газеты - "Киевлянин", "Новороссийский телеграф", "Голос", "Русь", "Минута", "Московские ведомости" - подхватывали эти обвинения и почти в каждом номере печатали статьи с ожесточенными нападениями, огульной клеветой, подстрекательством к расправе, называя евреев главными виновниками всех несчастий русского народа. И хотя закон запрещал возбуждать вражду к какой-либо части населения и предусматривал за это строгие наказания, власти не мешали направленной пропаганде. После убийства царя много писали в газетах о Гесе Гельфмане, называли убийство "делом еврейских рук" и многозначительно подчеркивали, что у славянина Гриневицкого, который бросил одну из бомб и погиб при этом, был "крючковатый нос". Современник писал: "Наступило первое марта 1881 года с его мрачным событием. Что-то зловещее словно пронеслось над землей. Все притаилось и тревожно выжидало. Особенно жутко стало в еврейских обиталищах. Чувствовалось, как что-то надвигается, мрачное и тяжелое..." А из южных губерний уже поползли слухи о "беспорядках", которых ожидали там со дня на день, и о возможном "взрыве народного негодования против евреев". В "Новороссийском телеграфе" писали о неизбежном погроме, потому что "после событий первого марта народ оскорблен, озлоблен и рад на ком-нибудь сорвать свое зло". В городах на юге Украины неожиданно появились приезжие люди из великорусских губерний, которые уверяли толпу, что будто бы есть царский указ, который разрешает бить евреев в ближайшую Пасху. Многие указывало на то, что погромы были организованы и подготовлены заранее, потому что начались они почти одновременно во многих местах и прошли по одинаковому сценарию - при бездействии, а то и попустительстве властей. Не случайно в северо-западных губерниях, тоже населенных евреями, не было ни одного погрома: тамошний генерал-губернатор предпринял решительные меры - и все обошлось. Как писал свидетель тех событий: "Опыт подтвердил, что если погрома не желает губернатор, то его не допускает полиция, а если его не допускает полиция, то его и не начинает толпа".

Большая часть погромов в юго-западных губерниях случилась в городах и селениях, расположенных возле железных дорог. Все начиналось с того, что заранее появлялись люди из центральных губерний и распространяли среди населения слухи о намеченной дате погрома. Евреи тут же бежали к начальству с просьбой о помощи, но им советовали не выходить на улицу - и только. В назначенный день приезжала на поезде группа босых оборванцев с испитыми лицами, которых прежде всего поили водкой в кабаке, а затем уже вели на погром по намеченным заранее адресам еврейских квартир и магазинов. Местные жители поначалу присматривались к пришельцам и не вмешивались в их действия, но, убедившись в полной безнаказанности, примыкали к погромщикам и тоже принимались за разбои и грабежи. А со временем, обучившись, они и сами стали устраивать погромы - без посторонней помощи. Это началось пятнадцатого апреля 1881 года в городе Елисаветграде Херсонской губернии, в дни христианской Пасхи. Очевидец писал: "За день или накануне по железной дороге приехало около двадцати "молодцов". Они и стали предводителями нескольких шаек, которые разбрелись по городу, грабя и разоряя еврейские жилища и магазины". "Приказчики, служители трактиров и гостиниц, мастеровые, кучера, лакеи, казенные денщики, солдаты нестроевой команды - все это примкнуло к движению, - написано в секретном отчете правительственной комиссии. - Город представлял необычайное зрелище: улицы, покрытые пухом, были завалены изломанной и выброшенной из домов мебелью, дома с разломанными дверьми и окнами, неистовствующая толпа, с криком и свистом разбегающаяся по всем направлениям, беспрепятственно продолжающая свое дело разрушения, и в дополнение к этой картине - полное равнодушие со стороны местных обывателей нееврейского происхождения к совершающемуся разгрому..." Погром продолжался три дня, а затем в город пришли войска и восстановили порядок.

Следующим на очереди оказался Киев, где местные власти почти за месяц знали о дне будущего погрома, но ничего не сделали для его предотвращения, хотя в их распоряжении было много солдат и полицейских. В городе появились те же самые "молодцы", которые уверяли местных жителей, что "дозволено трое суток потешиться над жидами, за это ничего не будет, а нашему брату не мешает пожить". Погром начался в воскресенье двадцать шестого апреля на Подоле. "В двенадцать часов дня, - писал очевидец, - воздух вдруг огласился диким криком, свистом, гиканьем, ревом и хохотом. Шла громадная масса мальчишек, мастеровых и рабочих. Полетели стекла, двери, стали выбрасывать на улицу из домов и магазинов решительно все, что попадалось под руку. Толпа бросилась на синагогу и несмотря на крепкие запоры мигом разнесла ее. Свитки Торы рвались в клочки, топтались в грязь и уничтожались..." Затем погром перекинулся с Подола на прочие улицы Киева. Пьяная, озверелая толпа сокрушала все на своем пути, а солдаты с полицией только сопровождали погромщиков с места на место и время от времени предлагали им разойтись. Изредка к толпе подъезжал генерал-губернатор и "увещевал народ", а когда он уезжал, все начиналось сызнова. Ночью, в предместье Киева, толпа разграбила кабаки, перепилась, а затем подожгла еврейские дома. Мужчин забивали до смерти или бросали в огонь, а женщин насиловали. За сутки погромщики разрушили в Киеве около тысячи еврейских домов и магазинов, убили и ранили несколько десятков евреев и изнасиловали много женщин. На другой день войска стали разгонять толпу прикладами, кое-где даже стреляли, чтобы остановить озверевших людей, и разбой прекратился, - хотя справиться с ним можно было в первые же минуты погрома.

После Киева подошла очередь деревень и местечек Киевской и Черниговской губерний, Жмеринки и Конотопа, а затем и земледельческих колоний Новороссии. И здесь, как и в прочих местах, повторялось одно и то же: сначала приезжали зачинщики из великорусских губерний, а по окончании погрома они тут же исчезали. "В народе сложилось убеждение в полной почти безнаказанности самых тяжких преступлений, - писал впоследствии правительственный чиновник, - если только таковые направлены против евреев, а не других национальностей". Кое-где крестьяне решали на сходах, что и они "обязаны" громить своих евреев, так как царь этого от них требует. В одной деревне полиция попросила их не буйствовать, и тогда крестьяне потребовали письменное удостоверение, чтобы не отвечать потом перед властями за невыполнение царского указа. В другом месте крестьян успокоили таким доводом: "если бы правительство хотело бить евреев, то ведь у него достаточно для этого войск, - мужики почесали затылки и разошлись по домам".

Евреи Одессы жили в ожидании погрома почти месяц. "И с каждым днем становилось все яснее и яснее, что они не будут обмануты, - вспоминал еврейский писатель М.Бен-Ами. - И паника росла с каждым днем, с каждым часом... Всех точила и сверлила одна неотступная мысль: куда бежать? куда деть детей, когда начнется?... Чувствовалось, как атмосфера сгущается, как злоба и свирепость растут кругом с каждым днем, по мере того, как доносились известия о новых погромах. Ожидали только сигнала. Откуда? Никто не знал. Но все дикие силы были наготове и с нетерпением ожидали этого сигнала, чтобы ринуться на несчастное еврейское население и выместить на нем всю злобу, которая накопилась в них с того дня, когда на Руси вместо "обилия" массам преподнесли "порядок".

Погром в Одессе начался третьего мая 1881 года и продолжался три дня. "Не прошло и четверти часа, - вспоминал очевидец, - как вся рыночная площадь превратилась в громадную кучу обломков - досок, железа, стекла, посуды, одежды, обуви, разбитых бочек и ящиков с текущим из них пивом, водкой, маслом, нефтью и т.п. Везде были разбиты окна и двери, разорвана одежда, подушки и перины, сломана мебель, - и все это огромными кучами загромождало улицы". В городе с многотысячным еврейским населением результаты могли быть более устрашающими, но полиция действовала активно, да и еврей-студенты, еврей-мясники и извозчики вооружились дубинами и железными палками и отгоняли толпу от своих кварталов. Вместе с погромщиками полиция арестовала и сто пятьдесят евреев, обвинив их в "хранении оружия", - да и в других местах власти чаще всего не допускали еврейскую самооборону. В Бердичеве местная община заплатила полицмейстеру города большие деньги, и он разрешил евреям дежурить на железнодорожном вокзале. Дважды группа оборванцев приезжала в город, но на платформе их встречала еврейская стража с дубинами и не позволяла выйти из вагонов. Таким способом Бердичев избежал грабежей и разбоя.

В июле того же года погромы возобновились. В городе Переяславле Полтавской губернии появилось много евреев из Киева, которые бежали туда после весеннего погрома. Чтобы избавиться от этих пришельцев, местные жители устроили двухдневное побоище. Следующим на очереди был Борисполь, расположенный неподалеку. "Погром начался, - писали в русской газете. - Погром страшный, сокрушивший все, что только можно было сокрушить. К восьми часам вечера все многочисленные евреи, населяющие Борисполь, были уже разорены". Затем прошел двухдневный погром в городе Нежин: "Разгромив винный завод и несколько погребов, толпа успела напиться до того, что потеряла, кажется, всякое сознание. Ничего не оставалось делать для усмирения разъяренной толпы, как пострелять ружьем. Сперва был дан холостой залп, но он не подействовал. Некоторые из мужиков и даже женщины кричали: "Не может быть, чтобы батюшка-царь наш велел проливать кровь русскую за поганых жидов!" И опять бросились разбивать лавки. Наконец, после тщетных, неоднократных увещаний оставить буйство, офицер велел сделать залп из заряженных ружей. На земле оказалось шесть распростертых трупов. Невозможно описать, что произошло после этого: рев, крик, стоны..., и толпа с остервенением бросилась на окончательное разрушение еврейских лавок".

Теперь уже войска вели себя более решительно, и погромов не было до конца 1881 года. Все, казалось, успокоилось, но неожиданно новый погром разразился в Варшаве, столице Царства Польского. Во время рождественского богослужения в переполненном костеле кто-то крикнул "Пожар!", толпа бросилась к выходу и насмерть затоптала многих. Пожары на самом деле не было, но тут же стали говорить, что будто бы поймали двух евреев, которые подняли ложную тревогу. Проверять этот слух никто не стал, и толпа сразу же кинулась бить евреев и громить их магазины, склады и жилища. Полиция практически не вмешивалась; польская интеллигенция протестовала против погрома и хотела учредить гражданскую стражу для защиты евреев, но власти этого не позволили. За три дня буйств несколько десятков евреев были ранены, синагоги разгромлены, четыре с половиной тысячи еврейских квартир и магазинов разрушены и разграблены. "Так закончился страшный 1881 год, родной брат критических годов еврейской истории... - писал историк С.Дубнов. - В 1881 году волна варварства поднялась навстречу еврейскому обществу, устремившемуся в короткую эпоху реформ к гражданскому равноправию и требовавшему себе места в государственной жизни России. Это было в тот самый год, когда в соседней Германии бушевал антисемитизм модернизированный. И там и здесь не желали видеть равноправного, свободного еврея на месте униженного, порабощенного. Еврей поднял голову - и получил первый погромный удар, за которым последуют еще многие".

Следующий "погромный удар" обрушился на город Балту Подольской губернии и превзошел предыдущие своей жестокостью. Погром начался 29 марта 1882 года, в день христианской Пасхи, и в нем открыто участвовали местные власти. "В начале погрома, - записано в протоколе расследования, - сбежавшиеся евреи заставили шайку буянов отступить и укрыться в здании пожарной команды, но с появлением полиции и солдат буйствующие вышли из своего убежища. Вместо того, чтобы разогнать эту шайку, полиция и войско стали бить евреев прикладами и саблями. В этот момент кто-то ударил в набат, и на колокольный звон стала стекаться городская чернь... Толпа бросилась на склад питей, разбила его, напилась там вдоволь водкой и пошла бить и грабить при содействии крестьян, а также солдат и полицейских. Тут-то и разыгрались те страшные, дикие сцены убийств, насилия и грабежа, описание которых в газетах есть только бледная тень действительности".

Начальник местной воинской команды лишь наблюдал за буйством и даже приказал напоить водой погромщиков, которые утомились от разбоя. Городской предводитель дворянства сказал за несколько дней до этих событий: "Когда будут громить Балту, я закурю папиросу и стану спокойно смотреть в окно даже тогда, когда придут грабить моего квартиранта". И действительно, когда толпа подошла к лавке его квартиранта-еврея, предводитель дворянства велел передать погромщикам, что двери и ставни на лавке принадлежат ему, а замок и все товары в лавке - еврейские. Грабители аккуратно сняли двери и ставни и отставили их в сторону, чтобы не повредить, а затем разгромили лавку. Полицейский исправник застал грабителей в доме еврейского купца, когда они пытались разбить ломом несгораемый шкаф. Вместо того, чтобы арестовать взломщиков, исправник разрешил им ударить ломом по шкафу еще десять раз, а если уж он не поддастся, оставить его в покое. Исправник самолично считал удары, но шкаф выстоял, и толпа пошла дальше в поисках более легкой добычи. За три дня погрома в Балте были разрушены тысяча двести пятьдесят еврейских домов и магазинов, убиты

и тяжело ранены сорок евреев, многие женщины изнасилованы, а некоторые от ужаса сошли с ума. "Все состоятельные люди превратились в нищих, - писал местный раввин, - пущены по миру тысячи человек".

За 1881-82 годы погромы прошли в ста пятидесяти поселениях шести западных губерний. "Когда говорят о погромах, - писал М.Бен-Ами, - то принимают обыкновенно во внимание дни, в течение которых они происходили, считают число жертв, исчисляют количество уничтоженного и расхищенного имущества, разоренных домов и лавок и т.д. - и сообразно с этим составляют себе понятие о пережитом несчастье. А между тем есть нечто более страшное, что мучительнее всего этого, - это ожидание погрома. Этот ужас ожидания не поддается никакому исчислению, никакому измерению; он неизмерим... Можно спастись, можно совершенно избежать погрома, но можно столько исстрадаться в ожидании его, что эти страдания превосходят то, что принес бы, быть может, сам погром..."

5

После первого же погрома газета "Новое время" напечатала статью под названием "Бить или не бить?", предлагая сделать жизнь евреям в России невыносимой. Властитель дум И.Аксаков писал в газете "Русь", что погромы - это месть народа, проявление "справедливого народного гнева" против экономического "гнета еврейства", которое стремится к "всемирному владычеству" над христианским миром. Новороссийский генерал-губернатор докладывал в Петербург: "Лучшие представители интеллигенции одобряют и оправдывают эти дикие проявления ненависти к евреям и практически не осуждают их". Корреспондент газеты в Елисаветграде писал: "Хотя местная интеллигенция и не участвовала лично в погромах, но проявляла абсолютное равнодушие и одобряла их в глубине души". Даже в газете революционной партии "Народная воля" с восторгом описывали избиения евреев и объясняли погромы "пробуждением народного сознания" крестьян, которые истребляли "несправедливо нажитое имущество своих притеснителей". Многие народолюбцы - были и евреи в их числе - считали, что погромы полезны, так как они приучают народ к революционным выступлениям: сначала надо поднять все крестьянство против евреев, а затем направить бунт против царя. В прокламации народолюбцев "К украинскому народу" было написано: "Тяжко стало людям жити на Украине. Грабят жиды, иуды непотребн... А нехай лиш встанут мужики... зараз царь станет жидив рятувати (спасать)... Ось шо выроблее той паньский, та жидивский царь... Ви почали вже бунтовати против жидив. Добре робите..."

Власти отнеслись равнодушно к еврейской трагедии, не выделили ни единой копейки жертвам погромов и даже не разрешили объявить сбор в пользу пострадавших. Судьи давали поначалу очень легкие наказания погромщикам - "за нарушение общественного спокойствия", а заодно и осудили одесских евреев, которые оборонялись во время разбоя. Киевский прокурор вместо того, чтобы обвинять бандитов, стал говорить на суде об еврейской "эксплуатации" края, а когда ему напомнили о чудовищной скученности еврейского населения в черте оседлости, прокурор сказал: "Если для евреев закрыта восточная граница, то ведь для них открыта западная граница; почему же они ею не воспользуются?" Следом за ним это же повторил и министр внутренних дел Н.Игнатьев: "Западная граница для евреев открыта".

В то время лишь немногие в России выступили в защиту евреев, и среди них писатель М.Салтыков-Щедрин, чья статья вызвала негодование правых газет. "История, - писал он после погромов, - никогда не начертывала на своих страницах вопроса более тяжелого, более чуждого человечности, более мучительного, нежели вопрос еврейский... Нет более надрывающей сердце повести, как повесть этого бесконечного истязания человека человеком... Можно ли себе представить мучительство более безумное, более бессовестное?... И во сне увидеть себя евреем

достаточно, чтобы самого неунывающего субъекта заставить метаться в ужасе и посылать бессильные проклятия судьбе".

Неожиданные погромы потрясли еврейские общины России. Многими овладели паника и растерянность, смятение и чувство полной беспомощности перед лицом враждебного или, в лучшем случае, равнодушного окружения. В синагогах устраивали общественные посты с молитвами для избавления от надвигавшейся опасности, и из Одессы корреспондент писал: "В синагоге раздались раздирающие душу стон и плач мужчин и женщин, когда кантор произнес: "Все народы сидят спокойно на своих землях, а народ Израильский бродит, как тень, нигде не находя покоя, ниоткуда не встречая братского приветов". В городах и местечках хоронили остатки свитков Торы, разорванных и оскверненных погромщиками в разрушенных синагогах, и евреи шли на кладбища траурными процессиями. "Душу раздирающие стоны носились в воздухе, - писал очевидец, - слезы струились по щекам у всех, когда опускали в могилу наши святыни".

Многие интеллигенты-ассимиляторы неожиданно прозрели и мучительно переоценивали прежние свои идеалы. Один из них каялся в предсмертном стихотворении "Исповедь": "Я согрешил, и дух народа моего оставил детей моих, а после моей смерти, кто знает, останется ли имя мое и наследие. Я удалился от основного пути, а дети мои совсем потеряли его". Прежде ассимилированный еврей сторонился "длиннополых, пейсатых, по-русски не говорящих Янкелей", но погромы безжалостно показали, что судьба у них одна: у "дипломированного интеллигента" и у "пейсатого Янкеля". На траурном богослужении в главной петербургской синагоге вместе со всеми участвовали и те евреи-интеллигенты, которые давно уже позабыли про свою религию и всей душой желали "слиться" с русским народом. "Плакали все, - писал очевидец, - старики, молодые, длиннополые бедняки, изящные франты, одетые по последней моде, чинбвники, доктора, студенты, - о женщинах нечего говорить. Минуты две-три подряд продолжались эти потрясающие стоны, этот вырвавшийся наружу крик общей горести. Раввин не мог продолжать. Он стоял, приложив руки к лицу, и плакал как ребенок". В Киеве после погрома группа еврейских студентов пришла в синагогу, и один из них сказал молящимся со слезами в голосе: "Мы такие же евреи, как и вы. Мы сожалеем теперь о том, что до сих пор считали себя русскими. Погромы показали нам, как велико было наше заблуждение". Давно ли писал Лев Леванда в романе "Горячее время": "Мое сердце говорит мне, что со временем русские полюбят нас. Мы заставим их полюбить нас. Как? Своей любовью". Теперь же на смену прежнему оптимизму пришли разочарование и боль. "Когда серый народ громил евреев, - писал тот же самый Леванда, - белый народ стоял издали, любуясь картиной моего разгрома". Отовсюду сообщали о смятении и растерянности в еврейских общинах. "Ни одного отрадного явления, - писали в еврейском журнале "Восход", - ни одного хоть сколько-нибудь успокоительного известия не приходится сообщать - один плач и стон кругом".

Погромы отрезвили многих. Померкли прежние идеалы. Появилось общее презрительное отношение к ассимиляторам, и даже их вчерашние вожаки писали теперь о том, что "надо оставаться евреем". Уже не верили в успех просвещения, которое могло бы привести всех к торжеству братства народов, и с горечью отмечали равнодушие русского общества во времена погромов. Еврейская интеллигенция растерялась и не знала, что ей теперь делать и куда идти: "открыто объявить себя ренегатом или же принять на себя долю в страданиях народа".

Заговорили об эмиграции - "единственном исходе из теперешнего тягостного положения".

Заспорили о том, куда ехать: в Америку или в Палестину, и первые восемь тысяч беженцев уже отправились в путь в 1881 году. "Что делать? - писали в еврейской газете. - Бежать под дикие крики: бей его? Целыми массами выселяться из России? Бросить небо, под которым родились, землю, где похоронены не менее нас пострадавшие наши предки?... Да кто имеет право предлагать нам это?"

Но в ответ им сказал просто и прямо одесский врач и публицист Лев Пинскер в своей знаменитой брошюре "Автоэмансипация": "Пока мы не будем иметь, как другие нации, своей собственной родины, мы должны раз навсегда отказаться от благородной надежды сделаться равными со всеми людьми... Раз навсегда мы должны примириться с мыслью, что другие нации вечно будут нас отталкивать вследствие присущего им вполне естественного чувства вражды... Гражданского и политического уравнивания евреев недостаточно, чтобы возвысить их в уважении народов. Единственным к тому верным средством было бы создание еврейской национальности, народа на собственной территории, автоэмансипация евреев, уравнивание их, как

нации, с другими нациями, путем приобретения собственной родины... Чтобы не переходить от одного изгнания к другому, мы должны иметь достаточно обширное убежище, способное прокормить население, сборный пункт, который был бы нашей собственностью... Помогите себе сами, и Бог вам поможет!"

Подступали новые времена - времена брожений, переосмысления прошлого, новых идей и идеалов. Но впереди были еще десятилетия борьбы, разочарований, побед и поражений, и огромные жертвы поколений на путях "приобретения собственной родины". Надо было кому-то начинать - теперь, немедленно, и не случайно Лев Пинскер поставил эпиграфом к своей брошюре слова великого еврейского мудреца Гилеля: "Если не я за себя, то кто за меня? И если не теперь, то когда же?"

Еще в начале девятнадцатого века пытались выпускать в России еврейские газеты и журналы. В 1804 году некий Нафтали Герц Шульман собирался издавать в городе Шклове еженедельник на иврите. "Братья мои! - писал он в специальном воззвании. - В настоящее время даже в маленьких городах немало людей, жаждущих знания... Поэтому я решил выпускать еженедельно известия о новостях и событиях, происходящих на белом свете, переводы из гамбургских, петербургских и берлинских газет, наиболее важные сведения из научных книг... Кто хочет подписаться, пусть обратится в Шклов... и когда наберется достаточное количество абонентов, я сообщу дальнейшие подробности". Успеха это дело не имело, но уже в 1813 году Александру I доложили, что виленские евреи "желают издавать газету на своем языке", то есть на идиш. Пытались найти цензоров в Виленском университете, но там не оказалось ни одного профессора, который бы знал идиш, - и дело заглохло.

В 1823 году литовский раввин Менаше Илиер выпустил листок с двумя параллельными текстами на иврите и на идиш, при помощи которого издатель намеревался делиться с читателями "тем немногим, чем Всевышний озарил меня". Вышел всего лишь один номер, и после этого издание прекратилось. В том же году в Варшаве Антон Эйзенбаум начал выпускать еженедельную еврейскую газету "Привисленский наблюдатель". Власти выделили на ее издание две тысячи злотых - "для распространения образования среди евреев", но с непременным условием, что газета будет выходить на двух языках - польском и идиш. Успеха газета не имела, продержалась всего лишь два года, и на этом закончила свое существование. В 1856 году Лазарь Зильберман начал выпускать еженедельник на иврите "Гамагид" - "Проповедник". В России было трудно получить разрешение на издание газеты, и потому издавали ее в Пруссии, но, в основном, для российских евреев. Газета была очень популярна, хотя и выделялась цветистым стилем изложения самых простых событий. Сообщение о пожаре в Брест-Литовске начиналось, к примеру, такими словами: "О, Брест-Литовск! Не поможет тебе, что ты вопишь и покрываешься пеплом своего пожарища! Кто сочувствует тебе, кто проведает тебя? Стань же на столбцы Гамагида" и возопи там, как крокодил..." С первого же номера издатель печатал в газете оды, восхвалявшие русского царя и его правительство, и тем не менее цензура на границе беспощадно вымарывала тушью отдельные абзацы и даже целые статьи. Вымарали однажды такую фразу - "евреи Англии весьма способствуют процветанию страны", а в предложении - "самый забитый и загнанный еврей у этого мецената превращается в человека с выпрямленной спиной и со свободным духом" немедленно вымарали слова - "со свободным духом".

В 1860 году появились новые газеты на иврите: в Вильно - "Гакармель" (по названию горы в Эрец-Исраэль), в Одессе - "Гамелиц" ("Посредник"), а в Варшаве, в 1862 году - "Гацфира" ("Восход"). После закрытия газеты "Рассвет" сразу же стали издавать в Одессе ее преемника - новую еженедельную газету на русском языке "Сион". На титуле газеты был написан тот же самый эпиграф, что и на титуле "Рассвета" - по-русски и на иврите: "И сказала Богъ: да будет свет!" "Сион" просуществовал один год и закрылся по той причине, что его авторам не давали защищаться от нападок "на евреев и еврейскую религию". Семь лет после этого не было в России еврейской газеты на русском языке, и наконец в 1869 году появилась в Одессе новая еженедельная газета "День". Ее издавали три года и закрыли из-за цензурных придинок после одесского погрома 1871 года.

Затем периодические издания на русском языке появились в Петербурге. В 1871 году стали выходить историко-литературные сборники "Еврейская библиотека", чтобы "ознакомить русскую публику с тем, чем были евреи, чем они стали теперь, и чем они могли быть при известных условиях". В 1879 году появились еженедельники "Рассвет" и "Русский еврей", а в

1881 году - ежемесячный журнал "Восход". "Еврейские газеты! - писал современник. - Какая новизна!... День появления той или иной газеты был для нас истым праздником. Мы не могли дожидаться, пока их нам принесут домой, а бежали за ними на почту и читали их на ходу, на улице. И как читали! Читали с восхищением, читали от начала до конца, от заголовка до объявления включительно".

* * *

В еженедельнике "Русский еврей" за 1881 год написано: "В воскресенье, по случаю базарного дня, много крестьян приехало в местечко Полонное. Становой попросил евреев закрыть все лавки и не покупать ничего у приехавших. Крестьяне долго стояли на базаре и напрасно ждали покупателей: никто не являлся. Они отправились к становому, выразили свое недоумение и попросили их выручить. Становой предложил им меняться продуктами по первобытному способу, но крестьяне возражали, что это, конечно, хорошо, но "гроши треба". Так становой наглядным образом доказал им, как неудобно торговать без торговцев. Крестьяне обещали больше не производить беспорядков и просили открыть еврейские лавки. Становой удовлетворил их желание..." Другая заметка в еженедельнике "Рассвет": "Старый еврей-шинкарь жил в деревне двадцать лет и пребывал в самых дружественных отношениях с крестьянами. Заслышав о погроме, он собрал вещи и выбрался из деревни. Мужики, узнав об этом, послали за ним в погоню и, нагнав, начали укорять: "Гершко, Гершко! Як тобі не грих? Що ты робишь?! Тут треба жидов бити, а ты у нас един був жид, то и тий втикаеш. Кого ж мы будем бити и грабувати?"

После погромов 1881-82 годов некий священник Наумович писал в русской газете: "Безумие, великое безумие бить и разорять евреев! Безумие и беззаконие! Еврей - человек и ближний наш, потому что мы христиане. Он не виноват в том, что он еврей, что он грамотен, что его с детства вели к свету, а нас не вели и даже прямо держали в темноте. Он не виноват в том, что мы темные, но мы в этом виноваты!"

* * *

Презрительное отношение к бесправному, забитому, беспомощному и робкому еврею неминуемо должно было отразиться в русской литературе и на подмостках тогдашних театров. Это был смешной, карикатурный персонаж, мимо которого - ради достижения легкого успеха у публики - не мог пройти автор. Зрители валом валили в заезжие театрики, которые с неизменным успехом играли оперетку под названием "Удача от неудачи, или приключение в жидовской корчме". Публика в зале потешалась над хозяином корчмы, который со всевозможными ужимками и гримасами прыгал перед заезжим паном и гнусавым голосом пел немислимую чепуху: "Спию писню ладзирду, шинцеркравер лицерби, шинимини канцерми..." Смеялись над евреем не только в низкопробных оперетках и водевилях, но и в произведениях русских писателей. У Н.Гоголя в "Тарасе Бульбе", когда запорожцы топили евреев: "Жидов расхватили по рукам и начали швырять в волны. Жалобный крик раздавался со всех сторон, но суровые запорожцы только смеялись, видя, как жидовские ноги в башмаках и чулках болтались на воздухе". У И.Тургенева в рассказе "Жид", когда солдаты вешали еврея: "Он был действительно смешон, несмотря на весь ужас его положения. Мучительная тоска разлилась жизнью, дочерью, семейством выражалась у несчастного жида такими странными, уродливыми телодвиженьями, криками, прыжками, что мы все улыбались невольно, хотя и жутко, страшно жутко было нам". У Ф.Достоевского в "Мертвом доме", когда каторжане потешались над Исаем Фомичем: во время молитвы он делал "смешные жесты" и пользовался забавными предметами, "так что, казалось, изо лба Исая Фомича выходил какой-то смешной рог". У М.Салтыкова-Щедрина в "Недоконченных беседах": самый солидный еврей "напоминает внешним своим видом подростка, путающегося в отцовских штанах... Смешной лапсердак, нелепые пейсы, заячья торопливость, ни на минуту не дающая еврею усидеть на месте... А как смешно и даже гнусно он шепелявит: - Что, еврей, губами мнешь? - "Дурака шашу".

Гуманная русская литература девятнадцатого века, которая постоянно вставала на защиту "маленького человека", на защиту "униженных и оскорбленных", не заметила трагедии народа, задыхавшегося в ограниченном пространстве черты оседлости. Выселения из деревень, ужасы

времен кантонистов, ритуальные наветы, голод, нищета и бесправие - все это осталось вне поля зрения русских писателей. "Жида", "жидки", "жидишки", "жидюги" и "жиденята" - литературные персонажи романов и журнальных статей - были не только смешны, но и жестоки, коварны, злы и трусливы и непременно занимались шпионажем, контрабандой, сводничеством, подделкой монет и прочим недозволенным промыслом. У А.Пушкина в дневнике (при встрече с ссыльным В.Кюхельбекером): "Я принял его за жида, и неразлучные понятия жида и шпиона произвели во мне обыкновенное действие; я повернулся им спиною..." У А.Писемского в романе: "Ведь они (евреи) мясом, кровью человеческою требуют уплаты себе..." У Н.Некрасова в поэме: "Идеал их - телец золотой, Воплощенный в седом иудее, Потрясающем грязной рукою Груды золота..." У Н.Гоголя в повести: Янкель "уже очутился тут арендатором и корчмарем; прибрал понемногу всех окружных панов и шляхтичей в свои руки, высосал понемногу почти все деньги и сильно означил свое жидовское присутствие в той стране. На расстоянии трех миль во все стороны не оставалось ни одной избы в порядке: все валилось и дряхлело, все пораспивалось, и осталась бедность да лохмотья; как после пожара или чумы, выветрился весь край. И если бы десять лет еще пожил там Янкель, то он, вероятно, выветрил бы и все воеводство".

Только после погромов 1881-82 годов М.Салтыков-Щедрин написал с болью и сочувствием к обездоленным, развивая прежнюю тему: "Что, еврей, губами мнешь?" - Дурака шашу! - То ли дело Дерунов с Колупаевым! Никогда они не скажут: шашу, прямо отчеканят: сосу дурака", - и шабаш! И правильно, и для потехи резонов нет: слушай и трепещи!... Кому же, однако, приходило в голову указывать на Разуваева, как на определяющий тип русского человека? А Разуваева-еврея непременно навяжут всему еврейскому племени и будут при этом на все племя кричать: ату! Но для Дерунова-еврея есть даже смягчающее обстоятельство: он чаще всего сосет вотще. Ибо как только он начинает насасываться досыта, так тотчас на него налетает ревизия: показывай, жид, что у тебя в потрохах? И всякий, кому не лень, берет оттуда часть. Как все-то разберут - много ли останется?"

И это Салтыкову-Щедрину принадлежат такие слова: "Имеем ли мы хотя бы приблизительное понятие о той бесчисленной массе евреев-мастеровых и евреев - мелких торговцев, которая кишит в грязи жидовских местечек и неистово плодится, несмотря на печать проклятия и на вечно присущую угрозу голодной смерти? Испуганные, доведшие свои потребности до минимума, эти злосчастные существа молят только забвения и безвестности - и получают в ответ поругание".

ОЧЕРК-ПРИЛОЖЕНИЕ

ЕВРЕИ КРЫМА

История евреев Северного Причерноморья насчитывает много веков - со времен греческих поселений на берегах Черного моря. Евреи пришли в Крым, скорее всего, из Малой Азии - во втором веке до новой эры. Но вполне возможно, что они переселились с Кавказа еще раньше, со времен ассирийского и вавилонского пленения, - а это могло случиться, начиная с седьмого или шестого веков до новой эры.

Самое древнее достоверное свидетельство еврейского присутствия в Крыму относится к 81 году новой эры, когда юго-восточную часть полуострова занимало Боспорское царство, вассал Рима. В Керчи при раскопках нашли плиту из белого мрамора, и на ней надпись на греческом языке: "В царствование царя Тиберия Юлия Рескупорида, друга цезаря и друга римлян... я, Хреста, бывшая жена Друза, отпускаю по обету в молельне вскормленника моего Геракла на свободу..., под опекой также и иудейской синагоги". Эта надпись означает, что в первом веке новой эры была в Керчи (Пантикапее) еврейская община, при ней - синагога, и жили там евреи, которые владели греческим языком, носили греческие имена - Хреста, к примеру - и отпускали

на свободу рабов, перешедших в иудейство. После освобождения эти рабы обязаны были регулярно посещать синагогу и исполнять законы еврейской религии, а потому и находились под опекой общины.

Евреи Крыма в те времена состояли на государственной службе, служили в армии, занимались ремеслами и торговлей. Но положение в Крыму постепенно становилось все более неустойчивым, и в разные времена разные части полуострова стали захватывать разные завоеватели. Поначалу это были германцы-готы, затем гунны, Византия, хазары, за хазарами половцы, - но при всех этих завоевателях евреи непрерывно жили в Крыму.

В середине девятого века знаменитый создатель славянского алфавита Кирилл обнаружил в Херсонесе (возле теперешнего Севастополя) еврейскую общину, в состав которой входили и хазары, принявшие иудаизм. Кирилл даже выучил в Херсонесе еврейский язык - иврит и начал писать на этом языке и читать книги. Жили евреи и в Согдии (Судаке), Солхате (Старом Крыму), Алусе (Алуште), Алубике (Алупке), Грузиве (Гурзуфе) и в Каффе (Феодосии), где они построили в 909 году большое здание синагоги. На мраморной доске внутри синагоги было написано: "Мудростью строится дом и разумом утверждается. Да пошлет Всевышний избавителя для собирания Израиля".

С седьмого по десятый век хазары владели обширными районами северного и центрального Крыма. Государственной религией в Ха-зарию был иудаизм, и в хазарскую часть Крыма уходили евреи из Византии - от насильственного крещения, под защиту хазарских правителей. В 965 году киевский князь Святослав победил Хазарский каганат на Волге, разрушил их города, и хазарские владения уцелели лишь в Крыму и на побережье Азовского моря. В 1016 году византийцы разгромили там последние хазарские укрепления, а исповедовавшие иудаизм хазары, очевидно, растворились среди еврейского населения, которое продолжало жить в Крыму.

В 1239 году в Крым вторглись монголы, завладели большей частью полуострова, и Крымский улус стал частью Золотой Орды. После распада Орды образовалось независимое Крымское ханство со столицей в городе Солхат, который имел и другое название - Кырым: отсюда и сегодняшнее наименование полуострова - Крым. В Солхате была еврейская община, и жил там в четырнадцатом веке ученый Авраам Кирими: его комментарий к Торе - "Язык истины" является самым ранним из дошедших до наших дней оригинальных произведений евреев Крыма. В городе была синагога, и из той синагоги сохранился свиток Торы, на котором стоит дата - 1300 год.

В то время через Каффу шел торговый путь из Италии на Кавказ. В городе была большая еврейская община, и путешественник пятнадцатого века насчитал там две синагоги и много еврейских домов. В 1473 году великий князь московский Иван III решил сблизиться с крымским ханом Менгли-Гиреем, чтобы не допустить его союза с Литвой. Для этого он попросил богатого и влиятельного еврея Хозе Кокоса из Каффы передать хану "челобитную грамоту" и уговорить его на союз с Московским государством. В ответном письме на иврите Кокос сообщил Ивану III, что дела продвигаются успешно, и к Менгли-Гирею отправилось специальное посольство из Москвы. По дороге послы заехали в Каффу и просили Кокоса от имени великого князя продолжать его посредничество, за что ему было обещано княжеское "жалование". Послы даже передали просьбу Ивана III, чтобы Кокос ему "жидовским письмом грамот бы не писал, а писал бы грамоты русским письмом или бесерменским". Хозе Кокос помогал выкупать русских пленников, покупал для великого князя драгоценные камни, даже сватал его сына за дочь одного из крымских князей, а Иван III благодарил его, извинялся за "легкие" подарки и передавал через своих послов "Кокосу жидовину": "как ты наперед того нам служил и добра нашего смотрел, и ты бы и ныне служил нам, а мы, аж Бог даст, хотим тебя жаловати".

В 1475 году турецкие войска взяли Каффу, и Крымское ханство стало вассалом Турции - со столицей в Бахчисарае. Польские короли заключали договоры с крымскими ханами, и купцы из Польши и Литвы - в их числе и евреи - безо всяких ограничений привозили в Крым свои товары. В состав Польши входил тогда Киев, который славился еврейскими учеными, а выдающееся положение среди них занимал "венец всей общины, раввин, богослов и кабалист" Моше бен Яков. Это был немощный и болезненный человек, который всю свою жизнь провел в нужде и лишениях, много скитался и томился в плену и потому получил прозвище Моше Гаголе - Моше Изгнанник. Он продолжал работать даже во времена странствий и написал много сочинений в период "бедствий для несчастных овец Израилевых". Однажды татары

напали на Киев и увели в плен его детей, а через несколько лет угнали и его самого. В Крыму его выкупили местные евреи, и Моше поселился в Каффе, где его приняли с большим почетом. Там жили тогда евреи - выходцы из разных стран, которые молились по разным ритуалам, и по этому поводу между ними часто случались споры. Моше Изгнанник примирил всех, написал устав общинного устройства, которому все подчинились, и составил общий молитвенник - "молитвенник ритуала Каффы" для всей общины. Позднее об этом писали так: "Ритуал этот основан на авторитете всестороннего ученого, выдающегося судьи... и раввина по имени Моше Изгнанник - блаженной памяти, из изгнанников города Киева, про который недаром говорится: "Из Киева идет свет и учение".

В Крымском ханстве евреи возделывали сады и виноградники, торговали и занимались ремеслами, выделкой кож и огородничеством. Они выкупали из татарского плена своих единоверцев, захваченных на Украине, в Польше и Литве, и принимали у себя беженцев, которые спасались от резни времен Хмельницкого. В семнадцатом веке путешественник отметил, что Мангуп, "неприступный город в Крымских горах, населен евреями", а в восемнадцатом веке они брали в аренду добычу соли из солончаковых озер Крыма, построили для хана новый монетный двор, а некий Яков бен Шмуэль Неeman даже стал государственным казначеем.

В 1783 году Россия завоевала Крым, и все крымские евреи стали подданными Российской империи. Они делились на две группы: еврей-ашкеназы - выходцы из Польши и Литвы, сохранившие прежний образ жизни, и особая группа евреев, которых стали именовать "крымчаки". Крымчаки - это смешанная еврейская группа сефардо-ашкеназского происхождения, в состав которой на протяжении веков вливались волны евреев-переселенцев из Вавилонии, Византии, Хазарии, Италии, с Кавказа, из Турции, Персии, Польши, Литвы и Украины. Они называют себя "срэл балалары" или "бане исраэл" - "сыны Израиля", и многие фамилии крымчаков говорят о тех странах, откуда они пришли в Крым. Фамилии Анджело, Конфино, Ломброзо, Пиастре ведут свое происхождение из Италии и Испании; Гурджи - из Грузии (по-турецки "гурдам" - Грузии); Ашкенази - из Германии (евреи называли Германию - "Эрец Ашкеназ"); Лехно - из Польши ("лях" - поляк); фамилии Токатли, Ханбули, Измерли - из Малой Азии.

Крымчаки переняли у крымских татар их обычаи, быт, одежду и язык. К концу восемнадцатого века все крымчаки говорили в обиходе на особом диалекте крымско-татарского языка, но молились они на иврите, и вся их письменность тоже была на иврите. Крымчаки занимались земледелием и садоводством, делали седла и шили шапки, торговали кожаными изделиями, хлебом, шерстью и фруктами. Исследователь быта крымчаков писал о них: "Крымчаки почти все высокого роста, смуглого цвета, статны и стройны. Во взгляде их и осанке выражается прямота. Они вежливы и ласковы. Образ жизни их до крайности прост и воздержен. Привязанность к семейному очагу чрезвычайно сильна, а чистота нравов - везде и повсюду примерная. Отец семейства пользуется неограниченной властью: жена и дети повинуются ему беспрекословно. Ссоры и споры между крымчаками разбираются старшими в семействе, а в особенно важных случаях - раввином. Вообще эта горсть евреев отличается своим поведением: ни места заключения, ни Сибирь не знают ни одного крымчака".

Крымчаки одевались так же, как и крымские татары, и отличить их можно было лишь по бороде и пейсам. Их жены появлялись на улице, с ног до головы закутанные в белые покрывала; подобно татаркам, они подкрашивали брови в черный цвет, употребляли белила и румяна, надевали на себя платья татарского покроя, украшали себя кольцами, браслетами и ожерельями из серебряных и золотых монет. Свои дома крымчаки строили окнами во двор, а на улицу выходила глухая стена. "У самого бедного крымчака, - писал исследователь, - жилище его выбелено изнутри и снаружи; все в этом жилище находится на своем месте, все подметено, вычищено и убрано; пол устлан коврами, а кругом стен диванчики... Между ними мы не встречали ни чахоточных, ни малокровных, ни нервных, которыми кишмя кишит современное человечество". Во время еды крымчаки сидели на коврах, поджав под себя ноги, или на подушках вокруг маленького столика, и гостей угощали крепким кофе, орехами, фруктами, виноградным вином и шербетом.

Семейная жизнь у крымчаков отличалась чистотой, и разводы случались очень редко. Перед свадьбой жених и невеста покупали места на кладбище, одно возле другого, чтобы и после смерти быть неразлучными, и вдовы не выходили замуж во второй раз. Крымчаки постоянно

собирали деньги на благотворительные цели, и нищих среди них не было. Перед каждой субботой бедные евреи получали немного денег, по несколько фунтов хлеба, муки и крупы, и такое количество дров, какое они могли унести с собой. На общественные деньги выдавали замуж девушек из бедных семей, хоронили неимущих, содержали вдов и сирот. В Карасубазаре было три синагоги крымчаков, и в них хранилось около двухсот свитков Торы. "Обряды религии, - писал исследователь, - они исполняют строго. Два раза в день, утром и вечером, крымчак посещает свою синагогу и отправляет молитву с чрезвычайным благоговением". Запрещалось говорить в синагоге на бытовые темы; пол синагог устилали коврами, и многие молились, сидя на ковре и скрестив под собой ноги. К своему раввину крымчаки относились с большим почтением и называли его "рабби", а после вечерней молитвы шли к нему в дом и учили там Талмуд.

В момент присоединения Крыма в России там жило около полутора тысяч евреев-крымчаков и примерно такое же количество караимов, которые также переняли обычаи и одежду крымских татар. Караимы называли евреев "раббанитами", то есть сторонниками раввинских авторитетов, но в татарских документах и тех, и других именовали одинаково: "иехуди́лер" - евреи. В разговорном языке крымские татары называли евреев-раббанитов "зюлюфлю чуфутлар" - "евреи с пейсами", а караимов они называли "зюлюфсюз чуфутлар" - "евреи без пейсов". Караимы - это представители иудейской секты, которая возникла среди евреев Багдада в восьмом веке. В отличие от евреев-раббанитов караимы признают только законы, изложенные в Торе, то есть Письменный Закон, который Моисей получил в письменном виде от Бога на горе Синай. Но караимы не признают Устный Закон, полученный Моисеем от Бога в устном изложении, который передавался устно, из поколения в поколение и впоследствии был записан в Талмуде. Отсюда и возникло название - караимы, в буквальном переводе "читающие", то есть читающие Письменный Закон. Со временем у караимов составил особый свод религиозных предписаний, и потому их образ жизни отличался и отличается от традиционного образа жизни евреев-раббанитов.

В двенадцатом веке еврейский путешественник Птахия из Регенсбурга обнаружил караимов в степях Северного Причерноморья, в "земле кедаров" - половцев и печенегов. Караимы по субботам не выходили из своих домов и не резали хлеб, субботние вечера проводили в темноте, - "и они сказали (путешественнику): "Мы никогда не слышали, что такое Талмуд". В тринадцатом веке многие караимы переселились в Крым из Византии, и их центром стал город Чуфут-Кале - по-татарски "Еврейская крепость", который караимы называли "Сёла гаиегудим" - "Еврейская скала". В 1392 году великий князь литовский Витовт разбил крымских татар и угнал на север многих пленников: среди них были и караимы. Их поселили в Троках (теперешний Тракай возле Вильнюса), в Луцке, в Галиче, возле Львова, а позднее они расселились по другим городам Волыни, Подолии и Литвы. В переписи населения города Луцка за 1552 год указаны "жидове, которые слывят караимове - Авраам Шмойлович, Богдан Мошеевич, Нисан Родкевич, Моисей Агронович, Иегуда Данков сын" и указаны "жидове-рабанове - Шмойло, Герцко, Мордуш, Ицка, Мошко, Песля вдова".

Отношения между караимами и евреями-раббанитами часто бывали напряженными. Караимы не заключали браков с раббанитами, по субботам не заходили в их дома и не ели их пищу. Еще в Киеве Моше Изгнанник написал критическую книгу о религиозном кодексе караимов, а те "пришли в содрогание и очень этим огорчились". Но несмотря на ожесточенные споры, судьба караимов и их противников была поначалу одинаковой: и тех, и других изгнали из Литвы в 1495 году; и тех, и других убивали без различия во времена Хмельницкого. При разных правителях караимы пользовались одинаковыми правами с прочими евреями, платили одинаковые налоги и страдали от одних и тех же ограничений. Но при Екатерине II караимам Крыма разрешили приобретать земельную собственность и освободили их от двойной подушной подати, которую платили все евреи. В девятнадцатом веке караимские лидеры старались расположить в свою пользу влиятельных лиц в Петербурге и уверяли правительство, что они отличаются от евреев "примерной честностью, хорошим поведением и спокойным характером, приверженностью к трудолюбию и земледелию, преданностью к Высочайшему престолу и особыми услугами правительству". В результате этих хлопот караимов освободили от обязательной воинской повинности, отменили для них ограничения черты оседлости и позволили поступать на государственную службу.

Чтобы доказать полное отличие от евреев, караимский ученый Авраам Фиркович собрал большую коллекцию старинных еврейских рукописей в Крыму и на Кавказе. Многими подделками и приписками в этих рукописях, а также исправлением дат на могильных памятниках, Фиркович пытался доказать, что караимы пришли в Крым за несколько столетий до новой эры, не имеют никакого отношения к Талмуду и заслуживают иного отношения, нежели еврей-раббаниты. Этот довод он изложил правительству, и в 1863 году караимы - не разделявшие "талмудических заблуждений" евреев и отличавшиеся от них "по образу жизни" - получили равные права с прочими жителями Российской империи. С этого момента их стали именовать в документах не "еврей-караимы", а просто - "караимы". Они не пострадали во время погромов 1881 года, а это служило, по их мнению, лучшим доказательством того, что "русский народ не считает караимов евреями и не признает их врагами человечества, как евреев". Перед Первой мировой войной в Крыму жило около шести с половиной тысяч крымчаков, более восьми тысяч караимов и примерно тридцать пять тысяч евреев-ашкеназов, которые во множестве переселились в Крым после погромов 1881-82 годов. В 1941 году в Крыму было уже около семьдесят пяти тысяч евреев, и среди них - около девяти тысяч крымчаков. В апреле 1942 года немцы объявили Крым "очищенным от евреев", уничтожив еврейское население городов и еврейских колхозов Крыма. Крымчаки потеряли тогда почти восемьдесят процентов своего состава, и после войны от этой общины осталось в живых около тысячи пятисот человек. К 1980 году их было в Советском Союзе менее тысячи человек, а в Израиле крымчаки практически смешались с остальным еврейским населением страны. После прихода Гитлера к власти караимы Германии попросили не считать их евреями, и министерство внутренних дел Третьего Рейха особо отметило тогда, что караимы не относятся к евреям, их "расовая психология" нееврейская, и потому на них не следует распространять антиеврейское законодательство. Во время войны немцы не уничтожали караимов, и лишь в Киеве, Новороссийске и Краснодаре они разделили судьбу евреев. К 1990 году в СССР осталось менее трех тысяч караимов. Почти все караимы мира - из Египта, Турции, Ирака - переехали на Святую Землю после образования государства Израиль, и теперь в Израиле живет большинство караимов мира - около двадцати тысяч человек.

ЕВРЕИ КАВКАЗА

Многие века на Кавказе живут две различные группы евреев: грузинские и горские. Грузинские евреи - это представители особой еврейской общины с присущими им одним отличительными признаками. Предание относит время их появления на Кавказе к шестому веку до новой эры, когда Навуходоносор захватил Иудейское царство, разрушил Первый Иерусалимский Храм и увел в Вавилонию множество пленников. В грузинской летописи "Картлис цховреба" - "Житие Грузии" сказано по этому поводу: "И было... Навуходоносор царь полонил Иерусалим, и гонимые оттуда евреи прибыли в Картли и, обещая платить дань, выпросили у мцхетского старосты землю. И было им дано право поселиться у реки Арагви, у притока, называемого Занава, - за эту землю и стали они платить дань". Это случилось в шестом веке до новой эры, и то место, где поселились евреи, получило название Керк, что в переводе означает - дань. А после разрушения римлянами Второго Иерусалимского Храма новые беглецы пришли в Мцхет в первом веке новой эры и присоединились к своим единоверцам. В "Картлис цховреба" сказано также, что один из евреев, по имени Гуарам, является родоначальником царского грузинского рода Багратионов. Генеалогия Багратионов возведена в этой летописи к библейскому Ишаю (Иессею), его сыну - еврейскому царю Давиду и к сыну Давида - Шломо (Соломону), и потому грузинские цари из рода Багратиони титуловали себя "Иессеан - Давидиан - Соломониане". В их гербе изображена праща царя Давида, с помощью которой он убил Голиафа, арфа царя Давида, а над гербом - надпись по-грузински: "Божией милостью потомок Иессея, Давида и Соломона царь всея Грузии". И еще - стих из псалма царя

Давида: "Клялся Господь Давиду: истина - Он не отступит от нее: "От плода чрева твоего (из сыновей твоих) посажу на престоле твоём".

Достоверно известно, что в разное время евреи приходили в Грузию из Византии, Армении и Персии и расселялись по разным областям страны. Путешественник Марко Поло отметил в тринадцатом веке, что евреи жили в Тбилиси под властью монголов, а в четырнадцатом веке была еврейская община и в городе Гагра в Абхазии. Бесперывные войны и внутренние распри между правителями опустошали страну и заставляли грузинских евреев искать покровительства у местных князей, - а это всегда вело к закреплению. С четырнадцатого по девятнадцатый век грузинские евреи были крепостными царей, церкви и частных владельцев. Их продавали целыми семьями, отдавали за покрытие долгов, проигрывали в карты и дарили монастырям. Крепостные работали на полях своих хозяев, занимались ткачеством, крашением тканей, а также отхожими промыслами, чтобы выплатить своим владельцам годичный оброк. Порой они не могли даже жениться без согласия своего хозяина, а непослушных или должников в наказание опускали на веревках в глубокие колодцы до самой воды и держали там по несколько дней - без еды и питья. Чтобы освободиться от крепостного состояния, надо было выкупить себя и свою семью или перейти в христианство: в последнем случае церковь давала деньги на выкуп и даже наделяла землей.

Крепостные евреи жили разрозненными небольшими группами и потому в большей степени подвергались влиянию коренного населения и перенимали их обычаи, одежду и язык. Сегодняшние грузинские евреи говорят и пишут на грузинском языке, не используя даже еврейский алфавит, и называют себя по-грузински - "эбраэли", "исраэли". У многих из них семитские черты лица, но некоторых практически невозможно отличить от их соседей - грузин, осетин, армян или турок. Они восприняли не только грузинский язык, но и грузинскую музыку и танцы, даже характер грузин и их жесты. Грузины, в свою очередь, переняли еврейскую систему отсчета дней недели от субботы, и в обозначении этих дней использовано слово "шабат" - на иврите "суббота": понедельник - "ор-шабати" - то есть второй день после субботы, вторник - "сам-шабати" - третий день после субботы, среда - "отх-шабати" - четвертый день после субботы, четверг - "хут-шабати" - пятый день после субботы.

В шестидесятых годах девятнадцатого века, после отмены крепостного права, грузинские евреи стали переселяться из сел в города и основывать там свои общины. Они занимались торговлей и ремеслами, строили синагоги и хоронили умерших на своих кладбищах. Были среди них богатые купцы и владельцы крупных ремесленных мастерских, но большая часть торговала вразнос всякой мелочью и жила очень скученно на тесных улочках: оборванные, полуголодные люди почти безо всяких средств к существованию. Более тесные контакты с местным населением и конкуренция в торговле привели к росту антисемитизма, и во второй половине девятнадцатого века в разных местах Грузии возникли обвинения в ритуальных убийствах. Самым известным из них стал кровавый навет 1878 года, когда девять грузинских евреев были обвинены в убийстве христианской девочки. Суд в Кутаиси оправдал подсудимых, но многие, тем не менее, продолжали верить, что евреи употребляют христианскую кровь для каких-то таинственных целей. В еврейской газете за 1884 год появилось характерное сообщение: "Тифлис, 22 марта. Вчера какая-то грузинка, проходя по улице, услышала нечто похожее на крик ребенка из запертой лавки мясника-еврея. Недолго думая, она подняла на ноги всю полицию, уверяя, что собственными глазами видела, как мясник - ввиду приближения еврейской Пасхи - уже зарезал двух христианских мальчиков, а теперь режет третьего. Собралась толпа в тысячу человек. Обыскали и обшарили все закоулки, но ничего не нашли. Тогда женщина сказала, что мальчик, будто бы, брошен в соседний колодец. Осмотрели колодец, раскопали пол в мясной лавке, но опять ничего не обнаружили. Наконец, догадались обратиться к мяснику за разъяснениями. Оказалось, что он привез в лавку двух баранов, из которых одного зарезал, а второго оставил на следующий день. Оставшийся в живых баран заблеял, чем и вызвал переполох. Народу строго внушили, что если впредь кто-либо явится с таким нелепым доносом, то доносчика будут судить военным судом. К лавке еврея приставлен караул".

Вторая еврейская группа Кавказа - горские евреи. С давних пор у них существовало предание, что они - потомки одного из десяти колен Израиля, которых ассирийцы угнали в плен и расселили по разным землям. Это случилось в восьмом веке до новой эры, после захвата Израильского царства, и с тех пор, будто бы, евреи появились на Кавказе. Горские евреи живут

в Азербайджане и Дагестане и говорят на нескольких диалектах татского языка. Название "горские евреи" появилось лишь в девятнадцатом веке, когда Кавказ был присоединен к России, а сами они называют себя на татском языке - "джухур". Можно предположить, что их далекие предки уходили в разные времена от религиозных преследований из Северной Персии и из Византии и селились в Северном Азербайджане. Так было уже в пятом веке, когда евреям Персии запретили соблюдать субботу и отбирали их детей для воспитания в храме огнепоклонников. Так было и в последующие века, и очередные волны евреев-пришельцев селились на Кавказе среди местного населения, которое говорило на татском языке, и переняли у них этот язык, - а, возможно, принесли его уже из Персии. Постепенно горские евреи передвигались на север, в восточном Предкавказье они встретились с хазарами, и, очевидно, благодаря влиянию евреев Кавказа иудаизм стал государственной религией Хазарского каганата.

После падения каганата ислам распространился и на северный Кавказ, и жизнь горских евреев стала нелегкой. Часть из них превратилась в крепостных у местных правителей, и некий хан даже повелел, чтобы за убийство еврея мусульманин - в возмещение убытка - "наполнил серебром кожу с убитого и отдал это серебро хану". В разные времена через тот край проходили завоеватели, и на долю горских евреев выпало много испытаний. И тем не менее путешественник тринадцатого века отметил, что "во всей этой стране много евреев"; то же самое сообщали и путешественники последующих времен, а в восемнадцатом веке между Северным Азербайджаном и Южным Дагестаном была уже сплошная полоса еврейских поселений. Одна из долин возле Дербента даже называлась Джухут-Ката - "еврейская долина". Горские евреи платили дань местным правителям-мусульманам за их покровительство, бесплатно поставляли им продукты, убирали урожай на их полях и употреблялись "на всякие тяжелые и грязные работы, которые нельзя поручить мусульманину". "Из имущества им оставляют лишь столько, сколько необходимо, чтобы не умереть с голода, - писал путешественник. - Если еврей едет куда-нибудь верхом и встретит мусульманина, то должен свернуть с дороги в сторону и по требованию встречного слезть с лошади; если же он этого не сделает, то мусульманину разрешается избить его как угодно, лишь бы он остался в живых, и избитый не имеет права жаловаться". Доходило до того, что воин-мусульманин, остановившись на постой в доме еврея, мог потребовать с хозяина возмещение "за причинение зубной боли" во время еды, - и тот обязан был беспрекословно заплатить установленную сумму.

В 1806 году Россия заняла Дербент, а вскоре и Северный Азербайджан, и практически все горские евреи стали подданными Российской империи. Их было тогда примерно семь с половиной тысяч человек, и они занимались садоводством, виноградарством и виноделием, выделкой кож и выращиванием табака. Но вскоре в Дагестане началась священная война против "неверных" под предводительством Шамиля, и мусульмане стали нападать на еврейские поселения и насильно обращать жителей в ислам. Горские евреи страдали от этих набегов и даже написали прошение Николаю I, чтобы он собрал "рассеянных с гор, из лесов и малых сел" в те места, где уже укрепилась русская власть. В русском казацком отряде служил разведчиком Аарон из Грозного, который отличился в боях и получил Георгиевский крест. Горцы захватили его в плен и убили с большой жестокостью, но на смену ему стал разведчиком в русской армии некий еврей по имени Эфраим. Под угрозами мусульман жители некоторых аулов поголовно перешли в ислам и слились с окрестным населением, но и в последующих поколениях потомки этих насильно обращенных помнили о своем еврейском происхождении и давали своим детям еврейские имена. "Часто приходилось мне ошибаться во время путешествий по этим местностям, - писал исследователь И. Анисимов, - и принимать татов-магометан за моих единоверцев, - до того мало было отличия между ними... Многие аулы сами говорят о своей недавней принадлежности к иудейской религии, и, будучи мусульманами, хранят, как святыню, еврейские книги, перешедшие к ним от их предков-евреев".

Исследователь Илья Анисимов - сам выходец из общины горских евреев - так описывал их внешность: "Смуглый цвет кожи, средний и часто высокий рост, стройное телосложение, тонкое в поясице и широкое в плечах..., черные брови и борода, большой орлиный нос и слегка выдающиеся скулы - черты, которыми горский еврей очень много походит на лезгина, черкеса, а иногда и армянина, и очень мало на европейского еврея... Вот проскакал он мимо вас вооруженный с головы до ног, на бодрой лошади; там в изодранном костюме своем лезет он по горам, карабкается между скалами, рубит дрова или выкапывает пни и корни кустарников,

которые несет на согнутой спине своей; там копает он в поле землю, пашет, возделывает вина, срывает плоды с деревьев; там опустился в глубокое корыто с водой около бассейна, засучив штаны выше колен, и топчет изо всех сил сырые кожи, - и, наконец, вот он свободен. Тут забывает он... о завтрашнем куске насущного хлеба, и это праздное препровождение времени и беспечность, этот праздный разгул за ведрами вина или штофом водки с шашлыком, это расхаживание из дома в дом по всему аулу с шапкой набекрень и черкесской внакидку... продолжается не день, не два, и не недели, а иногда и месяцы".

У горских евреев было распространено многоженство и разрешалось иметь три жены. Деда, отцы и сыновья жили совместно в одном дворе, в каменных саклях, и такая большая семья насчитывала порой много десятков человек. Имущество этой семьи считалось общим, еду готовили сразу на всех, а делами распоряжался старейшина - глава семьи, которого слушались беспрекословно. Пол в саклях застилали коврами или камышовыми рогожами, на стенах висели медные подносы, шелковые и шерстяные шали, а также пистолеты, ружья, кинжалы и сабли. В комнатах женской половины дома стояли бурдюки с вином, большие глиняные сосуды и ковровые мешки для хранения муки и крупы, а под потолком, на крючьях, висела копченая говядина и баранина. Горские евреи обручали своих детей в раннем возрасте, и жених должен был перед свадьбой заплатить за невесту калым ее родителям. Свадьбы справляли зимой, когда было приготовлено много молодого вина, и после свадебной церемонии женщины осыпали молодоженов пшеном и мукой, а мужчины стреляли в воздух. Дети от разных жен воспитывались вместе, и девочкам не разрешали играть с мальчиками. Жены жили сообща на женской половине дома или же каждая в своей сакле, и по обычаю они не показывались гостям. "Все трудные работы в хозяйстве возлагаются на женщин, - отмечал исследователь, - и они не имеют свободной минуты. Вот они идут чуть свет, когда мужчины наслаждаются еще утренним сном, целою гурьбою, согнувшись под тяжестью медного или глиняного кувшина с водой, вот они тащат навоз в поле на носилках, вот они доят буйволиц, дают им корм, очищают конюшню, делают из навоза и соломы тестообразную массу, из которой образуется впоследствии кизяк, колют дрова, идут печь хлеб в чужих печах, если не имеют своих, мажут крыши, белят стены, ходят на полевые работы. Женщина должна ходить пред мужем по струнке и угождать всем его желаниям и капризам..."

Мужчины носили бешмет и черкеску с газырями, на поясе у них висел кинжал - часто в серебряных ножнах, и по примеру мусульман у горских евреев существовал обычай кровной мести. Родные убитого должны были отомстить за кровь родственникам убийцы в течение первых трех дней, а если им это не удавалось, то происходило примирение семей с выплатой денежного возмещения. После этого запрещалось мстить за убийство под угрозой сурового наказания, а через несколько лет убийца возвращался в свой аул, мирился с семьей убитого и считался теперь их близким родственником. Гостеприимство у горских евреев было священной обязанностью. Хозяин встречал гостя у ворот своего дома, принимал у него оружие, вел в комнату и усаживал на лучшее место, а знатному гостю даже обмывал ноги. "Каждый хозяин принимает с искренним радушием всякого странника, - писал исследователь, - оказывает ему всевозможные услуги, дает деньги, если тот сильно нуждается в них... Он не имеет по целым месяцам для детей куска мяса, а приехал гость - идет, берет в долг всякой всячины и угощает его. Иногда гость остается на целые месяцы, и хозяин, не изменяя своего радушия, нередко разоряется..." Таким же образом горские евреи принимали мусульман, которые заезжали в гости для отдыха или ночлега, а мусульмане оказывали своим "кунакам" - приятелям точно такое же гостеприимство в своих аулах.

Многие горские евреи жили в нищете, и иногда целые аулы располагались в землянках. "Мы... спустились в одну из этих ям, - писал исследователь, - возвышавшуюся на аршин над уровнем земли. Маленькое окошечко без стекла скупно пропускало солнечный свет, на полу валялась плохая циновка... Больше в землянке ничего не было". Евреи уходили из аулов в города и жили там в обособленных кварталах, в тесных саклях, на узких и грязных улочках. Сохранилась песня горских евреев конца девятнадцатого века с такими словами: "Ночи очень длинны, и с каждым днем мир идет к разрушению. Господь Вселенной! Пошли избавителя Мессию! Выведи нас из мрака к свету, налей нам чашу избавления, из тесноты на простор выведи нас!"

Горские евреи давали своим сыновьям библейские имена - Аминадав, Нахшон, Эльдад, Йоав, а дочерям - Авигаиль, Оснат, Пнина, Шуламид, Йоэль. В синагоги ходили только мужчины; раввины читали молитвы, обратившись лицом к Иерусалиму, а остальные слушали их в

молчании. В девятнадцатом веке в синагоге азербайджанского города Куба хранилась разрубленная надвое книга, с которой связано предание горских евреев. Персидский правитель Надиршах решил разорить еврейскую деревню в окрестностях Кубы. Прибыв туда со своим войском, он увидел во дворе синагоги местного раввина, окруженного учениками. Надир-шах выхватил саблю и занес ее над головой раввина, а тот прикрыл голову книгой, которая была в его руках. Сабля перерубила книгу на две части и даже не задела раввина, и тогда Надир-шах сказал: "Я вижу, что ваш Бог предохранил тебя от жестокости моего меча. За изучение Его святых законов будь ты спасен с твоим народом!" И вместе со своим войском Надир-шах покинул ту деревню. Другое предание рассказывает, как некий хан велел собрать все надгробные камни с еврейского кладбища и из этих камней построил себе великолепный дворец. Когда же хан вместе с семейством стал жить в этом дворце, то почти сразу заболела и умерла его жена, потом заболели и умерли его дети, и наконец умер он сам - после долгой и тяжелой болезни. Из многочисленного семейства хана не осталось в живых ни одного человека, и даже лошади в ханских конюшнях погибли одна за другой. Многие мусульмане пробовали жить в том дворце, но и они умирали от болезней; кончилось тем, что дворец стоял пустой и заброшенный, и мусульмане боялись по вечерам ходить мимо него.

"Положение о евреях" 1804 года позволило евреям черты оседлости селиться в Кавказской губернии, и после этого в Тифлисе появились первые еврей-ашкеназы - сапожники, портные и шапочники. При Александре II на Кавказе стали селиться те категории евреев, которые получили право жительства во внутренних губерниях России, и постепенно там образовалась община евреев-ашкеназов. По переписи 1897 года на Кавказе насчитывалось около шестидесяти тысяч евреев, и из них - шесть тысяч грузинских евреев и семь тысяч горских евреев. Еще со второй половины девятнадцатого века они начали переселяться на Святую Землю: "гурджи" - грузинские евреи - основали в Иерусалиме свой квартал, а горские евреи расселились по всей стране. К 1970 году было на Кавказе более сорока тысяч грузинских евреев и около пятидесяти тысяч горских, - и многие из них переехали в государство Израиль.

В девятнадцатом - начале двадцатого века переселилась на Кавказ из Иранского Азербайджана и Курдистана еще одна группа - курдские евреи, или лахлухи, которые говорили на новоарамейских диалектах. Исследователь писал о них: "Царящая в Курдистане бедность и постоянные преследования со стороны курдов заставляют многих искать заработков в соседнем Кавказе, где они вынуждены жить нелегально. Некоторые из них устроились недурно, но большинство влачит жалкое существование, которое они, однако, предпочитают пребыванию на родине... Только трогательная вера в близкое избавление (в Мессию) скрашивает немного их печальное житье... Все уповают на близкую "геулу" (избавление), которая освободит их от незаслуженных унижений и обид". В середине 1930-ых годов многие лахлухи уехали из Советского Союза, когда от граждан с иностранными паспортами потребовали принять советское гражданство либо покинуть страну. В 1951 году лахлухов Тбилиси в числе прочих "бывших иранских подданных" выслали в Сибирь и в Казахстан. Впоследствии некоторые из них вернулись в Грузию, и теперь они живут, в основном, в Тбилиси и в Алма-Ате - около полутора тысяч человек.

ЕВРЕИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В 1802 году евреи белорусского города Шклова получили письмо на иврите от неизвестного им адресата. В письме было сказано: "Мир и благословение всей еврейской общине; шлю вам привет. Я слышал от бухарских купцов, что в городах России живет много евреев; здесь, в Кизил-Гаре, мы не знаем, от каких евреев вы приходите. Для наших торговых дел нам надо бывать в России, но сюда дошли слухи, что там очень притесняют и преследуют наших единоверцев. Если вы полагаете, что мы не будем терпеть притеснений и убытков, то известите

нас... Мир вам, всем детям вашим и вашим близким. Призывающий на Израиль благословение - Биньямин Сет".

Шкловские евреи ответили тоже на иврите - "нашим единоверцам, преданным и верным служителям Всевышнего": "Как были мы удивлены, получив из дальней земли привет от наших братьев-евреев, которые не известили нас о месте своего жительства, о стране своего пребывания, так что мы не знаем, кому ответить... Правда, в письме упомянут город Кизил-Гар, но нам неизвестно, в какой стране он находится. После долгих поисков на карте земного шара... мы отыскали вашу страну и окружающие ее земли: это Бухара - Большая и Малая, граничащая с востока с Китаем, с юга - со страной Великого Могола, с запада - с Каспийским морем, а с севера - с Сунгари и Киргиз-Казацкими степями... Приезжайте к нам, благословенные Богом, и мы сподобимся увидеть вас; и да спасет вас Всевышний от всяких страхов и ужасов, и вместе возблагодарим мы Его."

Шкловские евреи совершенно верно определили, что письмо пришло из Средней Азии. Написал его один из среднеазиатских евреев, которых чаще называют бухарскими евреями, потому что до завоевания Россией Средней Азии большая их часть жила на территории Бухарского эмирата. Бухарские евреи - это особая еврейская группа со своими отличительными признаками. Они переняли обычаи, быт и костюмы у коренных народов Средней Азии, говорят на еврейско-таджикском диалекте и называют себя "яхуди" и "исроэл".

Первое появление евреев в Средней Азии еще труднее определить с полной достоверностью, нежели их появление в Крыму или на Кавказе. Некоторые еврейские общины Средней Азии вели свое происхождение от десяти колен Израиля, которых ассирийцы угнали в плен еще в восьмом веке до новой эры. Можно предположить также, что евреи появились в Средней Азии в шестом веке до новой эры, когда Навуходоносор захватил Иудейское царство и увел оттуда многих пленников. Не исключено, что они попали в Среднюю Азию и позднее, после разрушения римлянами Иерусалима - в первом веке новой эры. Однако достоверное упоминание о них относится к четвертому веку, а позднее о них писали и арабские историки. Путешественник двенадцатого века Биньямин из Туделы упомянул о многочисленной еврейской общине Самарканда, которая славилась богатством своих купцов и мудростью своих ученых. Другие путешественники сообщали о еврейских общинах Хивы, Бухары и иных городов Средней Азии. У бухарских евреев существует предание, что прежде они жили в Персии, при Чингисхане их вытеснили в Самарканд, а в шестнадцатом веке им пришлось бежать в Бухару от очередных завоевателей. Там они присоединились к еврейской общине, которая существовала в Бухаре еще с тринадцатого века, и этот город стал центром среднеазиатских евреев.

До конца восемнадцатого века Средняя Азия была недоступна для европейцев, и лишь в середине девятнадцатого века путешественник из Европы обратил внимание на бухарских евреев. "В Бухаре десять тысяч евреев, - сообщал он. - Большинство - красильщики и торговцы шелком. Их синагога очень старое, но прекрасно сохранившееся здание". Примерно в то же время сообщал о них и русский исследователь Средней Азии: "Права евреев необычно стеснены. Так, например, они не смеют носить чалмы, а должны покрывать головы свои небольшими шапочками из темного сукна... Кроме того, каждый мусульманин в городе может почти безнаказанно бить еврея, а за городом почти столь же безнаказанно и убить его... Еврея, попавшегося в первый раз в каком-нибудь преступлении, не наказывают смертью, а заставляя выкупить жизнь переменою веры. Если он на это согласится, то его тотчас выводят из жидовского квартала, разводят с женой, если он женат, и весьма долго и строго наблюдают, точно ли он исполняет правила Корана, и за малейшие отступления от них наказывают смертью".

В разные времена и при разных правителях евреев принуждали принимать ислам, и были в Средней Азии целые кишлаки насильственно обращенных. В Бухаре даже возникла община тайных евреев под названием "чала", что в переводе с таджикского означает "ни то, ни се". Эти люди селились в городе в отдельном квартале, жили замкнуто, жен выбирали только среди своих, и хотя внешне они исповедовали ислам, но тайно соблюдали законы еврейской веры. В девятнадцатом веке община "чала" увеличилась за счет новой волны насильственно обращенных, а один из бухарских евреев по имени Худайдад предпочел умереть, но не отречься от своей веры. (В том же веке евреи из персидского города Мешхеда, насильственно обращенные в ислам, бежали в Среднюю Азию и вернулись там в иудаизм. В Бухаре они со

временем слились с бухарскими евреями, а в Туркмении образовали особую общину потомков мешхедских евреев - несколько сот человек - и называют себя "ирани".)

Еврейская жизнь в Средней Азии была стеснена многими ограничениями. "Дома, в которых они жили, - сообщал русский чиновник в своем отчете, - и лавки на базаре, в которых красили шелк, отмечались черным флажком, чтобы праведный мусульманин не призвал на такой дом по ошибке благословение Господне, а нищий не обратился бы с просьбой о милостыне". Евреям запрещали покупать дома у мусульман и строить новые синагоги; они не могли свидетельствовать в мусульманском суде; каждый мужчина в еврейской общине, начиная с тринадцати лет, платил особый налог, от которого освобождались только нищие и слабоумные; получив от еврея деньги в уплату этого налога, сборщик налогов обязан был дать ему две пощечины; от этих пощечин откупались еще одним налогом, сбор с которого шел на расходы по кухне эмира; и, наконец, каждый еврей обязан был подпоясывать свой халат особой "веревкой проклятия", чтобы всякий мог отличить его на улице от мусульманина. Евреи даже опасались в дождливую погоду выходить из дома, потому что капли с их одежды могли попасть на правоверного мусульманина и "осквернить" его, - а за это наказывали.

Бухарские евреи надеялись на улучшение своего бедственного положения, и русский дипломат отметил, что в Бухаре рабы, евреи и индусы "желают прихода русских...". С 1864 года русские войска стали постепенно продвигаться в глубь Азии, захватывая местные эмираты и ханства, овладели Чимкентом, Ташкентом, Самаркандом, и огромные территории Средней Азии стали частью Российской империи. На этих землях было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, включенное в состав империи, а уменьшенный в размерах Бухарский эмират и Хивинское ханство признали свою зависимость от России. Многие евреи переселились в Туркестанский край, где они получили равные права с остальным населением, а часть их осталась в Бухарском эмирате и подчинялась его ограничительным законам. Евреи страдали там от многих притеснений, носили особый знак на платье, и их даже принудили возместить три четверти от той огромной контрибуции, которую эмир выплатил России после своего поражения.

Английский путешественник писал во времена русского протектората: "Евреи в Бухаре народ замечательно красивый, с приятными чертами и кротким выражением лица. Замкнутые в восточном гетто и долго подвергаясь жестоким преследованиям, они до сих пор сохранили в обязательном костюме и во всей внешности печать угнетенного племени". Другой иностранный исследователь отметил: "В то время, как ростовщичество в Туркестане всецело в руках индусов, бухарские евреи занимаются исключительно торговлей и промышленностью..., аптекари и врачи также евреи. Бухарские евреи чистоплотны, скромны и вежливы... Как прокаженные, они обязаны жить в особых кварталах... Евреи пользуются полной религиозной свободой в русских областях Центральной Азии; политическое и социальное положение их такое же, как и всех прочих обывателей. Поэтому они видят в русских безусловно освободителей и при всяком случае усердно помогают им".

После прихода русских многие насильственно обращенные в ислам стали открыто соблюдать законы еврейской веры. Бухарские евреи были очень религиозны, и некоторые из них ездили в Иерусалим поклониться святым местам. Офицер русской армии, служивший в Средней Азии, писал о тамошних евреях: "Когда юноша подрастет, то родители стараются ему подыскать подходящую невесту. Женятся очень рано, почти детьми... Супруги живут, обыкновенно, согласно. Случаи развода весьма редки... Среднеазиатские евреи относятся с большой любовью и уважением к своим подругам; оберегая их от постороннего глаза, обращаются с ними мягко и заставляют своих женщин трудиться только перед торжественными событиями; в обыкновенное же время в обеспеченных семействах на еврейку возлагается главным образом забота о детях. Бесплодие - величайшее несчастье, а рождение сына - величайшее счастье. Женщина, ожидающая прибавления семейства, окружается особым попечением..."

С давних времен среднеазиатские евреи занимались садоводством, виноградарством и разведением шелковичных червей, а в городах работали ткачи, портные, сапожники, мастера по изготовлению серебряных и медных изделий, красильщики пряжи и тканей. Еще до захвата Средней Азии Россией еврейские купцы-"азиатцы" торговали в Оренбурге и на Нижегородской ярмарке шерстью, каракулем и другими товарами, брали у русских купцов в кредит мануфактуру и развозили ее по среднеазиатским городам. Русское правительство поощряло эту торговлю и в 1833 году, запретив российским евреям вступать в торговые сословия во

внутренних губерниях, особо отметило, что эти правила "не относятся к приезжающим в Россию азиатцам". "Евреи свободно разъезжали по Средней Азии из конца в конец, - сообщал русский исследователь, - в самых глухих уголках они имели своих клиентов, которые ждали их приезда, чтобы продать ковры и шерсть или приобрести у них русские и персидские товары, необходимые для кочевников. При помощи этих же евреев персы и даже приграничные уральские и оренбургские казаки узнавали о судьбе своих пленных и проданных в рабство родственников. Они же служили посредниками при выкупе".

Появление железной дороги в Самарканде, Ташкенте и Фергане оживило торговлю в том краю: еврейские купцы стали вывозить в Россию хлопок и вскоре сделались монополистами в этой отрасли.

Они ездили по торговым делам в Москву, Париж, Лондон, ездили и в Китай, а из Индии вывозили в Россию и в Европу индийский чай. Еврейские купцы лучше знали рынок и условия торговли в Средней Азии, нежели их пришлые русские конкуренты, и потому торговали с большим успехом. Местные власти часто становились на сторону русских купцов, и дело порой доходило до комических ситуаций. Однажды в Фергану привезли большую партию хлопка, и русской фирме надо было всего лишь на один день устранить конкурентов-евреев, чтобы без помех скупить всю партию. И тогда уездный начальник вызвал к себе представителя еврейской фирмы и велел ему немедленно выехать из города за получением права на жительство. Тот сразу же поехал в Ташкент и привез требуемые документы, - но конкуренты уже успели скупить весь хлопок.

В начале двадцатого века в Средней Азии было около пятнадцати тысяч бухарских евреев. В 1911 году русский чиновник докладывал из Ташкента: "Туземцы просят о выселении евреев куда-нибудь в горы на свободные земли... Когда происходили в России еврейские погромы, то они (туземцы) явились к начальнику Кокандского уезда с просьбой разрешить "вырезать евреев". Народ этот - дисциплинированный ханами, дисциплина сдерживает его от выступлений без ведома властей. Но если эта дисциплина ослабнет, то евреям придется плохо: ханы приучили народ к свирепости, они вырезывали сотнями и тысячами".

В конце девятнадцатого - начале двадцатого века около полутора тысяч бухарских евреев переселились в Иерусалим и образовали там особый "Бухарский квартал". У них были две синагоги и две школы; в Иерусалиме печатали книги на еврейско-таджикском языке и посылали их оттуда в Бухару. К началу 1970-х годов насчитывалось в Средней Азии около тридцати пяти тысяч бухарских евреев, и многие из них уже переехали в Израиль.

ЕВРЕИ СИБИРИ

Первые евреи попали в Сибирь из России, скорее всего, в семнадцатом веке. В 1632-34 годах Россия воевала с Польшей и угоняла в плен жителей городов и деревень - поляков, немцев, литовцев и евреев. В Москве пленных опасались оставлять, чтобы они не вывели каких-либо секретов, и потому их ссылали в Пермь и в Сибирь - "в службу" и "на пашню". После войны, по мирному договору с Польшей, "литовские и немецкие люди и жидаы" могли при желании остаться на "государевой службе" в России, но могли вернуться на родину, и царь Михаил Федорович обещал их "всех отпускать без зацепки". Известно, что некоторые из пленников остались в Сибири: одни из них перешли в православие и "поженились на русских девках и жонках", другие сохранили прежнюю свою веру, - возможно, среди оставшихся оказались и евреи.

В царствование Алексея Михайловича снова была война с Польшей, и много евреев - мужчин, женщин и детей угнали в Россию вместе с прочими пленниками. Некоторые из них оказались в Москве, и в 1659 году их обнаружили при облаве в Немецкой слободе. Они сохраняли свою веру и жили в столице без разрешения, потому что в Москве могли тогда поселяться только крещеные евреи. Под угрозой высылки несколько евреев приняли лютеранство и остались в

Немецкой слободе, но остальные пожелали сохранить свою веру, и их отправили в Сибирь, с женами и детьми - "на вечное житье". Кое-кто из сосланных снова пытался пробраться в столицу, но особым царским указом велено было их заново "сослать с Москвы в Сибирь". В начале восемнадцатого века правительство стало ссылать в Сибирь, на Нерчинский, Ачинский и другие рудники осужденных на смерть или приговоренных к вечной каторге - "для извлечения из руд металлов". Изредка туда попадали и евреи, а их потомки оставались затем в тех местах, занимались торговлей, ремеслами или земледелием и долго еще помнили о своих предках-каторжаных. После разделов Польши новые подданные Российской империи ездили торговать во внутренние губернии и, очевидно, в Сибирь, но в 1791 году им очертили границу их проживания и передвижения. Сибирь не попала в черту оседлости, и теперь уже евреи могли оказаться там только в качестве ссыльных, каторжан, незаконно проживавших или поселившихся по особому разрешению. В начале девятнадцатого века евреи жили уже в Томске, Омске, Каинске, Нижнеудинске и в других городах Сибири. В Тобольске у еврейской общины было погребальное братство с книгой записей, отдельное кладбище и своя молельня, перестроенная из купленного дома. В дневнике графа М.Сперанского есть пометка за 1820 год: "Каинск - маленький городок, ныне только в план приведенный. Множество жидов и цыган". Каинские евреи - около ста человек - молились в собственной молельне, погребали умерших на своем кладбище, и, благодаря еврейским купцам, Каинск стал главным перевалочным пунктом отправляемого за границу пушного товара.

Многие ссыльные евреи были холостые, но им не разрешали жениться на русских женщинах без принятия православия. Девушек-евреек в сибирских городах было очень мало, и особые сваты специально ездили в черту оседлости и привозили оттуда невест. За них уплачивали свату огромные деньги, иногда до двухсот рублей и более - в зависимости от наружности невесты. В отчаянии каинские евреи стали просить, чтобы и им - по примеру прочих сибиряков - разрешили покупать привозимых из-за границы калмычек и жениться на них по еврейскому закону. Сибирские власти дали лестный отзыв о трудолюбии и безукоризненном образе жизни местных евреев, которые не желают жениться "на девках другого закона" и потому "претерпевают всегдашние нужды в хозяйственном устройстве и истомление жизни от безнадежности иметь когда-либо жену". И тогда в Петербурге постановили: "Евреи могут покупать или выменивать приводимых из-за границы женщин калмыцкого рода нехристианской веры и, обращая их в еврейский закон, сочетаться с ними браком". Перешедшие в еврейство жены-калмычки соблюдали законы еврейской веры, ходили в синагогу и мало чем отличались от прочих евреек.

Изредка попадали в Сибирь и вольные, "полезные для края" евреи и оставались там навсегда со своим потомством. Чаще всего это были винокуры, "известные опытностью своею и отличным искусством в винокурении", потому что местные мастера не владели секретами производства и их надо было еще обучить. Известен случай, когда лично Николай I - "в уважение к крайней необходимости" - разрешил винокурам Давыдовым поселиться на Иркутских заводах, но повелел взять с них подписку, что они "никого не склонят в еврейскую веру". А некий купец Моисей Прейсман, который прожил в Сибири без разрешения почти сорок лет, в виде исключения - "как полезнейший человек для края" - получил право "остаться и впредь на жительство в Сибири". Правда для этого ему пришлось пожертвовать в Нижнеудинске большую сумму для местного собора, "храм, колокольню и крыльцо он покрыл листовым железом, а кровлю окрасил зеленою краскою на масле, каковое пожертвование стоило ему, Прейсману, десять тысяч рублей ассигнациями".

При Николае I в Сибирь стали посылать еврейских солдат и кантонистов. Со временем они обзаводились семьями, образовывали в городах еврейские общины и строили солдатские синагоги. В 1835 году власти выделили земли в Тобольской губернии и за Омском для расселения на пустующих окраинах России евреев-земледельцев. Намерения властей были поначалу самыми наилучшими: предполагали выстроить к прибытию поселенцев "избы из казенного леса", выделить по пятнадцати десятин "удобной земли на каждую душу мужского пола и снабдить каждое семейство за счет казны земледельческими орудиями, рабочим скотом и прочими необходимыми домашними вещами". Но вскоре в Петербурге спохватились и постановили: поселение евреев в Сибири "решительно и навсегда прекратить". Лишь небольшое количество переселенцев из черты оседлости успело поселиться на отведенных землях, где они образовали свои поселки и занимались хлебопашеством. Потомки этих

колонистов расселились затем по всей Сибири и с гордостью подчеркивали свое происхождение: "Мы не ссыльные, - говорили они, - не "ноздrevанные" какие-нибудь, мы вольные". В начале двадцатого века исследователь писал о них: "Еще в настоящее время можно встретить во многих селах Сибири старый тип еврея-земледелец - широкоплечего и высокого, коренастого, с загорелым лицом, одетого в русскую поддевку и говорящего чистым русским языком с сибирским акцентом. Многие из них и по сей день принимают близкое участие в делах схода, выбираются в сотники, сельские писари и старосты".

При Александре II некоторые категории евреев получили право селиться во внутренних губерниях России, в том числе и в Сибири. Они торговали там хлебом, ввозили скот из Монголии, снабжали необходимыми припасами районы приисков, занимались ремеслами, работали артелями по погрузке пароходов и железнодорожных вагонов, проникали в самые отдаленные места Сибири со своими товарами и во многом способствовали развитию малонаселенного края. Даже самый предвзятый исследователь признавал, что "для Сибири еврей пригоден и полезен", он "делается образцом и примером для неподвижного сибиряка-горожанина, которому есть чему у него поучиться", и он превращает каждый городок Сибири в торговый или промышленный центр.

Практически евреи не конкурировали тогда с местным населением, потому что всем хватало места и работы. Современник писал: "Коренное население, не знавшее ни дворянства, ни крепостничества, - народ смелый, здравомыслящий и честный. С евреем сибиряк живет в ладу; ни он, ни начальство не знают о существующих для евреев особенных законах... Но вот приехал вновь назначенный генерал-губернатор Восточной Сибири. В одном большом селе, где его встретили хлебом-солью, он заметил в толпе и еврейские лица, и спросил депутацию: "Что, жида, небось, здорово вас обирают?" Когда сельчане ответили ему: "Нет, ваше высокопревосходительство, они народ хороший", - он сказал: "Ну, стало быть, вы их не знаете". Дав такой бесплатный урок местным жителям, администратор необъятного края вскоре развернул широкую деятельность по утеснению евреев".

С 1898 года право повсеместного жительства для привилегированных групп евреев перестало распространяться на Сибирь. В указе было записано: "Еврейам проезд и водворение в Сибири воспрещается", и с этого момента они могли попасть туда лишь с разрешения местных властей. Многие рвались в Сибирь за куском хлеба, от скученности и голода черты оседлости, но их перехватывали по дороге, не разрешали оставаться даже на самое короткое время и немедленно высылали обратно. По всей Сибири установили особые кордоны на границах губерний, на пристанях и на железнодорожных станциях, где в паспортах приезжавших евреев ставили особый штамп - "въезд в сибирские города воспрещен". В еврейских общинах не хватало учителей, резников, раввинов, но получить разрешение на их проезд не было никакой возможности. Лишь евреи-каторжники и ссыльные имели привилегию - попасть в Сибирь и остаться там -навсегда. Доходило порой до абсурда: некий резник, проживший в Сибири двадцать с лишним лет, достал удостоверение о том, что он - сосланный в Сибирь конокрад, и после этого получил право на постоянное жительство. Выходило так, что честный и порядочный еврей из черты оседлости не мог попасть в Сибирь никоим образом, но еврей-преступник попадал туда на законном основании.

Чрезвычайно запутанное законодательство о евреях стало хорошей статьёй дохода для местных чиновников. Они пугали сибирских евреев угрозой высылки - особенно перед еврейскими праздниками, сажали их в каталажки до окончательного выяснения вопроса и, конечно же, получали за освобождение соответствующие подношения. Еврейский вопрос всплывал всякий раз, когда какому-либо чиновнику надо было поправить свои финансовые дела. Это принимало иногда такие размеры, что даже из Петербурга одергивали полицейские управления, которые "слишком энергично начали выселять евреев" и могли подорвать экономику края. Порой местные жители противились высылке евреев. В Забайкальской области рабочие приисков снова призвали и скрывали от властей высланных евреев-торговцев, потому что в их отсутствие торговцы-неевреи стали брать с рабочих тройные цены. В Иркутске местные офицеры и жандармы прятали от полиции некоего еврея, мастера "офицерских принадлежностей", который подлежал высылке. И очень часто купцы или волостные правления просили оставить у них выселяемых евреев, этих "полезных и нужных" граждан, - но эти их пожелания расходились с тогдашней официальной политикой.

По переписи 1897 года в Сибири и на Дальнем Востоке оказалось тридцать три тысячи евреев. Из них - По три тысячи в Иркутске и Томске, более тысячи в Омске, Красноярске и Чите, около трехсот во Владивостоке и Благовещенске, девятьсот тридцать евреев в Каинске - при общем населении города в шесть тысяч человек, сто двадцать семь евреев на Сахалине, и даже в якутском городе Верхоянске - шестеро. Разбросанные по огромной территории и оторванные от европейских единоверцев, они попали под местное влияние и образовали особый тип сибирских евреев. "Сибирские евреи, - писал очевидец, - плохо знали еврейскую грамоту, но были по своему набожны. Они усвоили себе местные нравы и обычаи. Многие пили водку и играли в карты, а еврейские девушки в деревнях пели русские песни в хороводах; они вечно жевали "серу" и шелкали кедровые орешки, что называлось "сибирская беседа"... Иркутские евреи обыкновенно рождались между собой, но бывали браки и с "рассейскими" соплеменниками. Молодые люди, ездившие в "Рассею", привозили оттуда красивых невест, не считаясь с их общественным положением. С партиями же для еврейских девушек дело обстояло хуже, и каждый заезжий приказчик-еврей мог сделаться желанным женихом богатейшей невесты". Исследователь жизни евреев Сибири писал: "Гостеприимство у сибирских евреев развито не менее, чем у сибиряков вообще... К вашим услугам будет и стол его, и квартира, он снабдит вас всеми необходимыми вам сведениями, члены его семьи будут ухаживать за вами, словом, вы встретите у него самый радушный прием... Приезжает в город какой-нибудь магид - проповедник, его окружают должным почетом, его "слово Божие" охотно слушают, его обильно награждают. Сибирский еврей охотно жертвует на богоугодные заведения (особенно - Иерусалимские, Яффские), а также на постройку молитвенных домов... Нередки случаи, когда перед постройкой синагоги разъезжает уполномоченный по всей Сибири и собирает крупные пожертвования. Большинство молитвенных домов в Сибири - каменные, просторные, и хотя они не блещут особой красотой, тем не менее ими гордятся еврейско-сибирские общины. Они любят также украшать свои кладбища и воздвигать красивые памятники своим покойникам... Смешанные браки и переход в христианство весьма редко наблюдаются среди сибирских евреев... Сибиряк-еврей обладает весьма ценной чертой - чувством человеческого достоинства и отсутствием высокомерия. Характер у него - мягкий и прямой. Он никогда не скрывает своей принадлежности к еврейской нации, никогда не будет унижаться перед чиновником и не допустит обиды со стороны последнего".

ИУДЕЙСТВУЮЩИЕ

Иудействующие появились в христианстве почти с самого начала его возникновения, и первые последователи Христа уже спорили о том, какие предписания еврейской религии следует сохранить, а от каких можно отказаться. На церковных соборах принимали решения по этому поводу и отлучали отступников, но в разные времена и в разных странах христиане отпадали порой в ересь и соблюдали некоторые требования еврейской религии. Это были "гипсистерии" в Малой Азии, "небожители" в Северной Африке, "пасхальники" и "обрезанные" во Франции и Италии, "жидовствующие" в Болгарии, "сомбатос" ("соблюдающие субботу") в Трансильвании, отступники из пуритан в Англии и Америке. В 1960 году в Мексике насчитали более ста тысяч иудействующих; есть они среди индейцев Перу, есть и в Чили, Уганде, Японии и Индии. В России "ересь жидовствующих" впервые появилась в пятнадцатом веке. В 1471 году в вольный город Новгород приехал из Киева некий еврей Схария и повлиял, очевидно, своими доводами на местных священников, которые и до него задумывались над основами своей веры и склонялись уже к ереси. Схария "прельстил в жидовство" священников Алексея и Дионисия, уехал из Новгорода, но "ересь жидовствующих" и без его помощи распространялась по городу. Затем она перекинулась на Москву, ее сторонниками стали влиятельные люди при дворе великого князя, и даже Иван III подпал под влияние еретиков и "склонял слух" к ереси. Жидовствующие отрицали основные догматы христианской веры: не признавали Иисуса

Христа сыном Божиим и Мессией, не верили в его воскресение и вознесение, отвергали святую Троицу и монашество, не почитали крест, иконы и святых с чудотворцами, признавали лишь единого Бога - "Творца неба и земли", чтили "субботу паче воскресения Христова" и праздновали еврейскую Пасху. Кончилось тем, что в декабре 1504 года в Москве всенародно сожгли в деревянных клетках главных еретиков, "злых врагов истинной веры" - для искоренения "ереси жидовствующих". Еретиков жгли и в Новгороде, многих сослали по монастырям, заточили в тюрьмы, предали церковному проклятию и тем самым утвердили "христианскую веру, поколебавшуюся и изнемогшую от еретических учений". С тех пор явных жидовствующих не стало в России: одних вывели, другие, возможно, затаились и внешне соблюдали обряды православной веры, и "ересь жидовствующих" не проявляла себя до восемнадцатого века.

В 1748 году в Ростове-на-Дону митрополит Дмитрий неожиданно обнаружил среди своей паствы секту "щельников", которые "по жидовски субботу постят", и предположил, что они возродили прежнюю "ересь жидовствующих". Невозможно теперь доказать прямую связь между двумя ересями или какое-либо влияние одной из них на другую, но очень уж много у них общего: субботники восемнадцатого века так же, как и их предшественники, признавали единого Бога и отрицали божественность Иисуса Христа, не ходили в церковь и не соблюдали постов, не почитали иконы и святые мощи, праздновали субботу вместо воскресенья, - но о Талмуде ничего не знали. Прошло еще немного времени, и уже при Екатерине II объявились четыреста субботников в нескольких деревнях Саратовской губернии, которые не скрывали своей веры. Вряд ли они отпали в ересь незадолго до того, как их обнаружили: это была хорошо организованная секта с установившимся религиозным ритуалом, - а такое не образуется за короткий срок.

В 1797 году донской казак Косяков во время службы на Кавказе перенял веру от одного из иудействующих, вернулся затем домой, склонил к ереси своего брата и проповедовал учение среди других казаков. Был суд. Братья, вроде бы, раскаялись и вернулись в православие, но через малое время Косяковы сообщили атаману Войска Донского, что они придерживаются православной веры "по одним только видам", а на самом деле следуют закону Моисея, "от которого отступать не намерены", и потому просят освободить их по субботам от всяких общественных работ. Дело дошло до Петербурга; Сенат распорядился сослать братьев под надзор в отдаленные края, а их детям запретили следовать за отцами.

Но ересь продолжала распространяться, и в разных местах России время от времени объявлялись сектанты, "удалившиеся от христианства". Это были, в основном, крестьяне внутренних губерний - Московской, Тульской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Архангельской, Пензенской, Ставропольской и Астраханской, то есть тех губерний вне черты оседлости, в которых евреев практически не было. В 1811 году в Кашире объявились сто пятьдесят сектантов, которые "содержали издревле" свою веру и скрывали ее до поры до времени, опасаясь преследования властей. Потом их обнаружили в Ельце и установили, что все мужчины-субботники оказались обрезанными и соблюдали "веру отцов своих, то есть иудейскую", от которой не соглашались отказываться. Затем выяснилось, что в Саратовской губернии некий крестьянин Милюхин давно уже "совратил" целые деревни, где "исповедали веру по Моисееву закону" и хоронили умерших на собственном кладбище. И, наконец, из Воронежа сообщили, что явных отступников в епархии около полутора тысяч, а "тайных едва ли не более", и "зараженные иудейством... внушают молодым людям, что вера их лучше, нежели христианская..., отчего многие тайно пристаю к их обычаям, уклоняясь от церкви". Сектантов называли тогда субботниками, жидовствующими, иудействующими или же просто - приверженцами "Моисеевой секты". Некоторые из них утверждали, что "их вера ведется издревле", возможно, даже от еврея Схарии или от его последователей, и в доказательство этого приводили убедительный довод: если бы они обратились недавно, то наверняка бы запомнили имена первых своих учителей. Иудействующие распространяли свое учение среди соседей, но и в тех местах, где не было сектантов, многие сами постепенно склонялись к ереси. Один из субботников записал со слов своих предков: "Первоначальный толчок к переходу многих православных семейств в еврейскую веру дало чтение Библии - Ветхого и Нового Заветов на церковно-славянском языке. Грамотные люди читали Библию и руководствовались ее заповедями, насколько это было возможно, без разъяснений еврейских законоучителей, ибо в то время евреев в их губерниях не было совершенно. Сначала отказывались от православия тайно,

у себя дома. Например, в годовой русский праздник, когда приходилось принимать у себя священника, субботники ставили на места иконы, а по уходе священника снимали и уносили их из помещения. Днем отдыха почитали субботу, женщины зажигали субботние свечи; в субботние дни молились по Библии и пели псалмы, мужчины и женщины вместе... Разного рода начальство, как гражданское, так и духовное, вызывало их на допросы, и на все вопросы предки наши отвечали выдержками из Библии. Говорили им: "А кто же вас этому научил, старички?" "Нас научила старая-престарая старуха", - ответил мой дед Кузьмич. "А где же эта старуха?" - удивленно спросили все разом. "У меня дома лежит". "Нужно привести сюда на допрос эту старуху", - строго приказал архиерей. "Эта старуха не пойдет без меня", - возразил дед. Тогда ступай с провожатыми и приведи сюда твою старуху", - распорядился архиерей. Мой дед вышел с провожатыми из зала суда, дошел до своего дома, взял с полки свою Библию, возвратился, положил перед судом книгу и сказал: "Вот эта самая старуха, которая нас научила и открыла глаза нам, и показала нам путь к Отцу. Старше этой старухи и мудрее ее нет..." К тому времени уже стало ясно, что иудействующие распространились почти по всей России, и по официальным подсчетам их числилось около двадцати тысяч человек. И тогда для борьбы с сектантами Александр I утвердил самые суровые меры: распространителей учения немедленно забирать в солдаты или ссылать в Сибирь, в самые отдаленные места, "дабы они никого не вовлекли в свое заблуждение"; не выдавать сектантам паспортов, чтобы они не могли ездить с места на место и распространять свое учение; категорически запретить им обрезание, молитвенные собрания, венчания, погребения и прочие обряды, "не имеющие сходства с христианскими"; и последнее указание - непременно "именовать субботников жидовского сектою и оглашать, что они подлинно суть жида", так как наименование субботники не производит в народе необходимого "к ним отвращения".

Тотчас же начались гонения: многих отдавали в солдаты или целыми селениями ссылали в Сибирь вместе с детьми старше восемнадцати лет, а их малолетних детей отбирали для воспитания в православии. Деревни сектантов стояли разоренными и опустелыми, многие из субботников только внешне, под угрозой наказания, принимали православие, а на самом деле тайно исполняли прежние свои обряды. Одну группу сектантов сослали в Енисейскую губернию и в глухом краю, подальше от начальства, они основали деревню и назвали ее - Обетованная. Но енисейский губернатор название не утвердил и повелел переименовать Обетованное в Иудино - в память Иуды-предателя, от которого, как считал губернатор, и происходили иудействующие. Трудолюбивые и непьющие поселенцы обрабатывали землю на общинных началах и вскоре стали сбывать на прииски хлеб, овощи и мясо. После присоединения к России Амурского края сектантов стали расселять и на Амуре. Там, возле Благовещенска, они основали свою деревню, занимались хлебопашеством и скотоводством, выстроили себе синагогу и молились в ней по-еврейски - на "лошон койдеш", то есть на "святом языке".

Кроме Сибири иудействующих ссылали и в Грузию, на вечное поселение, но оттуда они распространились по всему Закавказью и склонили многих в свою веру. Один из священников так описывал субботнюю службу в синагоге иудействующих на Кавказе: "При входе в дом меня поразило прежде всего то, что все мужчины стоят в шапках; в переднем углу висело несколько полотенец, на столе лежала Библия и горел огарок стеариновой свечи, - вот и вся обстановка места, назначенного для богослужения. Мужчины стояли впереди, за ними женщины, а в задней части избы, на печке и на лавках сидели малолетние дети... Помощник раввина начал петь, а за ним и все мужчины, и таким образом пропели весь псалом. Напев был подобен напеву общеупотребительных народных песен, и самые приемы запевалы и певчих также похожи на способы песенников. По окончании псалма все подняли руки вверх и пропели тем же напевом: "Свят, свят, свят Господь Саваоф, наполнена вся земля славой Его!" Затем все поклонились раввину в пояс, чем и окончилось их моление... Я спросил: "Зачем же вы молитесь Богу в шапках?" - Так велено, - сказали они, - в законе Моисеевом".

Иудействующие жили очень разрозненно, одна община в отдалении от другой; они поддавались разному влиянию, особенно влиянию секты "молокан", и потому со временем образовалось много ответвлений "субботничества", в разной степени тяготеющих к иудейству. Но все они отвергали церковные обряды, праздновали субботу и еврейскую Пасху и соблюдали еврейские законы о пище. В "Толковом словаре" В. Даля о них сказано однозначно, без разделения на

оттенки: "Субботник - толк раскольничий, вернее, ересь жидовская, ветхозаветники, жидовины, иудействующие, не признающие воскресения Христова".

В Сибири большая община иудействующих образовалась в селе Зима Иркутской губернии. Они не отличались наружностью или одеждой от прочих односельчан, но жили отдельно на двух улицах. В паспортах у них было записано в графе "вероисповедание": "иудейское - субботнической секты", и имена своим детям они давали из Библии - Авраам, Ицхак, Яаков, Аарон, Моисей, Самуил, Лазарь, Захария, Рувим, Ревекка, Дина, Тamar. Поначалу иудействующие читали вместо молитвы Библию на русском или на церковно-славянском языке и пели псалмы, но со временем некоторые из них стали молиться совместно с евреями, хотя власти это запрещали. Один еврей, поселившийся в селе Зима, вспоминал потом: "Живу день, живу другой у них, работаю вместе с ними - ничего особенного не замечаю... Но вот возвращаюсь в пятницу к вечеру, захожу в избу, смотрю - и глазам своим не верю... Бог ты мой! Свечи субботние горят; стол белой скатертью накрыт, два хлеба под салфеткой. Хозяева-братья стоят с книжками в руках около свечей и молятся; все семейство торжественно настроено... В это время один из братьев, окончив молитву, положил молитвенник на стол и приветствовал семейство: "Гут шабес!"

Первое поколение ссыльных в Сибирь шло на многие жертвы ради своей веры, вплоть до разлуки с малолетними детьми. "Это были герои воли и духа, - писал о них один из субботников. - Праздничное и свободное время они проводили за чтением священных книг; жили очень скромно, помогая друг другу. Только и было разговору между ними, что о Библии, с диспутами, и время проводили чинно и трезво. В питейное заведение ходить считалось большим срамом, и сквернословия не было. Если субботник, бывало, услышит от кого-либо крепкое слово, то отойдет и не будет говорить с ним, и своим близким накажет сторониться такого человека... Женщины в пятницу топили печь, варили и заготавливали для субботы до захода солнца, причем часть кушанья, предназначенного на завтра, оставляли в печи. Женщины соблюдали строгую ритуальную чистоту и периодическое омовение, и в зимнюю пору ходили обмываться в прорубь... В субботу утром, помолившись Богу и отобедав с песнопением, старики проводили субботний день за священными книгами или отдыхали, изредка ходили к знакомым побеседовать, а если угощали чаем, то непременно из "чугуна", поставленного в печь с пятницы; о самоваре же в субботу и помину не было. Мясное редко кушали, но строго соблюдали "кошер", пользуясь услугами еврейского резника. Каждое утро, вставая, молились с тфилин. Вообще, наши предки жили богобоязненно и мирно между собой".

К каждому празднику сибирские субботники готовились заранее и проводили его по установившейся традиции. "Пасху соблюдают очень строго, - писал один из них. - Приготовлением опресноков занимаются исключительно свои девицы или замужние женщины, и ни в коем случае не православные... Перед Пасхой все квашеное тщательно убирается, моется, посуда употребляется новая или хранящаяся с прежних лет, исключительно пасхальная. Многие готовят к "сейдеру" вино из изюма или меда. И всю Пасху отдыхают... Во второй день "Щвуос", после двух часов пополудни, выходят на поле с водкой, с самоваром и со всеми принадлежностями для гулянки; там проводят время в играх, с музыкой, до вечера. В пост "Тишо беов" строго постятся, ходят на кладбище, не работают. Называют его: "Пост сидения на полу". "Рош га-шана" проводят в молитве, большинство в молитвенном доме и в частных молитвенных собраниях; называют его - "праздник трубки", то есть трубления в рог. В "Йом Кипур" строго постятся и проводят весь день в молитве. В праздник "Суко" некоторые строят "суко", и если позволяет сибирская погода, то выходят в "суко" делать "кидуш" и обедать. В "Хануко" возжигают свечи по обряду и обычаю евреев. В "Пурим" особенно сильно гуляют, с катанием на лошадях, и этот день почти ничем не отличается от обыкновенной русской масленицы".

При Александре II преследования иудействующих несколько ослабли, и многие из них перестали скрывать свою веру. Изредка их еще судили за отпадение от православия и совращение христиан в субботничество, но затем иудействующим разрешили строить молитвенные дома и совершать свои обряды, а манифест 1905 года гарантировал свободу совести всем гражданам Российской империи. Особым циркуляром правительство разъяснило, что сектанты, соблюдающие субботу, не являются евреями, и на них не распространяются ограничительные законы для евреев.

Но прошло время, и многое у сибирских субботников изменилось. Один из них вспоминал с горечью в начале двадцатого века: "Все, что было хорошего, нравственно-возвышенного и идеального у наших предков, все утоплено современниками в этом истинно великом зле - водке. При всяком религиозном обряде, при всякой купле, продаже, обмене - водка и везде водка. Пьют, пьют и пьют... Увы, умерли наши великие духом предки, умер с ними и дух их... Вряд ли пройдет еще три-четыре поколения, и они, никем, ничем не поддерживаемые в духе религии, рассеются, как овцы без пастуха, и смешаются с окружающей средой... Все сметется внезапным ураганом, ибо противостоять им нечем; у них нет того источника силы, который слезами и непрерывными страданиями долгих веков приобретен евреями. Неожиданный ветер сразу сметет эту распыленную массу, и может останется после такой сортировки одна сотая часть сознательных, как остается самое крупное и чистое, доброкачественное зерно, не уносимое ветром подобно мякине..."

Из еврейских газет России:

"1894 год. Русские субботники называют себя народом Божьим, иудеями, евреями, Израилем, пришельцами к Израилю, пришельцами к Закону Божьему. Они считают себя пленниками в русском государстве, вздыхают и плачут по Палестине и ждут - не дождутся того времени, когда переселятся на Святую Землю. А это наступит по их мнению тогда, когда Израиль соберется под владычеством Мессии и образует "Иерусалимское царство". И вот в последнее время среди субботников разнесся слух, что воцеленное время близко, и что появились уже посланники Мессии. Десять семей сектантов Астраханской губернии распродали свои хозяйства и выехали из деревень искать счастья в "Иерусалимском царстве", а двадцать семей готовились последовать их примеру. Переселение не состоялось, так как они были возвращены начальством с дороги и водворены в места своего жительства".

"1910 год. В Екатеринодаре можно увидеть в синагоге казаков, увлеченных молитвой. Они говорят по-русски, считаются коренными казаками, имеют земельные наделы и отбывают воинскую повинность. Они населяют две крупные станицы в Кубанской области, ведут себя строго религиозно и стараются поддерживать связь с еврейством. В одной из станиц имелся раньше сионистский кружок".

"1919 год. В селе Зима существует сионистская организация, возникшая по инициативе сельчан. Зиминская община участвовала в выборах на Всероссийский еврейский съезд и посылала своих представителей на Третий Всесибирский сионистский съезд в городе Томске".

* * *

В начале девятнадцатого века среди иудействующих выделились в небольшом количестве "геры" (в простонародья - "шапочники"), которые ближе всех приблизились к иудаизму. Они жили в Астраханской, Саратовской, Тамбовской и Воронежской губерниях, в Сибири, на Кавказе и в Донской области. "Геры" знали Тору, изучали Талмуд, молились на еврейском языке три раза в день, соблюдали субботу, еврейские посты и праздники, строго исполняли предписания еврейской религии и посылали своих детей в иешивы. Они не вступали в брак с иноверцами, даже с субботниками, но поощряли браки с евреями и собирали деньги в пользу пострадавших от погромов 1881-82 годов. К концу девятнадцатого века "геры" полностью восприняли иудаизм, и один из приволжских "геров" говорил писателю С.Ан-скому: "Вот мечтаю есть в Палестинку поехать (слово "Палестинка" он произнес с особой нежностью), землю купить, осесть там. Да неизвестно, сподобит ли Господь. Час, говорят, не пришел. Не пускают еще в Палестинку-то..." Однако с конца девятнадцатого века "геры" поодиночке уезжали на Святую Землю, поселялись в еврейских сельскохозяйственных поселениях Нижней Галилеи и со временем растворились среди евреев. До сих пор потомки тех "геров" в Израиле - Дубровины, Куракины, Матвеевы и другие - сохраняют память о своих предках и гордятся их заслугами.

В семидесятых годах двадцатого века еще одна группа "геров" переселилась в Израиль. Элиэзер Кажокин, бывший колхозник деревни Ильинка Воронежской области, рассказал: "Своего раввина у нас не было. Был до войны шойхет - резник, но его в тридцать седьмом году посадили. Мясное с молочным мы не мешали, была посуда отдельная для мясного и молочного. В субботу не ходили работать, - только уж когда очень заставляли, а так нет. Обрезание делали детям, возили их в Дагестан или в Одессу. Даже те, кто записался в коммунисты, делали детям

обрезание. Его вызывают на партсобрание и спрашивают: ты почему сделал? А он говорит: "Я прихожу домой, а жены нет с ребенком. Она заявляется через три дня, и все уже сделано. Хотите - разведите меня с ней"... Моя дочка поехала получать паспорт, возвращается и говорит: "А меня записали в паспорте русской". Я сейчас же на велосипед - и в Таловую, за двадцать пять километров. Приезжаю в милицию, в паспортный отдел: "Как это вы мою дочь записали русской?!" А начальник милиции мне отвечает: "А какие вы еврей? Тут все русские. Чем ты докажешь, что ты еврей?" Я показываю ему свидетельство о рождении и военный билет и говорю: "Мой дед был еврей, отец еврей, и я еврей". А он мне говорит: "Ты мне это не показывай. Это все ерунда". Я пошел тогда к прокурору, рассказал, показал документы, - он позвонил в милицию, и за пять минут выписали новый паспорт для дочери, и в нем написали - еврейка". Еще рассказал Элизер Кажокин, житель Иерусалима: "Нас все время тянуло на родину. Я помню, как в двадцатых годах сионисты уговаривали ехать в Палестину, но тогда не поехали - нельзя было. А в семидесятых годах, когда стало можно, я получил вызов и поехал в Воронеж, в ОВИР. Зашел - там сидят женщина и мужчина: "По какому делу пришли?" Я им говорю: "Вот, хочу уехать в Израиль". "Почему?" - спрашивают они. "Я старик, - говорю. - У меня тут дети, внучата, и они ничего не знают еврейского, ни одной буквы не понимают. Я помру, - кто по мне будет кадиш говорить?" Они глядят на меня - не понимают, а я им прямо: "Кто по мне кадиш - поминальную молитву - говорить будет? Хочу, чтобы они по мне кадиш читали". Тогда они говорят: "Значит, ты решил ехать?" Я говорю: "Я решил ехать". "Там тебе квартиру не дадут", - говорит женщина. "Дадут", - говорю я. "А где ты поселишься?" "Только в Ерушалаиме", - говорю. А она мне: "Ну уж если где квартиру и дадут, а в Ерушалаиме ни за что не дадут". А я свое: "Нет, дадут в Ерушалаиме - и все тут". Тогда мужчина и говорит: "Ну, дай ему анкеты..."

This file was created
with BookDesigner program
bookdesigner@the-ebook.org
25.05.2010